

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

9

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Аносов С.С. Гражданственность и патриотизм современной молодежи 6

Гурба В.Н., Громакова В.Г. Трансформации основных ценностно-образующих социальных институтов в России в период СВО: СМИ и образование 11

Кравченко А.И. Как мы работаем, если работаем 19

Маслодудова Н.В. Региональная идентичность и ментальность сибирской молодежи 28

Плешачков Е.В. Социально-философский анализ феномена репрезентации научных достижений в СМИ: на примере деятельности Санкт-Петербургского политехнического университета 33

Шипунова О.Д., Тараканова Т.С., Сафонова А.С., Евсеев В.В. Инструменты формирования стереотипов массового потребления музыкальной продукции в цифровом обществе 39

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Китаев Н.Н., Китаева В.Н., Ардашев Р.Г. История эстрадного (зрелищного) гипноза в России 46

Стоянов А.С. Киберсоциальность: ожидания личного и социального в диалектике реальностей 54

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Гуринович Л.А. Формирование образовательных стратегий обучающихся как маркер проявления социальной активности в пространстве вуза 63

Кокорева М.Е. Механизмы функционирования и мероприятия, проводимые институтами гражданского общества по охране здоровья населения 69

Назарова А.А. Формирование механизма межведомственного взаимодействия при реализации комплекса мер социальной поддержки и сопровождения детей участников СВО 75

Николаева А.О. Факторы трансформации социального института отцовства 81

Чистов Р.С., Савочкин Д.В. Проблема субъектности и развитие человеческого и социального капитала в цифровом обществе 87

Тенчова Е.В. Адаптация модели базовых ценностей Н.И. Лапина при социологическом исследовании российской молодежи 94

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Белозеров А.В., Спасский Е.Н. Влияние корпоративной культуры на экономические результаты компании: на примере деятельности рекламных агентств 99

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус
Тел.: (495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добренков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организации и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силасте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Грабельных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренкова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории
Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Луиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзущев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Ковалевская М.И. Социальная адаптация молодых специалистов в школе: проблемы и перспективы..... 104

Кокорев М.С. Социологическое исследование ожиданий молодёжи от условий труда: аспекты влияния на социально-профессиональные ориентации 110

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Евсеев В.В., Поздеева Е.Г., Танова А.Г., Евсеева Л.И. Потенциал геймификации в решении образовательных задач 113

Сафонова Ю.А., Субочева О.Н. Трансформация образа инженера в российской культуре как отражение запроса социума 120

ЭТИКА, ЭСТЕТИКА

Кормин Н.А. Взаимосвязь философской мысли и художественного творчества как культурного феномена в труде «Критика чистого разума» И. Канта..... 127

Кормин Н.А. Соотношение фундаментальных понятий философии и эстетики в работах И. Канта 132

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Мичурин А.В. К вопросу о формировании толерантности в современном обществе 136

Сироткин А.В. Информационное общество и цифровая трансформация в социально-философском дискурсе 141

Тимургалиева Л.А. Социально-философский анализ эволюции экологического сознания: аспекты устойчивости системы человек-общество-природа..... 148

Родионова В.И., Швачкина Л.А., Зорина Е.В. Философские основы феномена самореализации личности в профессиональной деятельности 154

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда..... 159

Резников М.Ю. Нейросоциология. Теория когнитивного поля 164

Суворов В.В., Киселев А.Р. Влияние мировоззренческих аспектов ближайшего окружения пациентов с когнитивными нарушениями на их реабилитацию 168

Ян Цзинцзин. Исследование влияния семейного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае и России 175

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Anosov S.S. Civic consciousness and patriotism of modern youth 6

Gurba V.N., Gromakova V.G. Transformations of the main value-forming social institutions in Russia during a special military operation: Media and education 11

Kravchenko A.I. How we work if we work..... 19

Maslodudova N.V. Regional identity and mentality of Siberian youth..... 28

Pleshachkov E.V. Social and philosophical analysis of the phenomenon of representation of scientific achievements in the media: on the example of the activities of the St. Petersburg Polytechnic University 33

Shipunova O.D., Tarakanova T.S., Safonova A.S., Evseev V.V. Formation of mass consumption stereotypes in the music industry..... 39

EMPIRICAL STUDIES

Kitaev N.N., Kitaeva V.N., Ardashev R.G. History of variety (spectacular) hypnosis in Russia 46

Stoyanov A.S. Cybersociality: expectations of personal and social in the dialectic of realities 54

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Gurinovich L.A. Social education as technology of interaction with adolescents to reduce negative behaviors.... 63

Kokoreva M.E. Mechanisms of functioning and effectiveness of various activities of public organizations for the protection of public health 69

Nazarova A.A. Formation of a mechanism for interdepartmental interaction in the implementation of a set of measures for social support and support for children of SVO participants 75

Nikalayeva A.O. Factors of transformation of the social institution of fatherhood 81

Chistov R.S., Savochkin D.V. The problem of subjectivity and the development of human and social capital in the digital society 87

Tenchova E.V. Adaptation of N.I. Lapin’s model of basic values in the sociological study of Russian youth..... 94

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Belozеров A.V., Spassky E.N. The Impact of Corporate Culture on the Economic Results of a Company: Using Advertising Agencies as an Example 99

Kovalevskaya M.I. Social adaptation of young specialists at school: problems and prospects 104

Founded in March 2004. Published 12 times a year
 Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
 The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.
 Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226
 Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building
 Tel.: (495)9392405;
 email: socjournal.msu@gmail.com
 http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilevich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro; **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Social Sciences Abroad”; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
 Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 09/30/2024 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 “On the protection of children from information harmful to their health and development.”

Kokorev M.S. Sociological research of youth expectations from working conditions: aspects of influence on social and professional orientations 110

SOIOLOGY OF CULTURE

Evseev V.V., Pozdeeva E.G., Tanova A.G., Evseeva L.I. Potential of gamification in solving educational problems... 113

Safonova Yu.A., Subocheva O.N., Transformation of the image of an engineer in Russian culture as a reflection of the demand of society 120

ETHICS, AESTHETICS

Kormin N.A. The relationship between philosophical thought and artistic creativity as a cultural phenomenon in the work "Critique of pure reason" by I. Kant..... 127

Kormin N.A. The relationship between the fundamental concepts of philosophy and aesthetics in the works of I. Kant 132

SOCIAL PHILOSOPHY

Michurin A.V. On the issue of forming tolerance in the modern society 136

Sirotkin A.V. Information society and digital transformation in socio-philosophical discourse 141

Timurgalieva L.A. Socio-philosophical analysis of the evolution of ecological consciousness: aspects of the sustainability of the human-society-nature system 148

Rodionova V.I., Shvachkina L.A., Zorina E.V. Philosophical foundations of the phenomenon of personal self-realization in the professional activity 154

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Baev P.A. Virtualization and digitalization of professions and labor 159

Reznikov M.Yu. Neurosociology. Theory of the cognitive field 164

Suvorov V.V., Kiselev A.R. The influence of worldview aspects of the immediate environment of patients with cognitive impairment on their rehabilitation 168

Yan Jingjing. A Study on the Impact of Family Upbringing on the Mental Health of University Students in China and Russia 175

Гражданственность и патриотизм современной молодежи

Аносов Сергей Сергеевич,

к.ф.н., доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
E-mail: ssanosov@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования гражданской ответственности и патриотизма современной молодежи. Выделяются правовые, политические, нравственные компоненты поведения человека, влияющие на его мысли и чувства, а также на реальные стратегии поведения. На основе проведенного исследования делаются выводы о проблемных сферах и перспективных направлениях развития гражданской ответственности и патриотизма среди молодежи в рамках идеологии и труда на общее благо страны и всех её граждан.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, молодежь, просоциальная активность.

Распространение в обществе западных ценностей, индивидуализма и рационализма, направленных на противостояние с традиционными ценностями российского общества, построенными на идеях коллективизма и солидарности привели к замене общества знания на общество потребления. Через идеалы массовой культуры были внедрены новые символы и образы успешности, что поменяло ценностную палитру социального развития институтов, сообществ и отдельных индивидов.

Сегодня можно констатировать утрату духовно-нравственного развития, нивелирования ценностей патриотизма и гражданской ответственности. Это результаты длительного воздействия антипатриотических идей, которые привели к консолидации Российского общества. Идеи гражданского общества, основанные на признании прав и свобод себя и других противостоят идеям личной выгоды и персональных интересов, а не альтруизма и эмпатии.

Стоит признать, что вопросы просоциальной активности, социальной идентичности и солидарности становятся актуальными не только на уровне теоретического осмысления, но и практической деятельности в виде просоциальных акций (С.С. Аносов [1–6], Р.В. Иванов [16–22], О.А. Полюшкевич [23–28]). Социальные изменения условий функционирования общества, касаются новых смыслов и ценностей социальной среды (Р.Г. Ардашев [7–9], П.А. Баев [10–14], И.А. Журавлева [15], В.А. Скуденков [29–33]). Но вопрос воспроизводства духовных ориентиров и ценностей все еще является актуальным и не проработанным ни на теоретическом, ни на практическом уровне. Патриотизм – это не просто про любовь к Родине, но это и готовность служить ей, готовность каждый день что-то делать для ее блага. А это, – на данный момент, остается уделом немногих.

Гражданственность предполагает соблюдать не просто свои права, обязанности и интересы, но и учитывать права, обязанности и интересы других людей. Достаточно значимым выступает морально-этический аспект гражданской ответственности, который раскрывает ее смысл как явления и как процесса социального взаимодействия и воспроизводства общества. На практике это выглядит так, что человек руководствуется высшим благом для общества, Родины, народа. Нормы гражданской ответственности выступают мерой самореализации человека как гражданина не только в формальном юридическом аспекте, но и в нравственно-этическом смысле и социокультурном контексте.

Гражданственность многосоставной феномен, который состоит из правовых, политических, нравственных компонентов поведения человека, влияющий на его мысли и чувства и выбор реального поведения в конкретных повседневных ситуациях, требующих гражданского выбора и осознанности. Быть патриотом – это быть включённым в процессы прошлого, настоящего и будущего нашей страны. Это значит нести ответственность за настоящее и будущее страны и всех ее жителей. Это значит защищать ее словом и делом. Патриотизм позволяет сплотить многокультурный социум. Социальная солидарность выступает как форма сплочения общества в рамках общих норм и ценностей, идеологии и национальных интересов, формируемых государством.

Особенности исследования

В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, обучающиеся в вузах города Иркутска (n = 980), 55% девушек и 45% юношей. Опрашивались студенты разных специальностей и курсов обучения. Метод опроса – снежный ком. Погрешность выборки 3,1.

Полученные данные обрабатывались при помощи пакета SPSS.

Анализ результатов исследования

Молодые люди, отвечая на вопрос, что означает «быть гражданином России» указывают на правовые аспекты (44%) – *знать свои права и обязанности; соблюдать законы*; социально-политические аспекты (32%) – *быть активным гражданином страны, участвовать в общественной и политической жизни*; когнитивно-эмоциональные аспекты – 16% – *знать историю страны, любить малую Родину*; формальные аспекты – 8% – *иметь паспорт гражданина РФ или проживать на территории России*. Гражданские обязанности включают в себя соблюдение законов (50%), уплату налогов (25%), участие в выборах (15%), воинские обязанности (10%).

В нашем исследовании гражданственность и патриотизм мы рассматривали как системные категории, состоящие из различных смыслов.

Правовые смыслы современности. Для молодых людей соблюдение законов не выступает 100% условием жизни. Треть опрошенных (31%) полагает, что существуют такие ситуации, когда закон не может защитить и решить проблему и тогда надо подключать альтернативные способы решения (не всегда законные). Более половины (54%) полагает, что законы защищают всех граждан, и чтобы они были эффективны – их стоит соблюдать. Остальные не могут дать точного ответа.

Уровень правовой культуры на среднем уровне у 56% молодых людей, то есть они знают, что есть определённые правила и нормы, закреплённые законодательно, но не могут точно сказать, как

и когда они могут ими воспользоваться, имеется общее понимание о своих правах и обязанностях. Нет знаний о правовых нормах у четверти молодых людей (25%) и 19% обладают высоким уровнем правовой культуры и правового сознания (они как правило либо являются студентами юристами, либо студентами специальности государственное и муниципальное управление, то есть – обладают специальной подготовкой в области правовых норм, правовой культуры и правового сознания).

Политические условия гражданского самосознания. Молодые люди, смогли сказать какие есть гражданские права у них смогли только 22% опрошенной молодежи, 38% указали на общие права и далеко не все. И 40% затруднились с ответом.

Среди опрошенных, вовлечёнными в общественно-политическую активность (участвуют в выборах как граждане, вовлечены в работу молодежных избирательных комиссий в качестве наблюдателей или работников, выступают волонтерами при организации социально-политических акций, являются членами молодежных отделений политических партий) выступают только 28% молодых людей (и в 70% это юноши и только 30% девушки). Остальные молодые люди достаточно пассивны данной сфере деятельности.

Нравственные условия гражданского самосознания. Гражданское самосознание – как ответственность каждого человека за страну, ее настоящее и будущее развито на высоком уровне только у 18% опрошенных (они понимают важность своей инициативы, ответственность за то, что они делают или не делают, как могут внести личный вклад в развитие страны и эти представления подкреплены реальными действиями (участием в акциях, проектах и других социальных практиках и т.д.). Личный и социальный долг, также как личная ответственность за себя и что важно – за других для этой категории молодежи вполне осознаваем и значим. Патриотизм для этой группы молодежи вполне понятен и воплощены реальные поступки и действия их самих и тех, кто их окружает, тех, на кого они ровняются (*служить своей Родине в армии; участвовать в волонтерских отрядах помощи территориям попавшим под обстрелы; быть волонтером при восстановлении территорий от экологических и техногенных катастроф (наводнения, пожары, землетрясения) или помогать отдельным категориям граждан во время пандемии* и т.д.).

У 54% гражданское самосознание развито на среднем уровне, т.е. они имеют представления и могут рассуждать, на тему что лучше для страны и народа, но сами лично не участвуют в каких-либо мероприятиях, объясняя это занятостью, ложностью и т.д. Личный и социальный долг может стать важным для этой группы молодежи в особых условиях – например при экологических или техногенных катастрофах, военных действиях, то есть при реальных угрозах социальной и личной без-

опасности. В остальных случаях – вопросами долга перед страной должны заниматься специально обученные люди (военные, полицейские, «МЧСовцы» и т.д.). Ответственность перед другими возникает в критических моментах, но не в повседневной жизни. Патриотизм для этой группы выражается в формальной поддержке своих сограждан (*деньги перевести на восстановление*), но личное участие практически сведено к минимуму. Хотя, представители этой группы знают много патристических песен, могут рассказать исторические примеры поведения героев войн или других социально важных событий, которые стали примерами гражданской позиции и личной ответственности за граждан и в целом за страну.

У 28% низкий уровень гражданского самосознания – они полагают что их вклад в общегосударственное становление и развитие незначителен, поэтому и тратить даже на рассуждения об этом свое время они не собираются, тем более – реально в чем-то участвовать. Категория «долга» вообще не возникает в сознании. Они никому ничего не должны, скорее наоборот – власть, бизнес, полиция должны защищать, помогать, создавать для них что-то и т.д. Ответственность их самих не фигурирует в ответах совсем, а ответственность различных социальных институтов в их адрес должна и обязана быть. Патриотизм как явление скорее высмеивается или замалчивается. Представители этой группы хотели бы уехать из страны и жить где-то, где «лучше» (как правило, любая другая страна).

Таким образом, правосознание, общественная активность и инициативность как часть гражданственности и патриотизма достаточно слабо развиты в молодежной среде. Чтобы повысить уровень правосознания необходимо проводить более активную просветительскую работу, а также вовлекать молодежь в большее количество социально-политических проектов.

В основе консолидации лежит именно гражданственность и патриотизм. А если они выступают формальными ориентирами, не наполненными реальными символами, способными наполнить реальные действия смыслом, то и говорить мы можем о разобщении и деконсолидации сообществ и страны в целом. Сегодня есть момент объединения – военная операция, санкции против России. Это внешняя угроза, которая консолидирует народ. Но для развития нужны и положительные примеры и смыслы консолидации, так как только ориентиры на светлое будущее могут заставить разных людей думать друг о друге и о том, что ждет наших детей завтра.

Выводы

Полученные данные говорят о неоднородности молодежи как социальной группы в аспекте осознания и проявления гражданственности и патриотизма.

Тех, кто имеет представление о гражданственности и патриотизме больше половины, но тех, кто готов отстаивать идеи и идеалы гражданственности и патриотизма через личную активность и непосредственную деятельность (трудиться на общее благо и отстаивать идеологические убеждения) едва ли четверть набирается. Этого мало, чтобы консолидировать страну и формировать новые условия для общественного воспроизводства и развития.

Поэтому встает вопрос о необходимости новой государственной политике и идеологии, направленной на работу с молодежью, в части формирования установок гражданственности и патриотизма не только на словах, но и вовлечения их в реальные практики и действия. Это может транслироваться через образовательные учреждения и некоммерческие организации, освещаться в СМИ и сети Интернет, чтобы это стало общепризнанной практикой социального развития, а не индивидуальным выбором отдельных молодых людей.

Литература

1. Аносов С.С. Гражданская активность некоммерческих организаций, работающих с молодежью в Сибирском Федеральном округе // Социология. 2022. № 1. С. 70–78.
2. Аносов С.С. Мобилизационная активность молодежи и государственная молодежная политика // Социология. 2023. № 1. С. 37–44.
3. Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
4. Аносов С.С. Социальная солидарность и идентичность волонтеров общественных организаций // Социология. 2022. № 2. С. 101–108.
5. Аносов С.С. Социальный активизм россиян // Социология. 2024. № 2. С. 49–56.
6. Аносов С.С. Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. № 2. С. 5–20.
7. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
8. Ардашев Р.Г. Иррациональность городского сознания // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 33–36.
9. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.

10. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
11. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 48–52.
12. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 39–43.
13. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
14. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
15. Журавлева И.А. «Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях // Социология. 2024. № 3. С. 35–43.
16. Иванов Р.В. Виртуализация современного уровня патриотизма в обществе // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 65–68.
17. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
18. Иванов Р.В. Направления реализации государственных проектов по развитию патриотического воспитания в региональных образовательных учреждениях // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 209–213.
19. Иванов Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма // Социология. 2023. № 3. С. 17–27.
20. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28.
21. Иванов Р.В. Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере Иркутской области) // Социология. 2024. № 6. с. 36–46.
22. Иванов Р.В. Реализация патриотического воспитания молодежи в современной России: региональный аспект. – Иркутск: ИГУ, 2024. – 96 с.
23. Полюшкевич О.А. Молодежь и моральные ценности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 188–192.
24. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79–85.
25. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2022. С. 675–678.
26. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики как основа солидарности // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2023. С. 180–182.
27. Полюшкевич О.А. Социальные угрозы при реализации просоциальных практик // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 84–87.
28. Полюшкевич О.А. Экспертная оценка социальных индикаторов сплоченности // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 226–229.
29. Скуденков В.А. Кризис притязаний в условиях пандемии // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 338–341.
30. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250–255.
31. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.

32. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
33. Скуденков В.А. Экономические статусы в виртуальном мире: взгляд студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 243–245.

CIVIC CONSCIOUSNESS AND PATRIOTISM OF MODERN YOUTH

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University

The article examines the issues of formation of civic consciousness and patriotism of modern youth. Legal, political, moral components of human behavior that influence his thoughts and feelings, as well as real behavior strategies are highlighted. Based on the conducted research, conclusions are made about problem areas and promising directions of development of civic consciousness and patriotism among young people within the framework of ideology and work for the common good of the country and all its citizens.

Keywords: civic consciousness, patriotism, youth, prosocial activity.

References

1. Anosov S.S. Civic activity of non-profit organizations working with youth in the Siberian Federal District // *Sociology*. 2022. No. 1. Pp. 70–78.
2. Anosov S.S. Mobilization activity of youth and state youth policy // *Sociology*. 2023. No. 1. Pp. 37–44.
3. Anosov S.S. Problem areas of civic activity in modern Russia // *Sociology*. 2020. No. 4. Pp. 4–21.
4. Anosov S.S. Social solidarity and identity of volunteers of public organizations // *Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 101–108.
5. Anosov S.S. Social activism of Russians // *Sociology*. 2024. No. 2. P. 49–56.
6. Anosov S.S. Consolidation Efficiency: State Social Policy // *Sociology*. 2021. No. 2. P. 5–20.
7. Ardashev R.G. Personal Security in the Conditions of Virtuality: Irrationality of Public Consciousness // *Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. P. 8–11.
8. Ardashev R.G. Irrationality of Urban Consciousness // *Modern Urban Studies: Social Well-Being and Digital Transformation of the City*. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. Minsk, 2024. P. 33–36.
9. Ardashev R.G. Social Security in the Consciousness of Siberians // *Sociology*. 2024. No. 7. P. 59–64.
10. Baev P.A. Civil and national identity of Russians // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 69–76.
11. Baev P.A. National heroes of Russia in the virtual world // *Social reality of virtual space*. Proceedings of the V International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. P. 48–52.
12. Baev P.A. National foundations of Russian statehood in a multipolar world // *Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches)*. Proceedings of the International scientific and practical conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, 2023. Pp. 39–43.
13. Baev P.A. What is Russian youth proud of and ashamed of // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 129–132.
14. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
15. Zhuravleva I.A. “Conversations about the important” as a tool for forming patriotism in educational institutions // *Sociology*. 2024. No. 3. Pp. 35–43.
16. Ivanov R.V. Virtualization of the Modern Level of Patriotism in Society // *Social Reality of Virtual Space*. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 65–68.
17. Ivanov R.V. Mobilization Solidarity During the Pandemic // *Sociology*. 2021. No. 4. Pp. 92–105.
18. Ivanov R.V. Directions for the Implementation of State Projects for the Development of Patriotic Education in Regional Educational Institutions // *In Search of Social Truth*. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 209–213.
19. Ivanov R.V. Foundations and Bases for the Transformation of Modern Patriotism // *Sociology*. 2023. No. 3. P. 17–27.
20. Ivanov R.V. Patriotic consciousness of modern youth // *Sociology*. 2023. No. 1. P. 21–28.
21. Ivanov R.V. Patriotism policy: features of youth political organizations (on the example of the Irkutsk region) // *Sociology*. 2024. No. 6. P. 36–46.
22. Ivanov R.V. Implementation of patriotic education of youth in modern Russia: regional aspect. – Irkutsk: Irkutsk State University, 2024. – 96 p.
23. Polyushkevich O.A. Youth and moral values // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. P. 188–192.
24. Polyushkevich O.A. Morality and social identity in pro-social practices // *Sociology*. 2023. No. 1. P. 79–85.
25. Polyushkevich O.A. Pro-social practices of volunteers of public organizations // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Proceedings of the VII international scientific and practical Internet conference. Vologda, 2022. P. 675–678.
26. Polyushkevich O.A. Pro-social practices as the basis for solidarity // *Consolidation of Russian society in new geopolitical realities*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda, 2023. P. 180–182.
27. Polyushkevich O.A. Social threats in the implementation of prosocial practices // *Methodology for preventing threats in the 21st century*. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. Pp. 84–87.
28. Polyushkevich O.A. Expert assessment of social indicators of cohesion // *Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice*. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 226–229.
29. Skudencov V.A. Crisis of claims in the context of a pandemic // *Global and regional impacts in the system of modern societies*. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. Pp. 338–341.
30. Skudencov V.A. The Role of Economic Sanctions in Changing the Quality of Life and Socioeconomic Aspirations of Russians (using the Irkutsk Region as an Example) // *Sociology*. 2018. No. 3. Pp. 250–255.
31. Skudencov V.A. Transformation of Life Goals of Young People under the Influence of Economic Sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. No. 1. Pp. 341–344.
32. Skudencov V.A. Economic Aspirations in the Context of Mobilization // *Sociology*. 2022. No. 5. Pp. 80–87.
33. Skudencov V.A. Economic Statuses in the Virtual World: Students' View // *Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Development Vectors*. Collection of Scientific Papers International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023. pp. 243–245.

Трансформации основных ценностно-образующих социальных институтов в России в период СВО: СМИ и образование

Гурба Владимир Николаевич,

д.с.н., профессор, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, заместитель Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе
E-mail: vgurba@svedu.ru

Громакова Виктория Георгиевна,

к.б.н., доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

В статье анализируются истоки кризиса ценностно-нормативной системы в российском обществе, ее состояние на момент начала специальной военной операции и трансформации основных ценностно-образующих социальных институтов, произошедшие с февраля 2022 года. Рассматриваются риски, связанные с дисфункциональностью институтов СМИ и образования в условиях военного внешнеполитического конфликта. Отмечается, что стремительная цифровизация социальной жизни и переход функции массовой информации от традиционных СМИ в Интернет, привели к значительной анонимизации информационной сферы, чем немедленно воспользовались иностранные агенты влияния с целью дестабилизации российского общества. Своевременно принятые правительством РФ меры привели к значительному сокращению масштабов анти-российской пропаганды, направленной на нагнетание внутриполитической напряженности. Однако риск все еще остается существенным. В связи с чем особенно острой становится необходимость устранения выявленных дисфункций институтов образования и организации эффективной воспитательной работы с молодежью, ориентированной на формирование ценностей патриотизма, гражданской ответственности и социальной консолидации.

Ключевые слова: специальная военная операция, социальный институт, социальная трансформация, трансформационный кризис, ценности, образование, СМИ.

Введение

Начало трансформации социальных институтов в России было положено еще в позднесоветском периоде в годы так называемой «перестройки». Реформы, обусловленные стремлением последнего генсека ЦК КПСС М.С. Горбачева искоренить недостатки советской социально-экономической и социально-политической системы, начатые без глубоко анализа институциональной базы, привели к усугублению экономических проблем, молниеносному политическому кризису и распаду государства [5, 7].

Последовавшие уже в исполнении команды Б.Н. Ельцина попытки насадить чуждые российскому обществу институциональные модели способствовали еще большему нарастанию кризисных явлений: лавинообразное закрытие предприятий, тотальное обнищание населения, всплеск наркомании и алкоголизма, разгул преступности и повсеместная коррупция.

Подобные изменения в жизни общества не могли не отразиться на культурной составляющей. Кризис экономический и политический сопровождался кризисом ценностно-нормативной системы. Терпела крах не только коммунистическая идеология, отвергались и такие общечеловеческие ориентиры, как добро, справедливость, взаимовыручка, любовь к Родине. Деньги, власть и удовольствия – в явной и неявной форме – провозглашались главными мериллами жизненного успеха [16].

Следует отметить, что авторы данной статьи не рассматривают индивидуалистические ценностные ориентации как предосудительные и заслуживающие исключительно негативной оценки. Стремление к личному успеху может быть эффективным стимулом к саморазвитию и самореализации человека, без которых невозможен прогресс. А разумный эгоизм при определенных условиях способен стать гарантом законопослушности гражданина и устойчивого развития общества. Возможно, именно поэтому до недавнего времени вопрос о ценностном базисе российского общества не входил в число наиболее острых исследовательских проблем. Однако с появлением серьезной внешнеполитической угрозы в лице коллективного Запада, открыто объявившего Россию врагом, ситуация в корне изменилась, и особенно обострилась с началом специальной военной операции (далее СВО).

Официальные представители США, НАТО и ЕС, Великобритании и Канады все более открыто высказываются о целях своей внешней политики – нанести поражение нашей стране. При этом свои экономические интересы и стремление к гегемонии западные элиты привычно прикрывают защитой демократии, свободы, гуманизма. Реальные действия коллективного Запада радикальным образом противоречат провозглашаемыми ими же принципам, но бороться за умы, в том числе в России, прозападным агентам влияния эти противоречия не мешают. В условиях экономического и политического давления на нашу страну и особенно полномасштабного военного конфликта с Украиной (а по факту с НАТО) преобладание в российском обществе эгоистических ценностей в комплексе с рисуемой западной пропагандой искаженной картиной мира [14] могло бы стать приговором для России и ее народа. И напротив, патриотизм, солидарность, самоотверженность, социальная консолидация и чувство взаимной ответственности государства и общества являются необходимыми условиями, для того чтобы Россия не только вышла из текущего военного противостояния победительницей, но и преодолела негативные последствия позднего и постсоветского кризиса.

В свете вышеизложенного становится очевидной высокая актуальность изучения процесса трансформации основных ценностно-образующих институтов в современном российском обществе, что и стало **целью** нашего исследования.

Объектом исследования выступили социальные институты, которые более прочих способны и призваны формировать ценности и таким образом оказывать влияние на выбор участниками социальных отношений тех или иных моделей поведения, на способы восприятия и оценивания ими тех или иных событий и, в конечном итоге, определять действие или бездействие общества в решении той или иной проблемы. К таким институтам нами были отнесены СМИ и образование.

Состояние ценностно-образующих социальных институтов в России к началу СВО

В первую очередь рассматривались те качества изучаемых социальных институтов, которые, сложившись к моменту начала СВО, оказались сопряжены с рисками дестабилизации общества.

Что касается СМИ, то в данном случае риски связаны с тем, что функция распространения информации в массах большей частью переместилась в виртуальное пространство, которое до недавнего времени в нашей стране ничем не ограничивалось и очень слабо контролировалось. Интернет предоставил массу новых возможностей с точки зрения доступа к информации и общения людей друг с другом, но в тех же инновациях ока-

зались заключены и разного рода опасности [11, 14].

В свете проблематики данной статьи наиболее серьезная опасность заключается в том, что теперь массовая коммуникация осуществляется не только официальными СМИ. С распространением Интернета практически любой пользователь получил возможность передавать информацию вне зависимости от своего статуса и положения в физическом пространстве. Широта и интенсивность коммуникации многократно возросла, что не могло не оказать влияния на социальную структуру, которая представляет собой совокупность социальных связей, в значительной степени определяемых коммуникациями. Таким образом стало возможным формирование виртуальных групп по интересам, а также по политическим убеждениям. Причем формирование интересов и убеждений зачастую происходит также в виртуальной сети [23]. Технологии, позволяющие мгновенно транслировать информацию на любые расстояния, при отсутствии в виртуальном пространстве межгосударственных границ открыли новые колоссальные возможности для манипуляций общественным сознанием.

Помимо собственно канала коммуникации современные цифровые технологии предоставляют также возможность создания фото-видео «подтверждений» любой лжи: выдачи фальшивок за подлинные документы, постановочных роликов – за интервью с очевидцами [15]. В чатах один и тот же человек может входить в сеть под разными именами и имитировать массовость. Впрочем, с развитием искусственного интеллекта данную функцию может и вовсе выполнять специальная программа-бот.

Новыми техническими возможностями не могли не воспользоваться геополитические соперники России, а также агенты влияния из числа российских граждан [13]: завербованные иностранными спецслужбами или же стремящиеся дестабилизировать общество по собственной инициативе – в данном случае данный нюанс не имеет принципиального значения. Куда важнее то, что в итоге в русскоязычном сетевом пространстве развернулась настоящая война за власть. Как говорил П. Бурдьё: истинной властью обладает тот, кто способен формировать смыслы, «направлять взгляды и веру» [2]. По сути сказанное означает контроль над сознанием, а следовательно, и поведением человека.

Ресурсы сети содержат миллиарды терабайт противоречивой информации [1]. Отделить в таком массиве правдивые факты от лжи бывает крайне сложно. Большинство участников интернет-коммуникации непроизвольно обращают внимание в первую очередь на яркие картинки и громкие заголовки, доверяют тому, что чаще попадает на глаза. «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой» – утверждение приписы-

ваемое Геббельсу, а на самом деле высказанное еще Франсуа Рене де Шатобрианом [31], актуально и по сей день. Причем, однажды поверив, человек нередко, даже столкнувшись с опровержением, не меняет сформированного мнения в силу эффекта «пост-правды».

Об искажении политических ценностей, подмене фактов писали многие исследователи [14, 29]. Так формируется искаженная картина мира, осуществляется воздействие на мировоззрение и ценностные ориентации пользователей и прежде всего молодежи. Отдельные категории рисков составляют образцы поведения, связанного с насилием, призывы к экстремизму, что иногда выливается в события, подобные захвату аэропорта в Махачкале в октябре 2023 года.

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что стихийно формирующийся институт массовой интернет-коммуникации, существенно потеснивший традиционные СМИ, не только далек от того уровня упорядоченности, который характеризует развитые социальные институты, но также приходится констатировать, что аномия, царящая в виртуальном пространстве, способна деформировать и социальную структуру [8]. Причем, отсутствие единой общепринятой системы ценностей, разлагаемой разнонаправленными влияниями, приводит, как справедливо отмечает А.В. Щербина [30], к тому, что возникает «мольба о диктате ценностей». «Одновременное действие множества ценностных перспектив ориентации поведения приводит к тому, что они взаимно нейтрализуют свое влияние на индивида. Лишившись возможности предвидения, индивиды погружаются в социальную слепоту» [30]. Действительно, ничем не ограниченное разнообразие поведенческих и ценностных моделей ставит человека перед необходимостью постоянного самостоятельного выбора из множества альтернатив, что отнюдь не делает его «свободным», а лишь дезориентирует и парализует, фактически лишая способности к целеполаганию, принятию решений и следования им. В такой ситуации человек либо подсознательно ищет путеводный маяк – чье-то мнение, либо бесконечно «ищет себя». Только единицы способны выплыть из хаоса, самостоятельно сформировав систему ценностей. «Востребованным оказывается оправдание ценностного выбора (или отказа от него) ссылкой на констелляцию мотивов» [30]. Для большинства же спасением становится система взглядов и ценностей, предложенная кем-либо извне: религиозной сектой, политической организацией или неким популярным лидером мнений. Таким образом, создаваемый Интернет-сетями информационный хаос способствует групповой консолидации, но препятствует социетальной и тем самым создает предпосылки для обострения институционального кризиса.

В связи с тем, что в наибольшей степени деструктивным информационным влияниям подвер-

жена молодежь, ценностная система которой еще не сформирована или не устоялась, исследователи уже не раз говорили о важности использования интернет-платформ для формирования ценностных ориентаций, в том числе зрелой гражданской позиции молодого поколения с опорой на популярные среди данной категории граждан каналы и формы коммуникации, а также привлекательный контент [14, 29], чего к 2022-му году сделано не было. Более того, отмечались существенные проблемы с организацией традиционных форм воспитательной работы в системе образования [12], как издержки социализации молодежи в целом [17, 26]. Нередко работа по воспитанию патриотизма и гражданственности сводилась к проведению мероприятий, в которых задействовались одни и те же учащиеся [21, 24, 25]. Также имеет место и точка зрения, согласно которой общая стратегия работы с молодежью в России неверна и приводит к распространению инфантильной жизненной позиции и неспособности преодолевать стрессовые ситуации [27].

Негативно сказалась на социальном самочувствии и политическом сознании российских граждан, а также на состоянии социальных институтов и пандемия COVID-19 [9].

Таким образом, к моменту начала СВО состояние ценностно-образующих социальных институтов в российском обществе характеризовалось целым рядом дисфункций, связанных с высокой степенью аномии в виртуальной информационной среде и в значительной степени формалистским подходом к организации воспитательной работы в системе образования. Тем острее стал вопрос о том, каким образом на развитие данных институтов повлияло обострение геополитического противостояния до состояния военного конфликта.

Трансформация СМИ как социального института

В целом, можно сказать о том, что на фоне СВО постепенно усиливался государственный контроль в сфере интернет-коммуникации. Принят закон об ответственности за распространение фейков об армии, блокируются отличающиеся откровенно антироссийской политикой ресурсы, в частности Фейсбук и Инстаграмм¹. Предпринимаются меры для мотивации руководства Youtube к изменению их политики в отношении пророссийски ориентированных пользователей – каналов российских СМИ, артистов, блогеров – которые систематически блокировались на данных площадках.

Здесь стоит отметить, что блокировки – это вынужденная мера, которая лишь отчасти решает одну проблему – засилие антироссийского, в значительной степени фейкового контента, но при этом создает несколько других:

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

- усиление протестных настроений в определенных слоях общества, представители которых легко усматривают в подобных мерах покушение на их информационную свободу, чем несомненно пользуются враждебные агенты влияния;
- наряду с политизированным и действительно вредным контентом российские пользователи теряют доступ (хотя, пока под запрет не попали сервисы VPN, более точной будет формулировка «испытывают затруднения в доступе») к любым другим, в том числе научно-популярным, образовательным, культурно-просветительским материалам, значительная часть которых размещена российскими же пользователями;
- заблокированный канал перестает быть инструментом влияния не только в руках прозападных, но и пророссийских лидеров мнений.

Сказанное не означает, что меры, принятые в первый год СВО, были ошибочными. Напротив, в тот момент это было абсолютно правильное решение, которое помогло избавить российское общество от массивной информационной атаки со стороны антироссийских агентов влияния. Так, только на конец апреля 2023 года с 24 февраля 2022 года на территории РФ было заблокировано более 160 000 ресурсов с заведомо ложной информацией, дискредитирующей российских военных и ход СВО [3]. Но важно, чтобы в дальнейшем в данном направлении не возникло чрезмерных ограничений, вреда от которых может оказаться больше, чем пользы.

На данный же момент мы наблюдаем постепенное становление нормативной базы, призванной упорядочить информационный хаос, возникший с распространением интернета¹, т.е. фактически являемся свидетелями развития нового социального института в сфере массовой коммуникации, который в современном мире уже играет роль ведущего агента социализации и потому бесконтрольным оставаться не может и не будет. Вопрос только в том, кем и в чьих интересах будет осуществляться контроль. Ситуация с арестом владельца Телеграм Павла Дурова во Франции, которая завершилась его согласием на сотрудничество с силовыми ведомствами – яркое тому доказательство.

Воспитательная работа в сфере образования

На фоне антироссийской пропаганды, наводнившей западные медиа и в большом количестве проникающей также и в русскоязычное информационное пространство, особенно остро стала проблема патриотического воспитания в учебных заведениях и на нее наконец обратили внимание. В школах

¹ Конечно, здесь речь идет не о технической стороне вопроса, поскольку материальная и цифровая база изначально структурированы. Имеется в виду содержательный смысловой хаос.

стали обязательными линейки с поднятием государственного флага, введен новый предмет «Разговоры о важном», организуются встречи с участниками СВО [10]. В ВУЗах также появился новый учебный курс «Основы российской государственности», вошедший в базовую часть учебных планов всех направлений подготовки. В образовательных учреждениях всех уровней проводятся многочисленные мероприятия в поддержку СВО, многие школьники и студенты участвуют в волонтерской деятельности [20].

Таким образом, обусловленные специальной военной операцией изменения в социально-политической подсистеме российского общества коснулись и института образования. Стало очевидно, что для обеспечения национальной безопасности необходимо, чтобы политическая социализация молодого поколения сочеталась с воспитанием патриотизма, основанного на знании истории, культуры, законов России, осознании ее роли в мире и в жизни каждого российского гражданина.

Вместе с тем, текущее состояние института образования дает целый ряд поводов для беспокойства. Так, часто школьные учителя не знают, на какие темы проводить «Разговоры о важном». Не всегда учащимся разъясняется значимость государственного флага и гимна, вследствие чего существует риск превращения торжественного мероприятия поднятия флага в «скучную» формальность, вызывающую вместо гордости за страну и чувства сопричастности к ее великой истории и культуре ощущения усталости и раздражения.

Что касается воспитательной работы в ВУЗах, то тревогу вызывают результаты ряда социологических опросов, о которых речь пойдет ниже.

1. При том, что молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет в большинстве своем (85%) считают себя патриотами, отвечая на вопрос: «Что, по-Вашему, значит быть патриотом?» чаще всего они выбирали ответы: «Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была» (50%) и «Стремиться улучшить положение дел в стране» (50%). Тревогу вызывают не выбранные ответы как таковые, а то, что они оказались более приоритетными, чем «Работать/действовать во благо / для процветания страны» (48%), «Защищать свою страну от любых нападков и обвинений» (35%), «Считать себя частью страны» (24%) [18]. Т.е. для современного молодого россиянина студенческого возраста критика страны важнее, чем работа ради ее блага. Большинство опрошенных предпочитают критиковать, а не защищать страну от нападков и наконец считают, что можно быть патриотом, не ощущая себя частью страны, дистанцируясь от нее.

Складывающаяся картина, с одной стороны, перекликается с общей оценкой политических установок российских граждан, данной Николаем Травкиным, депутат Государственной думы нескольких созывов, членом правительства РФ

в 1994–1996 годах: «Какой – „начни с себя“? Моисей [имеется в виду государственный лидер] должен все сделать. Он обещал. Или – давай другого Моисея!» [19].

С другой стороны, в таких ответах остро чувствуется влияние агентов западной пропаганды, которые на протяжении тридцати лет именно это и внушали россиянам: «Критикуй и протестуй, все остальное приложится». Так и сформировалось у значительной части нашей молодежи искаженное видение патриотизма. И в таком свете уже не удивительно, что, отвечая на вопрос может ли быть патриотом человек, который «не участвует в выборах», «уклоняется от службы в армии» и «работает на иноагента» утвердительно ответили 60%, 53% и 66% молодых респондентов в возрасте до 24 лет, соответственно. Ожидаемыми выглядят и данные опросов, демонстрирующие высокий процент противников СВО среди молодежи 18–24 лет (36%) [4].

При этом по данным того же опроса ВЦИОМ 50% респондентов в возрасте до 24 лет считали, что патриот должен «стремиться улучшить положение дел в стране». Однако, что каждый из них понимает под «улучшением дел»? С учетом других ответов не исключено, что для некоторых молодых людей в категорию таких стремлений попадают и несанкционированные протесты, и государственный переворот, и поражение России в СВО. Т.е. искаженные представления о патриотизме создают весьма благоприятную почву для вовлечения российской молодежи в деятельность, направленную на разрушение страны изнутри, причем при полной уверенности, что это ради «улучшения дел». И такая проблема уже имеет место, что, в частности, отражено в аналитическом обзоре специалистов НЦПТИ г. Ростова-на-Дону [6], в котором обобщается и систематизируется информация о различных каналах вовлечения россиян в антироссийскую деятельность на фоне СВО. Приводятся такие формы деструктивной активности, как:

- участие в несанкционированных протестных выступлениях;
- распространение фейков о ВС РФ;
- распространение материалов запугивающего характера;
- совершение диверсий и терактов.

Другое исследование пополняет данный перечень действиями против символики СВО и против лиц, поддерживающих СВО, включающими помимо протестов и преступлений против собственности и личной неприкосновенности также:

- написание ложных жалоб на владельцев заведений, размещающих у себя символы СВО с обвинениями в антисанитарии, нарушении правил пожарной безопасности и т.д.;
- написание ложных доносов на сторонников спецоперации с целью их дискредитации в глазах органов власти [4].

2. Исследование, проведенное в апреле 2023 года на базе 15 российских университетов в разных регионах страны, выявило примерно равное распределение студенческой молодежи в возрасте 18–22 лет по характеру ответа на вопрос о том, изменилась ли их жизнь с началом СВО.

Так 43,3% девушек и 45,5% юношей ответили на данный вопрос отрицательно, и 46,1% и 48,5%, соответственно, ответили утвердительно [24]. При этом между группами, выделенными на основе полученных ответов, наблюдались существенные различия по показателям институционального доверия, которые были значимо ниже среди студентов, отметивших существенное влияние СВО на их жизнь. Особенно значительными были различия в показателях доверия к Правительству РФ, Государственной думе, главам регионов и муниципальных образований, а также к СМИ.

Автор исследования интерпретировал полученные результаты как проявления тенденции к снижению доверия студентов к социальным институтам под влиянием СВО, коррелирующей с субъективным ощущением данного влияния. При этом высокий процент респондентов, не ощущающих серьезных изменений в жизни в связи с СВО, трактовался как следствие преобладания у этой части опрошенных индивидуалистических ценностных ориентаций.

Не утверждая обратного, тем не менее возьмем на себя смелость предположить, что у выявленной взаимосвязи могло быть и другое объяснение. Возможно, группы респондентов с разным ощущением влияния СВО на собственную жизнь изначально имели разный уровень институционального доверия, что и стало причиной субъективно разного восприятия сложившейся ситуации: низкий уровень доверия определил более пессимистичные ожидания по поводу дальнейшего развития событий, что в свою очередь обусловило более высокий уровень стресса.

В пользу предлагаемой логики рассуждений свидетельствует и тот факт, что среди студентов, отметивших существенное влияние СВО на их жизнь, была значительно выше доля желающих переехать в другую страну, соответственно хуже оценивающих ситуацию внутри России (26,5%, в сравнении с 14,1% в другой группе). Кроме того, желание покинуть страну в то время, когда она находится в состоянии войны с геополитическим противником, вряд ли имело положительную корреляцию с коллективистскими и патриотическими ценностями, поэтому логичным выглядит предположение о том, что именно в группе респондентов с высоким субъективным ощущением изменений в жизни, преобладают индивидуалистические ценности, которые и оказались под угрозой в силу разных связанных с СВО причин: от ухода с российского рынка некоторых западных брендов до возможности попасть в число мобилизованных.

Так или иначе, тенденции, выявленные в обсуждаемом исследовании Смирнова В.А., как и приве-

денные пунктом выше результаты опроса ВЦИОМ, не слишком оптимистично характеризуют специфику гражданского самосознания значительной части студенческой молодежи, что в свою очередь позволяет говорить о существенных дисфункциях института образования в части воспитательной работы со студентами, которая по утверждению ряда авторов на сегодня «носит ригидный характер, слабо дифференцирована и не имеет эффективных показателей динамики развития гражданственности и патриотизма у молодого поколения» [12, 21].

3. Также не может не вызывать опасений тот факт, что в первые дни наибольший процент противников СВО отмечался среди работников науки (85%) [22], которые составляют ядро российской интеллигенции и нередко совмещают научную деятельность с преподаванием в ВУЗах. Данные есть только за 2022 год, однако с учетом инерционности мировоззренческих позиций существует немалая доля вероятности, что и к сегодняшнему дню ситуация принципиально изменилась. Если предположить, что и в преподавательском составе высших учебных заведений велика доля лиц, отрицающих патриотические ценности, осуждающих СВО и не признающих ее значимость с точки зрения обеспечения национальной безопасности России, то ожидать быстрых позитивных изменений в организации воспитательной работы в системе высшего образования не приходится.

Заключение

В целом, подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод о том, что дисфункции ценностно-образующих институтов, вызванные постсоветским трансформационным кризисом за период, прошедший со времени краха советской системы, в России не только не были преодолены, но и усугубились наложившимися эффектами стремительной цифровизации и сопутствующей анонимизации информационного поля. Идеологический вакуум привел к фрагментации воспитательной работы в образовательных учреждениях, снижению значимости в глазах молодого поколения коллективистских и патриотических ценностей. С началом СВО ситуация начала меняться в первую очередь в институтах массовой информации. Были предприняты меры, направленные на усиление государственного контроля в информационной сфере, которые при всех их недостатках были необходимы и помогли существенно сократить количество антироссийского контента в русскоязычном сегменте интернета и снизить риски дестабилизации общества. С точки зрения развития виртуальных СМИ как социального института происходящие изменения могут трактоваться как выход процесса институционализации на этап становления формальных норм.

Что касается дисфункциональности института образования в части выполнения воспитатель-

ной и социализационной функции, то изменения на данный момент связаны с появлением в учебных планах новых предметов, а также форм и приемов воспитательной работы, о результатах внедрения которых говорить пока рано. Непосредственно в связи с СВО в жизнь учебных заведений вошли встречи с участниками боевых действий и новые формы волонтерской деятельности, что должно способствовать развитию патриотизма, однако пока не имеет систематического характера. Вместе с тем молодежь студенческого возраста на фоне других возрастных групп демонстрирует самый высокий процент осуждения СВО и искаженных представлений о патриотизме, что говорит о существенных недостатках в организации воспитательной работы в системе образования.

Литература

1. Беляев Г.Ю. Социально цифровая среда как источник новых возможностей и новых рисков для современного образования // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2020. – Т. 1. – № 4 (69). – С. 109–123.
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // Социология социального пространства / П. Бурдые. – СПб., Алетейя, 2007. – С. 64–86.
3. В Роскомнадзоре рассказали о количестве заблокированных ресурсов с фейками // Портал «РИА Новости». – URL: <https://ria.ru/20230609/roskomnadzor-1877118432.html> (дата обращения: 25.09.2024).
4. Ваторопин А. С., Тепляков И.И. Молодежный экстремизм в России в контексте специальной военной операции // Образование и право. – 2022. – № 8. – С. 133–139.
5. Величко С.А. Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – № 1. – С. 199–205.
6. Венцель С. В., Волощук А.В., Гаас А.А., Калашкина Т.В. Краткий аналитический обзор информационных угроз в период специальной военной операции // Национальный антитеррористический комитет. 01.06.2023. – URL: <http://nac.gov.ru/stati-knigi-brosyury/kratkiy-analiticheskiy-obzor-informacionnyh-ugroz-v-period.html> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Вилков А.А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2021. – Т. 21. – Вып. 3. – С. 303–309.
8. Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи: монография. Мн, 2012. – 160 с.
9. Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В. Самыгин С.И. Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса:

- риски социокультурной травматизации // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Том 9. – (42) № 2. – С. 147–158.
10. Гомзякова Н.Ю. Влияние специальной военной операции на компоненты сферы образования / Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала-Кизляр, 29 февраля 2024 г.) / Составители: А.М. Шахбанов, М.М. Шахбанова. Махачкала: ДГУ, 2024. – С. 86–90.
 11. Иванов Н.Г. Правовое значение цифровой агрессии // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 81–85.
 12. Казаков А.А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22. – Вып. 4. – С. 460–467.
 13. Касьянов В. В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 42–45.
 14. Ключникова Т. Н., Исаева Е.Ю. Факторы трансформации политической культуры российской студенческой молодежи // Гуманитарий Юга России. – 2021. – Том 11 (50). – № 4. – С. 72–81.
 15. Ковров В. В., Вакула И.М., Гафиатулина Н.Х. Фейковая медиареальность в российском обществе как фактор влияния на молодежное сознание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 40–43.
 16. Кудинов С.И., Кудинов С.С., Кудинова С.С. Особенности проявления патриотичности у студентов с разным отношением к специальной военной операции // Психолог. – 2023. – № 2. – С. 1–13. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39910 (дата обращения: 25.09.2024).
 17. Нартова Н.А., Саблина А.А., Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодежной политики России // The Journal of Social Policy Studies. – 2022. – Vol. 20. – № 1. – С. 7–22.
 18. Патриотизм: мониторинг. ВЦИОМ, 11.04.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizmmonitoring> (дата обращения: 25.09.2024).
 19. «Перестройка была прыщавая и слюнявая» Как начались и чем закончились реформы Михаила Горбачева – в спецпроекте «Ъ». 23.04.2015. – URL: <https://www.kommerisant.ru/projects/perestroika> (дата обращения: 25.09.2024).
 20. Подустов И.И., Грицков Д.А. Сравнительный анализ отношения молодого поколения россиян к участникам специальной военной операции / Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала-Кизляр, 29 февраля 2024 г.) / Составители: А.М. Шахбанов, М.М. Шахбанова. – Махачкала: ДГУ, 2024. – С. 307–311.
 21. Подьячев К.В., Халий И.А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 263–276.
 22. Россияне и СВО // Полит.ру. 10.04.2022. – URL: <https://polit.ru/news/2022/10/04/svo/> (дата обращения: 25.09.2024)
 23. Сащенко Н.П. Российская идентичность в цифровую эпоху и социальные представления пользователей социальных сетей // Социальные и гуманитарные знания. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 40–51.
 24. Смирнов В.А. Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32. – № 8–9. – С. 9–23.
 25. Смирнов В.А. Молодежная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32. – № 5. – С. 9–20.
 26. Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 72–80.
 27. Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 77. – С. 241–250.
 28. Токмаков М. Новые тенденции проукраинского «партизанства» в России. – URL: https://topcor.ru/27741-novye-tendencii-proukrainskogopartizanstva-v-rossii.html?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 25.09.2024).
 29. Шушпанова И.С. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи как фактор социально-политической устойчивости общества // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю.А. Зубок. – Белгород: Эпицентр, 2021. – С. 443–463.
 30. Щербина А.В. Актуальные задачи социологической диагностики (на примере «Очерков военного времени» К. Манхейма) // ДИСКУРС. 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 53–68.
 31. Mémoires d'outre-tombe par Chateaubriand. Volume 4. Dufour: Mulat et Boulanger, 1860. – С. 237.

TRANSFORMATIONS OF THE MAIN VALUE-FORMING SOCIAL INSTITUTIONS IN RUSSIA DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION: MEDIA AND EDUCATION

Gurba V.N., Gromakova V.G.
Southern Federal University

The article analyzes the origins of the crisis of the value-normative system in Russian society, its state at the time of the beginning of a special military operation and the transformation of the main value-forming social institutions that have occurred since February 2022. The risks associated with the dysfunctionality of media and educational institutions in the context of a military foreign policy conflict are considered. It is noted that the rapid digitalization of social life and the transition of the media function from traditional media to the Internet led to a significant anomization of the information sphere, which was immediately used by foreign agents of influence in order to destabilize Russian society. Timely measures taken by the Government of the Russian Federation have led to a significant reduction in the scale of anti-Russian propaganda aimed at inflaming domestic political tensions. However, the risk is still significant. In this regard, the need to eliminate the identified dysfunctions of educational institutions and organize effective educational work with young people focused on the formation of values of patriotism, civic responsibility and social consolidation becomes especially acute.

Keywords: special military operation, social institution, social transformation, transformational crisis, values, education, mass media.

References

- Belyaev G. Yu. The socially digital environment as a source of new opportunities and new risks for modern education // Domestic and foreign pedagogy. – 2020. – T. 1. – № 4 (69). – Pp. 109–123.
- Bourdieu P. Social space and symbolic power / P. Bourdieu // Sociology of social space / P. Bourdieu. – St. Petersburg, Al-eteya, 2007. – pp. 64–86.
- Roskomnadzor told about the number of blocked resources with fakes // RIA Novosti portal. – URL: <https://ria.ru/20230609/roskomnadzor-1877118432.html> (date of application: 09/25/2024)
- Vatoropin A. S., Teplyakov I.I. Youth extremism in Russia in the context of a special military operation // Education and law. – 2022. – № 8. – C. 133–139.
- Velichko S.A. Perestroika in the USSR (1985–1991) in Russian and foreign historiography // Izvestiya Tomsk Polytechnic University. – 2005. – Vol. 308. – No. 1. – pp. 199–205.
- Wenzel S. V., Voloshchuk A.V., Gaas A.A., Kalashkina T.V. A brief analytical review of information threats during a special military operation // National Antiterrorist Committee. 06/01/2023. – URL: <http://nac.gov.ru/stati-knigi-broshyury/kratkiy-analiticheskiy-obzor-informacionnyh-ugroz-v-period.html> (date of application: 09/25/2024).
- Vilkov A.A. Perestroika in the USSR: between the ideological concept and reality // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. 2021. – Vol. 21. – Issue 3. – pp. 303–309.
- Galich L.P. Social well-being of youth: monograph. Mn, 2012. – 160 p.
- Gafiatulina N.H., Kasyanov V.V. Samygin S.I. Social immunity of Russian society in the context of the threat of coronavirus: risks of socio-cultural traumatization // Humanities of the South of Russia. 2020. – Tom 9. – (42) № 2. – Pp. 147–158.
- Gomzyakova N.Y. The impact of a special military operation on the components of the education sector / Special Military Operation (SVO) and civil society: social well-being, assessment, adaptation. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference (Makhachkala-Kizlyar, February 29, 2024) / Compiled by A.M. Shakhbanov, M.M. Shakhbanova. – Makhachkala: DSU, 2024. – pp. 86–90.
- Ivanov N.G. The legal significance of digital aggression // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 2. – pp. 81–85.
- Kazakov A.A. The attitude of Russian youth to their education: the role of media support for public policy // Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. – 2022. – Vol. 22. – Issue 4. – pp. 460–467.
- Kasyanov V. V., Krotov D.V., Samygin S.I. Specificity of political socialization of Russian youth in conditions of social uncertainty // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2017. – № 1. – C. 42–45.
- Klyuchnikova T. N., Isaeva E. Yu. Factors of transformation of the political culture of Russian student youth // Humanities of the South of Russia. – 2021. – Volume 11 (50). – № 4. – Pp. 72–81.
- Kovrov V. V., Vakula I.M., Gafiatulina N.H. Fake media reality in Russian society as a factor of influence on youth consciousness // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 4. – pp. 40–43.
- Kudinov S.I., Kudinov S.S., Kudinova S.S. Features of the manifestation of patriotism among students with different attitudes to a special military operation // Psychologist. – 2023. – No. 2. – pp. 1–13. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39910 (date of reference: 09/25/2024)
- Nartova N.A., Sablina A.A., Kuziner E.N., Petrunina D.S. Analysis of discursive regimes transition to adulthood in the normative documents of youth policy in Russia // The Journal of Social Policy Studies. – 2022. – Vol. 20. – No. 1. – C. 7–22.
- Patriotism: monitoring. VTSIOM, 04/11/2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizmmonitoring> (date of reference: 09/25/2024).
- “Perestroika was pimply and slobbery” How Mikhail Gorbachev’s reforms began and ended – in the Kommersant special project. 04/23/2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/projects/perestroika> (date of application: 09/25/2024).
- Podustov I.I., Gritskov D.A. Comparative analysis of the attitude of the younger generation of Russians to participants in a special military operation / Special Military Operation (SVO) and civil society: social well-being, assessment, adaptation. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference (Makhachkala-Kizlyar, February 29, 2024) / Compiled by A.M. Shakhbanov, M.M. Shakhbanova. – Makhachkala: DSU, 2024. – pp. 307–311.
- Podyachev K.V., Khaliy I.A. State youth policy in modern Russia: concept and realities // Bulletin of the RUDN. Series: Sociology. – 2020. – Vol. 20. – No. 2. – pp. 263–276.
- Russians and their own // <url>. 04/10/2022. – URL: <https://polit.ru/news/2022/10/04/svo/> (date of reference: 09/25/2024).
- Sashchenko N.P. Russian identity in the digital age and social representations of users of social networks // Social and humanitarian knowledge. – 2021. – Vol. 7. – No. 1. – pp. 40–51.
- Smirnov V.A. Civil attitudes of Russian students in the context of a special military operation // Higher education in Russia. – 2023. – Vol. 32. – No. 8–9. – pp. 9–23.
- Smirnov V.A. Youth policy and educational activities in Russian universities: stages of development and key contradictions // Higher education in Russia. – 2023. – Vol. 32. – No. 5. – pp. 9–20.
- Smirnov V.A. Youth policy: the experience of a systematic description // Sociological research. – 2014. – No. 3. – pp. 72–80.
- Smirnov V.A. Social well-being of Russian youth in the conditions of a special military operation // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. – 2024. – No. 77. – pp. 241–250.
- Tokmakov M. New trends of pro-Ukrainian “partisanship” in Russia. – URL: https://topcor.ru/27741-novye-tendencii-proukrainskogopartizanstva-v-rossii.html?utm_source=politobzor.net (date of application: 09/25/2024).
- Shushpanova I.S. Self-regulation of youth’s vital activity as a factor of socio-political stability of society // Self-regulation of youth’s vital activity: methodology and social practices / Yu.A. Zubok, O.N. Bezrukova, Yu.R. Vishnevsky et al.; scientific ed. Yu.A. Zubok. Belgorod: Epicenter, 2021. – pp. 443–463.
- Shcherbina A.V. Actual tasks of sociological diagnostics (on the example of “Wartime essays” by K. Mannheim) // DISCOURSE. 2023. – Vol. 9. – No. 1. – pp. 53–68.
- Mémoires d’outre-tombe par Chateaubriand. Volume 4. Dufour: Mulat et Boulanger, 1860. – p. 237.

Как мы работаем, если работаем

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала
«Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Прослеживается скрытое отношение к труду в советское время, которое отличалось от идеологических заявлений и ожиданий общества. Отношение к труду – сложный конгломерат смешанных форм поведения, которые располагаются на континууме от работомании к работофобии. Важной составной частью данного понятия выступает удовлетворенность трудом, высокий уровень которой некоторые ученые считают показателем того, что труд является первой жизненной потребностью и никогда таковой не был. Так ли это на самом деле, автор рассматривает на основе эмпирических данных советского времени и современного американского общества.

Ключевые слова: отношение к труду, работомания, работофобия, труд как первая жизненная потребность, удовлетворенность трудом.

Привязанность и отчуждение

Наверное, вам не раз приходилось видеть, что люди по-разному относятся к своему труду – одни стремятся не переобременять себя лишней работой, трудятся с прохладцей. А другие, что называется, «горят» на работе и, приходя домой, продолжают думать о том, что не успели сделать за день. Так почему одни люди привязаны к труду, а другие – отчуждены от него?

Перед специалистами, занимающимися индустриальной социологией, возникает множество вопросов, которые они стремятся разрешить в меру своих сил и возможностей. Например, какое значение в жизни человека имеет работа – главное или второстепенное? Известно, что труд необходим для производства товаров и услуг. Без этого никакое общество не может существовать, это аксиома бытия человека как «хомо фабрикус», т.е. существа производящего. Может быть, именно это и делает нашу работу тем, в чем заинтересованы люди как общественные существа. Изготавливая одни проекты, мы в то же время нуждаемся в других, которые изготовил кто-то другой, у кого это получается лучше. Обмен продуктами труда – кровеносная система любого существа, его жизненная артерия. Предпосылкой такого универсального обмена выступает разделение труда, следствием которого являются специализация и профессиональное разделение труда.

Но, помимо этого, работа означает нечто важное и для самого человека как думающей личности. Почему у безработных чаще наблюдаются стрессы, апатия, потеря смысла жизни? Ведь они получают специальное пособие и вполне могут сводить концы с концами. Значит, не материальные причины здесь на первом плане, а какие-то духовные, можно даже сказать, экзистенциальные. То есть такие, без чего человеческое существование лишено смысла. Иными словами, труд превращается, пусть не для всех, в первую жизненную потребность.

Стало быть, труд, помимо всего прочего, есть важная часть человеческой жизни, т.е. такое условие, которое из простого прозябания или существования делает наше бытие полноценной жизнью. Но вместе с тем труд может унижать или возвеличивать человеческую личность. Не абстрактно, не вообще, а конкретно, на данной работе и в данное время.

В одном из номеров «Литературной газеты» за 1988 г. известный журналист Юрий Рост поместил фотографию женщин, работающих на ремон-

те железнодорожных путей. Название очерка сразу же определяло профессию его героинь – «Женщины в оранжевых жилетах». Особой радости или творческого горения в этих усталых пожилых лицах разглядеть не удастся даже в сильное увеличительное стекло. Любят ли они свою работу? – задает вопрос Ю. Рост. Вряд ли. Да и что там любить? «С кайлом и лопатой, в ватных штанах и телогрейках, оживляющими пейзаж оранжевыми жилетами, они возятся со смерзшихся балластом и тяжелыми черными шпалами, отходя в стороны, чтобы пропустить фирменные поезда, летящие в будущее по проложенным ими рельсам».

Недавно возникло новое направление – социологическое фотографирование. Его цель – подсмотреть в жизни типичные формы социального поведения людей, характерные для них отношения. Именно типичное, а не исключительное. Снимки Ю. Роста выполнены именно в этом жанре. «Женщины в оранжевых жилетах» прекрасно иллюстрируют непрестижную, малопривлекательную работу. Ведь они делают дело, которое никто, кроме них, не хочет делать.

А вот другая заметка, вернее, письмо в «Литературную газету» (1987. 25 ноября). Оно тоже называется весьма характерно – «Секретарша шефа». Речь идет о совершенно противоположном типе работы, ином отношении к труду и стилю поведения. Известно, что для многих из нас учреждение или солидная организация начинается не с вахтера, а с секретарши.

В точном смысле слово «секретарь» обозначает работника, ведающего деловой перепиской, текущими делами отдельного лица или учреждения. Но как далеко отстоит реальная власть лица, занимающего секретарский стул (чуть не сказал – кресло), от его формальных обязанностей. Об этом знали уже в древнем Риме, ибо знакомое нам слово происходит от позднелатинского *secretarius* – доверенное лицо. И очень часто – не просто доверенное, а особо приближенное.

И характер труда, и содержание работы здесь иное, нежели у женщин в оранжевых жилетах. Иные манера поведения, зарплата, удовлетворенность работой. Обычно секретарши в приемных – это молодые, слегка развязные девицы, либо, в зависимости от «солёности» фирмы, интеллигентные и даже холёные женщины неопределённого возраста. Опытная секретарша по вашей интонации, манере поведения, по костюму безошибочно определит, что вы за особа и какой ранг занимаете. Соответственно этому меняется и ее поведение: подчеркнутая предупредительность, формальная вежливость и подкупающее обаяние. Ибо секретарша – это, если хотите, визитная карточка фирмы, а для главы учреждения она – все: профессиональный исполнитель, доверенное лицо, носитель слухов и нередко – человек, устроенный по знакомству.

Женщины в оранжевых жилетах и женщины в модных джинсах воплощают противоположные полюса огромной шкалы различных типов отношения к труду. Первые – это женены, в буквальном смысле стоящие на обочине дороги; с неустроенным бытом и жильем, который не всегда можно назвать домом, не престижной работой, зарплатой, не способной компенсировать глубокое отчуждение от своего труда либо смирение и безучастность к нему. Вторые – это женены, находящиеся в центре людского внимания и социального успеха. Выполняя необременительные задания, они пользуются благосклонностью, привилегиями и различного рода подачками – и от посетителей (подарки-взятки), и от шефа (премии регулярные и нерегулярные).

Итак, для одних труд – принудительная обязанность и работа, которой они занимаются вынужденно, не идентифицируя себя с содержанием труда. Для других он – добровольная и привлекательная форма деятельности, с помощью которой можно реализовать свои внутренние устремления и потребности.

Однако нельзя представлять себе дело таким образом, что оба типа отношения к труду и характерные для них формы поведения возникли в последнее время. У них давние исторические традиции.

Труд как наказание

Некоторые авторы утверждают, что труд стал естественной жизненной потребностью человека с первобытных времен. Но это неверно. Известны такие естественные потребности, как утоление голода и жажды, сохранение жизни, потребность в продолжении рода. Это витальные потребности, без которых человек не может в принципе обойтись. В этом смысле труд является врожденной потребностью. Если можно приобрести дом, машину, деньги, не прибегая к трудовой деятельности, многие сделают это, забыв о том, что труд – единственный источник дохода. Истории известны классы и сословия, которые не занимались производительным трудом – праздные классы по классификации Торстейна Веблена. Более естественная потребность для человека – игра, движение, изменение мира. Они не тождественны труду ни вместе, ни порознь. Но если ими подменяют труд, то он превращается в первую жизненную потребность. Труд – скорее тяжелая необходимость.

Во все исторические эпохи, какое общество мы ни рассматривали бы, труд являлся центральной темой и в теоретическом познании, и в практической деятельности. Известно, что не только люди, но и целые общества, культурные цивилизации по-разному относились к труду. И в этом различии проявляются своеобразие традиций и образа жизни народа, несходство национальных характеров и психологии.

Для древних греков и древних римлян труд был просто проклятием. Они смотрели на него как на мучительное занятие, нужную деятельность, в которой человек теряет свое нравственное достоинство. Свободный гражданин, говорили они, не станет унижаться до того, на что пригодны только рабы. Латинское слово *labor* как раз и обозначало заботу, нужду, трудность. В древнееврейском языке «работа» и «рабство» являлись синонимами. В древнем Риме *tripalium* – это трехзубый инструмент пытки, применявшийся легионерами. От него берет начало современное французское слово *travail* – труд.

В своей поэме «Труды и дни» великий Гесиод делает любопытное наблюдение современный американский социолог Питер Друкер, поставил труд впереди дней. Что символизирует подобный прием? Жизнь у Гесиода означает труд, преодолевающий время. Как длащеется время жизнь представляет лишь пустую форму. Ее содержанием становится деятельность, активность, энергия. Но не только это. Жизнь – не праздник или развлечение. С трудами и с работой в жизнь человека входят забота, проблемы, напряжение.

Если верить Л. Брауде, одному из видных представителей чикагской школы социологии труда, то презрение к работе пришло в европейскую цивилизацию скорее всего из иудейско-христианской традиции. Неприятная работа была частью непостижимого божественного замысла. В Библии работа трактуется как наказание человека за первородный грех. Но одновременно, уточняет эту мысль П. Друкер, и божьим даром, который дается человеку для того, чтобы превратить человеческое падение в более или менее терпимое существование.

Подобных воззрений придерживался и средневековый католицизм. Труд для него оставался малопривлекательным и непрестижным занятием. Правда, средневековые городские ремесленники относились к своей работе иначе, для них это уже не труд, а творчество.

Первыми прорвали глухую стену человеческого недоверия к труду протестанты. Для католиков работа не имела внутренней ценности, ею просто усмирялась человеческая плоть и человеческая гордыня. Тот, кто вынужден трудиться, не может достичь добродетели. Идеал труда и, пожалуй, всей жизни – это созерцающее существование в монастыре, микрокосм, сконцентрированный на служении Богу. Все люди, говорили католики, «призваны» Богом выполнять свою конкретную работу. И подобно священнику, однажды выбравшему свою стезю, никто не волен ни сменить место работы, ни прекратить работать.

Примерно также многие мои современники относятся к семье. Для них она, как и служба в армии, почетная, но обременительная обязанность. С ней можно смириться, стерпеться, но нельзя полюбить. Она как тяжкий крест, который человек

обречен нести всю жизнь. Подобные представления переносятся и на работу. Можно услышать такое выражение: профессия – это как жена, она одна и от нее не уйдешь, а место работы – любовница, их много и время от времени надо менять.

Протестантизм примирил религиозную отвлеченность и земную активность, наполнил труд внутренним содержанием. Впервые – за несколько тысяч лет. Именно благодаря Лютеру и Кальвину работа стала трактоваться как духовный путь человека к Богу. Но вместе с тем – и как путь к самому себе, к своему внутреннему «Я». Фундаментальный принцип новой религии – не ждать царства божьего в отдаленном будущем, а создавать его на земле своим трудом. Протестантизм поощрял накопительство, если оно добыто честным путем, трудолюбие, не переходящее в алчность, праведность, доказательством которой служит деловой успех. Если человек честно заработал и увеличил свой капитал, то он может быть уверен, что является полезным слугой в божьем винограднике.

Протестантская этика труда совпала или предопределила индустриальную революцию ХУ11 века, стимулировала развитие бизнеса и предпринимательства и до сих пор составляет основу западной культуры.

В книге Дейла Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить» есть целая глава, в которой автор стремится ответить на вопрос: может ли религия способствовать жизненному успеху? Она, впрочем, так и называется. Карнеги вспоминает о своем детстве, проведенном в трудах и заботах о хлебе насущном. Мать работала учительницей в школе, а отец нанимался к соседям-фермерам за 12 долл. в месяц. Собственным фермерским хозяйством они прокормиться не могли. Родители трудились в поте лица по 16 часов в сутки. Однако семью постоянно преследовали долги: паводками размывало поля, и урожай пшеницы полностью погибал, а свиньи каждый год гибли от холеры.

Фортуна никогда не улыбалась нам, вспоминает полуголодное детство Дейл Карнеги. А однажды судьба чуть не лишила семью ее единственного кормильца. Отцу было 47 лет, но тридцать лет изнурительного труда, постоянных долгов и унижений, превратили его почти в старика. Он терял аппетит, на глазах худел и однажды врачи сказали, что ему осталось жить всего полгода. Да он и сам не хотел больше жить. Отец дошел до отчаяния и постоянно думал о самоубийстве. К счастью, этого не произошло. Только много лет спустя он признался сыну, что от последнего шага его спасла глубокая религиозность жены. Каждый вечер мать читала Библию, произносила молитву и убеждала мужа в том, что беды их минуют и все наладится. Отец Дейла Карнеги прожил еще 42 счастливых года и умер в возрасте 89 лет.

Сам Дейл Карнеги поначалу критически относился к тому, чему учили деревенские проповед-

ники. Только жизненные невзгоды заставили его понять несомненную правоту сказанных Френсисом Бэконом слов: «Поверхностные размышления располагают ум человека к атеизму, но глубокая философия приводит человеческие умы к религии». И когда Карнеги снова обратился к Богу, он стал убеждать других в том, что религиозная вера освобождает от беспокойства, тревоги, страха, которые постоянно сопровождают бизнесмена и рабочего, менеджера и клиента, промышленника и банковского служащего. Ибо не бывает труда без заботы и напряжения, а делового успеха – без тревоги и беспокойства. Религия, прежде разводящая труд и жизнь по разные стороны нравственной шкалы, теперь соединила их в одно целое.

Эпоха досугоцентризма

Хотя некоторые авторы [5] утверждают, что резкое различие между работой и отдыхом появилось только в эпоху промышленной революции, есть свидетельства, что различие между двумя понятиями сложилось в более ранние времена [3]. Так, античные философы утверждали, что физический труд – досадная необходимость, в то время как досуг – условие для творчества, поиска истины и самореализации личности. Труд считался юдолью печали, «понос», которая препятствовала созерцанию истины и красоты [4]. Однако такой взгляд на досуг сошла на нет после заката античной Греции. С приходом современного индустриализма отдых утратил прежнюю ценность. Его стали считать препятствием к развитию личности. В наше время творческие функции досуга вновь стали предметом научного обсуждения. Сегодня к труду и досугу подходят более дифференцированно. Признается, что какие-то виды труда открывают человеку возможности для творческого развития (труд артиста или ученого), а другие нет. В то же самое время одни люди только и ждут, когда закончится работа, и они смогут перейти к отдыху, а для других настоящего досуга нет, поскольку они, как фанаты, любят только работать.

Религиозные принципы или ценность труда – это, пожалуй, то, что можно отнести к трансцендентальному смыслу труда, т.е. чему-то, что стоит вне самого труда как простой совокупности технологических операций. Вы переносите ящики или копаете канаву, но смысл труда не в этом. Он в том, что такая работа кому-то нужна, что она является общественно полезной. Известный американский социолог Р. Миллс писал, что труд и работа не имеют внутреннего смысла. Для актера, ученого или другого представителя творческого труда профессия как бы сливается с его личностью, но для рабочего его однообразный, рутинный труд не может быть важной частью его внутреннего «Я».

Для него труд – забота, бремя, иссушающее душу ожидание. Иными словами, рабочий тяжело-

го неквалифицированного труда смотрит на свою деятельность как на временное занятие. Его надо перетерпеть и дожидаться конца рабочего дня. Поэтому он отчужден от своей деятельности. Соответствующим является и его поведение на производстве. Он демонстративно показывает, что его интересует только зарплата и как можно более высокая. Соответствует она трудовому вкладу или нет, это его тоже мало интересует. При первой возможности он готов нарушить дисциплину, что называется «сачкануть», если не последует возмездия. Лишней ответственности никогда не возьмет, а при случае – и от своей норы избавится.

У работника, занятого рутинным трудом, крайне низкая мотивация к достижению или продвижению, напротив, велики противоположные качества – апатия и пассивность. Чаще всего он не любит своей работы, не сросся с ней лично. Она для него – имперсональна, сфера временного, низменного существования. Если к тому же он не самостоятелен на своем месте, если все ему задается и планируется свыше, то он, в конце концов, и вправду начинает ощущать себя придатком машины. Чаще всего так же положение на конвейере в массовом производстве.

Если работа не может стать сферой самореализации, первой жизненной потребностью, то она остается для индивида лишь областью ложного, неистинного существования. Напротив, досуг воспринимается как сфера истинного бытия. Вы всеми силами стремитесь поскорее уйти с работы, никак не можете дождаться конца. Но вот он наступает, и вы не знаете, что с ним делать. С одной стороны, вы боитесь работы. И это явление можно назвать *работофобией* (фобия – боязнь чего-либо или кого-либо). С другой – вы не умеете содержательно и полноценно провести свой досуг. Вы стремитесь к нему, но он вам ничего не дает, не обогащает вас как личность.

Содержательно бедная работа провоцирует такой же бессодержательный досуг. Почему работники тяжелого физического труда чаще приобщаются к спиртному, свободное время проводят в кампании собутыльников? Рутинный труд, возможно, настолько дегуманизирует личность, приводит к ее деградации, что уже никакой досуг компенсировать такой потери не может. Работа, и досуг здесь – зеркальные отражения.

Ленинградский социолог В.В. Прокофьев как-то сравнил бюджеты времени населения Болгарии и СССР. У среднестатистического болгарина работа занимает 15% всей жизни, а досуг – 22%. У среднестатистического ленинградца соответственно 17 и 32%. По 50% времени у них уходит на домашние заботы. Но еще более интересные данные получены о качестве досуга. В обеих странах действует одна и та же тенденция. Чем выше уровень образования и квалифицированнее труд, тем насыщеннее досуг и тем он более разнообра-

зен. И наоборот, неквалифицированный труд рождает примитивный отдых.

Переход от «трудового общества» к «обществу досуга» – общемировая тенденция, затронувшая все или большинство стран независимо от социального строя. Он совпал с другим процессом – отходом от конвейерного производства, вытеснением человека из сферы непосредственного производства и замены его роботизированными комплексами. Зарубежные исследования доказывают, что стиль досуговой деятельности тесно связан с характером и содержанием труда. Занятые рутинной, однообразно повторяющейся работой в свободное время предпочитают бывать в людных местах – в парках, на концертах (чаще всего эстрадных), в кампаниях, а творческими профессиями – в уединенных местах, где меньше шума и суеты. И здесь действует принцип зеркального соответствия.

Далее. Представители высших классов более активны и разнообразны в использовании досуга, а низшего класса – менее разнообразны. Японские и американские бизнесмены не провозят различия между рабочим и свободным временем. Они часто развлекаются со своими клиентами или коллегами игрой в гольф или вечеринкой с певицами. Они жестко не привязаны к рабочему месту и день у них проходит чаще в разъездах, чем за конторским столом. Они свободны в выборе времени и места, не скованы в средствах. Их работа – творческий труд, насыщенный встречей с интересными людьми и событиями.

Возможно, поэтому для представителей творческих профессий в большей мере характерна *работомания*. Этим словом, противоположным *работофобии*, следует обозначать сильную привязанность к своей работе, поглощенность ею. Работа бизнесмена или адвоката, действительно, жестко не делится на рабочее и внерабочее время. Но и сам рабочий день протекает быстрее, насыщеннее и содержательнее. Он меньше изматывает психику рутинным трудом. Как правило, руководители в полтора-два раза чаще проявляют высокую удовлетворенность своим трудом, нежели рабочие. У наемного работника между дневным и вечерним временем пролегает зримая, психологически ощущаемая граница.

Известна анкета западногерманского невропатолога Г. Ментцеля. По существу, это даже не социологическая анкета, а психологический тест, позволяющий, хотя и приблизительно, измерить уровень «работомании». Прежде всего тест адресован работникам умственного труда. Видимо, Г. Ментцель подразумевал, и вполне справедливо, что симптомы такого «недуга» свойственны именно этой категории работников. Приведу полностью психологический тест о работомании.

1. Ощущаете ли вы после начала работы неодолимую потребность продолжать трудиться?

2. Свойственна ли вам торопливость в работе? Вызывает ли она состояние эйфории?

3. Работаете ли вы в свободное время и в отпуске?

4. Работаете ли вы главным образом по вечерам?

5. Часто ли вы думаете о своей работе на досуге?

6. Пытались ли вы хотя бы время от времени не работать?

7. Пытались ли вы придерживаться какой-то определенной системы в работе – например, работать только в определенные часы?

8. Делаете ли вы работу, которую мог бы делать человек более низкой квалификации?

9. Пренебрегаете ли вы своим питанием?

10. Испытываете ли вы ощущение вины от того, что, всецело отдаваясь работе, недостаточно внимания уделяете семье, а также пренебрегаете личными интересами?

11. Ощущаете ли вы стыд в связи с тем, что, помимо работы, у вас ни на что не находится времени?

12. Любите ли вы, чтобы другие люди выражали вам свое сочувствие в связи с тем, что вы так много работаете?

13. Чувствуете ли вы себя «неприкаянным», когда над вами не довлеют сроки и обязательства?

14. Прибегаете ли вы к всякого рода глубоко-мысленным объяснениям, чтобы «подвести базу» под вашу привычку чрезмерно много работать (например, некоторые говорят: «Если хочешь чего-то достичь в жизни, надо трудиться, не жалея сил», другие – «Надо жертвовать собой...» и т.д.)?

15. Проявляете ли вы нетерпимость по отношению к тем людям, чей стиль работы отличен от вашего?

16. Снизилась ли по сравнению с прошлых производительность вашего труда?

17. Произошли ли какие-либо изменения в вашей семейной жизни в связи с вашей одержимостью работой?

18. Часто ли вы меняете место работы или сферу деятельности (в поиске новых возможностей для проявления своей одержимости работой)?

19. Превратилась ли для вас работа в такую привычку, которой вы не в силах противостоять?

Тот, кто ответит «да» хотя бы на пять вопросов анкеты, тот, по мнению Г. Ментцеля, рискует заболеть «работоманией». Ответивший положительно более чем на десять вопросов почти наверняка является работоманом. Способ лечения может быть только один – найти правильное соотношение между работой и досугом.

Несомненно, Г. Ментцель правильно подметил основные признаки работомании, хотя не раскрыл ее причины. Да это и не входило в его задачи, нам важно выяснить другой вопрос. Может ли вообще быть у работомана досуг? Ведь досуг, по мнению

Р. Глассера, это не просто пустое, ничем не заполненное или свободное от всякой деятельности время. Или, как многие из нас думают, безделье.

Досуг – это тоже форма деятельности, но иная, не ориентированная на получение денег. В досуге человек переключается на другие виды ответственности – он домохозяйка или отец, член престижного клуба или участник гражданского движения.

Досуг прекрасен тем, что каждый день вы вольны выбирать форму деятельности, новое место и новых друзей. Напротив, работа каждый день одна и та же, с одними и теми же людьми, в одном и том же месте.

В последнее время среди молодежи Запады наблюдается резкий сдвиг в ценностных ориентациях. Она предпочитает досуг работе. Молодежные движения, увлечение альтернативными социальными проектами, культ эксцентризмы, расширение потребительских возможностей и возможностей разъезжать по всему миру, путешествовать и встречаться с молодежью других стран, экзотическое принятие революции как образа жизни, – все эти факторы заставляют говорить о новой реальности, новом типе социального поведения и вообще новом обществе. В противоположность старому индустриальному обществу, или трудовому обществу нынешний этап развития называют постиндустриальным, или информационным обществом. Ему присущи две характерные черты: отказ от принципа «работа – это центральный жизненный интерес человека» и досугоцентризм, идентификация с досугом как основной сферой самореализации индивида.

Досугоцентризм характеризует, на мой взгляд, не только развитые капиталистические страны. Присущ он и нашему обществу, причем не в меньшей степени. Вообще, досугоцентризм или трудоцентризм не могут быть чертами того или иного социального строя. Они характеризуют историческую эпоху в целом, новую стадию индустриального развития. А в нее втянуты сейчас все страны. Перед социологией и другими поведенческими науками возникает в связи с этим немаловажный вопрос: каким образом смещение обыденного сознания в сторону досугоцентризма влияет на отношение человека к труду? И связано ли подобное смещение с проблемой работоспособности и работоспособности.

Отношение к труду

Отношение к труду – одна из важнейших социологических категорий, которая характеризует взаимосвязь людей в процессе трудовой деятельности, показывает место, роль и ценность труда в жизнедеятельности человека как общественного существа. Она призвана ответить на вопросы о престижности труда в иерархии жизненно значимых для индивида ценностей, о сравнительной важности труда среди

других видов деятельности (например, досуга, общения), привязанности к своей профессии и работе, предпринятию к коллективу, о степени включенности человека в трудовой процесс, его заинтересованности и удовлетворенности трудом.

Социологи изучают отношение к труду как систему ориентаций и мотивов трудовой деятельности, а в качестве исходного принципа берут единство труда как главной потребности (ценности) жизни и как основного средства существования. Ленинградские социологи во главе с В.А. Ядовым изучали три уровня отношения к труду: отношение к труду вообще как к ценности, отношение к профессии как определенному или частному виду труда, отношение к работе в конкретных условиях, рабочему месту. Показателем удовлетворенности или неудовлетворенности какими-то сторонами работы выступали ориентации на труд.

Отношение к работе – в социологической литературе и в практике не квалифицируется как однозначное понятие или четко операционализированный индикатор. Нередко его смешивают с отношением к труду, к специальности, предпринятию или просто с личными качествами работника. Среди показателей отношения к работе перечисляются обязательность, аккуратность, высокое чувство профессионального долга, инициативность, самостоятельность, исполнительность, независимость суждений и т.д. Ясно, что инициативность и настойчивость – индикаторы творческой или трудовой активности, а обязательность и исполнительность – отношения к работе. Однако такие качества, как независимость суждений, высокое чувство профессионального долга, самостоятельность могут быть и свойствами личности, не имеющими отношения к работе и сформировавшимися до или независимо от трудовой деятельности (в семье, школе), и характеристиками отношения к работе, если они сформировались действительно в процессе работы на данном месте.

В исследовании 1962 и 1976 годов ленинградские ученые выявили довольно серьезные изменения (обусловленные отчасти историческими сдвигами) в отношении молодых рабочих к своему труду. В частности, они обнаружили растущее предпочтение семейно-бытовых и активных досуговых занятий, заметный сдвиг в сторону сбалансированного, уравновешенного интереса как к содержанию работы, так и к материальному вознаграждению. Наконец, была установлена тенденция формирования отношения к труду, отличающаяся скорее рациональностью, нежели энтузиазмом. Они доказали, что социалистическое общество требует новой модели отношения к труду – инициативного, коллективистски заинтересованного, граждански ответственного и добросовестного. Творчество здесь тесно увязано с таким исполнением обязанностей, которое связано с нетворческим, монотонным, и физически нелегким трудом. Именно такой тип отношения к труду, по мнению

В.А. Ядова, в ближайшей перспективе может рассматриваться как нормативный.

Отношение к труду менялось в реальном поведении людей и в сознании ученых. Как считает О.И. Шкаратан [2], в 1930–1950-е годы отношение к труду анализировалось советскими учеными с точки зрения качественных преобразований в положении работника в производстве при капитализме и социализме. С середины 1960-х годов в центр внимания выдвигается степень воплощения нового отношения к труду в деятельности человека. Ведущим мотивационным фактором объявляется интерес работника к содержанию своего труда. Преобладающей становится концепция определяющего влияния функционального содержания труда, т.е. совокупности функций и трудовых операций. Согласно ей, разнообразная и творческая работа повышает удовлетворенность трудом.

В 1970-е годы формируется более многосторонний, широкий подход, важное место в исследованиях придается ориентации работника не столько на процесс (содержание) труда, сколько на его конечные результаты. Акценты смещаются с психологической, мотивационной стороны отношения к труду к социально-экономическим, деятельностным аспектам. Это значит, что социологи обращают внимание на выполнение работником планового задания, качество продукции, экономию сырья и материалов, использование рабочего времени, соблюдение трудовой и технологической дисциплины. Социальный контекст труда по своему содержанию не ограничивается уже межличностными отношениями, а в него вовлекаются производственные взаимосвязи работников, отношение к собственности, участие в управлении производством, соответствие оплаты труда его результатам, общественная полезность труда. С таких более широких позиций и мы будем анализировать отношение к труду.

Отношение к собственности

Обратимся к методу мысленного эксперимента и рассмотрим две ситуации. В первой мы встречаем индивида *A*, который работает один на своем личном участке земли и получает осенью, допустим, 10 мешков картошки. Они составляют его собственность, итог его труда, независимо от того, продает он их, потребляет сам или безвозмездно делится с соседями. Во второй индивид *B* для облегчения своего труда нанял двух работников, и они заготовили ему те же 10 мешков. Хотя последние остаются в его личной собственности, но они уже не являются результатом его личного труда. Это и есть пример (конечно, весьма утрированный) наемного труда и частной собственности.

В первом случае 10 мешков достались индивиду *A*, что называется, в поте лица. Они измерены его физическим напряжением, старением, трудо-

любием и множеством других качеств, в том числе эмоциональных переживаний, которые всегда сопровождают ручной труд. Иными словами, его отношение к труду измерено и оценено реальными трудовыми затратами, вложенной в работу частичкой своего «Я». Следовательно, и отношение индивида к каждому открытому им клубню будет особенно бережным, осторожным.

Во втором случае те же 10 мешков добыты без труда и физического напряжения. Точнее, они получены за счет чужого труда. Индивид *B* не знает, что такое труд как индивидуальное напряжение. Стало быть, его отношение к труду совсем иное. Здесь уместнее говорить об отношении к результату или продукту труда, т.е. отношении к собственности, т.е. 10 мешкам картошки, которые он не выкапывал, но которыми владеет. Отношения к труду как таковому, т.е. отношения к процессу труда, или работе, здесь нет вовсе.

Сравним обе ситуации. В первой связь между результатом и процессом труда непосредственная, физически ощущаемая, а во второй – она опосредована осуществляемым над двумя нанятыми работниками контролем, или надзором. Активно-преобразовательная связь у индивида *A* и созерцательно-пассивная фикция у индивида *B*.

В этом примере мы смоделировали социально-экономические факторы, обуславливайте различное отношение к труду – у собственника-производителя и у собственника-нанимателя. Во втором случае отношение к труду только иллюзорное. Ведь материальный субстрат – вещественный процесс труда – «унесен» двумя нанятыми работниками.

Обратим внимание на двух других действующих лиц нашего мысленного эксперимента. До сих пор они оставались в тени. Речь идет о нанятых индивидом *B* работниках. Процесс их труда известен – это ручной физический труд, достаточно тяжелый и материально осязаемый. Следовательно, здесь то же самое непосредственное отношение к процессу труда, что и у индивида *A*. Однако очевидно и различия; продукт их труда – 10 мешков картошки – отчуждается в пользу другого лица, который выступает их собственником. Если это так, то их отношение к труду, который включает в себя и процесс, и полученный продукт, весьма противоречиво. Оно глубоко двойственно. Действительно, со стороны содержания, или процесса труда мы можем говорить об отношении к труду как к своему труду. Но со стороны его продукта (результата) мы должны говорить об отношении к нему как к чужому. Подобный тип отношения к труду можно назвать неполным или *превращенным*. Отношение к труду как к своему в первоначальной стадии не закрепилось в дальнейшем. Оно было «снято» отношением к нему как к чужому на завершающей стадии трудового процесса.

Отсюда вывод: у наемного работника отношение к труду как к своему собственному не суще-

ствуется, поскольку результатом его он не распоряжается. Продукт труда для двух работников предстает в чисто символическом виде – это деньги, полученные за работу. Непосредственная связь человека с трудом и собственностью здесь как бы выпарилась, стала иллюзорной.

Подобная метаморфоза лежит в самой природе наемного труда как неполного, социально обкраденного труда. Ведь изначально, по своему определению, труд выступает такой целесообразной деятельностью, в которой присутствуют и должны присутствовать все необходимые моменты этого преобразовательного процесса: сырье или предмет труда, сам процесс труда как совокупность трудовых операций и физических (плюс умственных) затрат человека, конечный продукт труда и цель труда. Наемному работнику остался только один момент – сам процесс труда и физические затраты. Предмет и продукт труда находятся в собственности другого лица, но одновременно с отчуждением этих моментов обесмысливается и весь процесс труда. Из него изымается главное – цель, во имя которой и происходит преобразование вещества природы. Мекки с картошкой переходят в собственность другого лица. Для любого нормального человека цель труда – получение осязаемого, материально значимого продукта: автомобиля или костюма. Но если вы выполняете частичный труд или не видите конечного результата работы своих рук, то сложно сказать, есть у такого труда цель или ее нет. Вы получили за свою работу кучу денег, но в глубине души у вас нет ясной цели: во имя чего вы трудились. Так, работа на конвейере не оправдывает, – правда, психологически, а не экономически, поскольку произошел эквивалентный обмен, – затраченных усилий. Психологически наемный работник смотрит на свой труд как на бесцельное, требующее изнурительного напряжения, занятие. Если добавить сюда ясное осознание работником, что он дал собственнику продукции на 100 рублей, а получил всего лишь 30, то негативное отношение к труду становится не только очевидным, но и социально оправданным.

Анализируя объективный механизм формирования отношения к труду у наемного работника, К. Маркс отмечал, что раз уж целью труда для него становится заработная плата, в которой исчезает всякое своеобразие потребительной стоимости, то «он совершенно равнодушен к содержанию своего труда и поэтому к особому роду своей деятельности» [1], т.е. к своей профессии. Равнодушное отношение к труду здесь объясняется тем, что целью труда становится нечто внешнее его содержанию – заработная плата. Ведь она не является органической частью трудового процесса, как, допустим, продукт труда. Поэтому зарплата может быть целью труда только формально, а не содержательно.

Подчеркнем важность данного тезиса: зарплата выступает формальной целью труда. Если человек с самого начала знает, что работает всего лишь за деньги, а продуктом его труда распоряжается кто-то другой, то будет ли он заботиться о качестве продукции? По всей вероятности, нет. Более того, и сырье, и средства труда (оборудование) для него не имеют практической цены, т.е. потребительной стоимости. Отсюда следует: индивид не заинтересован в их сохранности и бережном отношении. Его интересует только зарплата как единственная и всепоглощающая цель труда. Чтобы получить больше, он готов прибегнуть к любым, даже незаконным, действиям.

Первая жизненная потребность

В литературе отношение к труду нередко оценивается как превращение труда в первую жизненную потребность. По мере движения общества вперед, труд, якобы, перестает уже выполнять свою функцию средства существования.

Данные моего исследования, проведенного в далекие 1988–1990 гг. в Нечерноземье, не подтвердили эту тенденцию. Для большинства опрошенных (от 62,3 до 82,8%) труд не являлся первой жизненной потребностью. Другими словами, для большинства людей неверно утверждение, что наибольшее удовлетворение, какое они получают в жизни, связано с работой. Неверно, что человек настолько поглощен своей работой, что буквально живет и дышит только ею. А ведь именно эти показатели выступали в социологии критерием превращения труда в первую жизненную потребность. Я ожидал получить положительные ответы, но они оказались в большинстве случаев отрицательными. Только для одной трети опрошенных труд являлся самой важной ценностью в жизни.

Я выяснил: в действительности работа занимает промежуточное место среди важнейших ценностей современного человека. Так, для 56% работа не выделяется среди других занятий, составляющих круг их жизненных интересов. Для 73,6% респондентов существуют и другие занятия, где они получают большее или примерно такое же удовлетворение, как на работе.

В исследовании каждая из одиннадцати переменных, описывающих отношение к труду, измеряла интенсивность этого отношения по трехбалльной шкале, но позиции давались не общими оценками типа высокий, средний и низкий уровни, а расшифровывались содержательными формулировками. Выяснилось, что отношение к работе чаще занимает средние и низшие позиции. Так, для половины опрошенных (50,9 и 49,1%) работа доставляет гораздо меньшее удовлетворение, чем другие виды деятельности, поэтому они более предпочтительны для них, чем работа; наконец, 40,7% респондентов ответили, что работа эмоци-

онально не захватывает их, не вызывает подъема чувств и мыслей.

Несмотря на то, что у большинства респондентов отношение к работе, скажем так, сдержанно-спокойное, общая оценка труда как профессионального мастерства довольно высока. Например, 63,7% рабочих судят о других людях прежде всего по тому, как хорошо они выполняют свою работу, а 78,8% заявили, что если бы у них была возможность выбора, то они не стали работать вместе с человеком, который недобросовестно относится к своей работе.

Таким образом, у большинства людей сформировалось неоднозначное, довольно сложное, если не сказать противоречивое отношение к труду. С одной стороны, труд не стал для них первой жизненной потребностью, они предпочитают не вкладываться полностью на своем рабочем месте, приберегая силы и время на внепроизводственные виды занятий, которые не менее (если не более) значимы для них. Люди получают от работы удовлетворение меньшее, чем, может быть, ожидали или желали бы. С другой стороны, профессионализм в работе остается для них критерием оценки партнеров по труду, отношения к человеку. Это подтверждается и оценками уровня ответственности; 85,3% респондентов не согласны, что хороша лишь та работа, где с тебя меньше спрашивают и ты ни за что не отвечаешь.

Отношение к труду и удовлетворенность работой претерпели определенные исторические изменения. В 1960-е годы сформировалось отношение к труду как основному мотивационному фактору поведения человека. Тогда признавался чуть ли не безусловным тезис: чем шире творческие возможности работы, разнообразнее и интереснее ее содержание, тем выше удовлетворенность ею. В 1980-е годы наблюдался отход от строго иерархической мотивационной структуры, верховным принципом которой выступало содержание труда, сформировался так называемый сбалансированный подход, согласно которому равнозначными полюсами дихотомической шкалы ценностей выступают два фактора – содержание труда (моральное стимулирование) и зарплата (материальное). Он сохранился и в 2020-е годы.

Реальный мир труда сегодня – это бесконечное разнообразие промежуточных форм, в которых

содержание труда и зарплата, с одной стороны, представлены с различными удельными весами, степенью, а с другой – тесно увязаны с другими мотивационными факторами. Таким образом, общий рисунок отношения к труду стал богаче, сложнее. Однако большинство людей выбирают середину шкалы, промежуточные между работоманией и работофобией формы отношения к труду.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 12.
2. Шкаратан О.И. Эффективность труда и отношение к труду // Социол. исслед. 1982. № 1. С. 19–27.
3. O'Brien Gordon E. Work and leisure // The handbook of economic psychology: W.F. van Raaij, G.M. van Veldhoven and K.-E. Wärneryd (eds.). – Kluwer: Dordrecht, 1988. – P. 538–569.
4. Tilghe A. La poesia dialettale napoletana 1880–1930. – Roma: Libreria di Scienza e Lettere, 1930.
5. Wilensky Harold L. Work, Careers, and Social Integration // International Social Science Journal January 1960. 4(4):543–560.

HOW WE WORK IF WE WORK

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

There is a hidden attitude to work in the Soviet era, which differed from the ideological statements and expectations of society. Attitude to work is a complex conglomerate of mixed forms of behavior that are located on the continuum from work to work-phobia. An important part of this concept is job satisfaction, a high level which some scientists consider an indicator that labor is the first vital need and has never been such. Whether this is really the case, the author considers on the basis of empirical data of the Soviet era and modern American society.

Keywords: attitude to work, work-work, work-phobia, work as the first vital need, satisfaction with work.

References

1. Marx K., Engels F. Soch. T. 48. P. 12.
2. Shkaratan O.I. Labor efficiency and attitude towards work // Sociol. research 1982. No. 1. P. 19–27.
3. O'Brien Gordon E. Work and leisure // The handbook of economic psychology: W.F. van Raaij, G.M. van Veldhoven and K.-E. Wärneryd (eds.). – Kluwer: Dordrecht, 1988. – P. 538–569.
4. Tilghe A. La poesia dialettale napoletana 1880–1930. – Roma: Libreria di Scienza e Lettere, 1930.
5. Wilensky Harold L. Work, Careers, and Social Integration // International Social Science Journal January 1960. 4(4):543–560.

Региональная идентичность и ментальность сибирской молодежи

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются особенности развития региональной идентичности и ментальности. Анализ проводится на примере молодежи Красноярского края. Обозначаются причины важности изучения данного вопроса и возможности использования данных представителями власти, науки и педагогами. Выделяются характеристики региональной идентичности, а также особенности влияния менталитета на региональную идентичность. Приводятся результаты регионального исследования региональной идентичности и ментальности сибирской молодежи на примере Красноярского края, выявляются универсальные и уникальные черты и особенности.

Ключевые слова: региональная идентичность, ментальность, Сибирь, сибирская молодежь, Красноярский край.

Региональная идентичность выступает основой конструирования социальной идентичности человека. Она связывает воедино место, время, социум и конкретного человека в единую связь, которая порождает особые эмоции, когнитивные осмысления и поведенческие реакции как одного человека, так и целое сообщество людей. Региональная идентичность обусловлена общими социально-историческими и социокультурными условиями развития местного социума, включает социально-психологические и ментальные характеристики локальных сообществ. Нами ранее делался акцент на уникальных чертах ментальности молодежи, которая в современных условиях начинает трансформироваться, а вместе с этим меняется и региональная идентичность [15–18].

Особенно наглядно это видно при изучении социально-психологической динамики молодежи, как наиболее активной и разносторонней социально-экономической группой современного общества, на передовой встречающей все социальные трансформации и формирующей особые условия оценки и адаптации под происходящие перемены. Молодежь – это показатель изменчивости и мобильности общества, где региональная идентичность и ментальность могут стать основой социального развития личности.

Региональная идентичность становится важна для современной молодежи по ряду причин:

- это компенсация различных стратегий социальной изоляции и ограничения возможностей (региональная идентичность позволяет повысить собственную значимость и важность того, где живет человек и что именно в этом месте и времени делает);
- это опора на родовую структуру и коллективную память (региональная идентичность связывает человека и его предков, проживающих давно или относительно недавно пришедших на определенную территорию, а также подключает элементы коллективной памяти, регулирующие социальные взаимодействия, мировоззрение и ценности (П.А. Баев [5, 6]);
- это основа для социальной консолидации общества, позволяющей людям быть близкими между собой, проявлять эмпатию и альтруизм (Р.Г. Ардашев [1, 2], О.А. Кармадонов [14], О.А. Полюшкевич [19–23]).

Помимо этого, региональная идентичность обладает рядом характеристик:

- это коллективное отражение в личности (региональная идентичность позволяет переключить

процессы «мы» (консолидирующие общество в «я»; это механизм переноса общих ценностей на индивидуальные);

- это локальность и латентность (при всей солидарности членов сообщества – она объединяет только ту часть, что связана с конкретным регионом, т.е. достаточно латентна;
- это подвижность (она может измениться, если человек переедет);
- это проявленность (когда она артикулируется и подтверждается мыслями, эмоциями и поступками членов сообщества) или скрытность (когда существует как данность, никак не обозначается и не влияет на принимаемые решения);
- это патриотичность, региональная идентичность проявляется в терминах Любви к родине, готовности защищать отечество (П.А. Баев [3, 4], Р.В. Иванов [10–13]).

Эти причины и характеристики региональной идентичности позволяют ей быть притягательной для социально-политических сил, заинтересованных в формировании идеологии и гражданской идентичности (П.А. Баев [3, 4]) жителей страны. Более того, региональная идентичность невозможна без ментальных особенностей конструирования социального воспроизводства общества. Она влияет на качество жизни, качество регионального социального капитала жителей региона (А.Н. Пружинин [30, 31]), а также особенности формирования имиджа территории (Ю.В. Заварзина [7–9], М.В. Попова [26–29]).

Особенности исследования

Цель статьи – выявить особенности проявления региональной идентичности и ментальности сибирской молодежи.

Изучая происходящие в сознании молодежи процессы, мы можем увидеть, как меняется ее менталитет. Этому вопросу было посвящено наше исследование. В нем приняли участие 1200 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, 56% женщин и 44% мужчин, проживающих в разных регионах России. Исследование проводилось в виде онлайн анкетирования. При анализе использовались методы средних значений и критерий Манна-Уитни. Погрешность выборки 3,2.

Анализ результатов исследования

Молодые люди достаточно рано начинают себя идентифицировать помимо личной идентичности (по полу и возрасту) с социальной общностью (семья, друзья), а региональная идентичности формируется, когда он понимает – где проживает, кто с ним вместе живет в данном регионе, как себя при этом чувствует, как давно его семья живет в данном регионе и т.д. Это постепенное приобщение

и присвоение «своего» места в пространстве страны. Об этих процессах говорили 75% опрошенных.

Причем, чем конкретнее территория, тем больше молодые люди готовы считать себя ее жителями. Например, «житель Красноярского края» воспринимается значимой, разделяемой лишь для 21% опрошенных, тогда как житель конкретного города в Красноярском крае – 66%.

«Своими» считают близкий круг – родственники, друзья (76%), а жители того же города лишь в 46% воспринимаются «своими», того же региона в 22% свои. Приоритет личностной идентификации обусловлен более близким и понятным контактом с теми, с кем есть регулярное взаимодействие и кого знают «в лицо», тогда как абстрактная категория – «жители региона» не наполнена никаким конкретным смыслом.

При этом, общегражданская идентичность в виде «гражданина России», «россиянина» выявлена у 96% опрошенных (что согласуется с данными П.А. Баева). Полагаем, это влияние воздействия проводимой идеологической политики и формирования «мы-образа» на уровне граждан страны со стороны органов власти. Жителями Красноярского края считают себя 52% опрошенных, т.е. общегосударственная идентичность более отрефлексирована и проявлена, чем региональная.

Молодые люди практически никак не связывают себя с «жителями постсоветского пространства» (3%), «евразийцами» (1%). Это указывает на удаленность такой абстрактной территориальной связи (будь то временная или пространственная привязка).

Тогда как связь с такой абстрактной, но понятной категорией «сибиряк» вызывает положительную реакцию у 94% опрошенных. Молодые люди считают себя сибиряками и гордятся этим. Это вызывает гордость, удовлетворенность и радость в сознании опрошенных.

Надо отметить, что этническая принадлежность не является для красноярской молодежи фактором, способствующим формированию региональной идентичности (только 12% выделили этот фактор как приоритетный в формировании и развитии региональной идентичности). Полагаем, это связано с тем, что предки современных красноярцев приехали из разных регионов, имеют многонациональный и этнический состав, который не является показателем связи с конкретной территорией.

Стоит отметить, что у практически половины молодых людей, региональная идентичность носит номинальный характер (48%). Исторические, культурные, экономические, политические и религиозные факторы ими обозначаются как важные в формировании их идентичности, но не приоритетными или доминирующими.

Красноярский край у молодых людей связан в первую очередь с государственной символикой (герб края, гимн) – 35%, территориальными границами – 25%, историческими событиями (освоение

Сибири в 17–20 веках) – 20%, известными персонами, которые родились, выросли и возможно реализовывали свои идеи на территории края (ученые, художники, постели, спортсмены, музыканты, купцы и бизнесмены) – 20%. При ответе на вопрос, что вызывает гордость за край – мы получили практически те же ответы, что и на вопрос ассоциаций. Это говорит о значимости личного осмысления территории региона и встроенности этих представлений в общую логику восприятия края.

Негативным моментом является тот факт, что 53% молодых красноярцев хотели бы уехать из региона, несмотря на позитивную региональную идентичность. Да, 47% хотели бы остаться и развивать край, но этого недостаточно для полного социального воспроизводства и восстановления ресурсов во всех инфраструктурных сферах рассматриваемого региона.

Интересным моментом выступают источники знаний о Красноярском крае: школьная программа (формальные данные, статистика и историческая фиксация событий) – 22%; воспоминания членов семьи (эмоционально окрашенная история семьи, отраженная и зафиксированная в мемуарах, фотографиях и рассказах членов семьи, своего рода история семьи (О.А. Полюшкевич [24, 25]) – 20%; медийные ресурсы (радио, телевидение, Интернет) – 30%; художественные фильмы и сериалы – 18%; исторические и аналитические передачи, публичные лекции и встречи – 10%. Таким образом, коммемориальные практики на государственном, семейном или персональном уровне помогают сформироваться региональной идентичности.

Выводы

Для того, чтобы региональная идентичность молодежи Красноярского края перестала быть номинальной (как принадлежность к определенному субъекту территории), необходимо ее подкрепить практической наполненностью со стороны органов власти и готовности учитывать эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции жителей края.

Политика органов власти должна учитывать особенности менталитета и региональной идентичности при формировании стратегии развития Красноярского края. То, что позволит сформировать и усилить бренд территории опирается на понимание особенностей региональной идентичности и менталитета его жителей. Опора на реки и леса, а также на ресурсы Красноярского края сильная, но не достаточная, чтобы «любовь к Родине» стала основой идентичности жителей края. Необходимо усиливать социальный капитал через символы и образы, близкие духу жителей края и включенные в их символическое поле представлений.

Поведенческие реакции соотносятся с региональной идентичностью и менталитетом тогда,

когда они помогают находить ответы и ресурсы для собственного развития и продвижения в личном развитии и социальном признании. Когда молодые люди будут понимать, чувствовать и на реальных примерах видеть – как региональная идентичность и солидарность внутри сообщества помогла решить конкретные вопросы или проблемы, изменить уровень и качество жизни, определить особенности социального моделирования общественного воспроизводства, тогда она сможет более активно включаться в процессы региональной идентичности, усиливать ее и развивать в тех сообществах, в которые вовлечены сами и их близкие.

Проведенное исследование может быть полезно представителям власти для выработки социальной и идеологической политики; ученым для проведения исследований различных идентичностей, а также в целом молодежи; педагогам для формирования методологического инструментария исследования и воспитания региональной идентичности, укрепления ментальности среди молодежи.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Конспирологическое мышление современных россиян // Социология. 2023. № 3. С. 225–233.
2. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
3. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
4. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы, и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 39–43.
5. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 129–132.
6. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 512–515.

7. Заварзина Ю.В. Виртуальный имидж Иркутской области // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 69–75.
8. Заварзина Ю.В. Имидж территории через призму социокультурных коммуникаций // Социология. 2021. № 4. С. 75–91.
9. Заварзина Ю.В. Особенности территориального развития Иркутской области // Перспективы изучения социальной реальности. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдельштейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 103–110.
10. Иванов Р.В. Виртуализация современного уровня патриотизма в обществе // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 65–68.
11. Иванов Р.В. Критерии социальной безопасности на фоне современных социальных вызовов в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 12–15.
12. Иванов Р.В. Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере иркутской области) // Социология. 2024. № 6. С. 36–46.
13. Иванов Р.В. Реализация патриотического воспитания молодежи в современной России: региональный аспект. Монография. Иркутск, ИГУ, 2024. 96 с.
14. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.
15. Маслодудова Н.В. Образ будущего глазами студентов // Социология. 2024. № 7. С. 221–225.
16. Маслодудова Н.В. Социальная активность молодежи в условиях неопределенности // Социология. 2023. № 3. С. 110–119.
17. Маслодудова Н.В. Социальный капитал региональной молодежи // Социология. 2024. № 6. С. 47–54.
18. Маслодудова Н.В. Ментальные особенности современной молодежи // Социология. 2024. № 8.
19. Полюшкевич О.А. Духовно-идеологические основы формирования мировоззрения через патриотический кинематограф // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2022. С. 278–282.
20. Полюшкевич О.А. Идеи альтруизма и эгоизма через призму счастья // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, Вол НЦ РАН, 2020. С. 240–243.
21. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.
22. Полюшкевич О.А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 1037–1044.
23. Полюшкевич О.А. Патриотические проекты национально-культурных НКО России // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2024. С. 162–164.
24. Полюшкевич О.А. Семейная история и идентичность // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 221–228.
25. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
26. Попова М.В. Бренд и имидж территории: характерные отличия // Трансгрессия социокультурного пространства. Материалы. Печатается по решению научно-методического совета Иркутского государственного университета. Иркутск, ИГУ, 2016. С. 121–127.
27. Попова М.В. Влияние идентичности на имидж сельских территорий // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 158–164.
28. Попова М.В. Имидж России в сознании студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018. № 4. С. 50–53.
29. Попова М.В. Особенности конструирования имиджа России в оценках студенчества // Социальный опыт комсомола и его значение для модернизации России. Сборник научных трудов подготовлен в рамках мероприятий, посвященных 100-летию ВЛКСМ. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 121–126.
30. Пружинин А.Н. Моделирование развития человеческого капитала в современном бизнесе // Социология. 2022. № 2. С. 59–68.

31. Пружинин А.Н. Нормативно-правовое регулирование корпоративного обучения и развития человеческого капитала // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 284–287.

REGIONAL IDENTITY AND MENTALITY OF SIBERIAN YOUTH

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the features of the development of regional identity and mentality. The analysis is carried out on the example of the youth of the Krasnoyarsk Territory. The reasons for the importance of studying this issue and the possibility of using data by government officials, scientists and teachers are indicated. The characteristics of regional identity, as well as the features of the influence of mentality on regional identity are highlighted. The results of a regional study of regional identity and mentality of Siberian youth on the example of the Krasnoyarsk Territory are presented, universal and unique features and characteristics are identified.

Keywords: regional identity, mentality, Siberia, Siberian youth, Krasnoyarsk Territory.

References

- Ardashev R.G. Conspiracy thinking of modern Russians // *Sociology*. 2023. No. 3. P. 225–233.
- Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // *Sociology*. 2024. No. 7. P. 59–64.
- Baev P.A. Civil and national identity of Russians // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 69–76.
- Baev P.A. National foundations of Russian statehood in a multipolar world // *Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches)*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, 2023. P. 39–43.
- Baev P.A. What is Russian youth proud of and ashamed of // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. P. 129–132.
- Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. P. 512–515.
- Zavarzina Yu.V. Virtual image of the Irkutsk region // *Social reality of virtual space*. Proceedings of the IV International scientific conference. Irkutsk, ISU, 2022. Pp. 69–75.
- Zavarzin Yu.V. Image of the territory through the prism of socio-cultural communications // *Sociology*. 2021. No. 4. Pp. 75–91.
- Zavarzin Yu.V. Features of the territorial development of the Irkutsk region // *Prospects for the study of social reality*. Collection of scientific articles. Generally edited by O.A. Polyushkevich, O.A. Edelshtein, G.V. Logunova. Irkutsk, ISU, 2021. Pp. 103–110.
- Ivanov R.V. Virtualization of the modern level of patriotism in society // *Social reality of virtual space*. Proceedings of the V International scientific and practical conference. Generally edited by O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2023. Pp. 65–68.
- Ivanov R.V. Criteria for social security against the background of modern social challenges in Russia // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 12–15.
- Ivanov R.V. The policy of patriotism: features of the work of youth political organizations (on the example of the Irkutsk region) // *Sociology*. 2024. No. 6. Pp. 36–46.
- Ivanov R.V. Implementation of patriotic education of youth in modern Russia: regional aspect. Monograph. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. 96 p.
- Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // *Nomothetika: Philosophy*. *Sociology*. Law. 2021. Vol. 46. No. 3. Pp. 605–609.
- Maslodudova N.V. The Image of the Future through the Eyes of Students // *Sociology*. 2024. No. 7. Pp. 221–225.
- Maslodudova N.V. Social Activity of Young People in Conditions of Uncertainty // *Sociology*. 2023. No. 3. Pp. 110–119.
- Maslodudova N.V. Social Capital of Regional Youth // *Sociology*. 2024. No. 6. Pp. 47–54.
- Maslodudova N.V. Mental Features of Modern Youth // *Sociology*. 2024. No. 8.
- Polyushkevich O.A. Spiritual and ideological foundations of the formation of a worldview through patriotic cinema // *Humanitarian knowledge and spiritual security*. Collection of materials of the IX International scientific and practical conference. Makhachkala, 2022. Pp. 278–282.
- Polyushkevich O.A. Ideas of altruism and egoism through the prism of happiness // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Materials of the V international scientific and practical Internet conference. In 2 parts. Vologda, Vol SC RAS, 2020. Pp. 240–243.
- Polyushkevich O.A. New identity in modern patriotic cinema // *Humanitarian vector*. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 192–202.
- Polyushkevich O.A. Patriotism as a Form of Prosocial Behavior // *Telecommunication Technologies: Updating and Solving the Problems of Training Highly Qualified Personnel in Modern Conditions*. Khabarovsk, 2020. pp. 1037–1044.
- Polyushkevich O.A. Patriotic Projects of National-Cultural NPOs of Russia // *Positive Experience of Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation*. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan, 2024. pp. 162–164.
- Polyushkevich O.A. Family History and Identity // *Interdisciplinary Resources of Economic Psychology in the Formation of Ethnoregional Identity and a Positive Image of a Small Homeland*. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Editors-in-Chief A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. P. 221–228.
- Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // *Sociology*. 2019. No. 3. P. 88–92.
- Popova M.V. Brand and image of the territory: characteristic differences // *Transgression of socio-cultural space*. Materials. Published by decision of the Scientific and Methodological Council of Irkutsk State University. Irkutsk, ISU, 2016. Pp. 121–127.
- Popova M.V. The influence of identity on the image of rural areas // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Proceedings of the VII International scientific and practical conference. Irkutsk, ISU, 2021. Pp. 158–164.
- Popova M.V. Image of Russia in the minds of students // *Alma Mater (Bulletin of the Higher School)*. 2018. No. 4. Pp. 50–53.
- Popova M.V. Features of constructing the image of Russia in the assessments of students // *Social experience of the Komsomol and its importance for the modernization of Russia*. A collection of scientific papers was prepared as part of the events dedicated to the 100th anniversary of the Komsomol. Irkutsk, ISU, 2018. Pp. 121–126.
- Pruzhinin A.N. Modeling the development of human capital in modern business // *Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 59–68.
- Pruzhinin A.N. Normative and legal regulation of corporate training and human capital development // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. materials of the V International scientific and practical conference. Irkutsk State University. Irkutsk, ISU, 2023. Pp. 284–287.

Социально-философский анализ феномена репрезентации научных достижений в СМИ: на примере деятельности Санкт-Петербургского политехнического университета

Плешачков Евгений Васильевич,

аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: pleshachkov@gmail.com

В статье описываются новые вызовы, стоящие перед учеными: в условиях повсеместной медиатизации и развития цифровых средств коммуникации научные сотрудники сталкиваются с необходимостью презентации результатов собственного научного труда не только перед коллегами, но и перед обществом с помощью СМИ. Проведен тематический анализ посвященных деятельности Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого публикаций в крупнейших федеральных информационных агентствах. Даны рекомендации службам, ответственным за популяризацию научных достижений в российских университетах.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, наукометрический подход, публикационная активность ученых.

Исследование профинансировано Министерством науки и высшего образования РФ в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (соглашение № 075–15–2024–201 от 06 февраля 2024 г.)

Повсеместное проникновение цифровых технологий во все сферы жизни общества прочно укрепило их положение, сделав не просто помощником, но необходимым инструментом для выполнения как повседневных задач, так и рабочих процессов. Цифровые технологии сначала упростили и ускорили темпы коммуникации между индивидами и группами, оставив в прошлом как аналоговые бумажные письма, так даже и мысль о необходимости очных встреч. Это, безусловно, породило новые этические границы – например, о скорости реакций в рамках онлайн коммуникации или о трансформации иерархических структур и межуровневого взаимодействия (речь идет про возможность рядового индивида непосредственно обратиться к первому лицу компании, организации или властной структуры через функцию обратной связи на официальном сайте). При этом развитие цифровых технологий происходит одновременно (а зачастую и стимулирует этот процесс) с медиатизацией реальности. Под этим мы понимаем включение массмедиа в жизнь общества и непосредственное влияние на его формирование [6]. Любой участник цифрового мира становится не только потребителем, но одновременно и творцом медиаконтента.

Современная наука как важнейшая часть общества, определяющая направления его технологического развития, также подвергается серьезному влиянию цифровых технологий. Как отмечают исследователи, прежде всего речь идет про трансформацию научной коммуникации как внутри общества ученых, так и на уровне наука-общество [3; 5]. В последние годы отчетливо видно увеличение числа научных публикаций, многие из которых не только не цитируются (до 80%), но и вовсе не прочитываются (до половины), отмечает А.Ю. Антоновский. Автор приходит к выводу, что современная научная репутация, складывающаяся, в том числе, из индекса Хирша, импакт-фактора журнала, переменных цитирований, скачиваний и прочтений, влияет на определение приоритетных фронтальных задач, стоящих перед научными коллективами, а значит – на административную и экономическую поддержку тех или иных исследований. При этом парадокс заключается в том, что научные аутсайдеры (те авторы, чьи статьи не читают) не исключаются из числа научных сотрудников. По мнению А.Ю. Антоновского,

неэффективные с точки зрения формального наукометрического подхода, но вместе с тем обладающие необходимыми знаниями и компетенциями ученые становятся активной аудиторией научных статей своих более популярных коллег. «В этом смысле именно они «трансформируют» научные сообщения в научные достижения, а их миссия состоит в осуществлении «представительной демократизации» науки. В своей совокупности они образуют «инстанцию отбора» (или второй эволюционный механизм), который обеспечивает (сегодня, главным образом, онлайн-сетевую) оценку достижений лидеров науки» [1, с. 90]. Вместе с тем необходимо отметить наиболее значимый вклад таких научных сотрудников в формирование образа ученого в массовом сознании с помощью средств массовой коммуникации – как официальных СМИ, так и в блогосфере. При этом подобный образ создается не на основании публичной презентации ученым результатов собственного интеллектуального труда, но на основании комментарийной активности на злободневные темы и новости, нередко – сиюминутные, бытовые или даже скандальные. На наш взгляд это может представлять серьезный репутационный вред для научного учреждения и требует от пресс-служб контроля за публичной активностью ученых.

Критика наукометрического подхода

Использование количественных индикаторов публикационной активности ученых как единственного мерила оценки их эффективности вызывает вопросы у многих исследователей. Так, С.В. Пирожкова и В.В. Омелаенко отмечают неблагоприятные эффекты кадровых решений, опирающихся лишь на число научных статей того или иного ученого, в долгосрочной перспективе. Авторы указывают, что такой подход меняет весь этос научной деятельности. «Особую тревогу вызывает порождаемая стилем управления нестабильность исследовательской карьеры и закономерное падение ее привлекательности, а также структурное упрощение научной работы. Британская рамка развития исследователей, систематизируя компетенции ученого, демонстрирует, чем именно он должен заниматься, и явно все эти формы занятости нельзя свести к публикационной активности или представить как вспомогательные по отношению к ней» [8, с. 116]. Миненко В.Г., называя манипулирование наукометрическими показателями, включая индекс Хирша «социальным бедствием», предлагает не только новые количественные методики подсчета научной активности ученого, но и качественный анализ целесообразности цитирований в публикациях [4].

Современная наука, характеризующаяся междисциплинарными подходами, а также диффузией функций исследователей, проводящих научный поиск, и научных администраторов, обеспечивающих инфраструктурную часть этой работы, ставит

перед учеными новые вызовы [2]. Сейчас исследователю недостаточно заниматься только лишь собственно научным трудом: важно уметь презентовать его результаты перед коллегами и администрацией научного учреждения, защищать результаты перед выделяющей гранты комиссией, а иногда – и презентовать результаты перед широкой аудиторией. Так, в глобальном обзоре развития науки, технологий и инноваций (OECD Science, Technology and Innovation Outlook), который раз в два года издает Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 2023 году значительная часть текста посвящена анализу последствий пандемии коронавирусной инфекции. Авторы приходят к выводу, что в кризисных ситуациях, требующих непростых политических решений, касающихся значительной части общества, должна быть налажена коммуникация между властью и наукой в части научной экспертизы решений. В докладе особо отмечается, что «основная обязанность научного сообщества заключается в обеспечении строгости и полноты научных исследований и коммуникаций, которые служат основой для разработки политики и принятия решений во время кризисов. Это требует интеграции идей и знаний из многих различных дисциплин, а также открытого обсуждения пробелов в знаниях и неопределенностей» [10, с. 126].

Влияние цифровых СМИ на представителей научного сообщества

Наука в современном мире вплетена в ткань общественных институтов, обеспечивает их функционирование и развитие. Но и сама наука, несомненно, подвергается влиянию общества, и прежде всего – достижений цифровой цивилизации. На этапе ранней профориентации и выбора карьерного пути молодой ученый в той или иной мере усваивает представления и запросы общества, выраженные, в том числе, с помощью средств массовой коммуникации (в настоящее время преимущественно цифровых). На этапе трансляции государственного заказа и определения фронтальных исследовательских задач политические институты общества используют всю возможную палитру цифровых средств коммуникации. Собственно научный труд ученых тесно связан с цифровыми технологиями, с помощью которых эффективная деятельность научных сотрудников измеряется в цифрах – количества публикаций и уровня цитируемости, импакт-факторов журналов. Вместе с тем перед учеными ставится задача не только исследовательской работы, но и популяризации ее деятельности. Так, например, в отчетных документах по предоставляемым РНФ грантам на исследовательскую работу есть пункт о результатах популяризации исследования в СМИ. Тренд на повешение интереса к российской науке заметен и на примере государственных программ поддержки популяризации научной работы. Как отметил

вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко, ряд инициатив Десятилетия науки и технологий направлены на популяризацию исследовательских проектов в обществе, в том числе и для школьников. Среди множества мер государственной поддержки популяризации науки особо можно выделить объявленный Минобрнауки конкурс грантов, объем финансирования которых в 2024 году составил 513 млн рублей (более чем на 42 млн больше, чем годом ранее) [7]. В соответствующем постановлении правительства главная цель подобной популяризаторской деятельности определена в формировании эффективной системы коммуникации в области науки, технологий и инноваций, а также повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям и созданию условий для развития наукоемкого бизнеса [9].

Влияние цифровых технологий на науку в целом и личность ученого в частности в разрезе коммуникативных процессов сопряжено с рядом ключевых вопросов. Первая проблема касается современного наукометрического подхода на уровне межнаучного взаимодействия, а именно – в подсчитывании количества научных статей ученого и обращения к ним со стороны коллег. Этот критерий эффективности деятельности исследователей зачастую становится основополагающим фактором развития карьеры ученого, предоставления грантов на проведение исследований, что, конечно, определяет векторы развития науки в целом. Вместе с тем на государственном уровне прослеживается тренд на популяризацию науки, и к ученым предъявляются требования коммуникативной грамотности. На наш взгляд, главная опасность этого тренда в том, что формулируемые в том числе через цифровые средства массовой коммуникации стратегии развития науки не только отражают действительное положение дел в той или иной отрасли, но и формируют виртуальный концепт, который, в свою очередь, влияет на ученого – прежде всего, в части выбора направлений исследования и проблемных отраслей. Оценка эффективности и влияния государственного участия в популяризации научной деятельности, на наш взгляд, должна проводиться в долгосрочной перспективе. Однако уже сейчас можно изучить сформированный в цифровых СМИ образ ученого в частности и науки в целом. Для решения этой задачи мы обратимся к сообщениям в СМИ, посвященным деятельности Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого за последний год.

Тематический анализ публикаций, посвященных деятельности СПбПУ Петра Великого

Выбор объекта исследования обусловлен несколькими факторами. Прежде всего, сейчас Петербургский Политех – ведущий технический вуз страны, проводящий масштабные мультидисциплинарные научные исследования и использующий наукоемкие инновации мирового уровня. В состав универ-

ситета входят 12 институтов, комплекс научно-исследовательских подразделений, ряд специализированных научно-производственных структур. Университет занимает высокие позиции как в российских, так и международных рейтингах научных организаций, в том числе по объему НИОКР. Примечательна и образовательная сторона деятельности университета – в 2024 году по числу бюджетных мест СПбПУ вошел в ТОП-5 вузов страны, приняв на первый курс более 6000 человек. В феврале 2024 года Политех отметил 125-летие. Этот значимый информационный повод до и после юбилея стал мощным импульсом для многочисленных сообщений в СМИ. Кроме того, представленность университета в информационном поле многократно отмечалась Минобрнауки: по данным ежемесячного рейтинга медийной активности, который ведет министерство, Политех занимает первое место среди более чем 230 вузов страны.

В качестве предмета исследования мы берем материалы, посвященные деятельности Политеха, опубликованные в цифровых СМИ в промежутках с 25 июля 2023 года по 25 июля 2024 года. За основу мы взяли первую тройку лидеров рейтинга самых цитируемых информационных агентств по данным системы мониторинга СМИ «Медиаология» [11]. В него вошли РИА Новости, ТАСС и Интерфакс. Эти системообразующие СМИ, с одной стороны, отражают официальную государственную информационную повестку, с другой стороны является важнейшим инструментом ее формирования. Высокий индекс цитируемости выбранных нами информагентств означает их безусловное влияние на всероссийские и региональные СМИ и позволяет считать их индикатором федеральной информационной повестки. Тематика сообщений с упоминанием Петербургского Политеха в текстах представлена в таблице (табл. 1).

Таблица 1. Тематическое разнообразие сообщений с упоминанием СПбПУ в ведущих российских информационных агентствах

	РИА Новости	ТАСС	Интерфакс
Научная тематика			
Медицинские разработки	4	2	–
Экологическая безопасность	2	–	–
Микроэлектроника	2	–	–
Цифровое моделирование	1	4	–
Материаловедение	1	–	–
Двигателестроение	–	2	–
Робототехника	–	2	–
Суперкомпьютерные технологии	–	2	–
Космические технологии и ракетостроение	–	2	–
<i>Итого научных тематик:</i>	<i>10</i>	<i>14</i>	<i>0</i>

Окончание

	РИА Но- вости	ТАСС	Интерфакс
Прочие темы			
Международная деятельность	–	6	–
Гранты и конкурсы, рейтинги	–	2	2
Спортивная деятельность	1	2	–
Культура	–	2	–
Образовательная деятельность	3	6	–
125-летие вуза	–	3	–
Комментарии по ненаучным информационным поводам	–	2	–
Историческая память о ВОВ	5	–	–
<i>Итого ненаучных тематик:</i>	<i>9</i>	<i>21</i>	<i>2</i>
ВСЕГО СООБЩЕНИЙ	19	35	2

Источник: разработано автором.

Как следует из таблицы, за указанный промежуток агентство РИА Новости опубликовало 19 материалов с упоминанием СПбПУ Петра Великого. Одно упоминание посвящено спортивной деятельности, четыре – научным исследованиям, посвященным медицине. По два материала посвящены разработкам в области экологической безопасности, а также микроэлектроники. Одна заметка рассказала о разработке в области цифрового моделирования, еще одна – материаловедения. Трижды журналисты упомянули собственно образовательную деятельность вуза. А самой популярной тематикой стала деятельность по сохранению исторической памяти о Великой отечественной войне в Политехе: этой теме РИА Новости посвятили 5 материалов. Согласно этим данным, почти половина всех упоминаний вуза в материалах агентства связано с собственно научной деятельностью. Однако 9 из 10 материалов в качестве информационного повода для публикации использовали выход соответствующей научной статьи (преимущественно в зарубежных журналах первого квартала). Лишь один материал посвящен обзору разрабатываемых в университете технологий, посвященных импортозамещению, без привязки к конкретной научной публикации. Выходит, что журналисты агентства не уделяют серьезное внимание регулярной научной деятельности ученых университета, обращая свое внимание лишь на исследования, результаты которых описаны в научных статьях.

Агентство ТАСС с 25 июля 2023 года по 25 июля 2024 года опубликовало 35 материалов с упоминанием Политеха, большая часть из них не связана с наукой. Международную деятельность упоминали шесть раз, конкурсы и гранты (не научного толка) дважды. Шесть раз журналисты рассказывали про образовательную деятельность университета. Однократно упомянута работа вуза в области культуры. Два материала посвящены спорту. Три заметки посвящены поздравлению вуза

со 125-летием, одна – словам соболезнования после ухода из жизни бывшего ректора.

Лишь 14 упоминаний Политеха в ленте ТАСС посвящены собственно научной работе. Самой популярной тематикой оказалось цифровое моделирование – 4 материала. Медицинские разработки привлекли журналистов дважды. Работы в области двигателестроения, робототехники, суперкомпьютерных технологий, космических технологий и ракетостроения упомянули дважды. В текстах упоминаний нет ссылок на научные статьи, однако каждая новость сопровождается пометкой о первой презентации конкретных результатов научной работы широкой общественности, то есть новость о научной работе опубликована на правах эксклюзивного материала. При этом две публикации посвящены экспертной оценке, которую дали ученые вуза: по теме развития технологий искусственного интеллекта и по причинам прорыва дамбы в Орске. В этих публикациях журналисты апеллируют к статусу ученых, ссылаясь на их научную степень и должность как на авторитет.

Агентство «Интерфакс» за год всего дважды упомянуло Политех: в двух обзорных материалах, посвященных публикации рейтингов вузов.

Согласно представленным в таблице данным, три крупнейших российских информационных агентства, определяющих и отражающих федеральную информационную повестку, при подготовке материалов, тематически связанных с деятельностью крупнейшего российского инженерного вуза – СПбПУ Петра Великого – чаще всего обращают внимание не на научную сферу деятельности университета. Всего за год в трех СМИ было опубликовано 56 материалов, и лишь 24 из них непосредственно касаются проводимых в Политехе научных исследований и разработок. Более половины же материалов (32) посвящены международной и спортивной деятельности университета, образовательному процессу, мероприятиям патриотической направленности и т.д. При этом анализ посвященных научной деятельности материалов демонстрирует интерес журналистов лишь к конкретным практическим результатам научной деятельности ученых Политеха, зафиксированным в научной статье или отчете о завершеном крупном этапе работы. Фундаментальные исследования не попадают в фокус внимания журналистов. На наш взгляд, это формируют искаженный образ ученого в СМИ, основанный лишь на конкретных достижениях и результатах. Значительная часть работы, включая фундаментальные исследования, практически не находит отражения. С нашей точки зрения, таким образом формируется неверное общественное мнение о научной деятельности с помощью средств массовой информации. Для того, чтобы оценить возможное влияние образа ученого в цифровых СМИ на самоопределение представителя науки, необходимо провести дополнительное исследование.

Заключение

На основании проведенного тематического анализа мы можем сформулировать следующие рекомендации службам, ответственным за популяризацию научных достижений в российских университетах.

1. Комментарийная активность ученых в средствах массовой информации, особенно связанная с далекими от науки темами, не может рассматриваться как действенный инструмент укрепления бренда научной организации. Однако это важный элемент взаимовыгодного сотрудничества со СМИ, необходимый для налаживания деловых и дружеских связей. Для соблюдения баланса между ростом числа упоминаний научной организации и целесообразности комментирования той или иной темы решение об участии в публикации должен принимать уполномоченный сотрудник медиа-службы, чьи компетенции позволяют оценить предполагаемую пользу и потенциальный негатив от той или иной журналистской публикации.

2. Стремление журналистов к публикации новостей, содержащих информационные поводы в виде новых исследований, разработок и изобретений, очевидно. Однако это не в полной мере отражает всю сущность научной работы и может привести к некорректному изображению ученых в СМИ. Но публикация материалов, иллюстрирующих лишь повседневную рутину научных сотрудников, у СМИ чаще всего не вызывает интереса. Возможным решением может стать государственный заказ со стороны профильного министерства, поддержанный грантами для журналистов и/или конкурсами.

Литература

1. Антоновский А.Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202360226> (дата обращения: 21.08.2024).
2. Геворкян Е. Н., Вачкова С.Н., Шиян И.Б., Виноградова И.А., Агеева Н.С. Популяризация науки в университетах: модель центра публичной науки. // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27(2). С. 17–29. DOI: doi.org/10.15826/utpra.2023.02.010 (дата обращения: 24.08.2024).
3. Дивеева Н.В. Основные направления воздействия новых информационных технологий на популяризацию науки // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. Т. 2. С. 158–167. [Электронный ресурс]. – URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/713> (дата обращения: 27.08.2024).
4. Миненко В.Г., Хорошун К.В., Романов Д.А., Шапошников В.Л. Статистический критерий манипуляции индексом Хирша и его применение в управлении наукой // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1 (156). С. 289–297. DOI: [10.51379/KPJ.2023.158.1.034](https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.158.1.034) (дата обращения: 27.08.2024).
5. Пирожкова С. В., Омелаенко В.В. Конструирование социальной роли ученого: от профессиональных компетенций к решению глобальных задач // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 105–120. DOI: [10.21146/2413-9084-2023-28-1-105-120](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-105-120) (дата обращения: 02.08.2024).
6. Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2022 г. № 2184 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на поддержку проектов авторов и команд авторов, направленных на освещение вопросов науки и технологий по тематикам приоритетных направлений Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405765465/> (дата обращения: 02.09.2024).
7. Прогноз ОЭСР по науке, технологиям и инновациям на 2023 год. Обеспечение переходов во времена потрясений. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/2023/03/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_fb6e6c20.html (дата обращения: 28.07.2024).
8. Семёнов Е. В., Соколов Д.В., Гайдин Б.Н. Цифровая трансформация научных коммуникаций: научный журнал в формате электронного издания // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 210–232. DOI: [10.19181/smtpr.2022.4.2.18](https://doi.org/10.19181/smtpr.2022.4.2.18) (дата обращения: 21.08.2024).
9. Смирнова О. В., Свитич Л.Г., Шкондин М.Г. Роль журналистики в медиатизирующемся жизненном мире повседневности // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 4. С. 595–611. DOI: [10.17150/2308-6203.2020.9\(4\).595-611](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(4).595-611) (дата обращения: 21.08.2024).
10. Стартовал прием заявок на второй конкурс грантов для популяризаторов науки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrнауки.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/78680/> (дата обращения: 21.08.2024).
11. Федеральные СМИ: июнь 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13256/> (дата обращения: 25.07.2024).

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF REPRESENTATION OF SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS IN THE MEDIA: ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE ST. PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY¹

Pleshchikov E.V.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

¹ The research was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under the strategic academic leadership program “Priority 2030” (Agreement 075–15–2024–201 dated 06.02.2024)

The article describes new challenges which scientists face: in the context of widespread mediatization and the development of digital means of communication, researchers are faced with the need to present the results of their own scientific work not only to colleagues, but also to society through the media. A thematic analysis of publications in the largest federal information agencies dedicated to the activities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University has been conducted. Recommendations are given to services responsible for the popularization of scientific achievements in Russian universities.

Keywords: digital communication, scientometric approach, publication activity of scientists.

References

1. Antonovsky A. Yu. Why does science need losers? On the overproduction of scientific knowledge and its functions // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2023. Vol. 60. No. 2. Pp. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202360226> (accessed: 21.08.2024).
2. Gevorkyan E. N., Vachkova S.N., Shiyan I.B., Vinogradova I.A., Ageeva N.S. Popularization of science in universities: a model of a public science center. // *University management: practice and analysis*. 2023. Vol. 27(2). Pp. 17–29. DOI: doi.org/10.15826/umpa.2023.02.010 (date of access: 24.08.2024).
3. Diveeva N.V. The main directions of the impact of new information technologies on the popularization of science // *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2014. Vol. 2. Pp. 158–167. [Electronic resource]. – URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/713> (date of access: 27.08.2024).
4. Minenko V. G., Khoroshun K.V., Romanov D.A., Shaposhnikov V.L. Statistical criterion for manipulating the Hirsch index and its application in science management // *Kazan Pedagogical Journal*. 2023. No. 1 (156). P. 289–297. DOI: [10.51379/KPJ.2023.158.1.034](https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.158.1.034) (accessed: 27.08.2024).
5. Pirozhkova S. V., Omelaenko V.V. Construction of the social role of a scientist: from professional competencies to solving global problems // *Philosophy of Science and Technology*. 2023. Vol. 28. No. 1. P. 105–120. DOI: [10.21146/2413-9084-2023-28-1-105-120](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-105-120) (accessed: 02.08.2024).
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 30, 2022 No. 2184 “On approval of the Rules for the provision of grants in the form of subsidies from the federal budget to support projects of authors and teams of authors aimed at covering science and technology issues on the topics of priority areas of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation.” [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405765465/> (date of access: 09/02/2024).
7. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023. Ensuring Transitions in Times of Turbulence. [Electronic resource]. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/2023/03/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_fb6e6c20.html (accessed: 28.07.2024).
8. Semenov E. V., Sokolov D.V., Gaidin B.N. Digital transformation of scientific communications: a scientific journal in the format of an electronic publication // *Science Management: Theory and Practice*. 2022. Vol. 4, No. 2. Pp. 210–232. DOI: [10.19181/sntp.2022.4.2.18](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.2.18) (accessed: 21.08.2024).
9. Smirnova O. V., Svitich L.G., Shkondin M.G. The Role of Journalism in the Mediatized Life-World of Everyday Life // *Issues in the Theory and Practice of Journalism*. 2020. Vol. 9, No. 4. Pp. 595–611. DOI: [10.17150/2308-6203.2020.9\(4\).595-611](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(4).595-611) (accessed: 21.08.2024).
10. The second grant competition for science popularizers has started accepting applications. [Electronic resource]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/78680/> (accessed: 21.08.2024).
11. Federal Media: June 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13256/> (date of access: 25.07.2024).

Инструменты формирования стереотипов массового потребления музыкальной продукции в цифровом обществе

Шипунова Ольга Дмитриевна,

д.ф.н., профессор Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru

Тараканова Тамара Сергеевна,

к.п.н., доцент, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: tarakanova_as@spbstu.ru

Сафонова Анна Сергеевна,

к.п.н., доцент, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: safonova_as@spbstu.ru

Евсеев Владимир Владимирович,

к.пед.н., доцент, кафедра физической подготовки и спорта, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: evseev_vv@spbstu.ru

Статья посвящена актуальным вопросам формирования массового потребителя продукции музыкальной индустрии в цифровом обществе. Методология исследования определяется философской установкой, которая подчёркивает взаимосвязь музыкальной культуры и влияния медиа сред массовой коммуникации на личный выбор потребителя. Цель статьи – исследовать инструменты формирования стереотипов восприятия музыки с точки зрения законов гармонии, объективных социокультурных оснований и специфики молодёжной субкультуры медиа потребления. Рассматриваются факторы, влияющие на формирование музыкальных предпочтений молодёжи, анализируются стереотипы массового потребления музыкальной продукции, которые различаются по принципу мотивации выбора популярного тренда, жанра, группы. Для выявления стереотипов потребительского поведения на музыкальном рынке используются методы онлайн опроса молодёжной аудитории. По стереотипу потребительского поведения, для опрошенных групп молодёжи выявлены обобщённые показатели личного выбора источника продукции, в котором доминирует стриминговый сервис. В выборе музыки для прослушивания доминирует установка на согласованность собственных эмоций с музыкальной композицией.

Ключевые слова: цифровое общество, музыкальная индустрия, массовый потребитель, стереотип, молодёжная аудитория, медиасреда, музыкальная культура, массовая коммуникация.

Введение

Социологические исследования практик массового потребления в современном сетевом обществе показывают ключевую роль музыкальной индустрии в формировании жизненного мира наших современников [1, 2]. Актуальность анализа условий формирования стереотипов массового потребления музыкальной продукции среди молодёжи связана с тем обстоятельством, что именно молодые люди выступают в качестве целевой аудитории на музыкальном рынке [3, 4]. Особенность сферы музыкальной индустрии – принципиальное отсутствие интенции целенаправленного управления поведением человека. Музыка увлекает, создает настроение, выступая особой медиасредой, которая моделирует настроение и восприятие жизненного мира на уровне подсознания [5]. Исследование стереотипов массового потребления в сфере музыкальной индустрии обращено к основаниям, направляющим ментальную активность человека в конкретной ситуации прослушивания музыки.

Практика формирования музыкальной культуры в молодёжной среде опирается на систему знаний (о музыкальных жанрах, формах, средствах музыкальной выразительности, о композиторах, исполнителях, истории создания музыкальных сочинений). Подкрепление общих знаний осуществляется в социальной среде (этнической или региональной), в процессах прослушивания музыки. Влияние коммуникативной среды закрепляется в устойчивом предпочтении жанра и характеризует стереотип восприятия музыки. При этом необходимо принимать во внимание индивидуальные особенности слушателя, в частности, психофизиологические основы эмоций, которые определяют индивидуальную склонность и предпочтения в восприятии музыкальных произведений [6]. Матрица музыкальной культуры в этом контексте характеризует специфический горизонт индивидуального восприятия мира и его осмысления [7].

У каждого человека особенности восприятия музыки зависят от того, как человек смотрит на мир, на жизнь, какие у него цели в жизни и интересы. Скрытые основания индивидуально восприятия музыки связаны с культурным или субкультурным кодом, который проявляется в индивидуальной склонности к выбору того или иного жанра. Популярный жанр, который выступает

символом массовой культуры той или иной эпохи, передает настроение и взгляды молодежи своего времени [8]. Например, рок музыка ассоциируется с протестом молодежи против давления социальных норм, она построена таким образом, что вызывает у слушателей отклик противоречивых эмоций [9]. Динамика изменения трендов в популярной музыке свидетельствует не только о настроениях молодёжи, но также о влиянии происходящих в обществе событий на стереотипы молодежной субкультуры в сфере музыкальной индустрии.

Цель статьи – выявить условия формирования стереотипов массового потребления музыкальной продукции в цифровом обществе, исследовать специфику молодежи как целевой аудитории массового потребления на примере онлайн анкетирования студентов Санкт-Петербурга.

Обзор литературы

В исследовании практик музыкального потребления И.В. Напреенко и А.В. Рандарева [3] результаты показали, что частота прослушивания музыки напрямую связана с возрастом слушателя и является важным дополнением жизни. Почти все молодые люди от 18–34 относятся к тем, кто слушает музыку каждый день (80–90%). Далее, чем старше возраст, тем реже они слушают музыку. Чтобы определить, по какой причине молодые люди слушают музыку каждый день, исследователями был задан вопрос: «Насколько важна для вас музыка?». По результатам ответов на этот вопрос, исследователи сделали вывод, что у большей части опрошенных (44%) музыка является спутницей жизни, без которой они бы не смогли обойтись в своей жизни.

Первоначальные основы музыкальной культуры в формировании способности воспринимать музыку как нечто живое Д.Б. Кабалевский считал важной частью воспитания человека [10]. Сложную структуру индивидуального восприятия, в процессе которого человек не только испытывает особые чувства, но также осмысливает музыкальное произведение, анализирует и оценивает, подчеркивал Б.В. Асафьев [11]. Исследуя массовую культуру потребления в сфере музыкальной индустрии, А.Н. Сохор выделил общие характеристики стереотипа восприятия произведений для групп слушателей. К трем наиболее выраженным группам массового потребления музыкальной продукции он отнес: *высокоразвитых слушателей, любителей, несведущих*. Стереотипы восприятия массового потребителя в этих группах соотносятся с общим уровнем музыкальной грамотности и отличаются характером отношения к произведению, которое выражается в способности эмоционально воспринимать его гармонию, понимать и переживать, а также оценивать его художественную ценность. Высокоразвитые слушатели способны к концен-

трированному восприятию, целостному пониманию, катарсису и адекватной оценке музыкального произведения. Среднестатистические слушатели обладают фрагментарным пониманием и эмоциональным резонансом, в то время как слаборазвитые слушатели рассеивают восприятие, поверхностные эмоции и ценят банальное. На основе сочетания этих характеристик Сохор выделяет 27 типов и 5 основных групп слушателей: квалифицированный серьезный слушатель; культурный дилетант; малокультурный дилетант; фанатик легкой музыки; «фольклорный слушатель» [12, с. 164–165].

Инструменты формирования стереотипа восприятия музыки

Психотехника влияния на восприятие музыки молодежью опирается на теорию гармонии, в которой выделяют модели построения произведений на основе использования интервалов, тактов, секвенций. То, как человек будет воспринимать музыку, закладывается в период раннего детства, когда ребенок учится определять живой звуковой сигнал. Подсознательная реакция в отношении избирательности живого звука обеспечивается психофизиологическими процессами в ответ на внешние факторы.

Первый фактор, на котором основывается психотехника восприятия музыки, связан с наличием в живом звуке обертонов (частот, выходящих за рамки частоты основного звука). Именно живой звук людям приятнее слышать, чем искусственный. В звуке, воспроизводимом компьютером или любым другим искусственным способом, обертоны отсутствуют.

Следующий фактор формирования музыкального восприятия связан с распознаванием такта в процессе прослушивания мелодий, построенных определенным образом. Большая часть песен построена по форме 4/4, в которой такт составляет четыре четверти ноты, в английском языке он обозначается как «common time» (распространённый такт). В композиции различают «квадратные» и «неквадратные» фрагменты. Под «квадратным» музыкальным фрагментом понимается его разделение на четыре фразы, где последняя чувствуется завершающей с логическим завершением, после которой может пойти повторение фрагмента, либо следующий куплет песни. В детстве люди чаще всего слышат такие композиции, поэтому легко формируется распознавание знакомого такта. Слушатель подсознательно разделяет песню на куплет и припев, понимает, когда можно подпевать или танцевать. Помимо основного такта 4/4 в композиции народной, эпической, церковной музыки используется множество других тактов, которые называют «неквадратными».

С законами гармонии в построении произведения связаны инструменты формирования подсознательного механизма распознавания эмоций,

транслируемых в музыке с помощью гармоничных сочетаний – интервалов между звучащими нотами. К примеру, октава – одновременно звучащая основная нота и нота, находящаяся через 6 тонов от нее, или кварта – наиболее мелодичное сочетание звуков, где интервал составляет четыре ноты. Консонирющие интервалы звучат мягко и приятно для слуха. Диссонирющие интервалы придают композиции тревожное и напряжённое звучание [13]. Композиторы выбирают нужную форму, передавая в песне определенные эмоции. Полученные в детстве навыки распознавания эмоций в музыке позволяют человеку выбирать композиции в соответствии со своим настроением.

Инструменты построения музыкального произведения, благодаря которым композиторы привлекают слушателей, используются почти в каждой песне. Некоторые интервалы могут использоваться в качестве «манипуляций», передавая слушателям призыв к действию. Так, интервал «кварта» заставляет почувствовать воодушевленность и торжественность, по этой причине она часто используется в гимнах. Малую сексту и октаву авторы музыки используют для того, чтобы у слушателя появилось желание подпевать [14].

Таким образом, еще в детстве восприятие музыки направляется и формируется общими принципами построения произведений. Несмотря на это, одним людям нравится одно сочетание аккордов, другим другое. Поэтому остается открытым вопрос о причинах различия в истоках музыкальных предпочтений слушателей. Биология и генетика определяют индивидуальную склонность в выборе жанров или этот выбор формируется под воздействием культуры и внешних факторов? Исследование, проведенное учеными из Массачусетского технологического института и Университета Брандейса, показывает, что эти предпочтения не являются врожденными, а скорее результат воздействия музыки, характеризующейся согласными аккордами [15].

Условия формирования стереотипов массового потребления музыкальной продукции

Важнейшим условием формирования стереотипа музыкального восприятия выступает влияние семьи, связанное с трансляцией предпочтений самих родителей. По традиции, родители поют колыбельные своим детям, включают для прослушивания известные всем детские мелодии и песни. Если родитель большой фанат рок музыки, то с большой вероятностью его ребенку будет нравиться рок музыка. Хотя не исключено, что навязывание предпочтений может сыграть и негативную роль: песни, ассоциирующиеся с семьей, могут вызывать эмоциональное неприятие этого жанра в последствии.

В современном мире коммуникативные факторы формирования стереотипа музыкального

восприятия связаны осведомленностью и распространением массовой культуры, которая оказывает на предпочтения молодежи самое сильное влияние. Специфика молодежной субкультуры формируется в группе друзей и сетевой коммуникации, образуя актив массового потребления преимущественно популярной музыки, которая, в свою очередь в основном создается с использованием гармоничных интервалов, такта 4/4 и различных манипуляций. Популярные мелодии нравятся большинству слушателей, в особенности молодежи, поскольку этот жанр музыки легко воспринимается и не требует особой эрудиции. Каждый жанр в музыке передает определенное настроение и в известной мере характеризует внутренний мир группы слушателей.

Популярные тренды в музыкальной индустрии меняются со временем, совершенствуясь и формируя новые направления в молодежной субкультуре. Отечественная популярная музыка в начале второй половины XX вв. заключалась в перепевках известных западных песен. Это послужило стимулом создания поп музыки на основе немецких традиций, появился новый жанр популярной музыки – техно [16]. В первое десятилетие XXI века популярная музыка была представлена в основном танцевальными и динамичными хитами, которые доминировали над печальными балладами.

Молодежь как целевая аудитория массового потребления на музыкальном рынке

Многие производители товаров нацелены именно на молодежь, поскольку это самая многочисленная и самая активная потребительская аудитория, которая представлена возрастными группами от 13 до 35 лет. Молодежная среда неоднородна, ее представители отличаются по полу, возрасту, материальному обеспечению, каждый следует своим ценностям и установкам. Молодежь как целевая аудитория медиа потребления хорошо осведомлена о самых популярных товарах, популярных музыкальных продуктах и популярных музыкальных исполнителях. Несмотря на невысокую платежеспособность, эта аудитория готова потреблять не меньше других групп населения.

С целью исследования практики музыкального потребления в молодежной среде Санкт-Петербурга было проведено онлайн-анкетирование, в котором приняли участие 328 студентов, преимущественно молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет. Вопросы анкеты касались выявления трендов в выборе молодежью музыкальных жанров, источников информации о музыкальной продукции, а также факторов влияния на выбор музыки для прослушивания.

Результаты опроса показали (рис. 1), что самыми популярными жанрами среди студенческой молодежи считаются *поп* (83,1%), *рэп* (68,9%), *рок* (44,9%).

Рис. 1. Популярные жанры среди молодежи Санкт-Петербурга

В отношении источников информации о продукции музыкальной индустрии наибольший процент ответов указывает на популярность среди молодежи стриминговых платформ, социальных сетей и топ-чартов (рис. 2).

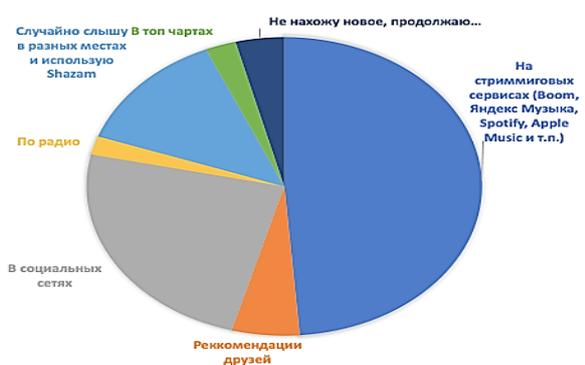

Рис. 2. Источники информации о новой музыке для прослушивания

В отношении факторов влияния на выбор музыкальных произведений для прослушивания были получены разные ответы, но подавляющее большинство респондентов связало этот выбор с собственным взглядом на музыку (рис. 3).

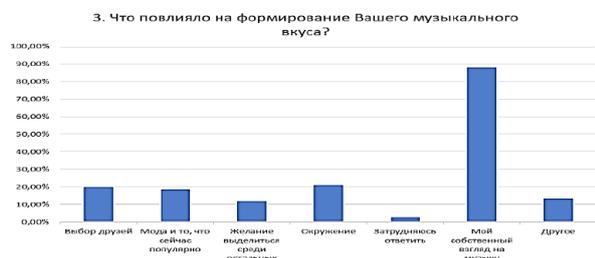

Рис. 3. Факторы, влияющие на формирование музыкальных предпочтений

Модели массового потребления музыкальной продукции в цифровом обществе

Специфику молодежной целевой аудитории составляет наличие свободного времени, которое позволяет частое прослушивание музыки и посещение концертов. Стремление молодежи к самовыражению, поиску новых впечатлений потребление музы-

ки – наиболее важный компонент жизни в этом возрасте. Кроме того, активность молодежи во многом способствует развитию музыкальной индустрии, продвижению брендов и новых исполнителей.

Для планирования стратегии управления массовым потребительским поведением необходимо понимать социально-психологические особенности молодежи. В исследования Ю.С. Проваловой [17] были выявлены четыре основные модели потребительского поведения молодежной аудитории.

Первая модель характеризует стереотип массового потребления в поведении группы людей, которые при покупке обращают внимание на известные бренды и марки, и покупают только их. Можно сделать предположение, что при выборе музыкального исполнителя они тоже будут выбирать именно популярных исполнителей и популярную музыку.

Вторая модель характеризует стереотип потребительского поведения молодежи, которая следует модным трендами без определенных пристрастий. Неопределенность мотива выбора в потреблении связывается с переменной настроения и волей случая. В медиасреде такой тип молодежи посещает топ-чарты, не задумываясь о смысле песни, слушая их поверхностно [17, с. 10].

Третья модель характеризует стереотип массового потребления молодых людей, которые стремятся выделиться из толпы. Тех же принципов данная группа и придерживается в музыке: они выбирают эксклюзивных исполнителей.

Четвертая модель характеризует стереотип массового потребления в поведении группы людей, которые в выборе товара подчеркивают собственную индивидуальность [17, с. 11].

Медиатехнологии в сфере музыкальной индустрии

В ходе исследования И.В. Напреенко и А.В. Рандаревым [3] был опрошен 41 эксперт, согласно мнению которых тенденции изменения практик потребления и создания музыки связаны с развитием технологий. Сейчас у большинства людей в мире есть доступ в интернет, где размещена большая часть музыкальных произведений как прошлых веков, так и современных.

Первоначальными носителями музыки были физические накопители, например пластинки, что затрудняло распространение музыкального материала. Вскоре радио стало новым поставщиком музыки, что открыло доступ большему количеству людей к разным жанрам музыкального творчества. Затем телевидение добавило к музыке визуальное сопровождение. Появление цифровых технологий, в свою очередь, поменяло практики потребления в сфере музыкальной индустрии. Если раньше, покупки музыки была неким ритуалом, из-за сложности приобретения, то сейчас музыка используется в качестве фона во время занятия повседневными делами.

Со становлением новых технологий и средств передачи информации, происходят кардинальные изменения в большинстве социальных сфер деятельности, включая музыкальную индустрию [18]. Современные технологии делают процесс создания и распространения музыки более доступным, при этом происходит перенасыщение рынка и растет конкуренция. В цифровом обществе анонимность технологий и сетей позволяет нарушать авторство. Продукт музыкального творчества может быть загружен в интернет кем угодно.

На данный момент, самым популярным доставщиком музыки являются стриминговые сервисы – платформы, на которых содержится большое количество музыки, а также есть опция подбора треков и исполнителей с учетом запросов слушателя. Стриминговые сервисы позволяют прослушивать музыку онлайн, не скачивая себе на телефон. Прослушивание музыки на стриминговых платформах уже является одной из самых распространенных практик потребления музыки в России. По мнению экспертов, это обусловлена приростом именно молодежной аудитории [19].

Развитие сервиса рекомендаций по жанровым предпочтениям и по поведенческим параметрам пользователя делает эту медиатеchnology более привлекательной не только для разных групп слушателей, но и для продвижения новых произведений и исполнителей. Общие принципы рекомендательного сервиса определяются потребностями целевой аудитории. В этом случае система анализирует уровень популярности плейлистов, в которых собраны одинаковые исполнители, определяет их как отдельное направление и жанр. Чем выше популярность определенного «набора исполнителей», тем больше вероятность нового исполнителя попасть в рекомендации потенциальных слушателей [20, с. 49].

Основные принципы работы рекомендательно-го сервиса:

- система рекомендует слушателям определенного жанра нового исполнителя того же жанра, то есть любителю рока система предложит и послушать начинающую рок-группу;
- система рекомендует, основываясь на поведении слушателя, то есть если пользователь выбирает определенных исполнителей и решает ознакомиться с новым музыкантом или группой, сервис порекомендует его и другим слушателям, склонным к подобному выбору [20, с. 48].

Суть этой медиатеchnology заключается в том, что получатель информации имеет возможность влиять на процесс ее передачи и принимает активное участие в нем.

Заключение

Музыкальное восприятие жизненного мира не является врожденным, оно начинает формироваться в детстве, когда человек учится различать живой

звук, распознавать обертоны, интервалы, темп. В детстве на формирование стереотипа восприятия музыки влияет в основном семья. С возрастом происходит смещение ориентиров с родителей на сверстников и другие значимые факторы окружения. По приверженности к популярному жанру в музыке можно определить, что беспокоит молодежь в определенный промежуток времени.

В современной молодежной субкультуре представлены несколько моделей массового потребления музыкальной продукции, которые различаются по принципу мотивации выбора популярного тренда, жанра, группы. По стереотипу потребительского поведения в сфере музыкальной индустрии можно выделить следующие группы молодежи:

- сторонники брендов, которые выбирают только известных исполнителей, имеющих премии, дипломы, награды;
- сторонники только популярных трендов и песен, которые находятся в топ-чартах, вне зависимости от уровня известности исполнителя;
- потребители нестандартных композиций и исполнителей, которые помогут им выделиться из толпы;
- потребители, ориентированные на синергию собственных чувств и эмоций с музыкальной композицией.

Результаты исследования показали, что большая часть молодежи следует четвертой модели массового потребления в сфере музыкальной индустрии. Источниками медиапотребления музыки служат стриминговые сервисы, социальные сети и рекомендации друзей.

Литература

1. Снежинская М.Г. Эволюция музыкальной индустрии: краткий исторический очерк // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2018. – № 3 (13). – С. 73–83.
2. Бардаченко Н.А. Технологизация музыки в пространстве культуры потребления. Философско-культурологические исследования, ноябрь 2021. – URL: <https://fki.lgaki.info/2021/11/https://fki.lgaki.info/2021/11/08/технологизация-музыки-в-пространств/?ysclid=lyvfvxk5ox741967471>
3. Напреенко И.В., Рандарев А.В. Практики музыкального потребления россиян. Основные особенности и тренды // М. Институт исследований культуры НИУ ВШЭ, 2022–90 с.
4. Ткачук Д.В. Факторы формирования и функционирования музыкально-художественных вкусов современной российской молодежи: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Ткачук Дарья Владимировна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»]. Санкт-Петербург, 2020. – 306 с.

5. Музыка в пространстве медиаккультуры: Сборник статей по материалам Шестой Международной научно-практической конференции, Краснодар, 14 июня 2019 года. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2019. – 313 с. – ISBN 978-5-94825-308-4. – EDN PXVCHP.
6. Блинова М.П. Музыкальное творчество и закономерности высшей нервной деятельности [Текст] / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. – Ленинград: Музыка. Ленингр. отделение, 1974.
7. Акопян К.З. Мировая музыкальная культура. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.
8. Абдулаева М.Ш., Керимханова Н.М. Музыкальная культура: содержание и структура в культурном пространстве региона // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 2А. С. 248–255.
9. Гриб В.А. Характерные черты рок-музыки в духовной жизни молодежи // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2017. – № 5–8(25). – С. 60–62.
10. Кабалевский Д. Воспитание ума и сердца: Кн. для учителя. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1984. – 206 с.
11. Асафьев, Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании / Б.В. Асафьев. – Изд. 2-е, М.: Музыка, 1973. – 142 с.
12. Сохор А.Н. Социология и музыкальная культура. – М.: Советский композитор, 1975. – 202 с.
13. Журабаева Д.Ш. Изучение интервалов по курсу теории музыки [Электронный ресурс] // Ученый XXI века. – 2016. № 4–2(17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-intervalov-po-kursu-teorii-muzyki>. – (дата обращения: 05.05.2023).
14. Мадримов Б.Х. Музыкальная форма и анализ музыкальных произведений. Канон как особый тип внутренней упорядоченности произведений. // Scientific progress. 2021. № 4, С. 948–954. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-forma-i-analiz-muzykalnyh-proizvedeniy-kanon-kak-osobyi-tip-vnutrenney-uporyadochennosti-proizvedeniy> (дата обращения: 21.07.2024).
15. Knibbe J. Understanding music discovery algorithms – How to amplify an artist’s visibility across streaming platforms [Электронный ресурс] // Music Tomorrow, 2020. – URL: <https://www.music-tomorrow.com/blog/understanding-music-discovery-algorithms-how-to-amplify-an-artists-visibility-across-streaming-platforms> (дата обращения: 02.05.2023).
16. Носова И.П. Влияние социальных потребностей на формирование жанров музыкального искусства // Актуальные проблемы социокультурных исследований: межрегиональный сборник научных статей. – Вып. 3. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – С. 78–82.
17. Провалова Ю.С. Модели потребительского поведения молодежной целевой аудитории // Экономические и гуманитарные науки. – 2009. – № 5 (211). – С. 10–13.
18. Шкодинский С.В., Сидоров И.А. Специфика и структура современного музыкального рынка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». – 2016. – № 2. – С. 44–51.
19. Козырева А.В. Особенности продвижения музыкальных стриминговых сервисов // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. – 2021. – № 4. – С. 433–437.
20. Шарахина Л.В., Михайлов Н.В., Селянкина К.Д., Сёмкина А.С. Музыкальные стриминговые платформы как коммуникационный инструмент: к постановке проблемы // Российская школа связей с общественностью. – 2019. – № 15. – С. 46–63. file:///C:/Users/Администратор/Downloads/vipusk_15.pdf

FORMATION OF MASS CONSUMPTION STEREOTYPES IN THE MUSIC INDUSTRY

Shipunova O.D., Tarakanova T.S., Safonova A.S., Evseev V.V.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the topical issues of the formation of a mass consumer of music industry products in a digital society. The methodology of the study is determined by the philosophical attitude, which emphasizes the relationship between musical culture and the influence of mass communication media on the personal choice of the consumer. The purpose of the article is to study the tools for the formation of stereotypes of music perception from the point of view of the laws of harmony, objective socio-cultural foundations and the specifics of the youth subculture of media consumption. The factors influencing the formation of musical preferences of young people are considered, the stereotypes of mass consumption of musical products are analyzed, which differ in the principle of motivation for choosing a popular trend, genre, group. To identify stereotypes of consumer behavior in the music market, the methods of online survey of the youth audience are used. According to the stereotype of consumer behavior, for the surveyed groups of young people, generalized indicators of personal choice of a product source, in which the streaming service dominates, were revealed. The choice of music for listening to is dominated by the attitude to the consistency of one's own emotions with the musical composition.

Keywords: digital society, music industry, mass consumer, stereotype, youth audience, media environment, musical culture, mass communication.

References

1. Snezhinskaya M.G. Evolution of the music industry: a brief historical essay // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism". – 2018. – No. 3 (13). – P. 73–83.
2. Bardachenko N.A. Technologization of music in the space of consumer culture. Philosophical and cultural studies, November 2021. – URL: <https://fki.lgaki.info/2021/11/https://fki.lgaki.info/2021/11/08/технология-музыки-в-простосов/?ysclid=lyvfvxk5ox741967471>
3. Napreenko I.V., Randarev A.V. Practices of music consumption of Russians. Main Features and Trends // M. Institute for Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics, 2022–90 p.
4. Tkachuk D.V. Factors in the Formation and Functioning of Musical and Artistic Tastes of Modern Russian Youth: Dissertation

- ... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.06 / Tkachuk Daria Vladimirovna; [Place of protection: FSBEI HE "St. Petersburg State University"]. St. Petersburg, 2020. – 306 p.
5. Music in the Space of Media Culture: Collection of Articles Based on the Materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 14, 2019. – Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 2019. – 313 p. – ISBN 978-5-94825-308-4. – EDN PXVCHP.
 6. Blinova M.P. Musical creativity and patterns of higher nervous activity [Text] / Leningrad state institute of theater, music and cinematography. – Leningrad: Music. Leningrad department, 1974.
 7. Akopyan K.Z. World musical culture. – M.: Eksmo, 2012. – 480 p.
 8. Abdullayeva M.Sh., Kerimkhanova N.M. Musical culture: content and structure in the cultural space of the region // Culture and civilization. 2019. Vol. 9. No. 2A. P. 248–255.
 9. Grib V.A. Characteristic features of rock music in the spiritual life of young people // Current scientific research in the modern world. – 2017. – No. 5–8 (25). – P. 60–62.
 10. Kabalevsky D. Education of the mind and heart: Book. for the teacher. – 2nd ed., rev. and additional – M.: Education, 1984. – 206 e.
 11. Asafiev, B.V. Selected articles about music education and education / B.V. Asafiev. – Ed. 2nd, M.: Muzyka, 1973. – 142 p.
 12. Sokhor A.N. Sociology and musical culture. – M.: Soviet Composer, 1975. – 202 p.
 13. Zhurabaeva D. Sh. Study of intervals in the course of music theory [Electronic resource] // Scientist of the XXI century. – 2016. No. 4–2(17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-intervalov-po-kursu-teorii-muzyki>. – (date of access: 05.05.2023).
 14. Madrimov B. Kh. Musical form and analysis of musical works. Canon as a special type of internal ordering of works. // Scientific progress. 2021. No. 4, pp. 948–954. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-forma-i-analiz-muzykalnyh-proizvedeniy-kanon-kak-osobyi-tip-vnutrenney-uporyadochennosti-proizvedeniy> (date of access: 21.07.2024).
 15. Knibbe J. Understanding music discovery algorithms – How to amplify an artist's visibility across streaming platforms [Electronic resource] // Music Tomorrow, 2020. – URL: <https://www.music-tomorrow.com/blog/understanding-music-discovery-algorithms-how-to-amplify-an-artists-visibility-across-streaming-platforms> (accessed: 02.05.2023).
 16. Nosova I.P. The influence of social needs on the formation of genres of musical art // Actual problems of socio-cultural research: interregional collection of scientific articles. – Issue 3. – Kemerovo: KemGUKI, 2007. – P. 78–82.
 17. Provalova Yu.S. Models of consumer behavior of the youth target audience // Economic and humanitarian sciences. – 2009. – No. 5 (211). – P. 10–13.
 18. Shkodinsky S.V., Sidorov I.A. Specifics and structure of the modern music market // Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Economics". – 2016. – No. 2. – P. 44–51.
 19. Kozyreva A.V. Features of promoting music streaming services // Bulletin of young scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design. – 2021. – No. 4. – P. 433–437.
 20. Sharakhina L.V., Mikhailov N.V., Selyankina K.D., Semkina A.S. Music streaming platforms as a communication tool: towards formulating the problem // Russian School of Public Relations. – 2019. – No. 15. – P. 46–63. file:///C:/Users/Administrator/Downloads/vipusk_15.pdf

История эстрадного (зрелищного) гипноза в России

Китаев Николай Николаевич,

к.ю.н., доцент, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

Китаева Валентина Николаевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института юстиции Байкальского государственного университета

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

В статье даётся исторический обзор порядка использования гипноза в России. Показано, что с 19 века по настоящее время нормативные документы разрешают применение гипноза в нашей стране только врачам, исключительно в лечебных целях. Раскрыто, что запрет на проведение зрелищных (эстрадных) сеансов гипноза продолжает нарушаться, особенно с появлением случаев телевизионных сеансов гипноза. Указано на большую опасность зрелищного гипноза для многих зрителей, обладающих заболеваниями, при которых гипноз вреден для здоровья. Отмечена противоправная деятельность психотерапевта А.М. Кашпировского, уже привлекавшегося к ответственности в судебном порядке.

Ключевые слова: гипноз, внушение, преступления, психическое насилие, телевизионный гипноз, психотерапевт А.М. Кашпировский.

Гипноз на протяжении веков волновал умы ученых, врачей и представителей широкой публики. Эта загадочная практика, в которой одно из ключевых состояний – это измененное состояние сознания, продолжает вызывать интерес как в научной среде, так и в популярной культуре. Несмотря на многовековую историю, гипноз до сих пор окружен мифами и недопониманиями. В этой статье мы разберем, что такое гипноз, как он работает и какие перспективы открывает перед современным обществом.

В современном медиапространстве тема «гипнотического внушения» постоянно обрастает новыми сюжетами. Такое широкое освещение приводит к постоянному поддержанию интереса к проблематике и формированию иррациональных стратегий восприятия общественного воздействия и манипулирования [8]. В то же время определённую популярность приобрели призывы отдельных авторов использовать явления гипноза в работе правоохранительных органов – для раскрытия и расследования преступлений (В.Д. Халюаев [30], С.В. Лукошкина [14, 15], Н.Н. Егоров, А.А. Протасевич [10]).

Литература по теме «Гипноз и преступления» насчитывает тысячи источников, изданных в разных странах, начиная с 19 века (Э.Ф. Берллин [2], С. Фишер [29]). Гипнозом называется техника, которая вводит сознание человека в особое состояние, позволяющее вспоминать, менять, трансформировать опыт прошлого и программировать варианты будущего поведения и эмоционального восприятия ситуаций и поступков. Гипноз одна из трехсот техник психотерапии [26]. Гипноз – это техника внушения, иными словами, суггестивного воздействия [5].

Гипноз сопровождается повышенной восприимчивостью к внешнему воздействию и внушению; осуществляется через концентрацию внимания и релаксацию. Это состояние формируется разными методами, включая словесные команды, визуализацию и другие техники, которые помогают человеку войти в транс. Научные исследования показывают, что гипноз не является магией или манипуляцией, а представляет собой вполне естественное состояние, которое каждый может испытать.

Научные исследования показывают, что гипноз включает в себя изменения в волновой активности мозга, что можно наблюдать с помощью нейровизуализационных технологий. Во время гипноза активируются участки мозга, отвечающие за восприятие, эмоции и память, в то время как

другие области, связанные с критическим мышлением и самосознанием, отключаются или становятся менее активными. Этот процесс создает уникальную возможность для работы с подсознанием.

Несмотря на потенциальные преимущества, гипноз должен проводиться только квалифицированными специалистами. Необходимость этического подхода к практике гипноза особенно важна, поскольку неправильное применение техники может вызвать негативные последствия. Профессиональные гипнотерапевты проходят специальные тренинги и сертификацию, чтобы гарантировать безопасность и эффективность своих методов.

Гипноз также нашел свое место в мире искусства и развлечений. Он часто изображается в театрах и шоу, часто с жестокими и карикатурными методами, что вносит путаницу на уровне общественного восприятия. Однако важно понимать, что эти представления далеки от реальности и не отражают истинной природы гипноза как терапевтического инструмента.

По убеждению известного российского учёного В.Л. Райкова, гипноз – это:

- 1) состояние изменённого сознания, возникающее под влиянием особых ситуаций, особых воздействий и ощущений;
- 2) психическое состояние;
- 3) форма человеческого общения;
- 4) форма повышения психической управляемости организма;
- 5) состояние повышенной и повышающейся внушаемости в количественном отношении вплоть до качественного скачка состояния изменённого сознания;
- 6) условие возможности расширения социального и психологического контакта в особых случаях и жизненных ситуациях [22].

Гипноз в той или иной форме присутствовал с древности. Гипноз – это форма работы головного мозга и функционирования нервной системы. Поэтому, гипноз – это не продукт современной эпохи, это состояние изменённого состояния сознания необходимое человеку и обществу для новых смыслов и социальных процессов. Палеопсихологи (психологи эпохи первобытно-общинного строя) утверждают, что гипноз был известен 40 тысяч лет назад, еще когда жили кромаьонцы [24].

Внушение один из видов гипноза. Медики выделяют три формы внушения: а) в гипнотическом сне; б) в естественном сне; в) в бодрствующем состоянии [22]. Последний вид активно используется социологами и социальными психологами, маркетологами и рекламщиками для управления вниманием и осознанностью современников. Известный отечественный психиатр и психотерапевт проф. И.С. Сумбаев после серии успешных клинических экспериментов сообщал: «Усовершенствование методики внушения в бодрствующем состоянии может значительно расширить психоте-

рапевтические возможности по сравнению с методикой внушения в гипнозе, ибо последний может быть получен у относительно ограниченной группы больных» [28]. Более того, развитие методов нейролингвистического программирования близко некоторым видам и направлениям гипноза.

С конца XX века в России стала распространяться и использоваться методика Эриксоновского гипноза (неосознанного внушения). Ее разработчик М. Эриксон (1901–1980 гг.) разработал свой психотерапевтический способ гипноза, получивший название разработчика. Не все ученые разделяют правомерность применения такого метода терапии, так как она не проверена экспериментально и ее достоверность может быть не очевидной. Одним из критиков ее выступает Л.П. Гримарк [9].

В современной России гипноз применяют в разных практиках.

1. Медицинские работники, психиатры, как вид психотерапии.
2. Артисты эстрады, выступающие в жанре «психологических опытов».
3. Иные лица, практически освоившие некоторые приёмы гипнотизирования.

В дореволюционной России не раз публично высказывались замечания по вопросу криминального использования гипноза или различных вариантах аморального использования, что могло бы привести к нежелательным последствиям социального развития. Медицинский Департамент 09 июля 1890 года (по старому стилю) издал предписание № 4682, в котором говорилось: «Новгородский губернатор представил на усмотрение министерства внутренних дел ходатайство местного Общества врачей о воспреещении в России производства публичных гипнотических представлений. Приняв во внимание, 1) что публичные гипнотические представления причиняют значительный вред здоровью как гипнотизируемых лиц, так и зрителей таких опытов, причём у гипнотизируемых развиваются различные истерические, нервные и даже душевные заболевания, превращающиеся иногда в настоящую эпидемию гипнотической мании; 2) что подобные публичные спектакли гипнотизма дают злоумышленникам возможность изучить во время сеансов приёмы, употребляемые для загипнотизирования, и применить их впоследствии для достижения безнравственных или преступных целей; 3) что вообще гипнотические представления, без соответственных научных объяснений, могут порождать в обществе ложные понятия и даже укоренять предрассудки, а послегипнотические внушения могут быть причиной нарушения загипнотизированными лицами общественного порядка и тишины и даже совершения ими преступных деяний. Медицинский Совет постановил: 1) воспретить производство публичных сеансов гипнотизма и магнетизма; 2) применение же гипноза с лечебной целью должно быть разрешаемо

административную власть только врачам, при соблюдении требования закона (ст. 115 т. XIII Уст. Врач.) относительно операций над больными, т.е. не иначе, как лишь в присутствии других врачей» [24].

В 1893 году Медицинский Департамент России издал второе предписание: «Врачи могут применять гипноз с лечебной целью..., причём о каждом случае применения гипноза они обязаны доводить до сведения административной власти, с указанием фамилии тех врачей, которые присутствовали при гипнотизировании. Означенные ограничения не относятся к государственным лечебным заведениям» [25].

Указанные предписания значительно ограничивали возможности российских врачей в сфере лечебного гипноза и вызвали дискуссию среди зарубежных учёных. Доктор Гроссманн, являвшийся редактором журнала по проблемам гипнотизма, направил письма известным европейским врачам и юристам, с просьбой высказать своё мнение о вышеназванных предписаниях Медицинского Департамента России. В 1894 г. ответы 29 респондентов Гроссманн издал отдельной книгой (все авторы высказались против ограничительных правил использования гипноза лечащими врачами) [1].

Гипноз, как метод психотерапии и лечения, имеет долгую и сложную историю. В Советском Союзе он также занимал важное место, хотя его использование подвергалось многим идеологическим и научным спорам.

Дебаты о гипнозе начались еще в начале 20 века. Научные исследования и медицинская практика в России, как и в других странах, открыли двери для гипноза. Однако это привлекало внимание не только врачей, но и идеологов, которые стремились определить место таких методов в рамках марксистской науки.

Среди первых исследователей гипноза в России можно выделить такие имена, как Иван Павлов и Владимир Бехтерев. Они рассматривали гипноз как один из способов работы с психикой, однако их взгляды на этот метод были осторожными. Это было связано с неопределенностью в отношении научных основ гипноза и его потенциального применения.

В СССР применение гипноза регламентировалось тремя нормативными актами. В ст. 18 Постановления ВЦИК и СТО РСФСР от 01 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» указывалось: «Применение гипноза разрешается только врачам и в соответствующих государственных лечебных и научных учреждениях..., на основании особой инструкции, издаваемой Народным комиссариатом Здравоохранения по соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции» [27].

«Инструкция по применению гипноза», утверждённая НКЗ и НКЮ РСФСР от 30 декабря 1924 г.,

разрешала гипнотизирование только с лечебной целью и только врачам-специалистам, с подробным отражением в истории болезни пациента и в специальной книге сведений о гипнотическом сеансе.

Циркуляр НКЗ РСФСР № 90 от 19 апреля 1923 г. «О запрещении публичных демонстраций гипнотических сеансов» предусматривал: «Нельзя публично гипнотизировать больных и ещё менее позволительно производство эксперимента на здоровых людях без врачебных к тому показаний. По отношению же к гипнотизму следует иметь в виду, кроме того, ещё некоторые специфические особенности, именно: публичный сеанс может весьма вредно отозваться на случайно находящихся среди публики нервных лицах и вызвать истерические припадки во время лекции, а также оставить следы на восприимчивых лицах, как это неоднократно наблюдалось. ...Публичные демонстрации явлений гипнотизма никому не должны быть разрешаемы; чтение же популярных лекций по гипнозу может быть дозволено лишь врачам-специалистам, посвятившим себя изучению и работе в области психотерапии вообще»¹.

Нужно отметить, что в СССР и постсоветской России запрет на сеансы зрелищного (эстрадного) гипноза неоднократно нарушался артистами, демонстрирующими «психологические опыты», что отмечено, например, в информационном письме первого заместителя министра культуры РСФСР Е.В. Зайцева, где содержался категорический запрет гипнотических опытов на концертной эстраде². Через некоторое время постоянные нарушения запрета эстрадного гипноза заставили объединить свои усилия уже два союзных министерства. Главный специалист по психиатрии Министерства здравоохранения СССР А.С. Карпов сообщал: «Природная тяга к таинственному у зрителей, жажда саморекламы у определённой части артистов привели к тому, что эстрада до недавнего времени была наводнена исполнителями, откровенно использовавшими гипнотические методы. Это заставило нас в декабре 1984 г. вместе с Министерством культуры СССР разработать и выпустить указание «О порядке проведения выступлений артистов – концертных исполнителей с психологическими опытами». Оно подчёркивало недопустимость использования на сцене элементов психотерапии и гипноза» [7].

В период 1940–1960-х годов гипноз начал активно использоваться в медицинской практике в СССР. Врачи применяли гипноз для лечения различных заболеваний, таких как:

– Хроническая боль. Гипноз использовался как метод управления болевыми ощущениями, что

¹ Документ опубликован полностью в книге: Гофман Э. Руководство по судебной медицине. М., 1933. Ч. 2. – С. 432.

² Письмо № 01–151/22–06 от 24 июня 1976 г. «Об отдельных фактах нарушений в организации концертной работы».

особенно было актуально в целях анестезии при хирургических вмешательствах.

- Психосоматические расстройства. Врачам было интересно использовать гипноз для работы с пациентами, страдающими от тревожности и депрессии.
- Зависимости. Гипнотерапия также использовалась для борьбы с алкоголизмом и курением, предоставляя пациентам возможность глубже исследовать причины своих зависимостей.

Советские ученые, такие как Н.В. Кузнецов и А.А. Понизов, продолжали исследования в области гипноза, описывая его теоретические и практические аспекты. Важно отметить, что многие из этих исследований были высоко оценены за их научную ценность.

Тем не менее, из-за глубокой идеологической нагрузки и стремления к формированию строго научных методов, гипноз часто рассматривался скептически. Он нередко подвергался критике и был на грани запрета, что ограничивало его распространение и применение в медицине.

В 1970–1980-х годах в Советском Союзе были созданы специальные курсы и семинары по гипнозу, которые проводили сначала медицинские учреждения, а позже и университеты. Врачам и психотерапевтам предлагалось обширное обучение и практические навыки работы с гипнозом.

Министерство здравоохранения СССР в 1989 г. нарушило эти нормы, дав согласие на проведение психотерапевтом А.М. Кашпировским психопробных бесед по телевидению. Через год данные сеансы были запрещены, поскольку являлись по своей сути гипнотическим внушением на огромную аудиторию, в которой присутствовали лица с противопоказаниями к гипносуггестии (внушению под гипнозом). «По материалам обследования пациентов... на ноябрь 1989 г. общее число осложнений после телесеансов равнялось 115, в том числе отмечались возникновение и обострение психических заболеваний, соматоневрологические осложнения, состояние транса некоторых больных после телесеансов, из которого их удавалось вывести лишь после телефонного звонка Кашпировского» [16]. Как отмечал в старинном исследовании Н. Крушевский, сила заговора «основывается на авторитете заговаривающего знахаря» [12].

Президент Московской психотерапевтической академии М.И. Буянов отмечал: «...Психотерапию пропагандируют эстрадные гипнотизёры. Делают они многое так прекрасно, что ни один врач не способен это сделать... Все они на голову выше официальных гипнотизёров нашей страны, работающих в больницах. Правда, есть несколько врачей, великолепно владеющих гипнозом, но хорошей гипнотерапии (я имею в виду врачебную) нет – это результат многолетнего застоя в нашей научной и общественной жизни» [5].

Несмотря на все усилия, гипноз оставался в тени более традиционных медицинских методов. Советская система здравоохранения ориентировалась на фармакологическое лечение и другие физиотерапевтические методы, чем ограничивала другим область использования гипноза.

Применение гипноза в СССР демонстрирует, как идеология и наука могут переплетаться, оказывая значительное влияние на развитие медицинских практик. Хотя гипноз имел потенциал в лечении и психотерапии, его развитие было затруднено внутренними конфликтами и предвзятостью общества. Изучение этой исторической страницы может дать полезные уроки для современного общества, стремящегося к более открытому и инклюзивному подходу к альтернативным и дополнительным методам лечения.

Министр здравоохранения и медицинской промышленности РФ А.Д. Царегородцев издал 13 июня 1996 г. Приказ № 245 «Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия». Этот документ разрешал применение гипноза и сходных психотерапевтических методов в современной России – только специально подготовленным врачам, исключительно в медицинских целях, в стенах учреждений здравоохранения¹. Нетрудно отметить, что все эти требования, многидесятилетия существующие в российских нормативных документах, на практике постоянно игнорировались. Так поступал психотерапевт А.М. Кашпировский, выступавший с разъездными «сеансами» в различных регионах России перед массовой аудиторией [17]. В некоторых субъектах РФ этому «целителю» не давали возможности выступить сами жители, резко отрицательно относящиеся к подобным гипнотическим шоу, как это произошло в городах Ставропольского и Краснодарского краев [4]. Коммерческая составляющая таких «концертов» откровенна: во время выступления «гипнотизера Кашпировского» за определённую плату продавались всем желающим фотографии и плакаты «целителя», книги о нём и видеокассеты с записью его речи [18].

Когда в ноябре 2006 г. А.М. Кашпировский проводил аналогичные сеансы «целительства» в г. Челябинске, то здесь прокуратура Центрального района даже назначила экспертизу, на которую, в частности, направили сделанную видеозапись его выступления. Заключение по материалам, представленным прокуратурой, дала доктор медицинских наук проф. И.В. Шадринна, возглавляющая кафедру психиатрии, психотерапии и медицинской психологии Челябинской государственной медицинской академии, пришедшая к выводам: «Эти сеансы нельзя рассматривать, как бескорыстные, бесплатные, т.к. деньги зарабатываются опосредствованно, продажей «талисманов»...

¹ Данный приказ № 245 опубликован в журнале «Здравоохранение». 1996. – № 8. – Прим. авт.

Проводимые А.М. Кашпировским сеансы оказывают негативное влияние на психическое и физическое здоровье человека, так как не учитывается состояние здоровья клиентов и противопоказания к проведению гипноза... Продаваемая после сеансов продукция является неодушевленными предметами, посредством которых возможно вызвать состояние повторного транса и использовать их для приведения в действие постгипнотического внушения. Это может спровоцировать как уже имеющиеся психические расстройства, так и способствовать возникновению новых. «Заряженная» соль, применяемая внутрь, также может вызвать транс, протекающий непредсказуемо.

Угрозы А.М. Кашпировского в адрес сотрудников милиции могут иметь негативные последствия, как для психического, так и для соматического здоровья. А.М. Кашпировским производилось внушение наяву, которое у внушаемой личности, или личности, находящейся в стрессовой ситуации, может реализовываться в психическое расстройство, в частности, в психогенную импотенцию»¹.

Последний абзац относится к угрозам А.М. Кашпировского сделать импотентами работников милиции, присутствовавших на его сеансе в Челябинске [19]. Здесь видна прямая аналогия с внушением колдунов и знахарей, влекущем вред здоровью суеверных людей – «проклятие есть наиболее лаконичный вид негативного заговора» [33]. Как сообщает К. Реоли, «проклятия колдуна подчас могут оказывать даже большее воздействие, чем его лечебные заклинания» [23]. Проф. К.К. Платонов также отмечал: «Чем больше слушающие доверяют говорящему, тем ярче эмоциональная окраска воспринимаемых ими слов и тем сильнее их действие» [20].

По вышеназванному эпизоду с сеансами А.М. Кашпировского мировой судья судебного участка № 4 Центрального района г. Челябинска А.В. Галанцев вынес 10 января 2007 г. постановление по делу об административном нарушении. А.М. Кашпировский был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 6.2. Кодекса РФ об административных правонарушениях – занятия народной медициной (целительством) с нарушением установленного законом порядка, и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 17 минимальных размеров оплаты труда – 1700 рублей.

Известный российский нейрофизиолог, академик РАМН Н.П. Бехтерева изучила видеофильм выступления А.М. Кашпировского перед большим числом зрителей на одном из стадионов, после че-

¹ Заключение содержится в материалах дела об административном правонарушении, постановление по которому вынесено 10 января 2007 г. мировым судьёй судебного участка № 4 Центрального района г. Челябинска А.В. Галанцевым. – Прим. авт.

го пришла к выводам: «Я увидела, как легко, с каким удовольствием, сладострастием прямо-таки, А.М. делает почтенных (хотя бы по возрасту) людей смешными, заставляя их рыдать, заламывать руки, выходить на лужайку стадиона. И тут же сеанс «обезболивания». Ряд мужчин – и юркий А.М. со всей силы топчет каблук пальцы их ног. Им не больно, хотя один просто падает. А целы ли их ноги? Этого никто не проверяет. Ну, нет, это абсолютно недопустимо, так может поступать не врач-психотерапевт, а просто садист. И никакие дальнейшие уже широкоэкранные вещания А.М. о добре, покое для людей меня не могли убедить в его искренности... Не нужно Кашпировскому изучения его влияния. Он знает о себе больше, чем говорит, и иногда по желанию (своему) направленно причиняет зло» [3].

Гипноз, как метод терапии и самопомощи, за последние десятилетия приобрел популярность среди отдельных терапевтов и в общественном сознании. Однако в окружении этого мощного инструмента существуют не только положительные аспекты, но и ряд негативных последствий, которые иногда могут возникнуть в результате его применения. В этой статье мы рассмотрим основные риски и потенциальные негативные последствия гипноза, а также предложим рекомендации по безопасному его использованию.

1. Появление ложных воспоминаний. Одной из самых обсуждаемых проблем гипноза является возникновение ложных воспоминаний. Во время гипнотерапии клиент может быть особенно восприимчив к внушениям, что может привести к созданию воспоминаний, которые никогда не происходили. Это может иметь серьезные последствия, особенно в контексте юридических дел, где так называемые «воспоминания» о травмах могут быть использованы против невиновных людей.

2. Эмоциональные потрясения. Гипноз может привести к глубоким эмоциональным переживаниям, что иногда вызывает стресс или дискомфорт у клиента. В процессе терапии пациент может столкнуться с подавленными чувствами или неприятными воспоминаниями, которые могут вызывать тревогу или даже панические атаки. Если у клиента нет достаточной эмоциональной поддержки или адекватного терапевта, это может усугубить его состояние.

3. Зависимость от гипнотерапии. Некоторые пациенты могут стать эмоционально зависимыми от гипнотерапии, полагаясь на гипнотизера для решения своих проблем. Это может мешать им развивать собственные навыки управления стрессом и эмоциональной регуляции, а зависимость от внешних источников помощи может привести к ухудшению психического здоровья в долгосрочной перспективе.

4. Необоснованные ожидания и недовольство результатами. Люди, обращающиеся к гипнозу, часто имеют высокие ожидания относительно его

эффективности. Если результаты оказываются недостаточными или не соответствуют ожиданиям, это может привести к разочарованию и даже ухудшению психоэмоционального состояния клиента. Кроме того, такое недовольство может способствовать усилению стресса и чувства безысходности.

5. Неправильное применение гипноза. Неопытные или незачитно действующие гипнотерапевты могут использовать методики, которые могут навредить клиенту. Неправильное введение в транс или недостаточное внимание к психическому состоянию пациента может вызвать нежелательные последствия, включая обострение психических заболеваний.

6. Физические эффекты. Хотя гипноз сам по себе не вызывает прямых физических последствий, некоторые люди могут испытывать побочные эффекты, такие как головные боли, усталость или даже обострение хронических заболеваний. Эти проблемы могут возникнуть из-за стресса, связанного с процессом терапии, или из-за эмоциональных переживаний, с которыми клиент столкнулся в ходе сеанса.

Гипноз – это мощный инструмент, который может быть полезен в руках опытного специалиста. Однако важно понимать и осознавать потенциальные негативные последствия, которые могут возникнуть в процессе его применения. Правильное обучение, прозрачность, обсуждение чувств и ожиданий – все это играет ключевую роль в безопасном использовании гипноза. Обращаясь к этому методу, вы можете улучшить свое состояние, но важно делать это с осторожностью и в доверительных условиях.

В заключение хотелось бы отметить, что авторы не разделяют оптимистичного утверждения Р.Д. Шарапова, будто «действующее уголовное законодательство России располагает необходимыми средствами реагирования на гипнотические преступления [32]. Так, известный российский ученый-психолог В.И. Лебедев опубликовал материалы по итогам телевизионных гипнологических сеансов А.М. Кашпировского: по медицинским наблюдениям проведённые сеансы массового гипноза оказали отрицательное воздействие на значительную часть телепациентов и привели к необратимым последствиям для многих из них (обострение имеющихся заболеваний, возрастание нервно-психической заболеваемости, психической дезадаптации, трехкратное увеличение смертности в первые сутки после телегипнотического сеанса). Причиной таких явлений явилось нарушение принципа индивидуальной психокоррекции, поскольку при телевизионном гипнозе у специалиста отсутствует прямой контакт с субъектом суггестивного воздействия, что не позволяет оценить и при необходимости скорректировать его постгипнотическое состояние [13].

Исходя из заявления Р.Д. Шарапова, при таком массовом негативном воздействии телевизионных сеансов А.М. Кашпировского на многотысячную аудиторию, в десятках городов СССР правоохранительные органы были обязаны возбудить десятки уголовных дел – по итогам вреда, причинённого здоровью зрителей названным психотерапевтом, но ни одного дела не возбудили. Следует признать, что до сих пор не существует общепризнанной методики оценки вреда, причиняемого приёмами воздействия на психику со стороны экстрасенсов, гипнологов, представителей оккультизма [11]. Еще не накоплено и не изучено достаточного количества эмпирического материала, позволяющего учёным и практикам получить ясное представление о предмете, методике проведения и вопросах судебно-психологической экспертизы психического воздействия [6, 31].

Гипноз – это многогранная область, которая продолжает развиваться как в научной, так и в практической плоскостях. Он предлагает значительные возможности для лечения и улучшения качества жизни людей, борющихся с различными проблемами. Однако, как и любой вид терапии, гипноз требует осторожного, уважительного и этичного подхода. Осознание этого поможет преодолеть предвзятости и мифы, которые так долго окружали эту практику, открывая двери к новым возможностям для здоровья и благополучия.

С каждым годом исследования в области гипноза углубляются, и, возможно, в будущем мы увидим еще больше применений этой удивительной техники в медицине и психологии.

Литература

1. Die Bedeutung der hypnotischen Suggestion als Heilmittel. – Berlin, 1894. – 192 p.
2. Беллин Э.Ф. Гипнотизм и его значение в науке, в праве и уголовном судопроизводстве. – Харьков, 1898. – 111 с.
3. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни (дополненное издание). – М.; Спб., 2007. – С. 221–223.
4. Брежицкая Е., Ковалевская Е. Не дали установку: на юге России отменили концерты Анатолия Кашпировского // Российская газета. 2010. – 20 июля.
5. Буянов М.И. Приключения древней загадки. (Истерия, история, суеверия). – М., 1991.
6. Вайсфельд М.И. Синдром воздействия // Проблемы психиатрии и психопатологии. – М., 1935. – С. 77–101.
7. Галаева С. За исцелением ...к фокуснику? // Медицинская газета. – 1988. – 4 марта.
8. Гримак Л.П. Гипноз и преступность. – М.: Республика, 1997. – 304 с.
9. Гримак Л.П. Ещё раз о телепсихотерапии // Психологический журнал. – 1993. – № 2. – С. 148.

10. Егоров Н.Н., Протасевич А.А. Использование специальных знаний: история, состояние и перспективы развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1. – С. 101–117.
11. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании деяний, совершаемых членами тоталитарных сект // «Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика: Материалы IX Международной научно-практической конференции». Вильнюс, 2013. – Ч. 1. – С. 342.
12. Крушевский Н. Заговоры, как вид русской народной поэзии. Варшава, 1876. – С. 30.
13. Лебедев В.И. Сомнительный эксперимент на людях в масштабах всей страны // Советская культура. – 1989. – 28 ноября.
14. Лукошкина С.В. Особенности оценки заключения негосударственного эксперта в уголовном судопроизводстве // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24. – № 3. – С. 371–376
15. Лукошкина С.В. Участие специалиста на стадии возбуждения уголовного дела: к вопросу о соблюдении принципа состязательности процесса // Академический юридический журнал. – 2021. – Т. 22. – № 3. – С. 260–267.
16. Малеина М.Н. Правовой взгляд на проявление нетрадиционных способностей (качеств) человека // Государство и право. – 1994. – № 2. – С. 126.
17. Маргиева Н. Через 19 лет брак Кашпировского рассосался // Комсомольская правда. 2011. – 20 июля.
18. Оссовская Е. Кашпировский по-прежнему лечит мозги // Деловой вторник. 2002. – 27 августа.
19. Пинкус М. Кашпировскому поставили диагноз // Российская газета. 2007. – 11 января.
20. Платонов К.К. Занимательная психология. – М., 1962. – С. 178.
21. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1966. – С. 139.
22. Райков В.Л. Гипнотическое состояние сознания как форма психического отражения // Психологический журнал. 1982. № 4. С. 112–113.
23. Реоли К. Кто такие колдуны? // Наука и религия. – 1964. – № 12. – С. 34.
24. Рожнов В.Е., Рожнова М.А. Гипноз от древности до наших дней. – М., 1987. – С. 19.
25. Розенбах П.Я. Следует ли стесняться врачебное применение гипнотизма? – СПб, 1901. – С. 2.
26. Руководство по психотерапии. Под ред. проф. В.Е. Рожнова. – Ташкент, 1979. – С. 145–168.
27. Систематическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. М., 1967. Т. 10. – С. 311.
28. Сумбаев И.С. К методике внушения в бодрственном состоянии // Проблемы общей психопатологии. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Иркутск, 1958. – С. 188.
29. Фишер С. Гипнотизм в праве. – СПб., 1896. – 158 с.
30. Хабалев В.Д. Применение гипноза для активизации памяти опрашиваемых лиц в деятельности зарубежной полиции: Автореф. дис... канд. психол. наук. – М., 1997–22 с.
31. Чижова Д.С. Особенности судебно-психологической экспертизы психологических воздействий по уголовным делам: Автореф. дис... канд. психол. наук. СПб.: Калуга. 2003. – 24 с.
32. Шаратов Р.Д. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Государство и право. – 2004. – № 11. – С. 51.
33. Шлахтер В.В., Хольнов С.Ю. Психодинамика колдовства, или введение в паралогию. – СПб, 2000. – С. 161.

HISTORY OF VARIETY (SPECTACULAR) HYPNOSIS IN RUSSIA

Kitaev N.N., Kitaeva V.N., Ardashev R.G.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Baikal State University, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article gives a historical review of the order of hypnosis use in Russia. It is shown that from the 19th century up to the present time normative documents allow the use of hypnosis in our country only for doctors, exclusively for therapeutic purposes. It is disclosed that the ban on holding spectacular (variety) hypnosis sessions continues to be violated, especially with the emergence of cases of television hypnosis sessions. It is pointed out the great danger of spectacular hypnosis for many viewers with diseases in which hypnosis is harmful to health. Illegal activity of psychotherapist A.M. Kashpirovsky, who has already been brought to responsibility in court, is noted.

Keywords: hypnosis, suggestion, crimes, mental violence, television hypnosis, psychotherapist A.M. Kashpirovsky.

References

1. The Study of Hypnotic Suggestions in the Healing Room. – Berlin, 1894. – 192 p.
2. Bellin E.F. Hypnotism and its Importance in Science, Law and Criminal Procedure. – Kharkov, 1898. – 111 p.
3. Bekhtereva N.P. The Magic of the Brain and the Labyrinths of Life (revised edition). – Moscow; St. Petersburg, 2007. – P. 221–223.
4. Brezhitskaya E., Kovalevskaya E. They Didn't Give the Installation: Anatoly Kashpirovsky's Concerts Cancelled in the South of Russia // Rossiyskaya Gazeta. 2010. – July 20.
5. Buyanov M.I. The Adventures of an Ancient Riddle. (Hysteria, History, Superstition). – М., 1991.
6. Weisfeld M.I. Impact syndrome // Problems of psychiatry and psychopathology. – М., 1935. – P. 77–101.
7. Galaeva S. For healing ... to a magician? // Medical newspaper. – 1988. – March 4.
8. Grimak L.P. Hypnosis and crime. – М.: Respublika, 1997. – 304 p.
9. Grimak L.P. Once again about telepsychotherapy // Psychological journal. – 1993. – No. 2. – P. 148.
10. Egorov N.N., Protasevich A.A. Use of special knowledge: history, state and development prospects // Siberian criminal procedure and forensic readings. – 2022. – No. 1. – P. 101–117.
11. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Forensic psychological examination in the investigation of acts committed by members of totalitarian

- sects // "Criminalistics and forensic examination: science, training, practice: Proceedings of the IX International scientific and practical conference". Vilnius, 2013. – Part 1. – P. 342.
12. Krushevsky N. Conspiracies as a type of Russian folk poetry. Warsaw, 1876. – P. 30.
 13. Lebedev V.I. A dubious experiment on people on a national scale // Soviet Culture. – 1989. – November 28.
 14. Lukoshkina S.V. Peculiarities of Assessing the Conclusion of a Non-State Expert in Criminal Proceedings // Academic Law Journal. – 2023. – Vol. 24. – No. 3. – P. 371–376.
 15. Lukoshkina S.V. Participation of a Specialist at the Stage of Initiating a Criminal Case: On the Issue of Compliance with the Principle of Adversarial Process // Academic Law Journal. – 2021. – Vol. 22. – No. 3. – P. 260–267.
 16. Maleina M.N. Legal View on the Manifestation of Non-Traditional Abilities (Qualities) of a Person // State and Law. – 1994. – No. 2. – P. 126.
 17. Margieva N. After 19 Years, Kashpirovsky's Marriage Dissolved // Komsomolskaya Pravda. 2011. – July 20.
 18. Ossovskaya E. Kashpirovsky still treats brains // Delovoy Vtoroy. 2002. – August 27.
 19. Pinkus M. Kashpirovsky was diagnosed // Rossiyskaya Gazeta. 2007. – January 11.
 20. Platonov K.K. Entertaining Psychology. – Moscow, 1962. – P. 178.
 21. Porshnev B.F. Social Psychology and History. – Moscow, 1966. – P. 139.
 22. Raikov V.L. Hypnotic State of Consciousness as a Form of Mental Reflection // Psychological Journal. 1982. No. 4. P. 112–113.
 23. Reoli K. Who are the Sorcerers? // Science and Religion. – 1964. – № 12. – P. 34.
 24. Rozhnov V.E., Rozhnova M.A. Hypnosis from ancient times to the present day. – M., 1987. – P. 19.
 25. Rosenbach P. Ya. Should the medical use of hypnotism be restricted? – St. Petersburg, 1901. – P. 2.
 26. Handbook of psychotherapy. Ed. by prof. V.E. Rozhnov. – Tashkent, 1979. – P. 145–168.
 27. Systematic collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR and decisions of the Government of the RSFSR. M., 1967. Vol. 10. – P. 311.
 28. Sumbaev I.S. On the technique of suggestion in the waking state // Problems of general psychopathology. Collection of scientific papers. Issue 2. Irkutsk, 1958. – P. 188.
 29. Fisher S. Hypnotism in law. – SPb., 1896. – 158 p.
 30. Khabalev V.D. Use of hypnosis to activate the memory of respondents in the activities of foreign police: Abstract of Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. – Moscow, 1997–22 p.
 31. Chizhova D.S. Features of forensic psychological examination of psychological influences in criminal cases: Abstract of Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. SPb.: Kaluga. 2003. – 24 p.
 32. Sharapov R.D. Criminal hypnosuggestion: criminological and criminal-legal aspects // State and Law. – 2004. – No. 11. – P. 51.
 33. Shlakhter V.V., Kholnov S. Yu. Psychodynamics of Witchcraft, or Introduction to Paralogy. – St. Petersburg, 2000. – P. 161.

Киберсоциальность: ожидания личного и социального в диалектике реальностей

Стоянов Александр Сергеевич,

к.с.н., доцент кафедры рекламы и связей с общественностью
Академии гражданской защиты МЧС России
E-mail: stoianoff@mail.ru

В 1-й части обобщены различные теоретические подходы к определению соотношения социального и личного, даны их краткие характеристики, как с формальных позиций, так и оценки содержательности этих теорий в контексте деятельностного подхода. Отмечены общий кризис в общественных науках и потребность создания качественно иных социальных парадигм. Определено, что человек представляет собой пересечение трёх взаимодействующих в разном соотношении классов реальностей: объективной, субъективной и социальной. Даны определения реальностей и их базовая классификация. На основе «взаимодействия» в реальностях, выраженного в механизмах «равновесия, познания и преобразования» выделены основные этапы эволюции материи от атома и кристалла к обществу и указана органическая взаимосвязь материи с сознанием и социальностью. Даны основные показатели взаимодействия в сферах природы, человека и общества и соответствующие трём классам реальности их высшие формы проявления: устойчивость, уникальность и однородность. Определено, что деление «биологическое – социальное» и «личное – социальное» в индивидууме зависит от уровня доминирования его инстинктов. В зависимости от их соотношения будет реализован индивидом один из четырёх типов развития. Определены две основные оси движения (развития) индивида: «ось личного» – от целей к ожиданиям (цели – ценности – идеи – ожидания), и «ось социального» – от социальной реальности к объективной реальности. Отмечена органичная взаимосвязь современных социологических теорий (конструирования реальности Бергера и Лукмана, симулякр Бодрийяра, социальное и физическое пространство Бурдьё) с предлагаемой структурой соотношения по осям. Подчёркнута основополагающая роль ожиданий в любых системах, имеющих информационный характер, что отражается в механизмах преобразования субъективной и социальной реальностей в отрыве от объективной. Дано новое определение общества (общепринятость + предсказуемость) как системы взаимных ожиданий.

Ключевые слова: киберсоциальность, ожидания, социальная реальность, объективная реальность, субъективная реальность, творческое развитие, механическое развитие, равенство уникальных, неравенство однородных, контроль.

Введение

О соотношении социального и личного (субъективного, индивидуального, биологического) задумывались в своё время величайшие мыслители своего времени (Сократ, Платон и т.д.). В этом предложении мы намерено соединили давно устоявшиеся категории и понятия во едино, полагая что они глубоко взаимосвязаны и их отделение друг от друга носит искусственный характер в угоду логики удобства анализа различными науками. Такое разделение не позволяет преодолеть сложившийся кризисный тупик взаимоотношений личного и социального. Подойдя к проблеме несколько с другой стороны, попытаемся определиться с вышеуказанными соотношениями и категориями.

Ещё Аристотель писал, что человек по сути своей «общественное животное». Ф. Бэкон признавал принцип «естественной морали», исходящей из необходимости объединения людей в общество. Гельвеций утверждал, что «интерес всякого гражданина связан каким-либо образом с всеобщим интересом...» [Гельвеций, 1973: 215]. Так или иначе, этой проблемы касались практически все, кто задавался вопросами генезиса, свойств и структуры «социального» в человеке и природе.

С другой стороны, несмотря на все пройденные этапы становления, социология так и не определилась с этим краеугольным понятием, да и не только с ним... Крупные отечественные социологи так и подчёркивают: «Мы не знаем точно, ни что такое общество, ни что такое социальное» [Бороноев, Смирнов, 2003: 3].

Родоначальники социологии также не обошли эту тему стороной, ввиду её краеугольной значимости. Э. Дюркгейм подчёркивал в человеке двойственность его природы (индивидуальной и социальной) – *Homo duplex*. Общество он провозгласил «композицией всякого рода идей, верований и чувств, которые реализуются через посредство индивидов» [Durkheim, 1924: 85]. В соответствии с концепцией Э. Дюркгейма, *социальная реальность автономна по отношению к индивидуальной реальности, имеющей биопсихический характер*. По его словам, «...формула *Homo duplex* подтверждается фактами... С одной стороны, это наша индивидуальность, а точнее – наше тело, на котором она основана¹, с другой стороны – всё, что выражает в нас нечто иное, нежели мы сами» [Дюркгейм, 2013:

¹ Мы говорим «наша индивидуальность», а не «наша личность». Хотя эти два слова часто путают, их следует различать со всей возможной тщательностью. *Личность, по существу,*

136]. С одной стороны, мир лишённой разума и морали материи, с другой – мир Идей, Духа, Блага... и так как в нас есть что-то от одного из них, а что-то – от другого, мы неизбежно будем находиться в конфликте с самими собой [Дюркгейм, 2013: 139].

О. Конт также подчёркивает двойственность человека, определяя его главную движущую силу: «идеи управляют (социальным) миром», ибо социальный мир есть мир идей, а человек есть животное, создающее царство логического бытия – новую и высшую форму мировой энергии [Цит. по Сорокин, 1992: 531]. Таким образом «идеи управляют и переворачивают мир... весь социальный механизм покоится, в конце концов, на мнениях» [Конт, 1912: 19].

М. Вебер подтверждал двойственность тем, что «социальным действием» следует называть такое, которое по своему смыслу, подразумеваемому действующим или действующими, *отнесено к поведению других* и этим ориентировано в своём протекании» [Weber, 1964: 1].

В. Парето считал *психическое состояние индивида «объективной» основой социального феномена* в отличие от его субъективной основы, под которой он понимал аргументы, рационально выдвигаемые действующим лицом» [Pareto, 1964: 80].

Т. Парсонс, также подтверждает вышеуказанное: «без учёта мотивов действующего индивида социология не в состоянии установить те причинные связи, которые, в конечном счёте, позволяют создать объективную картину социального процесса» [Parsons, 1961: 1]. Но, разрабатывая краеугольную проблему соотношений индивидуального и социального и, как следствие этого, проблему объективности, «социологи, объявляя изучаемую ими социальную реальность объективной, в то же время никак не могли объяснить, откуда взялась эта объективность» [Семенов, 2015: 64]. И в итоге, несмотря на множество «сломанных копий» классиков социологии, один из них подчёркивает, что «учёные с трудом определяют сущность понятия «общество» [Смелзер, 1994: 84].

Некоторые аспекты по этой тематике затронуты и в наших работах [Стоянов, 2019a, 2019b, 2020; Стоянов, Адаева, 2021]. На наш взгляд, решение данной проблемы затруднено в силу своей многогранности и многоаспектности с одной стороны, и с другой – фундаментальности, лежащей в основе как социальных, так и многих других наук о человеке, и часто носит характер предположений и гипотез. Постараемся и мы, в силу указанной необходимости определения соотношения социального и личного (субъективного, индивидуального, биологического), восполнить этот пробел.

Методы и организация исследования

Для изучения поставленной проблематики были диалектически выделены такие категории как «объ-

состоит из надиндивидуальных элементов (см. об этом: Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 386–390).

ективная реальность», «субъективная реальность», «социальная реальность». Был проведён анализ научной и специальной литературы, который позволил систематизировать сформировавшиеся основные направления и области изучения вышеуказанной темы и дать им необходимые определения. На основе вышеуказанных категорий предпринята попытка анализа соотношения личного и социального посредством диалектической формализации ожиданий в цели (субъективная реальность) во взаимодействии в объективной и социальной реальностях.

Результаты и их обсуждение.

Отечественные исследователи полагают, что «... социальность является не видоспецифически человеческим, а универсальным феноменом жизни, и именно в таком качестве она должна быть осмыслена. Прежде всего – в пространстве науки, предметом которой выступает «социальное» [Шмерлина, 2013: 8]. Другие указывают, что «сознание – особое свойство материи». В работе Ламетри «Человек-машина» было выведено: *материя обладает способностью мышления*. Это положение было развито в работах Гольбаха, и звучит вполне определённо: *мышление есть свойство организованной материи* [Корнеев, 2013].

Мы, идя гораздо дальше в своих предположениях, допускаем, что социальность – объективный этап эволюции материи и сознания, но далеко не последний. Подчёркнём, что, определившись с этапами эволюции материи, сознания и социальности, мы сможем определиться и с «социальным» и с соотношением личного и социального. С другой стороны, далее мы убедимся, что деформация социума обусловлена деформацией социальной реальности посредством технологических изменений в средствах коммуникации – предоставляемой среде взаимодействия индивидов, имеющей свойства управляемости доступа и существенного влияния на субъективную реальность последних.

П. Бурдьё указывал на необходимость учёта двойкой природы человека, *познающего социальное пространство посредством инкорпорации объективированных структур*. «Социология должна действовать, исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством... Социальное пространство, таким образом, *вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры*, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур» [Бурдьё, 1993: 35]. Согласно другой концепции *социальная реальность является одновременно и объективной*, т.к. от индивида не зависит, *и субъективной*, поскольку создаётся индивидом, ибо «реальность» как качество, присущее феноменам, имеет бытие,

независимое от нашей воли и желания (мы не можем «от них отделаться») [Бергер, Лукман, 1995: 9]. С другой стороны, «общество нельзя рассматривать как результат деятельности или порождение индивидуальных субъектов... Структуральные свойства социальной системы существуют только благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве» [Гидденс, 2005: 15].

Как видим, несмотря на многообразие подходов, проблема соотношения личного и социального представляется нерешённой до сих пор... У нас же задача ещё более сложная – через попытку решения (даже схематичного, но отражающего реалии) вышеуказанного соотношения подтвердить теоретическую концепцию «Общество ожиданий» – систему взаимных ожиданий индивидов [Стоянов, 2016: 11], опосредованных в пересечении проекций 3-х классов реальности (объективной, социальной и субъективной), посредством деятельностного подхода к изучению данного вопроса. В контексте последнего отечественные социологи также подчёркивают, что «общество есть система субъектно-го типа, основанная на деятельностном взаимодействии людей» [Бороноев, Смирнов, 2003: 11].

Уже само взаимодействие, имея характер социального программирования, напрямую и косвенно влияет на фундаментальные основы формирования структуры общественной системы и сознания. Социологи, проведя анализ социального программирования на уровнях индивидуального и общественного сознания, общественно-психологическом и идеологическом уровнях, в обыденном и теоретическом сознании, выявили его роль в общественной институционализации, где она выражается как нормообразование [Маркин, 1998: 13]. Об этом же говорит и Э. Гидденс: «с виду второстепенные и несущественные правила поведения, условности и традиции повседневной социальной жизни оказываются фундаментальным каркасом социальной жизни, играют первостепенную роль в деле «укрощения» или обуздания» источников подсознательной напряжённости, которые в противном случае полностью поработили бы нас» [Гидденс, 2005: 19].

В деятельностном взаимодействии ещё одним аспектом практической перспективы является признание материальности социальной реальности, проявляющейся как в телесном характере действий и структур, что позволяет их наблюдать, так и во включенности в социальные практики предметов физического мира [Иванова, 2017: 220]. Определяя деятельностный подход как наиболее характерный для всех классов реальности, один из крупнейших немецких антропологов и социологов А. Гелен полагал, что процесс взаимодействия не предполагает «никакого различения или различимости «внутреннего» и «внешнего», психического и физического» [Гелен, 1988: 160].

Итак, мы полагаем, что в наиболее общем случае личность (индивид) представляет собой пересечение трёх классов взаимодействующих в разном соотношении реальностей: объективной¹ (физической), субъективной (психической²) и социальной³.

Основной принцип, лежащий в основе деления на классы реальности, это принцип взаимодействия (таб. 1). Мы здесь исходим из того, что при отсутствии взаимодействия (взаимовлияния) отсутствует системность (упорядоченность) элементов реальности. Другими словами, взаимодействие позволяет объединиться его объективным элементарным носителям, с другой стороны – нам позволяет сознательно объединить элементы взаимодействия. Взаимодействие – есть основа любых систем (поле, кристалл, организм, сознание, общество и т.д.). Другое дело, что взаимодействие может быть пока непознанным, но объективно существующим, как и непознанная система. Нет взаимодействия – нет системы! Реальность и есть среда (как система законов) взаимодействий, имеющих прямой или опосредованный характер.

Таким образом, **объективная реальность отражает любое взаимодействие материи, выраженное в механизмах обретения и сохранения равновесия.** Например, радиация (распад – обретение устойчивости) и любая химическая реакция, а также практическое отсутствие в природе устойчивых веществ в атомарном состоянии тому подтверждение. Любой атом стремится приобрести устойчивость посредством соединения с другими атомами (синтез). Соединение атомов в молекуле имеет намного более устойчивое состояние, чем те же атомы в атомарном состоянии.

¹ Объективная Реальность (О.Р.) – существующее независимо от человеческого сознания и первичное по отношению к нему (физический мир). По отношению к индивиду – это все, что существует вне его сознания и отражается им. Но он сам со своим сознанием будет О.Р. по отношению к др. людям и т.д. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд.-М.: Политиздат, 1981. – 445 с.

² Реальность Психическая – в психике субъекта то, что обладает такой же связностью и сопротивляемостью, как и материальная действительность; ... всё том, что представляется реальностью. ...В мире неврозов именно психическая реальность играет главную роль в бессознательных процессах, которые замещают ее реальностью психической – это особая форма существования, которую не следует путать с материальной реальностью.

Лапланш Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис / Пер. с франц. Н.С. Автономовой. – М.: Высшая школа, 1996. – 623 с.

³ Социальная Реальность (СР) – рассматривалась двумя доминирующими теоретическими линиями: Индивидуалистская (феноменологическая, экзистенциалистская, волюнтаристская (веберовская), конвенционалистская) – рассматривает С.Р. как результат целенаправленного или осмысленного человеческого поведения. Позитивистская (дюркгеймовская, марксова, структуралистская, функционалистская, бихевиористская и др.) – мир, обладающий своей собственной жизнью, внешней и принудительной к индивиду.

Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

Субъективная¹ реальность отражает изнутри-ориентированное и внутреннее (само-)взаимодействие материи, наделённой сознанием² (homo sapiens и другие биологические виды), проявляясь в удостоверении (само-)существования, и тем самым первая тесно связана с сознанием как таковым, **выраженное в механизмах познания (инстинкты, под-/сознание, разум, коммуникации) **основных сфер взаимодействия** (природа, человек общество). Полагаем, что *инстинкт – это низшая форма сознания*, где информация об объективной реальности, передаваемая генетически, обеспечивает успешное взаимодействие организма с объективной реальностью. В свою очередь *разум³ – это одна из высших форм сознания!* «Ни сознание, ни информация не могут быть представлены в отдельности, но только во взаимодействии» [Корнеенков, 2013]. Таким образом, *основной критерий развития индивида – степень познания основных сфер его взаимодействия – природы, человека и общества, имеющего информационный характер.***

Причём стоит чётко различать классы реальности (объективная, субъективная, социальная) от сфер взаимодействия (человек, природа, общество), хотя они тесно взаимосвязаны друг с другом (табл. 1). Главное отличие заключается в том, что *сфера взаимодействия проявляется в действиях (даже мысленных) исходящих от субъек-*

¹ Субъективная Реальность (СР) является инициатором всех новообразований в индивидуальном сознании, а тем самым и в общественном сознании. ...Знание о *сознании (СР)* другого обусловлено знанием о собственном сознании. [Дубровский, 2018: 196–198]. Явления сознания (СР) резко отличаются от остальных явлений окружающей действительности, им нельзя приписывать физические характеристики (массу, энергию, пространственные определения). СР представляет «внутренний», субъективный опыт индивида, непосредственно открытый только ему. ...СР в своём специфическом качестве присуща не только сознанию человека, но и *животной психике...* Это подтверждается опытами с *воздействием галлюциногенов на животных* (галлюцинаций, сходных с теми, которые демонстрируют люди). ... Психическое отображение и управление сами становятся объектом отображения и управления – способность *неограниченного производства информации об информации*, свободы «движения» в сфере СР в смысле *пробных мысленных действий*, моделирования ситуаций, прогнозирования, проектирования, мечтания, фантазирования, творческих решений.

[1] Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

² Сознание – состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчёте об этих событиях [1].

Различия между живыми и неживыми системами *становятся все более условными*. Любую систему (существо), способную генерировать, получать и передавать информацию, можно рассматривать как живую систему. Сознание по своей природе как материально, так и идеально, т.е. имеет двойственную природу [Корнеенков, 2013: 303].

³ Разум (Р) – философская категория, выражающая высший тип мыслительной деятельности, противопоставляемый *рассудку*. Выделение Р. как более высокой по сравнению с рассудком ступени познания связано со способностью Р. постигать единство противоположностей, которые разводит рассудок [1].

та, в то время как реальность – это среда взаимодействия. И именно степень влияния личности (индивида) на уровни взаимодействия (субъект – объект – полисубъект – среда [Лепский, 2015: 13]) определяется уровнем развития первой. Другими словами, на высшем уровне развития личность (индивид) способна формировать среду взаимодействия – т.е. максимально приблизится к реальности!

Социальная реальность отражает извне-ориентированное и внешнее, по отношению к субъективной реальности, взаимодействие материи, наделённой сознанием, выраженное в механизмах преобразования основных сфер взаимодействия (природа, человек, общество). Социальная реальность проявляется в получении различных благ (выгод) от ориентации на взаимодействие посредством социального (от колонии одноклеточных⁴, развивающейся в многоклеточную структуру, до общества как такового с последующим усложнением). Это, как минимум, механизмы выживания, приспособления и даже паразитизма на себе подобных, как максимум – накопление и *передача* (генетически (рис. 1) либо технологически – СМК, СМИ, научение, образование) *накопленной информации (знаний) об основных сферах взаимодействия* (природа, человек, общество) и дальнейшее развитие элемента социальной реальности (от одноклеточных⁵ до личности) *на основе преобразования последних!* Таким образом, **основной критерий развития личности (группы, общества) – степень преобразования её основных сфер взаимодействия – природы, человека и общества, не нарушая механизмов равновесия в них (табл. 1), под реализацию собственных потребностей, формирование которых имеет информационный характер** (от физиологических – ДНК; безопасности, социальных и престижа – СМК и СМИ; до самоактуализации – познание).

Следует отметить, что *потребность – есть реализованное ожидание* [Стоянов, 2020: 215]. В свою очередь эта реализация имеет чётко выраженную диалектику уровней взаимодействия по степени формализации: *цель – это оформленная ценность, ценность – оформленная идея, идея – оформленное ожидание* [Стоянов, 2019b: 264]. Таким образом, *цель – есть максимально формализованное ожидание*. Это нам пригодится в дальнейшем определении соотношения «личное – социальное»

⁴ Многоклеточная сложность, включая развитие из одной клетки, может быстро развиваться в одноклеточном организме, который никогда не имел многоклеточного предка [Ratcliff et al., 2013: 2472].

⁵ Образование спор бактерией *Bacillus subtilis* запускается ограничением питательных веществ. Клетки, которые вступили в фазу споруляции, производят и экспортируют фактор уничтожения и *сигнальный белок*, которые действуют совместно, чтобы блокировать споруляцию *сестринских клеток и вызывать их лизис*, что позволяет им продолжать расти, а не завершать морфогенез путём *каннибализации своих сестёр* [González-Pastor J.E., Hobbs E.C., Losick, 2003: 510].

(рис. 2), напрямую имеющее отношение к процессам «познания – преобразования» основных сфер взаимодействия – природы, человека и общества. В дальнейшем именно механизмам преобразова-

ния основных сфер взаимодействия уделим более пристальное внимание как наиболее яркому показателю взаимодействия в социальной реальности (табл. 1).

Таблица 1. Показатели и характеристики взаимодействия по мере его усложнения в 3-х классах реальности (каждое последующее усложнение взаимодействия не исключает предыдущих его характеристик, проявленных в наслонении сфер взаимодействия и классов реальности)

Сфера взаимодействия / основные характеристики	Классы Реальности / Показатель взаимодействия		
	Объективная механизмы равновесия:	Субъективная механизмы познания:	Социальная механизмы преобразования:
Природа элементарный носитель: устойчивость через:	синтез / распад материя / атом трансмутация, синтез	(Р-)ДНК / инстинкты одноклеточные мутация / инстинкты	матери колонии одноклеточных биотехнологии
переходный элемент к следующему классу реальности: устойчивость через:	экосистема кристалл / вирус* мутация	(под-)сознание многоклеточный организм** инстинкты / сознание	матери / статуса колонии многоклеточных / социальные животные социальные технологии коллективное сознание***
Человек элементарный носитель: устойчивость через:	здоровье социальное животное иммунитет	разум индивид интеллект	статуса / организации личность / семья принадлежность/имущество
Общество элементарный носитель: устойчивость через: обеспечивает развитие: направление развития:	демография семья / родитель размножение инстинкт равновесие	коммуникации (не-/вербальные) индивид / личность СМИ / СМК – / + девиация дифференциация	системы иерархий (не-/формальные) община / организация силовые структуры де- / структуризация стратификация
ВЫВОДЫ:			
взаимодействие элементарных носителей обеспечивает им:	устойчивость – динамическое равновесие	уникальность – динамическое изменение внутри себя	однородность – динамическая принадлежность к себе подобным
высшая форма проявления:	устойчивость	равенство уникальных	неравенство однородных

* Вирус TMV (*tobacco mosaic virus*) может быть кристаллизован в форме двумерного парахристалла, т.е. организм, находящийся на границе химии и биологии – самовоспроизводимые «живые молекулы». Мёртвый белок может быть живым инфекционным агентом. Некоторые вирусы могут быть ключами к тайне зарождения жизни [Mahy, Van Regenmortel, 2010: 20].

** Жёсткая колония дифференцированных клеток, обладающая сознанием.

*** Пчёлы и т.п., не существующие в одиночку, показывают высочайший уровень организованности коллективного сознания при структуризации территории. С увеличением численности и дефицита пищи наблюдается тенденция к углублению дифференциации функций в рабочих группах трофобионтов, при этом узкая специализация рабочих особей носит факультативный характер [Новгородова, 2008: 284].

В социальной реальности степень развития механизмов преобразования природы вопреки здравому смыслу (отрыв социальной реальности от объективной, нарушающий равновесие в последней) хорошо иллюстрируют биотехнологии, где «искусственно созданные вирусы и патогенные бактерии могут вызывать крупные эпидемии, поражающие обширные регионы. Генетически модифицированные организмы (ГМО), полученные с использованием несовершенных методов, являются ещё более опасными и могут вызывать высокий уровень смертности и бесплодия живых организмов и их последующее исчезновение» [Ermakova, 2011: 171]. Как подтверждение этому – разработка нового коронавируса¹. «Чтобы изучить потенциал

появления (то есть возможность заражать людей), мы создали химерный вирус, кодирующий новый, зоонозный белок-шип CoV – из последовательности RsSHC014-CoV, обладающий способностью

и Университете Северной Каролины. Синтетическая конструкция химерного мутанта и полноразмерного SHC014-CoV была одобрена Комитетом по исследованиям двойного назначения. Название проекта: Создание инфекционных клонов SARS-подобных CoVs летучих мышей; Идентификатор плана безопасности лаборатории: 20145741; Идентификатор G-графика: 12279. Эти исследования были начаты до приостановки финансирования исследований правительства по процессу обсуждения отдельных исследований, посвящённых получению дополнительных функций, включая вирусы гриппа, MERS и SARS (<http://www.phe.gov/s3/dualuse/Documents/gain-of-function>).pdf). Этот документ был рассмотрен финансирующим агентством NIH (National Institutes of Health). Было запрошено продолжение этих исследований, и это было одобрено NIH. Также деньги выделены Natural Science Foundation of China [Menachery, Yount, Debbink et al., 2015].

¹ Исследования велись в Уханьском институте вирусологии, лаборатории специальных патогенов и биобезопасности,

вызывать устойчивую инфекцию в культурах дыхательных путей человека [Menachery, Yount, Debbink et al., 2015].

Отметим, что деление показателей взаимодействия по классам реальности и по сферам взаимодействия (табл. 1) весьма условно, но позволяет сконцентрировать наши усилия на решении вопроса соотношения классов реальности в личности (индивиде). По нашему мнению, деление «биологическое – социальное» и «личное – социальное» в индивиде зависит от уровня доминирования его инстинктов. Если инстинкты преобладают над сознанием (интеллектом), то тогда наблюдаем уровень «социального животного» (см. формула О. Конта [Стоянов, 2020: 211]), обладающего всего лишь задатками для реализации механиче-

ского развития в поле квадранта I (рис. 2). При доминировании сознания (разума, интеллекта) над инстинктами, основными осями развития индивида (личности) будут две: *ось субъективной реальности (движение от целей к ожиданиям)*; *ось движения от «социальной реальности» к физической «объективной реальности»*. Это же подтверждает и П. Бурдьё, чётко определяя реальность как совокупность пространств, выделяя в ней физическое (объективное) и социальное. «Социальное пространство – не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нём более или менее полно и точно. Это объясняет то, что нам так трудно осмысливать его именно как физическое» [Бурдьё, 1993: 39].

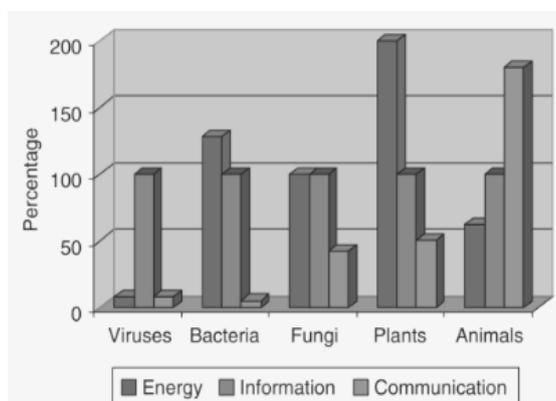

Figure 1 The proteins of viruses, microorganisms, plants, and animals have different functional roles. The vertical bars represent the proportion of proteins in the categories of energy utilization and carrier of information, relative to those in the category of mediator of information. Viruses have the highest proportion of proteins involved in information processes related to the control and expression of genetic information. Reproduced from Patthy L (1999) *Protein Evolution*. Oxford: Blackwell Science, with permission from Blackwell Publishing.

Сравнение свойств организмов в коммуникации и передаче генетически накопленной информации отражают исследования молекулярных биологов.

Белки вирусов¹, микроорганизмов, растений и животных исполняют различные функциональные роли. На рис. 1 пропорции у белков по категориям: поглощение и преобразование энергии, перенос информации, относительно тех, кто в категории посредника информации. Из белков *вирусы обладают самой высокой включенностью в информационные процессы, направленные на контроль и передачу генетической информации*² [Patthy, 1999]. В механизмах познания следует различать стабильность генетической передачи информации и коммуникацию, растущую по мере эволюции материи (табл. 1). Исходя из гистограммы, отметим, что *максимально коммуницируют животные, растения же являются наиболее эффективным конвертером солнечной энергии в биомассу, позволяющим существовать и активно коммуницировать животным!*

Таким образом, **коммуникация – очередной этап эволюции материи, обладающей сознанием!**

Рис. 1. Сравнительные свойства организмов в коммуникации и генетической передаче накопленной информации [Patthy, 1999]

Касательно *оси субъективной реальности (взаимодействие от целей – ценностей – идей к ожиданиям)*, то такое диалектическое распределение обусловлено понижением степени их формализации и осознанности, что требует всё более серьёзных *интеллектуальных усилий индивида*, особенно *на уровне ожиданий*, для их понимания и интерпретации [Стоянов, 2019b: 264], с од-

¹ Метеориты, возможно, доставили множество важных соединений, способствующих эволюции жизни, какой мы её знаем на Земле. Кроме того, *оценка биогенности на основе внеземных материалов обеспечивает ценный источник информации для изучения предполагаемой внеземной биологической химии, которая потенциально могла бы произойти в Солнечной системе* [Milojevic et al., 2019:18028].

² Метеориты были переносчиками пребиотических органических молекул на раннюю Землю; таким образом, *обнаружение внеземных сахаров в метеоритах предполагает возможность того, что внеземные сахара могли способствовать образованию функциональных биополимеров, таких как РНК* [Furukawa Y. et al, 2019: 24440].

ной стороны. С другой стороны, взаимодействие с основными сферами (природа – человек – общество) на уровне «целей», причём навязанных обществом, не предполагает глубоких аналитических способностей индивида, для которого достаточно интериоризации (принятия условий социальной реальности в субъективную реальность) *социально-субъективных целей*. что характерно для квадранта I (рис. 2), отражающего процесс «подстраивания под общество» личности, ведущего к редукции механизма познания за ненужностью – постмодернизм.

Поле квадранта I, которое широко предоставляется обществом при преобладании социально-субъективных целей (рис. 2), навязываемых последним, и необходимых для преодоления вышеуказанного уровня посредством (ре-)трансляции накопленных знаний при усвоении и максимальном задействовании всех рецепторов индивида

да до определённого возраста (10–12 лет). Если последнее не произошло, то в лучшем случае имеем уровень «социального животного» с кредитной картой, в худшем – маугли (феральные люди).

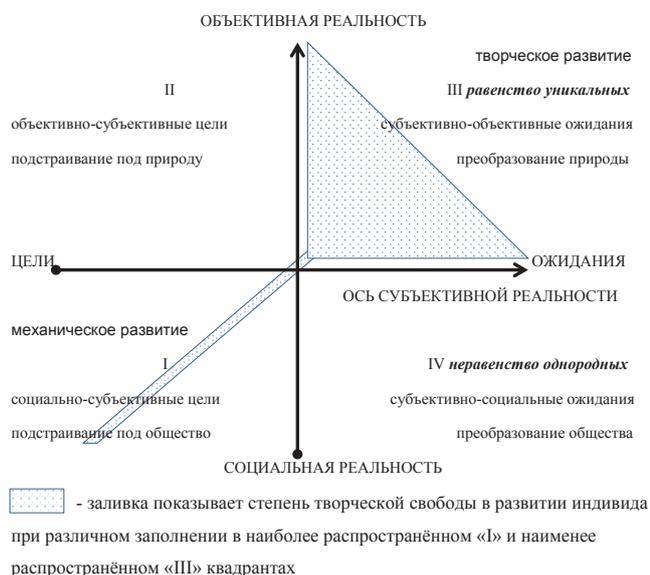

Рис. 2 Соотношение личного / индивидуального (биологического) и социального при различных уровнях развития человека в зависимости от влияния социальной среды и окружения.

Достаточно развитые индивиды, которые смогли преодолеть свои инстинкты, закрепляются на уровне «социально-субъективных целей» в поле квадранта I (рис. 2). Но это далеко не самый высокий уровень развития... Различные спортивные игры и мероприятия, массовые шоу типа «Стань звездой» и т.д. обеспечивают максимальное сужение вариантов развития индивида, принятого в том или ином социуме.

Ярчайший пример развития в этом квадранте – это «механическое развитие» через генерирование и накопление денежной массы и самореализация через потребление (чем больше и дороже потребляешь – тем ты «развитее»). Здесь общество предоставляет индивиду максимальную предсказуемость посредством общепринятости.

По сути: $Общество = Общепринятость + Предсказуемость$. Эти две составляющие обеспечивают индивиду максимальный комфорт сконструированной (не им!) социальной реальности, но также максимально его отдалают от объективной реальности.

Продолжение следует...

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995.
2. Бороноев А.О., Смирнов П.И. О понятиях «общество» и «социальное» // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 3–11.

3. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio Logos. 1993.
4. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс. 1988. С. 152–201.
5. Гельвеций К. Сочинения. Т. 1. М., 1973.
6. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. – М.: Академический Проект. 2005.
7. Дубровский Д. Субъективная реальность // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 2. С. 186–217.
8. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 133–144.
9. Иванова Н.А. Социальная реальность в перспективе практического поворота // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 37. С. 214–222. DOI: 10.17223/1998863X/37/21.
10. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма Вып. 1 СПб., 1912.
11. Корнеев С.С. Концепции сознания: сознание как особое свойство материи // Психолог. 2013. № 3. С. 271–305. DOI: 7256/2306-0425.2013.3.158.
12. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). – М.: «Когито-Центр», 2015.
13. Маркин В.В. Социальное программирование: теоретико-методологические проблемы. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 1998.
14. Новгородова Т.А. Специализация в рабочих группах муравьёв при трофобиозе с тлями // Журнал общей биологии. 2008. Т. 69. № 4. С. 284–293.
15. Семенов Ю.И. Проблема социальной реальности // Философия и общество. 2015. № 3–4 (77). С. 51–75.
16. Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994.
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
18. Стоянов А.С. (а) Теоретико-методологические основы социологической концепции «Общество ожиданий» // Социология. 2019. № 5. С. 136–154.
19. Стоянов А.С. (б) Общество ожиданий: диалектика и структура социального взаимодействия // Миссия конфессий. 2019. № 38. С. 255–266.
20. Стоянов А.С. Структура ожиданий в диалектике потребностей: к устойчивости общества // Социология. 2020. № 5. С. 195–221.
21. Стоянов А.С., Адаева Е.С. Ожидания как фактор потребительской лояльности к фармацевтическому препарату: бренд vs дженерик (на примере ибупрофена) // Социальные

- аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. № 67(4). С. 14. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-4-14.
22. Стоянов А.С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. – М.: ФЛИНТА: Наука. 2016.
 23. Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
 24. Durkheim E. *Sociologie et philosophie*. Paris, 1924.
 25. Ermakova I. Destruction of the Biosphere as the Result of Negative Influences of Different Factors on Living Organisms and the Environment // *Environmental Security and Ecoterrorism*. Springer, Dordrecht, 2011. P. 171–179. DOI: 10.1007/978-94-007-1235-5_14.
 26. Furukawa Y., Chikaraishi Y., Ohkouchi N., Oga-wa N.O., Glavin D.P., Dworkin J.P. Nakamura T. Extraterrestrial Ribose and Other Sugars in Primitive Meteorites // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. No. 116(49). P. 24440–24445. DOI: 10.1073/pnas.1907169116.
 27. González-Pastor J. E., Hobbs E.C., Losick R. Cannibalism by Sporulating Bacteria // *Science*. 2003. No. 301(5632). P. 510–513. DOI: 10.1126/science.1086462.
 28. Mahy B., Van Regenmortel M. (Eds.). *Desk Encyclopedia Animal and Bacterial Virology*. Academic Press, 2010.
 29. Menachery V., Yount B., Debbink K. A SARS-like Cluster of Circulating Bat Coronaviruses Shows Potential for Human Emergence // *Nat Med*. 2015 No. 21. P. 1508–1513. DOI: 10.1038/nm.3985.
 30. Milojevic T., Kölbl D., Ferrière L. et al. Exploring the Microbial Biotransformation of Extraterrestrial Material on Nanometer Scale // *Sci Rep*. 2019. No. 9. P. 18028. DOI: 10.1038/s41598-019-54482-7.
 31. Pareto V. *Trattate di sociologia generale*. Milano, 1964.
 32. Parsons T. *The Structure of Social Action*. N.Y., 1961.
 33. Patthy L. *Protein Evolution*. Oxford: Blackwell Science, 1999.
 34. Ratcliff W.C., Herron M.D., Howell K., Pentz J.T., Rosenzweig F., Travisano M. Experimental Evolution of an Alternating Uni- and Multicellular Life Cycle in *Chlamydomonas Reinhardtii* // *Nature Communications*. 2013. No. 4. P. 2742. DOI: 10.1038/ncomms3742.
 35. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Köln; Berlin, 1964.

CYBERSOCIALITY: EXPECTATIONS OF PERSONAL AND SOCIAL IN THE DIALECTIC OF REALITIES

Stoyanov A.S.
EMERCOM Academy of Civil Defense

In 1-st part of article summarizes various theoretical approaches to determining the relationship between social and personal, their brief

characteristics are given, both from a formal standpoint and an assessment of the content of these theories in the context of an activity approach. The general crisis in social sciences and the need to create qualitatively different social paradigms are noted. It is determined that a person is an intersection of three classes of interacting in a different ratio of realities: objective, subjective and social. The definitions of realities and their basic classification are given. On the basis of “interaction” in realities, expressed in the mechanisms of “equilibrium, cognition and transformation”, the main stages of the evolution of matter from an atom and a crystal to society are identified and the organic relationship of matter with consciousness and sociality is indicated. The main indicators of interaction in the spheres of nature, man and society and their higher forms of manifestation corresponding to the three classes of reality are given: stability, uniqueness and homogeneity. It is determined that the division of “biological – social” and “personal – social” in an individual depends on the level of dominance of his instincts. Depending on their ratio, the individual will implement one of four types of development. Two main axes of an individual’s movement (development) are defined: the “personal axis” – from goals to expectations (goals – values – ideas – expectations), and the “social axis” – from social reality to objective reality. The organic interconnection of modern sociological theories (constructing the reality of Berger and Luckmann, the Baudrillard simulacrum, the social and physical space of Bourdieu) with the proposed structure of the axial relationship is noted. The fundamental role of expectations in any systems of an informational nature is emphasized, which is reflected in the mechanisms of transformation of subjective and social realities in isolation from the objective. A new definition of society is given – universality + predictability – as a system of mutual expectations.

Keywords: cybersociality, expectations, social reality, objective reality, subjective reality, creative development, mechanical development, equality of the unique, inequality of homogeneous, control.

References

1. Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. – Moscow: Medium. (In Russ.)
2. Boronov A. O., Smirnov P.I. (2003) On the Concepts of “Society” and “Social”. *Sociological Studies*. No. 8: 3–11. (In Russ.)
3. Bourdieu P. (1993) *Physical and Social Spaces: Penetration and Appropriation*. In: Bourdieu P. *Sociology of politics*. – Moscow: Socio Logos. (In Russ.)
4. Gelen, A. (1988) *On the Systematics of Anthropology*. In: *The Problem of Man in Western Philosophy*. – Moscow: Progress: 152–201. (In Russ.)
5. Helvetius K. (1973) *Works*. – Moscow, Vol. 1. (In Russ.)
6. Giddens E. (2005) *Organization of Society: Essay on the Theory of Structuration*. 2nd ed. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
7. Dubrovsky D. (2018) *Subjective Reality*. *Philosophical Anthropology*. Vol. 4. No. 2: 186–217. (In Russ.)
8. Durkheim E. (2013) *The Dualism of Human Nature and its Social Conditions*. E. Durkheim. *Sociological Review*. T. 12. No. 2: 133–144. (In Russ.)
9. Ivanova N.A. (2017) *Social Reality in the Perspective of a Practical Turn*. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 37: 214–222. DOI: 10.17223/1998863X/37/21. (In Russ.)
10. Comte O. (1912) *The Course of Positive Philosophy*. In: *Parents of Positivism Vol. 1* St. Petersburg. (In Russ.)
11. Korneenkov S.S. (2013) *Concepts of Consciousness: Consciousness as a Special Property of Matter*. *Psychologist*. No. 3: 271–305. DOI: 7256/2306-0425.2013.3.158. (In Russ.)
12. Lepsky V.E. (2015) *The Evolution of Management Ideas (Methodological and Philosophical Analysis)*. – Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)
13. Markin V.V. (1998) *Social Programming: Theoretical and Methodological Problems*. – Penza: Publishing House of Penza State University.
14. Novgorodova, T.A. (2008) *Specialization in Working Groups of Ants with Trophobiosis with Aphids*. *Journal of General Biology*. Vol. 69. No. 4: 284–293. (In Russ.)
15. Semenov Yu.I. (2015) *The Problem of Social Reality*. *Philosophy and Society*. No. 3–4 (77): 51–75. (In Russ.)

16. Smelser N. (1994) *Sociology*. – Moscow: Phoenix. (In Russ.)
17. Sorokin P.A. (1992) *Person. Civilization. Society*. Moscow. (In Russ.)
18. Stoyanov A.S. (2019a) Theoretical and Methodological Foundations of the Sociological Concept “Society of Expectations”. *Sociology*. No.5: 136–154. (In Russ.)
19. Stoyanov A.S. (2019b) Society of Expectations: Dialectics and Structure of Social Interaction. *Mission of Confessions*. No. 38: 255–266. (In Russ.)
20. Stoyanov A.S. (2020). The Structure of Expectations in the Dialectic of Needs: To the Sustainability of Society. *Sociology*. No 5: 195–221 (In Russ.)
21. Stoyanov A.S., Adaeva E.S. (2021) Expectations as a Factor of Consumer Loyalty to a Pharmaceutical Product: Brand Vs Generic (Exemplified by Ibuprofen). *Social Aspects of Population Health [serial online]*. No. 67(4): 14. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-4-14. (In Russ)
22. Stoyanov A.S. (2016) *The Society of Expectations: An Introduction to the Conceptual Basis of Theory*. – Moscow: FLINTA: Science. (In Russ.)
23. Shmerlina I. A. (2013) *Biological Facets of Sociality: Essays on the Natural Premises of Human Social Behavior*. – Moscow: Book House «LIBROCOM». (In Russ.)
24. Durkheim E. (1924) *Sociologie et philosophie*. Paris.
25. Ermakova I. (2011) Destruction of the Biosphere as the Result of Negative Influences of Different Factors on Living Organisms and the Environment. In: Alpas H., Berkowicz S., Ermakova I. (eds) *Environmental Security and Ecoterrorism*. Springer, Dordrecht: 171–179. DOI: 10.1007/978-94-007-1235-5_14.
26. Furukawa Y., Chikaraishi Y., Ohkouchi N., Ogawa N.O., Glavin D.P., Dworkin J.P. Nakamura T. (2019). Extraterrestrial Ribose and Other Sugars in Primitive Meteorites. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. No. 116(49): 24440–24445. DOI: 10.1073/pnas.1907169116.
27. González-Pastor J. E., Hobbs E.C., Losick R. (2003) Cannibalism by Sporulating Bacteria. *Science*. No. 301(5632): 510–513. DOI: 10.1126/science.1086462.
28. Mahy B., Van Regenmortel M. (Eds.). (2010). *Desk Encyclopedia Animal and Bacterial Virology*. Academic Press.
29. Menachery V., Yount B., Debbink K. (2015) A SARS-like Cluster of Circulating Bat Coronaviruses Shows Potential for Human Emergence. *Nat Med*. No. 21: 1508–1513. DOI: 10.1038/nm.3985.
30. Milojevic T., Kölbl D., Ferrière L. et al. (2019) Exploring the Microbial Biotransformation of Extraterrestrial Material on Nanometer Scale. *Sci Rep*. No. 9: 18028. DOI: 10.1038/s41598-019-54482-7.
31. Pareto V. (1964) *Trattate di sociologia generale*. Milano.
32. Parsons T. (1961) *The Structure of Social Action*. N.Y.
33. Patthy L. (1999) *Protein Evolution*. Oxford: Blackwell Science.
34. Ratcliff W. C., Herron M.D., Howell K., Pentz J.T., Rosenzweig F., Travisano M. (2013) Experimental Evolution of an Alternating Uni-and Multicellular Life Cycle in *Chlamydomonas Reinhardtii*. *Nature Communications*. No. 4: 2742. DOI: 10.1038/ncomms3742.
35. Weber M. (1964) *Wirtschaft und Gesellschaft*. Koln; Berlin.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Формирование образовательных стратегий обучающихся как маркер проявления социальной активности в пространстве вуза

Гуринович Людмила Анатольевна,

старший преподаватель Института социальных наук
Иркутского государственного университета
E-mail: milgur@mail.ru

Статья подготовлена на основе анализа представлений исследователей о процессе формирования образовательных стратегий и роли образовательных учреждений в воспроизводстве готовности к построению образовательных траекторий. В работе проводится анализ взаимовлияния общественной деятельности обучающихся на проявление социальной активности.

Ключевые слова: образовательные стратегии, активность молодежи, формирование личности.

Постпандемийные процессы в социальной сфере образования отразили несколько векторов развития и, как следствие, появление новых форм взаимодействия участников образовательного пространства системы «школа-вуз». С одной стороны, серьезным фактором построения образовательной стратегии становится построение виртуального образа будущей профессии и места, в котором предлагается получение профессиональных компетенций. Не менее важным становится иллюстрация внеучебной жизни в вузе и возможность включиться в её осуществление с целью расширения получаемых навыков и умений. С другой стороны, молодые люди при выборе места обучения и построения социальной карьеры учитывают возможность изучения интересных учебных дисциплин с углублением практико-ориентированных знаний, которые применимы в ближайшем будущем. И достойным внимания тех, кто выбирает место обучения, становится взаимодействие с будущими работодателями уже в процессе обучения. Высшее образование в достаточной мере готово к классическим и уникальным запросам обучающейся группы, однако есть элементы, являющиеся непредсказуемыми.

Так, исследователи прогнозировали снижение числа обучающихся в период до 2023–2024 учебного года [12, с. 156]. Работа вузов по набору новых студентов в текущем году продемонстрировала продолжение снижения числа подающих документы на поступление без корреляции с числом выпускников школ и других образовательных учреждений. Этот факт не подтверждает выбора образовательных учреждений под раскрученным названием «профессионалитет», скорее, между средним профессиональным и вузовским уровнем часть молодых людей остается вне рынка образовательных услуг и рынка труда. Нам видится, что необходимо говорить о снижении ценности образования как инструментальной.

О том, что образование является ценностью для молодежи достаточно длительное время, о чем говорят исследования российских социологов (М.К. Горшков, Д.Л. Константиновский, В.Н. Шубкин, Г.А. Чередниченко, Ф.Э. Шереги и др.).

Так, Г.А. Чередниченко считает, что структура системы образования «занимает специфическое положение между структуры субъективных социально-профессиональных ориентаций молодежи и структурой объективных общественных потребностей в кадрах по профессиям». По мнению

автора, структура подготовки кадров должна опережать современные нужды производства, тем самым становясь приближенной «к ориентациям молодежи (которая в своей значительной части стремится к получению высококвалифицированных профессий, занятий в сферах услуг и информационных благ, нежели материального производства)» [11, с. 15]. Это отражается и в ценностях молодежи, например, для последних лет характерно изменение ценности образования в жизненных стратегиях молодежи. В советское время молодежь во многом акцентировала терминальную ценность самообразования, утверждает Г.А. Чередниченко [11, с. 19].

Ее многочисленные исследования, в том числе совместно с В.Н. Шубкиным, показывали результаты, согласно которым «юноши и девушки по окончании средней школы свои жизненные планы связывали, прежде всего, с образованием как таковым; ориентируясь на получение высшего образования, они главным образом стремились социально самоутвердиться. Сегодня образование, специальность, квалификация в гораздо большей степени ценятся инструментально, как капитал для инвестирования в гарантированные и желательные перспективные занятия, как способ достижения материальных целей и доступ к другим общественным благам» [11, с. 19].

Формирование ценностного аспекта образования исследуется как элемент процесса социализации. С.А. Кравченко рассматривает влияние на процесс социализации нового феномена, исследуемого в наше время – феномена игризации [5]. Игризация «предполагает освоение специфического знания конкретных общественных сфер, которое происходит на этапе вторичной социализации», и даже более того, игризация распространяется на «все сферы современной жизнедеятельности» и при этом «не привязана ни к конкретному пространственному и временному контексту, ни к конкретной деятельности», проявляясь через культуру, в итоге формируя новый образ парадоксального человека [5, с. 139–140].

Общеизвестно, что основными институтами, влияющими на процесс как первичной, так и вторичной социализации, являются семья, образовательные организации, общественные движения и организации, средства массовой информации (далее по тексту – СМИ) и др.

Вопросы изучения социализации рассматриваются многими зарубежными и отечественными учеными и исследователями, изучающими молодежь. Большинство современных социологов рассматривают социализацию как процесс взаимодействия между индивидами, развивающимися в обществе собственные стратегии, и принятыми обществом системами норм и ценностей.

Формирование образовательной стратегии Д.Л. Константиновский предлагает рассматривать в качестве долгосрочного перспективного плана. Основной вывод работы, основанной на сравни-

тельном анализе данных, получаемых в течение 50 лет, в течение которых социологи новосибирской школы собирали и анализировали данные относительно профессионально-образовательных траекторий, заключается в систематическом воспроизводстве неравенства [7].

Г.А. Чередниченко, анализируя функции системы образования, утверждает, что «любая система образования реализует как минимум две основные функции. Наиболее явная первая функция состоит в транслировании знаний и навыков, профессиональных компетенций. Вторая функция, которая всегда и неизбежно, чаще всего латентно, сопутствует первой, связана с социально-культурным воспроизводством: всей структурой своих институций, педагогических методов и способов отбора система образования обеспечивает сохранение, восстановление и передачу от поколения к поколению социоэкономических, социо-профессиональных и социокультурных различий в позициях отдельных индивидов и групп [12]. Наделяя своих питомцев профессиональными компетенциями (определенных уровней квалификации, разнородных специализаций и т.д.), система образования способствует закреплению различных групп людей за соответствующими родами деятельности, которые не однородны в социально-экономическом отношении; тем самым она создает и воссоздает основы социальных различий и неравенства [12, с. 61].

Так, А. Довейко [3], исследуя студенческие стратегии, выявил, что «на первом месте у респондентов – социально-статусная функция образования (повышение своего социального статуса, работа в сфере управления), второе место – за профессиональной функцией (получение желанной профессии, реализация творческого потенциала, занятие интеллектуальными видами труда и др.). Третье место занимает прагматическая функция образования (достижение материального благополучия, конкурентоспособность на рынке труда), а последнее четвертое – за социокультурной функцией (освоение духовной культуры, навыков анализа общественной жизни, получение знаний в интересах общества)» [3].

По итогам опроса автором были «выявлены две особенности. Первая олицетворяет так называемых «бюджетников». Это люди с относительно высоким образованием, не сумевшие адаптироваться к новым экономическим условиям и потому выполняющие квалифицированную работу за мизерную плату. Студенты связывают с этим положением занятие наукой, преподавание, лечение людей. Этими видами деятельности выражают желание заниматься в основном малообеспеченные студенты и не один среди высокообеспеченных. Таким образом, считает Довейко А., «воспроизводится слой бедных... бюджетников» [3].

Одной из основных задач социологии образования признано рассмотрение объективных

и субъективных предпосылок развития непрерывного образования как системы обновления знающего потенциала человека и процесса его совершенствования. Этому процессу способствуют не только элементы, составляющие процесс образования, но и деятельность структурных элементов, осуществляющих внеучебную деятельность вуза, например, общественные движения и организации [13–15].

Ряд авторов исследует понятие «образовательные траектории» – термин, ставший классическим и обозначающий продукт взаимодействия субъектов образовательного пространства: обучающихся, преподавателей, будущих работодателей при условии сотрудничества таковых с образовательными учреждениями. Авторы отмечают приоритет индивидуального начала в формировании образовательных траекторий, что определено разными факторами: доминированием индивидуализации в процессе социализации, наличие определенного социального заказа на личностное развитие, формирование представлений об успешном профессиональном становлении как следствии профессионального самоопределения [1; 4; 10; 14; 15 и др.].

В основу типологизации вложено понимание, что стратегия, согласно мнению Д.Л. Константиновского, является долгосрочной перспективой, а образовательные траектории, являясь структурной компонентой жизненного пути, которая выражена в деятельности в определенный период, например, в молодости. Однако феномен современного развития образовательного пространства связан с пусть незначительным, но статистически выявленным уменьшением количества молодежи и повышением числа взрослых обучающихся, а также отдельными примерами поступления на обучение людей пенсионного возраста, поскольку нормативно-правовые основы не препятствуют такому развитию. Следовательно, становится важным выявление мотивов выбора молодыми людьми обучения в системе высшего образования.

При рассмотрении такого социологического понятия, как образовательные траектории исследователи [1; 4] обсуждают перспективность включения в развитие обучающихся референтных лиц, например, тьюторов и представителей организаций работодателей на этапе оптации.

Нам видится, что необходимо оценивать взаимовлияние занятости обучающихся в деятельности общественных организаций и построение образовательных траекторий. Расширение деятельности студенческих организаций и их выход на новый уровень сотрудничества делает важным исследование продуктов этого влияния, в частности, на построение образовательных планов, траекторий, стратегий.

Общественные организации рассматриваются как один из факторов социализации молодого

человека на протяжении развития социологии. Этим вопросом занимались такие отечественные авторы, как В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова, Е.Л. Омельченко, Ю.Р. Вишневский, Т.Э. Петрова [2; 10]. Успешность дальнейшей деятельности обусловлена приобретенными в общественных организациях навыками организационной и управленческой деятельности.

Общественные организации, по мнению Е.Л. Омельченко, могут и должны являться местом для самореализации и саморазвития, профессионального и личностного становления и роста студенческой молодежи. «Это было «страховкой» нормальной социализации. Это помогало молодежи учиться, работать, шаг за шагом занимая одобряемые статусные позиции в общественной структуре» [9, с. 140].

Студенческим общественным организациям различных форм и видов деятельности отведена вполне определенная роль в формировании норм, ценностей и образцов социального поведения, являющихся одним из условий развития социальной культуры. Они выполняют функцию буфера между образовательными учреждениями, призванными сохранять и транслировать социокультурное наследие, и студенческой молодежью. При современном изменении культурных стандартов молодежи вплоть до упрощенных массовых образцов это становится неотъемлемой задачей всех агентов социализации, однако для общественных студенческих организаций это является дополнительной возможностью коррекции своего поведения при общении с настоящими и будущими членами и активистами организаций.

Студенты различных поколений демонстрируют различное отношение к деятельности общественных организаций. Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко [2, с. 56–63] отмечают переориентацию студентов от антиинституциональных настроений к осознанию негативных последствий «институционального вакуума»: все чаще подчеркивается заинтересованность в молодежных организациях, которые «могли бы выразить интересы», «помогли бы организовать быт и досуг». Было выявлено, что с точки зрения студентов возрастает значимость социально-защитной функции вуза и студенческих организаций.

Для современной молодежи характерен сдвиг вектора сознания и поведенческих приоритетов в сторону высокого уровня притязаний на образование и квалификацию. В представлениях молодых людей ценность полученных знаний и квалификации являются инструментом достижения не только конкурентоспособного положения в обществе, но и повышение уровня потребления. Мотивационные установки на карьеру, хороший заработок и прибыльность профессии, выражающиеся в возрастающей инициативности, индивидуальности готовности преодолевать трудности, настраивают молодежь на необходимость вклю-

чения в деятельность объединений, которые будут приносить дивиденды в виде опыта работы, социальных связей и возможностей получения раннего опыта работы.

Автором была изучена деятельность студенческих общественных организаций в 2016 и 2021 году, по результатам выявлено, что они являются субъектами социального взаимодействия в процессе организации социальной жизни молодежи, обучающейся в учебном заведении, и, активно участвуя в организации неформального образования молодежи, непосредственно воздействуют на формирование образовательных стратегий. Более того, включение деятельности таких организаций в процесс воспроизводства молодежной политики образовательного учреждения демонстрирует готовность молодежи развивать образовательное пространство в новых условиях развития [7].

В 2024 году нами было проведено качественное исследование методом фокусированного интервью, участниками которой стали первокурсники Иркутского государственного университета, проявившие свою активность уже в первый месяц после начала обучения. Обобщенный анализ показал важность для новых студентов личностного развития, получения навыков, которые можно применять в профессиональной деятельности, возможность построения профессиональной и социальной карьеры, а также формирование собственного интеллектуального и социального капитала.

Очень интересными выглядели ответы участников, которые были активными участниками общественных движений, на вопрос: «Насколько влияет участие в общественных проектах на построение планов на образование?» М., молодой человек 18 лет: «Я считаю, что участие в общественных проектах безусловно влияет на построение планов на образование. Так как человек, участвующий в таких проектах, заранее знает цель своей деятельности, соответственно, и поступать он будет на направление, которое будет похоже на ту деятельность, которой он занимался в проектах». Приведем еще два ответа девушек, которые занимаются организационной деятельностью. Д., 18 лет: «Участие в общественных проектах может значительно повлиять на построение планов на образование. По моему мнению, оно может обогатить образовательный опыт и помочь в формировании более осознанных и целенаправленных планов на будущее». Немного старше по возрасту респондент, девушка В., 20 лет: «Я считаю, что участие в общественных проектах оказывает большое влияние на построение планов на образование. Развиваются коммуникативные навыки, с помощью которых можно презентовать свои идеи и взаимодействовать с разными типами людей. Также расширяется кругозор, происходят знакомства с новыми людьми, культурами, идеями. Это ценный опыт, который поможет постро-

ить планы на образование и успешно реализовать себя в будущем, например, презентуя социальный проект для получения гранта на его реализацию». Общий вывод, который мы сделали на основе предварительного анализа полученных ответов, сделан в отношении корреляции социальной активности с умением строить образовательные траектории. Образовательные стратегии становятся следующим этапом развития обучающихся в соответствии с видами их внеучебной занятости.

Можно сделать вывод, что формирование прагматического и взвешенного отношения в выборе образовательных стратегий подтверждается многими исследователями в течение последних двух десятилетий. На смену традиционализму и коллективизму пришел индивидуализм, когда каждый молодой человек конструирует свою жизнь с индивидуально обусловленными траекториями в труде, образовании, заработке, потреблении, в отношениях с людьми. Этот процесс имеет двойное значение. Позитивное, поскольку в условиях все большего распространения индивидуализма перед молодыми людьми могут открыться дополнительные перспективы личного контроля над деньгами, временем, жизненным пространством, образованием, карьерой, выбором трудовой деятельности, и многим другим. Подобные перспективы оказываются привлекательными в новых условиях для российской молодежи.

Однако существует и негативная сторона индивидуализации, поскольку сохраняется высокая межличностная конкуренция. В условиях неопределенности молодой человек может не рассчитывать на полновесную помощь от государства в выборе привлекательной для него образовательной линии при первых шагах, а лишь полагаться на собственные силы и ресурсы своей семьи, принимая ответственность на себя при выстраивании образовательных стратегий. Неравенство, возрастающее в системе образования и в сфере занятости молодежи, вызывает изменение образовательных стратегий с образовательно-профессиональных на образовательные, что влечет снижение точности прогнозирования развития образовательного пространства.

Требуется, на наш взгляд, также вернуться к коррекции нормативно-правовых основ получения образования в аспекте изменения временно-го отрезка возвращения к обучению тех, кто давно сдал единый государственный экзамен и в силу жизненных обстоятельств (служба в Вооруженных Силах, нахождение в длительном отпуске по уходу за детьми и др.) не воспользовался возможностью поступления либо продолжения обучения, восстановить свое право на получение первого высшего образования в трудоспособном возрасте.

Система образования является основой любого общества, ответственной за формирование умов будущих поколений. Однако, несмотря на свою важность, система страдает от ряда структурных

проблем, которые мешают ей предоставлять качественное образование студентам. В этой статье мы рассмотрим основные проблемы, влияющие на систему образования, и рассмотрим способы их решения.

Одной из основных проблем системы образования является устаревшая и неэффективная разработка учебной программы. Учебная программа часто слишком жесткая, не в состоянии удовлетворить разнообразные потребности и интересы студентов. Это приводит к подходу «один размер подходит всем», когда студентов заставляют соответствовать predetermined шаблону, а не поощряют исследовать свои индивидуальные сильные и слабые стороны.

Недостаток акцента на практических навыках: учебная программа слишком сосредоточена на теоретических знаниях, пренебрегая важностью практических навыков и практического опыта. Недостаточное внимание к мягким навыкам: система образования не в состоянии адекватно решать основные мягкие навыки, такие как общение, командная работа и решение проблем, которые имеют решающее значение для успеха в современной рабочей силе.

Еще одной важной проблемой является неравномерное распределение ресурсов в системе образования. Школы в богатых районах часто имеют лучшую инфраструктуру, более квалифицированных учителей и больший доступ к ресурсам, в то время как школы в неблагополучных районах с трудом сводят концы с концами. Неравенство в качестве учителей: учителя в неблагополучных школах часто не имеют необходимой подготовки, опыта и ресурсов для предоставления качественного образования.

Школы в неблагополучных районах часто имеют устаревшую инфраструктуру, неадекватные помещения и ограниченный доступ к технологиям.

Методы оценки и оценивания, используемые в системе образования, часто несовершенны, слишком сильно фокусируясь на механическом запоминании и стандартизированном тестировании.

Чрезмерный акцент на стандартизированном тестировании: стандартизированные тесты не могут точно измерить знания, навыки и способности учащихся, что приводит к неоправданному стрессу и давлению на учащихся. Отсутствие индивидуальной оценки: система образования не обеспечивает индивидуальной оценки и обратной связи, что затрудняет для учащихся определение своих сильных и слабых сторон. Подготовка и поддержка учителей Учителя являются основой системы образования, но им часто не хватает необходимой подготовки, поддержки и ресурсов для предоставления качественного образования.

Учителя часто получают неадекватную подготовку, особенно в таких областях, как интеграция технологий и образование для лиц с особыми по-

требностями. Нехватка вспомогательного персонала: учителя часто перегружены, и им не хватает вспомогательного персонала для оказания помощи в выполнении административных задач и поддержки учащихся.

Система образования страдает от ряда структурных проблем, которые мешают ей предоставлять качественное образование учащимся. Чтобы решить эти проблемы, необходимо реформировать учебную программу, обеспечить справедливое распределение ресурсов, обновить методы оценки и анализа, а также обеспечить адекватную подготовку и поддержку учителей. Поступая так, мы можем создать более инклюзивную, эффективную и действенную систему образования, которая подготовит учащихся к успеху в 21 веке.

Литература

1. Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Образовательные траектории как основание типологии студентов российских вузов [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54655006_81505563.pdf (дата обращения: 17.09.2024).
2. Вишневский Ю.Р. Социология молодежи – о молодежи, для молодежи / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – Т. 1. – С. 5–9.
3. Довейко А. Образовательные ориентации вузовской молодежи в условиях рынка [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-orientatsii-vuzovskoy-molodezhi-v-usloviyah-rynka> (дата обращения: 02.09.2024).
4. Журавлева И.А. Образовательные траектории студенческой молодежи в структуре жизненного мира // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 371–374.
5. Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С.А. Кравченко. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. Социологии. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 408 с.
6. Манзула А.Е., Гуринович Л.А. Современные инструменты молодежной политики вуза и их применимость в процессе вторичной социализации / Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития: сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т.И. Грабельных]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. – С. 316–320.

7. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2015. – 232 с. – С. 98–123.
8. Омельченко Е.Л. Молодежь: открытый вопрос / Е.Л. Омельченко. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – 184 с.
9. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 608 с.
10. Халимова Н.М., Белоусова А.К., Серякова Е.А. Формирование индивидуальных образовательных траекторий у старшеклассников в информационно-деятельностном образовательном пространстве «Школа – Университет» // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2023. № 2. С. 54-59.
11. Чередниченко Г.А. Запросы рынка труда и образовательные стратегии молодежи // Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования. – Выпуск. 8. – М.: ФИРО, 2015. – 64 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Cherednichenko_Zaprosy_rynka_truda.pdf (дата обращения: 07.09.2023).
12. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года) / Авт.-сост. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л., Ключарев Г.А., Тюрина И.О. – М.: Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 270 с.
13. Журавлева И.А. Образовательные траектории современной российской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 286–290.
14. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
15. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.

SOCIAL EDUCATION AS TECHNOLOGY OF INTERACTION WITH ADOLESCENTS TO REDUCE NEGATIVE BEHAVIORS

Gurinovich L.A.
Irkutsk State University

The article was prepared on the basis of the analysis of the ideas of researchers about the process of formation of educational strat-

egies and the role of educational institutions in the reproduction of readiness for building educational trajectories. The work analyzes the mutual influence of social activities of students on the manifestation of social activity.

Keywords: educational strategies, youth activity, personality formation.

References

1. Bocharov V.Yu., Gavriluk T.V. Educational trajectories as a basis for the typology of students at Russian universities [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54655006_81505563.pdf (accessed: 17.09.2024).
2. Vishnevsky Yu.R. Sociology of youth – about youth, for youth / Yu.R. Vishnevsky, V.T. Shapko // Actual problems of sociology of youth, culture, education and management: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Ekaterinburg, February 28, 2014 – Ekaterinburg: UrFU, 2014. – V. 1. – P. 5–9.
3. Doveiko A. Educational orientations of university youth in the market conditions [Electronic resource]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-orientatsii-vuzovskoy-molodezhi-v-usloviyah-rynka> (date of access: 02.09.2024).
4. Zhuravleva I.A. Educational trajectories of student youth in the structure of the life world // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 371–374.
5. Kravchenko S.A. Dictionary of the latest sociological vocabulary: theories, concepts, personalities (with English equivalents) / S.A. Kravchenko. Moscow state in-t international. relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, dep. Sociology. – М.: MGIMO-University, 2011. – 408 p.
6. Manzula A.E., Gurinovich L.A. Modern instruments of the university youth policy and their applicability in the process of secondary socialization / Science and higher education in the 21st century: the space of possibilities and development vectors: a collection of scientific papers / FSBEI HE "Irkutsk State University"; [scientific ed. T.I. Grabelnykh]. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2023. – P. 316–320.
7. New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research [monograph] / D.L. Konstantinovskiy, M.A. Abramova, E.D. Voznesenskaya, G.S. Goncharova, V.G. Kostyuk, E.S. Popova, G.A. Cherednichenko. – М.: CSP i M, 2015. – 232 p. – P. 98–123.
8. Omelchenko E.L. Youth: an open question / E.L. Omelchenko. – Ulyanovsk: Simbirskaya kniga, 2004. – 184 p.
9. Sociology of youth. Encyclopedic dictionary / Ed. Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. – М.: Academia, 2008. – 608 p.
10. Khalimova N. M., Belousova A.K., Seryakova E.A. Formation of individual educational trajectories of high school students in the information-activity educational space "School – University" // Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society. 2023. No. 2. P. 54-59.
11. Cherednichenko G.A. Labor market demands and educational strategies of young people // Content, forms and methods of teaching in higher education: Analytical reviews of the main areas of higher education development. – Issue. 8. – М.: FIRO, 2015. – 64 p. [Electronic resource]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Cherednichenko_Zaprosy_rynka_truda.pdf (date of access: 09/07/2023).
12. The number of students, teaching staff and faculty, the number of educational organizations of the Russian Federation. (Forecast to 2020 and assessment of trends to 2030) / Auth.-compiler. Sheregi F.E., Arefyev A.L., Klyucharev G.A., Tyurina I.O. – М.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Center for Social Forecasting and Marketing, 2015. – 270 p.
13. Zhuravleva I.A. Educational trajectories of modern Russian youth // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 286–290.
14. Zhuravleva I.A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // Alma Mater (Herald of the Higher School). 2019. No. 6. Pp. 31–34.
15. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // Sociology. 2020. No. 1. P. 279–286.

Механизмы функционирования и мероприятия, проводимые институтами гражданского общества по охране здоровья населения

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова»

Научная статья посвящена изучению механизмов функционирования и различных мероприятий институтов гражданского общества, задействованных в охране здоровья населения на примере деятельности Общероссийского народного фронта и Российского Красного Креста. В статье рассматриваются основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность данных объединений в сфере охраны здоровья. *Целью исследования* является анализ механизмов функционирования и мероприятий, проводимых институтами гражданского общества, на примере деятельности Общероссийского народного фронта и Российского Красного Креста для повышения эффективности охраны здоровья населения. *Материалы и методы.* Автором проведен анализ научной литературы, соответствующий критериям поиска по таким ключевым словам, как «институты гражданского общества», «мероприятия по охране здоровья населения», «охрана здоровья населения», «общественное здоровье», «система здравоохранения» в базах данных КиберЛеника и Elibrary. *Результаты исследования* показали, что институты гражданского общества играют важную роль в охране и продвижении здоровья населения. Мероприятия, которые проводятся институтами гражданского общества, способствуют интеграции общественного мнения в политический процесс, обеспечивают возможность гражданам не только быть услышанными, но и активно влиять на формирование эффективных политических решений в сфере здравоохранения. Исходя из анализа научной литературы, можно сделать вывод о высокой эффективности мероприятий, проводимых институтами гражданского общества по охране здоровья граждан.

Ключевые слова: институты гражданского общества, мероприятия по охране здоровья населения, охрана здоровья населения, общественное здоровье, система здравоохранения.

Введение

В настоящее время в России активно внедряются национальные и региональные инициативы в сфере здравоохранения, целью которых является сокращение уровня смертности населения, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, а также повышение качества и доступности медицинских услуг. Эффективность и результативность таких программ напрямую влияет на стабильность государственного управления в сфере здравоохранения. В условиях поддержки и развития национальной системы здравоохранения успешно функционируют различные институты гражданского общества, которые в рамках своей деятельности проводят ряд мероприятий по защите здоровья граждан [9].

В рамках сложной внешнеполитической обстановки, санкционных мер и обострения ситуации в области здравоохранения вследствие эпидемиологических проблем (например, пандемия COVID-19) возрастает необходимость в повышении эффективности мероприятий по охране здоровья населения и укреплении взаимодействия между органами государственной власти и структурами гражданского общества. Это сотрудничество должно быть направлено на выполнение важных стратегических задач, установленных в рамках государственных программ, преодолении текущих трудностей в сфере здравоохранения, а также реагирование на глобальные вызовы, с которыми сталкивается система здравоохранения в России [8]. Эти проблемы обуславливают актуальность и важность научных изысканий в данной сфере, поскольку они подчеркивают важность институциональных механизмов в улучшении здоровья населения, особенно в условиях ограниченных ресурсов.

Цель исследования – проанализировать механизмы функционирования и мероприятий, проводимых институтами гражданского общества, на примере деятельности Общероссийского народного фронта и Российского Красного Креста для повышения эффективности охраны здоровья населения.

Материалы и методы исследований

Проведен анализ научной литературы, соответствующий критериям поиска по таким ключевым словам, как «институты гражданского общества», «мероприятия по охране здоровья населения», «ох-

рана здоровья населения», «общественное здоровье», «система здравоохранения» в базах данных КиберЛеника и Elibrary.

Исследование проведено на основе изучения нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность Общероссийского народного фронта и Российского Красного Креста, а также результатов социологических исследований.

Результаты и обсуждение

В рамках обновления отечественной системы здравоохранения возрастает значимость вовлечения институтов гражданского общества в мероприятия по охране и укреплению здоровья населения. В современной России государственные органы стремятся к передаче определенных функций в сфере здравоохранения, создавая организационные и правовые условия для функционирования институтов гражданского общества.

Правовой базой для функционирования институтов гражданского общества послужило принятие Конституции в 1993 году. В частности, статья 30 Основного закона закрепляет право граждан на создание объединений, а также обеспечивает свободу их деятельности, также статья 32 «гарантирует право российских граждан на участие в управлении делами государства непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [1].

В дальнейшем в Федеральном законе от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», были установлены правовые рамки для деятельности общественных объединений, определяя их юридический статус, права граждан на объединение и предоставляя гарантии этих прав [2]. Помимо этого, Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» регламентирует право граждан, индивидуально или коллективно через общественные и иные некоммерческие организации, участвовать в общественном контроле [4].

В дополнение к вышеуказанным нормативно-правовым актам, в статье 28 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено право граждан на формирование общественных объединений по охране здоровья населения, к которым относят, в том числе общественные организации и общественные движения [3].

Таким образом, в связи с принятием вышеперечисленных нормативно-правовых актов граждане получили право формировать институты гражданского общества в форме объединений для решения значимых социальных проблем, в том числе и в сфере здравоохранения. Это способствует формированию более эффективного и вовлеченного общества, готового активно участвовать

в управлении и контроле важнейших сфер жизнедеятельности.

Анализируя механизмы функционирования институтов гражданского общества в сфере охраны и укрепления здоровья граждан, стоит отдельно выделить Общероссийского народного фронта и Российского Красного Креста.

Общероссийский народный фронт был основан в июне 2013 года по предложению Президента РФ Владимира Путина как платформа для прямого участия граждан в формировании основных направлений государственной политики. Основная цель данной организации – вовлечение общественности в процесс разработки и принятия важных для страны решений [11].

В Уставе данного общественного движения четко прописаны задачи, связанные с продвижением социальной политики и улучшением качества национальной медицинской системы. Это подчеркивает стремление движения не только к участию в политической жизни страны, но и к оказанию значительного влияния на развитие здравоохранения. В своей работе, направленной на повышение уровня здоровья и общественного благополучия, данная организация выделяет ряд приоритетных задач:

- выполнение исследований для сбора мнений граждан о проблематике в секторе здравоохранения и на этой основе формирование экспертных предложений для оптимизации условий;
- стимулирование активного вовлечения общественности, профессионалов, волонтеров в мероприятия, которые способствуют укреплению демократических принципов и расширяют возможности граждан влиять на процессы общественного контроля;
- реализация инициатив по общественному мониторингу и контролю над исполнением законодательных актов, указов Президента и других государственных решений, связанных с общественным здоровьем [12].

В рамках улучшения системы здравоохранения, организация регулярно проводит аналитические мероприятия, включая социологические опросы, экспертные анализы и мониторинг. Сбор и обработка данных завершаются публичными обсуждениями, которые проводятся в формате круглых столов с участием специалистов и представителей как федеральной, так и региональной власти. Данные, сформированные по результатам таких обсуждений, направляются в государственные органы для дальнейшего применения в практике, а также докладываются Президенту Российской Федерации. Итоговые материалы часто лежат в основе разработки новых поручений и рекомендаций, которые учитываются в последующей стратегической работе органов власти [13].

Следует подчеркнуть, что в процессе деятельности Общероссийского народного фронта были выявлены различные проблемы в области здраво-

охранения. Данные проблемы стали основой для направленных усилий и мероприятий общественного движения.

Так, на основании мониторингов Общероссийского народного фронта выявлена проблема нехватки специалистов в сфере здравоохранения. Так, в рамках социологического исследования невозможность получить консультацию у врача в течение двух недель испытывают 61% опрошенных, 81% жителей не могут найти необходимого специалиста в местных поликлиниках, и 85% отмечают длительное ожидание в очередях даже при предварительной записи [7].

Медицинские работники, в свою очередь, выражают недовольство по поводу условий труда, особенно заработных плат. По данным комплексного мониторинга здравоохранения 2023 года, который охватил свыше 20 тысяч медиков, 41% из них не удовлетворены условиями работы. Основные причины недовольства медицинского персонала представлены в виде диаграммы (рис. 1) [7].

Рис. 1. Основные причины недовольства медицинского персонала

Развитие системы обеспечения квалифицированными медицинскими кадрами является одним из приоритетов государственной стратегии РФ на период до 2030 года. Данное направление активно контролируется движением в рамках реализации федерального проекта «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами» [6].

Проблема кадрового дефицита в сфере здравоохранения может быть решена путем повышения зарплаты медицинскому персоналу. В связи с этим активное обсуждение новой модели оплаты труда, введенной постановлением Правительства Российской Федерации № 847 от 01 июня 2021 года [5], происходило на заседаниях Народного фронта в рамках площадки «Здравоохранение». Однако в настоящее время действие данного нормативно-правового акта приостановлено до 01 января 2025 года. На заседаниях общественного движения нередко поднимался вопрос о смещении сроков реализации проекта на более раннюю дату.

В результате обсуждений Общероссийский народный фронт направил Правительству Российской Федерации ряд инициатив по улучшению системы оплаты труда в сфере здравоохранения. Одной из основных мер стало создание общенациональной модели зарплат для медицинского персонала государственных учреждений, предоставляющих первичную медико-санитарную помощь. Предлагается устанавливать для сотрудников первичного звена максимально возможное количество совмещаемых ставок в размере 1,5, а также ввести унифицированные средние оклады, которые будут зависеть от профессионально-квалификационной группы медицинского работника или его тарифного разряда.

Также в рамках функционирования Общероссийского народного фронта проводятся круглые столы по проблеме неэффективности стимулирующих выплат для медицинского персонала за раннее выявление онкологических заболеваний из-за бюрократических препятствий. Для признания вклада специалиста в диагностику заболевания требуется проведение обширных и затратных проверок, а получаемый стимул в 1000 рублей разделяется на троих медиков, что снижает его мотивационное медицинский работников. Таким образом, потенциально эффективная мера по укреплению здоровья населения на практике не получила должного применения.

Согласно информации от Министерства здравоохранения России, в 2022 году из бюджета на специальные выплаты было израсходовано лишь 1,4% предусмотренных средств. За первые три квартала 2023 года использование средств увеличилось до 6,1%, что составило 3,3 миллиона рублей из запланированных 54 миллионов, на фоне выявления 2330 онкологических случаев [7].

В ответ на эту ситуацию 05 февраля 2024 года Правительством Российской Федерации было принято постановление, согласно которому выплата в размере 1000 рублей теперь предназначена только для того медицинского персонала, кто первым выявил необходимость в специализированной консультации или диагностических процедурах в рамках осмотров, что должно упростить административные процессы и увеличить мотивацию сотрудников здравоохранения. Народный фронт, в свою очередь, взял на себя обязательство контролировать, как эффективность введенных мер. В случае если улучшения останутся незначительными, движение планирует совместно с Министерством и Правительством определить дополнительные меры совершенствования [7].

В рамках улучшения системы здравоохранения, Народный фронт настаивает на соответствии тарифных планов обязательного медицинского страхования актуальной стоимости медицинских услуг. Кроме того, предлагается активное внедрение цифровых технологий, включая телемедицину и инструменты для дистанционной диагностики,

а также развитие информационных систем в здравоохранении.

Следует подробно рассмотреть деятельность еще одного института гражданского общества по укреплению и защите здоровья населения – Российского Красного Креста. Данная организация является частью международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, играет неосценимую роль в предоставлении гуманитарной помощи, медицинской поддержки и социального обслуживания на территории Российской Федерации.

Эта организация является членом глобальной сети Международного Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца, и оказывает критически важные услуги в сферах гуманитарной помощи, медицинской поддержки и социального обеспечения в пределах Российской Федерации. Российский Красный Крест, основанный в 1867 году, на протяжении многих лет доказывает свою значимость, организуя ответные мероприятия на чрезвычайные происшествия, проводя обучение граждан навыкам оказания первой помощи, способствуя совершенствованию условий в области здравоохранения и поддерживая социально уязвимые слои населения.

Одним из мероприятий по охране здоровья граждан, проводимых Российским Красным Крестом, является реализация программы противодействия COVID-19. С началом мирового распространения коронавируса, Российский Красный Крест активизировал свои усилия по оказанию поддержки в борьбе с этой инфекцией. В 2022 году по всей стране в двадцати регионах была запущена инициатива под названием «Останови распространение COVID-19», направленная на сдерживание вируса и улучшение применения профилактических мер. В рамках этой программы свыше 105 тысяч человек были обеспечены гигиеническими комплектами и информационными материалами, способствующими профилактике COVID-19.

Кроме того, в региональных филиалах были созданы специализированные пространства для восстановления людей, переживших коронавирусную инфекцию. В состав программы восстановления входят различные активности: мастер-классы, групповые упражнения, направленные на восстановление дыхательной системы и баланса, занятия скандинавской ходьбой, а также образовательные сессии, нацеленные на осведомленность о предотвращении распространения коронавируса и осложнениях после болезни. К июлю 2022 года благодаря этим усилиям проведено свыше тысячи специализированных занятий, в которых участвовали почти две тысячи человек. Сейчас центры для восстановления функционируют в 40 регионах страны, и планируется расширение программы на другие регионы России в следующем году [9].

Другим важным направлением функционирования Российского Красного Креста является профилактика ВИЧ-инфекции и туберкулеза. Мероприятия направлены на улучшение осведомленности о путях передачи данных заболеваний и важности раннего обращения за медицинской помощью. Региональные подразделения организации активно работают с общественностью и оказывают поддержку социально незащищенным слоям населения.

В рамках федерального проекта «Поддержка деятельности Российского Красного Креста» в 2022 году в 40 регионах были открыты школы для пациентов и группы поддержки, предназначенные для людей, столкнувшихся с ВИЧ-инфекцией и туберкулезом. Участники в рамках данного проекта имеют возможность взаимодействовать с профессионалами и посещать курсы психологической поддержки, что способствует их принятию собственных медицинских состояний и стимулирует ведение активного и здорового образа жизни. Для расширения доступа к экспресс-тестам на ВИЧ с июня 2022 года региональными отделениями Российского Красного Креста совместно с партнерами было проведено более 400 бесплатных тестирований [9].

В дополнение к этим мероприятиям, в рамках укрепления национального здравоохранения, была организована Всероссийская кампания, посвященная профилактике туберкулеза в преддверии Всемирного дня борьбы с этим заболеванием. Во время кампании прошли образовательные события в образовательных учреждениях, а также, благодаря сотрудничеству с медицинскими организациями, предоставлялись услуги мобильной флюорографии. В общей сложности, кампания включала более 350 мероприятий, которые охватили 54 региона и затронули более 40 тысяч людей.

Таким образом, в рамках работы институтов гражданского общества, а именно: Общественного народного фронта и Российского Красного Креста, проводятся различные мероприятия по охране здоровья граждан:

- публичное обсуждение проблем в сфере здравоохранения в рамках работы круглых столов, итоговые материалы которых направляются в государственные структуры для дальнейшего применения в практике, а также докладываются Президенту Российской Федерации;
- программы противодействия развитию COVID-19: мастер-классы, групповые упражнения, направленные на восстановление дыхательной системы и баланса, занятия скандинавской ходьбой, а также образовательные сессии, нацеленные на осведомленность о предотвращении распространения коронавируса и осложнениях после болезни;
- программы, направленные на профилактику ВИЧ-инфекции и туберкулеза, которые вклю-

чают создание школ и групп помощи для лиц, столкнувшихся с этими заболеваниями, а также организацию бесплатного обследования на ВИЧ и предоставление услуг мобильной рентгенографии.

Данные мероприятия, проводимые в рамках деятельности Общероссийского народного фронта и Российского Красного креста способствуют интеграции общественного мнения в политический процесс, обеспечивают возможность гражданам не только быть услышанными, но и активно влиять на формирование эффективных политических решений в сфере здравоохранения.

Заключение

На основании проведенного исследования отметим, что институты гражданского общества играют важную роль в охране и продвижении здоровья населения. Они участвуют в разработке и реализации программ по профилактике заболеваний, пропаганде здорового образа жизни и поддержке населения в вопросах здравоохранения. Исходя из анализа нормативно-правовых актов, социологических опросов и механизмов функционирования Общероссийского народного фронта и Российского Красного креста, можно сделать выводы о достаточно высокой эффективности мероприятий институтов гражданского общества в плане привлечения внимания населения к проблемам здоровья и их предотвращения. Однако, необходима дальнейшая работа по улучшению механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2024).
2. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
4. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4213.
5. Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 8 «О реализации пилотного проекта в целях утверждения требований к системам оплаты труда медицинских работников государственных и муниципальных учреждений здравоохранения» 47 (ред. от 30.11.2021, с изм. от 05.07.2022) // СЗ РФ. – 2021. – № 24 (часть II). – Ст. 4499.
6. Восканян Р. О., Чупрова А.Ю. Обеспечение кадровой устойчивости системы здравоохранения как фактор национальной безопасности // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 94–100.
7. Заместитель руководителя Исполкома Народного фронта рассказал, как движение исследует проблемы здравоохранения в России // Общероссийский народный фронт. – URL: <https://expert.onf.ru/analitika/zamestitel-rukovoditelja-ispolkoma-narodnogo-fronta-rasskazal-kak-dvizhenie-issleduet-problemy-zdravoohranenija-v-rossii/> (дата обращения: 15.07.2024).
8. Лапидус Р.Н. Роль и место институтов гражданского общества в оказании содействия по противодействию современным угрозам национальной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 163–172.
9. Программы в сфере здравоохранения // Российский красный крест. – URL: <https://www.redcross.ru/activity/healthcare/> (дата обращения: 15.07.2024).
10. Рошин Д.О. Нормативное регулирование и опыт применения механизмов общественного контроля (на примере сферы здравоохранения) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 5. – С. 89–95.
11. Силаев П.О. Конституционно-правовые параметры гражданского общества в России // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1(24). – С. 85–90.
12. Устав Общероссийского общественного движения «НАРОДНЫЙ ФРОНТ «ЗА РОССИЮ» // Общероссийский народный фронт. – URL: <https://onf.ru/ustav> (дата обращения: 15.07.2024).
13. Шекун А.В., Сквирская Г.П., Решетников В.А., Рошаль Л.М. Роль общественных организаций в формировании государственной социальной политики в Российской Федерации на примере Общероссийского народного фронта // Национальное здравоохранение. – 2021. – № 3. – С. 55–63.

MECHANISMS OF FUNCTIONING AND EFFECTIVENESS OF VARIOUS ACTIVITIES OF PUBLIC ORGANIZATIONS FOR THE PROTECTION OF PUBLIC HEALTH

Kokoreva M.E.

Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

The scientific article is devoted to the study of the mechanisms of functioning and various activities of civil society institutions involved in protecting public health using the example of the activities of the All-Russian People's Front and the Russian Red Cross. The article examines the main regulatory legal acts governing the activities of these associations in the field of health care. *The purpose of the*

study is to analyze the mechanisms of functioning and activities carried out by civil society institutions, using the example of the activities of the All-Russian People's Front and the Russian Red Cross, to improve the effectiveness of public health protection. *Materials and methods.* The author analyzed the scientific literature corresponding to the search criteria for such keywords as "civil society institutions", "activities to protect public health", "public health protection", "public health", "health care system" in the CyberLenik and Elibrary databases. *The results of the study* showed that civil society institutions play an important role in protecting and promoting public health. The events held by civil society institutions facilitate the integration of public opinion into the political process, provide citizens with the opportunity not only to be heard, but also to actively influence the formation of effective political decisions in the field of health care. Based on the analysis of scientific literature, it can be concluded that the events held by civil society institutions to protect the health of citizens are highly effective.

Keywords: civil society institutions, public health measures, public health protection, public health, health care system.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 07/15/2024).
2. Federal Law No. 82-FZ of 05/19/1995 "On Public Associations" (as amended on 12/25/2023) // NW RF. – 1995. – No. 21. – Article 1930.
3. Federal Law No. 323-FZ of 11/21/2011 "On the Basics of protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (as amended on 12/25/2023) (with amendments and Additions, intro. effective from 04/01/2024) // Federal Law of the Russian Federation. – 2011. – No. 48. – Art. 6724.
4. Federal Law No. 212-FZ dated 07/21/2014 "On the basics of public Control in the Russian Federation" (as amended on 12/25/2023) // SZ RF. – 2014. – No. 30 (part I). – Article 4213.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/01/2021 No. 847 "On the implementation of a pilot project in order to approve requirements for remuneration systems for medical workers of state and municipal healthcare institutions" (as amended on 11/30/2021, with amendments, dated 07/05/2022) // SZ RF. – 2021. – No. 24 (part II). – Article 4499.
6. Voskanyan R. O., Chuprova A. Yu. Ensuring the personnel stability of the healthcare system as a factor of national security // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 2. – pp. 94–100.
7. The deputy head of the Executive Committee of the Popular Front told how the movement explores the problems of healthcare in Russia // All-Russian Popular Front. – URL: <https://onf.ru/ustav> (date of application: 07/15/2024).
8. Lapidus R.N. The role and place of civil society institutions in providing assistance in countering modern threats to national security // Legal policy and legal life. – 2020. – No. 2. – pp. 163–172.
9. Programs in the field of healthcare // Russian Red Cross. – URL: <https://www.redcross.ru/activity/healthcare> (date of access: 07/15/2024).
10. Roshchin D.O. Regulatory regulation and experience in the application of public control mechanisms (on the example of the healthcare sector) // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2020. – No. 5. – pp. 89–95.
11. Silaev P.O. Constitutional and legal parameters of civil society in Russia // Bulletin of state and municipal administration. – 2017. – № 1(24). – Pp. 85–90.
12. The Charter of the All-Russian public movement "PEOPLE'S FRONT "FOR RUSSIA" // All-Russian People's Front. – URL: <https://onf.ru/ustav> (date of application: 07/15/2024).
13. Shekun A.V., Skvirskaya G.P., Reshetnikov V.A., Roshal L.M. The role of public organizations in the formation of state social policy in the Russian Federation on the example of the All-Russian Popular Front // National Healthcare. – 2021. – No.3. – pp. 55–63.

Формирование механизма межведомственного взаимодействия при реализации комплекса мер социальной поддержки и сопровождения детей участников СВО

Назарова Александра Анатольевна,

магистрант, кафедра теории и технологии социальной работы, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы
E-mail: naz2976@yandex.ru

В статье рассматриваются аспекты действующей системы предоставления социальных услуг и социального сопровождения с учетом особенностей категории лиц, относящихся к детям из семей участников специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации. Выделяется перечень основных социальных потребностей данной целевой категории с целью определения основных моментов, которые необходимо учитывать при разработке программы социального сопровождения. В контексте исследуемого вопроса подчеркивается важность учёта индивидуальных особенностей, ввиду специфики данной целевой категории граждан, в процессе социального сопровождения. Выявлена причина проблематики изучаемого вопроса, заключающаяся в многогранности характера текущей проблемы. В связи с чем сделан вывод о необходимости создания единого доступного механизма взаимодействия между всеми структурами, деятельность которых направлена на реализацию комплекса мер поддержки и сопровождения детей участников СВО.

Ключевые слова: социальное сопровождение, дети военнослужащих, специальная военная операция, социальные потребности, индивидуальные особенности.

Введение

Актуальность данной темы исследования заключается в том, что приоритетными задачами государства на сегодняшний день является создание необходимых условий для полноценного, всестороннего, гармоничного формирования и развития детей, как поколения будущего, определяющего потенциал и ресурс страны в целом [3, с. 3].

А. Плетнев в своей научной работе отмечал, что ввиду различных социальных факторов, таких как конфликт культур, динамичная смена социальной обстановки и капиталистическое неравенство, современное демократическое общество способствует появлению аномичных индивидов среди населения [9, с. 98]. Что, в свою очередь, создает угрозу для успешного развития и процветания благоприятного социального климата в нашей стране.

В связи с этим, крайне важно учитывать различные категории несовершеннолетних граждан, особенно тех, кто оказался в социально опасном и уязвимом положении. В числе таких категорий находятся дети, родители или законные представители которых, являются участниками специальной военной операции (далее – СВО). Поэтому исполнительным органам Российской Федерации, задействованным в управлении сферами, касающихся осуществления социальных мер поддержки и психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних лиц, необходимо сфокусировать своё внимание прежде всего на этой социально уязвимой категории. Дети участников СВО нуждаются в комплексной поддержке и сопровождении в различных жизненных сферах, касающихся их образования, интеграции в социум, психологического благополучия, воспитания и развития, а также здоровья в целом [3, с. 3].

Необходимость данного исследования прежде всего вызвана отсутствием достаточного количества необходимой литературы по психолого-социальному сопровождению. Это обусловлено недавностью срока возникновения военно-исторических событий, которые сформировали новый вид получателей социальных услуг.

Дети, чьи родители (законные представители) оказались задействованы в военных действиях, в рамках СВО, остро испытывают изменения в их привычном образе жизни. В первую очередь это

отражается на их эмоциональном и психологическом состоянии. Поэтому первоначально важно уделить внимание психологическому здоровью данной целевой категории граждан. Поскольку дети, в силу своего возраста, еще не располагают достаточным жизненным опытом и не достигли эмоциональной зрелости, в отличие от взрослых, чтобы справляться с возникающими переживаниями. Они могут более остро реагировать на различные жизненные ситуации и не понимать, что происходит, по причине впечатлительности и эмоциональной неустойчивости, обусловленных возрастными особенностями. Необходимо снизить негативный эмоциональный фон, помочь осознать и выразить свои чувства и переживания. Чтобы решение проблем было эффективным, необходимо работать не только с детьми, но и со взрослыми, входящими в их семейное окружение. Важным в работе с детьми участников СВО является вектор, направленный прежде всего на нормализацию их психологического состояния, а также на улучшение внутрисемейного климата. Это будет являться фундаментом для их последующей успешной адаптации и в других сферах, связанных с обучением, социализацией и развитием [11, с. 899].

Для того, чтобы обозначить поле деятельности для социальной поддержки и психолого-педагогического сопровождения для данной целевой категории, необходимо учитывать перечень потребностей, в которых нуждаются несовершеннолетние граждане, являющиеся детьми участников СВО.

Целью исследования является анализ эффективности и полноценности действующего комплекса мер по оказанию социальных услуг несовершеннолетним детям участников СВО, чтобы впоследствии разработать программу психолого-социального сопровождения для данной категории лиц с учетом недостающих элементов в системе предоставления социальных услуг.

Основными задачами исследования являлись: выделение видов социальных потребностей целевой категории граждан; проведение анализа аспектов действующей системы предоставления социальных услуг; выявление недостатков в действующей системе предоставления социальных услуг; формирование перечня недостающих элементов в предоставлении социальных услуг, который поможет повысить эффективность действующего комплекса мер социальной поддержки, а также формулировка единого вывода, отражающего общую суть проблематики исследуемого вопроса, который послужит ориентиром в разработке программы социального сопровождения для указанной целевой категории граждан.

Объектом в данном исследовании выступали дети участников СВО.

Предметом исследования являлся действующий комплекс мер предоставления социальных

услуг для категории граждан, являющихся детьми участников СВО.

В статье применялись теоретические методы исследования, такие как: контент-анализ содержания научной литературы, законодательных актов и различных видов документации, а также систематизация и обобщение.

Несмотря на то, что тема исследования является довольно новой в научном пространстве, изучением вопросов, касающихся мер психолого-социальной поддержки детей участников СВО занимались, такие авторы как: М.А. Анисеева, А.Р. Ефимова, В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Чащина, К.А. Колодина и другие [1, 2, 7].

Выявление социальных нужд детей участников СВО согласно потребностям в бытовой и здравоохранительной сферах

При рассмотрении вопросов, касающихся социальных потребностей, важно учитывать все возрастные группы детей данной целевой категории, от дошкольного возраста до совершеннолетия.

Со стороны сферы бытовых потребностей можно наблюдать то, что действующая помощь для семей с детьми военнослужащих первоначально направлена на решение финансовых вопросов. В свою очередь, остальные проблемы социально-бытового характера остаются в менее приоритетном порядке [6, с. 4].

Семьи, в которых женщины остались с детьми, в отсутствие их главы семейства, испытывают трудности, касающиеся бытового ремонта, транспортировки покупок (продукты, техника и пр.), отсутствия дополнительной помощи в быту. К тому же, некоторые женщины, которые раньше были домохозяйками, были вынуждены стать трудоустроенными, по причине ухудшения материального положения в семье, на период отсутствия мужчин, или в случае их гибели в ходе боевых действий. Учитывая этот момент, остро встает вопрос о присмотре за несовершеннолетними детьми, оставшихся без надлежащего внимания в отсутствие взрослых.

Исходя из вышеперечисленных нюансов, можно выделить следующий перечень бытовых нужд детей участников СВО, которые необходимо обеспечить:

- наличие оптимальных условий проживания (способность родителей/опекунов содержать жилье и оплачивать ЖКУ, возможность осуществлять своевременный ремонт, приобрести необходимую мебель и технику);
- организация занятости и присмотра за несовершеннолетними детьми, оставшихся одних на период отсутствия взрослых, находящихся на работе;
- достаточная материальная поддержка, способная обеспечить приобретение для детей быто-

вых товаров и товаров первой необходимости, одежды, принадлежностей для школьного обучения, а также других товаров, направленных на поддержание здоровья и развитие ребенка.

Отсутствие обеспечения перечисленных бытовых нужд может ухудшить уровень жизни семей участников СВО, в том числе и детей, находящихся в составе семьи. Возникновение данных бытовых трудностей может вызывать напряжение и психоэмоциональную нагрузку у взрослых членов семьи, что, в свою очередь, также может влиять на детей, сказываясь на их физическом здоровье и психологическом состоянии [1, с. 251].

Со стороны сферы медицинского обслуживания важно сфокусироваться не только на льготном предоставлении медицинских услуг вне очереди для детей участников СВО, но и рассмотреть комплекс оздоровительных мер, необходимый для полноценного поддержания здоровья детей данной категории.

Учитывая, что текущие обстоятельства, с которыми сталкиваются семьи участников СВО, оказывают особое психологическое давление на детей из таких семей, что впоследствии отражается на их общем состоянии здоровья. Поэтому необходимо уделить внимание оздоровительному комплексу мер, направленному на общее укрепление организма ребенка, с целью повысить его адаптационные возможности и противостоять воздействию негативных факторов, вызванных происходящими событиями.

В данном случае действенным инструментом в решении вопроса является предоставление детям участников СВО льготных мест в детские лагеря и оздоровительные санатории. Важно, чтобы на территории подобных учреждений был персонал, специализирующийся на работе с конкретной категорией, а именно, детьми военнослужащих, в рамках СВО. Так как эти дети нуждаются в особом внимании при сопровождении и учете специфики их поведения и восприятия, вызванными затруднительными событиями в семье [4, с. 4].

Выявление социальных нужд детей участников СВО в сферах, связанных с социально-психолого-педагогическим сопровождением

Основываясь на теориях социологии личности, стоит уделить внимание социальному сопровождению в педагогическом контексте [9, с. 103]. Исходя из этого, со стороны социально-психолого-педагогического сопровождения деятельность педагогов-психологов в работе с детьми участников СВО должна осуществляться по следующим направлениям:

– комплексная психологическая диагностика (наблюдение, мониторинг актуального психического состояния, углубленная психодиагностика) (при необходимости);

- коррекционно-развивающая работа с детьми, в том числе работа по восстановлению и реабилитации;
- психологическое консультирование как самих детей участников СВО, так и взрослых из их семейного окружения (с целью повышения консультативной эффективности);
- психологическое просвещение (повышение психологической компетентности родителей (законных представителей) и других участников образовательных отношений в вопросах обучения и воспитания детей, относящихся к целевой категории);
- психопрофилактика (профессиональная деятельность, направленная на сохранение и укрепление психологического здоровья детей в процессе обучения и воспитания, в том числе направленная на формирование необходимого психологического климата в образовательных организациях для сохранения и (или) восстановления психологического здоровья детей данной категории);
- психологическая оценка комфортности и безопасности образовательной среды (консультирование педагогов образовательных организаций при выборе образовательных технологий с учетом индивидуально-психологических особенностей и образовательных потребностей детей, психологическая экспертиза программы развития образовательной организации для определения степени безопасности и комфортности образовательной среды);
- психолого-педагогическое и методическое сопровождение процесса освоения основных и дополнительных образовательных программ обучающимися целевой группы (разработка психологических рекомендаций по формированию и реализации индивидуальных учебных планов для обучающихся; разработка совместно с педагогом индивидуальных учебных планов обучающихся с учетом их психологических особенностей) [10, с. 9].

Вышеуказанный перечень направлений работы с детьми участников СВО должен опираться на специфику особенностей данной целевой категории, чтобы эффективно справляться с выполнением, таких задач как: работа с травмами (ОСР, ПТСР) у детей участников СВО; их адаптация в социальную и образовательную среду; повышение компетентности родителей, опекунов и педагогов в вопросах воспитания и обучения данной целевой категории; развитие и укрепление здоровых отношений между детьми и взрослыми в семьях участников СВО; формирование для детей данной категории благоприятных условий и психологического климата в образовательной среде [11, с. 901].

Помимо рассмотрения аспектов социально-психолого-педагогического сопровождения стоит уделить внимание вопросам, касающимся предо-

ставления и осуществления образовательных услуг для детей участников СВО.

Таким образом для детей дошкольного возраста главными нуждами в образовательной сфере будет являться предоставление услуг дошкольных образовательных учреждений, таких как ясли, детские сады и организации дополнительного образования (кружковая деятельность). Для категории детей участников СВО целесообразно оказание социальной помощи при оформлении в ДОУ, а также предоставление им ряда льгот, в числе которых право на зачисление в учреждения вне очереди, отсутствие взимания платы за обслуживание в ДОУ (или частичная денежная компенсация), льготные путевки в детские лагеря. Данный пакет льгот пока что действует не во всех регионах страны, поэтому необходимо добиться их повсеместного распространения на федеральном уровне [2, с. 140].

Для детей участников СВО, находящихся в диапазоне школьного возраста, действует тот же принцип спроса услуг в образовательной сфере, что и у детей дошкольного возраста. Сюда также входит запрос на предоставление мест в государственные и муниципальные образовательные учреждения (школы, лицеи, гимназии). В комплекс льгот для данной категории детей должны входить право на внеочередное зачисление в образовательные учреждения, предоставление бесплатного школьного питания, отсутствие взимания платы на школьные взносы, получение бесплатного дополнительного образования (кружковая деятельность, спортивные секции).

Дети участников СВО, достигшие возраста старшей школы и желающие получить среднее профессиональное образование также должны располагать рядом льгот, позволяющим получить право на приоритетное зачисление на бюджетные места в ССУЗ (техникумы, колледжи, лицеи), предоставление повышенной стипендии, а также бесплатного питания в учебном заведении, возможность скидки или компенсации, в случае зачисления на платные места учебного заведения [2, с. 143].

Для детей участников СВО, готовящихся к поступлению в вузы, необходимо обеспечить соответствующий уровень социальной поддержки и перечень льгот, в составе которого будут: наличие дополнительных баллов при поступлении в вузы для данной категории лиц, квота на бюджетные места, снижение стоимости платного обучения и/или предоставление рассрочки по договору об оказании образовательных услуг, право на повышенную стипендию, предоставление бесплатного питания в столовых вузов, обеспечение мест проживания в общежитии (при необходимости) [7, с. 667].

Как уже ранее было указано, одной из важных задач является введение перечисленных пакетов

льгот на федеральном уровне, а не только в отдельных регионах.

Также не стоит обходить стороной вопросы, касающиеся сферы развития и культуры. Поскольку они играют важную роль в формировании духовных ценностей и здоровой жизненной позиции у детей, которые в будущем станут представителями взрослого поколения и будут составлять основу населения страны [12, с. 95].

В связи с этим важно уделить внимание реализации запросов в сфере развития и культуры, в которой нуждаются дети участников СВО. Для данной целевой категории должны действовать льготы на бесплатное посещение культурных и досуговых мероприятий, включающие в себя различные виды искусства и деятельности. Это могут быть музыкальные концерты, театральные представления, спортивные марафоны, научные выставки, тематические ярмарки и другие мероприятия, направленные на разностороннее развитие ребенка.

Также должно быть организовано бесплатное предоставление досуговой деятельности для детей участников СВО, а именно льготные места в развивающие кружки, спортивные секции и другие учреждения дополнительного образования, ведущие свою деятельность для детей разных возрастных категорий [3, с. 13].

Учитывая специфику событий, с которыми столкнулись семьи участников СВО, целесообразным будет организация военно-патриотических мероприятий для детей участников СВО с целью укрепления для них значимости той миссии, которую выполняют их родители (законные представители), находясь на военной службе [8, с. 28].

Заключение

Вышеперечисленные виды потребностей несовершеннолетних граждан, являющихся детьми участников СВО, должны быть основой при разработке программы психолого-педагогического и социального сопровождения. В составлении программы важно учитывать особенности данной категории лиц, обусловленные происходящими в рамках СВО событиями. Эти особенности, так или иначе будут оказывать свое влияние на все сферы, в которых задействован ребенок участника СВО.

Как видно, не все из указанных мер требуют дополнительного финансирования, по большей части они требуют организационных решений и оптимизации. Как указывают авторы М. Журавлева и Л. Берестова, в своей статье, если проанализировать структуру перечня указанных мер, то станет очевидным тот факт, что их реализация зависит от управления различными органами государственной власти и других подведомственных организаций. Исходя из этого важно создать взаимосвязанный и доступный механизм взаимодействия при осуществлении вышеуказанных мер поддержки для категории детей участников СВО [5, с. 91].

Согласно практическому опыту автора данного исследования, полученного в рамках работы волонтерского проекта организации Союз добровольцев России, можно судить о том, что в текущее время функциональность системы социального сопровождения детей из семей военнослужащих, призванных на службу в рамках СВО, является актуальной проблемой. Недостаток в работе данного механизма обусловлен многогранностью проблемы, включающей в себя социальные, правовые, медицинские и психолого-педагогические аспекты. Поддержка семейной системы данной целевой категории является важным вопросом на всех уровнях власти. Поскольку грамотное социальное и психолого-педагогическое сопровождение является основой для перспективы успешного функционирования любой социальной группы, что особенно касается такой социально уязвимой категории граждан, как дети из семей участников СВО.

Поэтому для решения текущих проблем необходимо обеспечить слаженную и квалифицированную работу всех структур, чья деятельность направлена на реализацию комплекса мер поддержки целевой категории, в число которых входят педагоги, психологи, социальные работники, представители государственных и негосударственных организаций, а также сами родители (законные представители) детей участников СВО.

Литература

1. Аникеева М.А., Ефимова А.Р. Информированность семей мобилизованных граждан о социальном сопровождении / Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Ханты-Мансийск, 17 нояб. 2022). Ханты-Мансийск, 2022. С. 250–252.
2. Бобков В. Н., Одинцова Е.В., Чащина Т.В. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей // Социально-трудовые исследования. Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт труда, 2024. № 1 (54). С. 138–145.
3. Бугаев А.В. Письмо Минпросвещения России от 29.03.2024 № АБ-1122/07 «О направлении рекомендаций» (вместе с «Рекомендациями по организации комплексного сопровождения обучающихся, родители (законные представители) которых являются ветеранами (участниками) специальной военной операции») / КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475795/ (дата обращения: 20.07.24).
4. Горемыкин В.П. Программа социальной поддержки детей военнослужащих – участников специальной военной операции / Портал Администрации Беловского городского округа. – URL: <https://www.belovo42.ru/media/texteditor/2024/05/07/2024–180324.pdf> (дата обращения: 20.07.24).
5. Журавлева М.А., Берестова Л.И., Приоритеты государственной политики по организации социальной защиты участников СВО // Государственная служба. Москва: РАНХиГС, 2023. № 4 (144). С. 88–93.
6. Кадебина Е.А., Поддержка семей участников специальной военной операции / Отчет проекта Ульяновской региональной общественной организации инновационных социальных технологий «АИСТ». Ульяновск, 2023. С. 3–6.
7. Колодина К.А., Меры поддержки детей участников СВО на примере Вуза // Синергия наук. – Санкт-Петербург: Синергия наук, 2023. № 89. – С. 664–670.
8. Педагогические условия реализации комплекса мероприятий военно-патриотического воспитания / Н.И. Заярная, Л.П. Микита, Е.А. Смирнова, А.Д. Тубольцева // Современное педагогическое образование. – Москва: Русайнс, 2022. № 1. – С. 27–30.
9. Плетнев А. В., Эвристический потенциал теории аномии в современной криминологии // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. № 9. С. 95–110.
10. Слепцова С.Г., Программа социально-психолого-педагогического сопровождения детей участников СВО: метод. пособие для педагогов. – Якутск, 2024. – 22 с.
11. Сычёва М. В., Куликова А.С., Педагогическое сопровождение детей дошкольного возраста из семей военнослужащих в условиях военного конфликта // Педагогика. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2023. № 9. – С. 898–903.
12. Хожалова И.Н. Социально-психологическая реабилитация подростков из семей участников и ветеранов специальной военной операции: эффективность программы и практические рекомендации // Научный журнал. – Иваново: Олимп, 2024. № 2 (69). – С. 94–98.

FORMATION OF A MECHANISM FOR INTERDEPARTMENTAL INTERACTION IN THE IMPLEMENTATION OF A SET OF MEASURES FOR SOCIAL SUPPORT AND SUPPORT FOR CHILDREN OF SVO PARTICIPANTS

Nazarova A.A.

Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

The article examines aspects of the current system of providing social services and social support, taking into account the characteristics of the category of persons belonging to children from families of participants in a special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation. A list of the basic social needs of this target category is highlighted in order to determine the main points that must be taken into account when developing a program of psychological, pedagogical and social support. In the context of the issue under study, the importance of taking into account individual charac-

teristics, due to the specifics of this target category of citizens, in the process of social support is emphasized. The reason for the problematic nature of the issue under study is revealed, which consists in the multifaceted nature of the current problem. In this connection, it was concluded that it is necessary to create a single accessible mechanism of interaction between all structures whose activities are aimed at implementing a set of measures to support and accompany the children of the participants of special military operation.

Keywords: social support, children of military personnel, special military operation, social needs, individual characteristics.

References

1. Anikeeva M.A., Efimova A.R. Awareness of families of mobilized citizens about social support / Current issues of individual well-being: psychological, social and professional contexts: collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference (Khanty-Mansiysk, November 17, 2022). Khanty-Mansiysk, 2022. Pp. 250–252.
2. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Chashchina T.V. On social guarantees for participants in a special military operation and their family members // Social and labor studies. Moscow: All-Russian Research Institute of Labor, 2024. No. 1 (54). Pp. 138–145.
3. Bugaev A.V. Letter of the Ministry of Education of Russia dated March 29, 2024 No. AB-1122/07 "On sending recommendations" (together with "Recommendations for organizing comprehensive support for students whose parents (legal representatives) are veterans (participants) of a special military operation") / ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475795/ (date of access: July 20, 24).
4. Goremykin V.P. Social support program for children of military personnel – participants in a special military operation / Portal of the Administration of the Belovsky Urban District. – URL: <https://www.belovo42.ru/media/texteditor/2024/05/07/2024-180324.pdf> (date of access: July 20, 24).
5. Zhuravleva M.A., Berestova L.I., Priorities of the state policy on organizing social protection of SVO participants // Public service. Moscow: RANEPА, 2023. No. 4 (144). P. 88–93.
6. Kadebina E.A., Support for families of special military operation participants / Report of the project of the Ulyanovsk regional public organization of innovative social technologies "AIST". Ulyanovsk, 2023. P. 3–6.
7. Kolodina K.A., Support measures for children of SVO participants using the example of a university // Synergy of sciences. – St. Petersburg: Synergy of sciences, 2023. No. 89. – P. 664–670.
8. Pedagogical conditions for the implementation of a set of military-patriotic education measures / N.I. Zayarnaya, L.P. Mikita, E.A. Smirnova, A.D. Tuboltseva // Modern pedagogical education. – Moscow: Rusains, 2022. No. 1. – P. 27–30.
9. Pletnev A.V., Heuristic potential of anomie theory in modern criminology // Modern studies of social problems. Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center, 2014. No. 9. P. 95–110.
10. Sleptsova S.G., Program of social-psychological-pedagogical support for children of SVO participants: method. manual for teachers. – Yakutsk, 2024. – 22 p.
11. Sycheva M.V., Kulikova A.S., Pedagogical support of preschool children from military families in military conflicts // Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. – Tambov: Gramota, 2023. No. 9. – P. 898–903.
12. Khozhalova I.N. Social and psychological rehabilitation of adolescents from families of participants and veterans of a special military operation: program effectiveness and practical recommendations // Scientific journal. – Ivanovo: Olimp, 2024. No. 2 (69). – P. 94–98.

Факторы трансформации социального института отцовства

Николаева Анастасия Олеговна,

аспирант отдела социологии социальной сферы Института социологии Национальной академии наук Беларуси
E-mail: nikolaeva_a.o@mail.ru

В настоящей статье представлены основные факторы, влияющие на современную трансформацию социального института отцовства и меняющие его роль в обществе. Нередко социальный институт отцовства, воспринимаемый как второстепенный по отношению к материнству, часто связан с меньшей вовлеченностью отца в качестве воспитателя. В настоящее время наблюдается рост трансформационной концепции отцовства, которая иллюстрирует социокультурную эволюцию этого института. Эта концепция служит стратегией и механизмом, позволяющим отцам адаптироваться к кардинальным социальным изменениям, происходящим в современном обществе. Расширение спектра социальных практик ответственного отцовства указывает на актуальность научного изучения данного социального явления на фоне недостаточного внимания исследователей к проблемам отцовства.

Цель исследования заключается в формировании представления об ответственном отцовстве и факторах социальной динамики, оказывающих значимое влияние на развитие этой новой формы отцовства. *Объект изучения:* феномен ответственного отцовства. *Предметом изучения* является институт отцовства. *Новизна проведенного исследования* обусловливается самостоятельно проведенным изучением факторов семейной социальной динамики, которые оказывают влияние на процесс трансформации института отцовства, по результатам которого сделан вывод о необходимости создания новой научно обоснованной концепции вовлеченного отцовства, которая бы опиралась на комплексный анализ факторов, радикально меняющих отношения «отец-ребенок» в современном социуме.

Сделан вывод о необходимости создания новой научно обоснованной концепции вовлеченного отцовства, которая бы опиралась на комплексный анализ факторов, радикально меняющих отношения «отец-ребенок» в современном социуме.

Ключевые слова: социальная динамика, факторы социальной динамики, родительство, отец, институт отцовства в социологии, вовлеченность и ответственность отцов.

Введение

Семья является ключевым социальным институтом, который выполняет значимую роль в воспроизводстве будущих поколений, служа основой для создания комфортной среды, которая помогает в первичной социализации ребенка. В силу ст. 32 Конституции Республики Беларусь под защитой государства находятся непреходящие традиционные социальные ценности (брак, родительство, дифференцируемое на материнство и отцовство). Родительской семье отведена значимая, центральная роль в организации воспитания новых поколений, обеспечении общественной стабильности и социального прогресса. Потенциальные родители, а именно так воспринимаются супруги обществом – как будущие мать и отец, создают брачный союз, перерастающий в родительскую семью. В рамках него оба родителя объективно оказывают существенное влияние на психическое и физическое здоровье рожденных и/или усыновленных детей.

Субинститутом отцовства опосредуется происхождение ребенка от конкретного мужчины (отца), что порождает в свою очередь родственные взаимоотношения отца и ребенка. Отцовство является сложным социальным явлением, нынешний кризис в сфере семьи носит серьезный характер и усугубляет проблемы, связанные с планированием семьи, что, в итоге влияет на демографическую ситуацию. В Республике Беларусь прослеживается снижение демографических показателей. Анализ статистики 2022 года: количество новорожденных существенно меньше числа умерших – 110687 к 133940, что фиксирует убыль населения [9]. Положение семейного института отцовства представляет собой важный аспект, воздействующий на демографические процессы, что акцентирует внимание на необходимости исследования отцовства в качестве социального субинститута.

Основная часть

Во второй половине XX века научное сообщество уделило внимание отцовству в контексте изменений в семейных и родительских отношениях. Исследователи изучают также особенности развития альтернативных семейных моделей, изменения, происходящие с ролью мужчин в семье и обществе в целом. Отцовство является межпредметным феноменом, который рассматривается в таких научных направлениях, как социология, правотворчество и правоприменение, педагогика и психология, однако. В значительном количестве научных иссле-

дований роль отца в развитии ребенка рассматривается недостаточно подробно, акцент делается на негативных последствиях безотцовщины, признается доминирование в семейном воспитании материнского начала.

На основе анализа и обобщения современных методов определения отцовства можно выделить основные подходы. В первом подходе отцовство рассматривается как социальный субинститут, включающий набор прав, обязанностей и общественных ожиданий, возлагающихся на отцов со стороны семьи и общества. Такой подход подвергается критике со стороны ряда исследователей, включая И.С. Клецина [6], И.С. Кона [7], А.Р. Михеева [8].

Отцовство, представляющее собой набор разнообразных социальных практик, предназначенных для воспитания и заботы о детях, не достигших совершеннолетия, отражено такими исследователями, как О.Н. Безрукова [1], А.Е. Звонаревой [5], И.С. Кона.

В рамках гендерного подхода, представленного в трудах И.С. Кона и Ю.В. Борисенко [3], отцовство и гендерную самоидентификацию отождествляются.

Изучение широкого круга источников позволило выявить основные проблемы современного отцовства. Процесс развития современного общества привел к неизбежной существенной трансформации многих социальных институтов: активно меняются представления о семье и родительстве. Традиционное родительство продолжает выступать как важный компонент семейных отношений и базовая цель процесса формирования брачных отношений. Современные представления о родительстве в значительной мере базируются на рассмотрении его как способа самореализации каждого из родителей в условиях детоцентричной семьи и иных современных видов семейного устройства. Основной проблемой в семейной сфере в настоящее время представляется несоответствие традиционных представлений о семье и родительстве (отцовстве, материнстве) сложившимся общественным ожиданиям, а также несоответствие современных представлений о семье и родительстве глубинным интересам общества и государства.

При этом сохранение сугубо традиционных представлений в современных условиях невозможно, а современные подходы ведут к разобщению членов социума и усилению кризиса семьи. Обозначенная противоречивость социальных условий, когда одновременно сохраняются и патриархальные установки, и реализуются социальные трансформации отцовства, порождает дискуссии о природе отцовства как социального явления. С середины XX в. в социологической науке постепенно разворачивается дискуссия о природе отцовства с точки зрения кризисной и трансформационной концепций.

Кризисные тенденции проявляются в возросшем количестве разводов, увеличении числа незарегистрированных сожительства, так называемых «гражданских браков», увеличении количества детей, рожденных вне официального брака, а также в росте числа смешанных семей и воспитывающихся в них детей. Наряду с этим наблюдается увеличение выбора одиночного материнства и отцовства, наряду с разнообразными альтернативными формами семейных отношений. Эти негативные тенденции вызваны тем, что традиционные модели семейного поведения, ранее воспринимавшиеся как социально допустимые и желательные, оказались под вопросом в современном обществе. Традиционные представления о ролях и ценностях в семье стали менее актуальными, что отразилось на изменении структуры и функций семьи. Проблема гармоничного функционирования внутри семьи проявляется в недостаточной вовлеченности отцов в процесс воспитания детей. Особенно отчетливо данная проблема прослеживается: в семьях, включающих детей-инвалидов, которые массово воспитываются в основном женщинами – матерями, бабушками; в маргинализации отца в семье, процесса феминизации мужчины; понижении экономической функции отца-мужчины; в девиациях (алкоголизация, наркотизация, домашнее насилие).

Не вызывает сомнений, что рождение ребенка в современных условиях продолжает оставаться предпочтительным в семье, поскольку брачный союз мужчины и женщины создает наиболее благоприятные условия для ребенка. Содержание и воспитание детей продолжают оставаться актуальными вопросами, несмотря на растущие экономические и организационные возможности для их воспитания вне традиционной семейной структуры. Одиноким родителем, обладая финансовыми и материальными ресурсами, неизбежно сталкивается с психологическими трудностями, которые, как правило, менее ощутимы в рамках обычной семьи. Прежде всего, это проблема демонстрации ролевых моделей поведения в семье и обществе. Сказанное не означает, что не связанные с традиционной семьей формы родительства не имеют права на существование, речь идет о выработке общественного представления о наиболее предпочтительном способе общественного устройства и его продвижении в социуме.

Нельзя не согласиться с высказанным Л.А. Янак мнением о том, что широкая вариативность традиционных и альтернативных типов семейно-брачных отношений не снижает, а лишь усиливает проблематичность практик современного отцовства [12, с. 234]. Применительно к отцовству плюральность современной семьи способствует расширению понимания способов реализации мужчины в роли отца в контексте перехода от авторитарного к более «понимающему» стилю отцовства, внедрения современных вариантов мужских ролей и возникно-

вения гражданских инициатив со стороны отцов, наблюдается заметное ограничение функций, выполняемых отцом в семейной структуре.

В настоящее время значительная доля мужчин не вовлечена в отцовство и рассматривает отцовские обязанности как факультативную социальную практику, конкурирующую с карьерным саморазвитием и возможностью личностного роста. В то же время, для других мужчин отцовство представляет собой значимый элемент их повседневной деятельности, источник радости и чувства полноценности в жизни.

С целью преодоления устоявшегося мнения общества о том, что отцовство является менее значимым, чем материнство, предложена концепция трансформационного отцовства. В рамках данной концепции акцентируется социокультурная эволюция подинститута отцовства, рассматриваемая как стратегия и адаптационный механизм, содействующий формированию «нового отцовства», которое предполагает более активное участие отца в жизни ребенка.

Тем не менее, расширение практик вовлеченного отцовства встречает ряд трудностей по нескольким причинам, наиболее значимыми из них являются несовершенство семейного законодательства и недостаточное внимание к вопросам и положению отцов.

И отец, и мать сегодня совместно или индивидуально реализуют равные обязанности по финансовому содержанию детей, обеспечивают образование, осуществляют уход и воспитание. От отца ожидается, что он выступит как в традиционной роли добытчика и защитника, так и в роли воспитателя, носителя дисциплины и власти. Соответственно, сегодня роль отца расширяется и углубляется: в современной семье значительная часть отцов, в сопоставлении с предшествующими поколениями, принимает значительно большее личное участие в воспитании детей. Для современных практик вовлеченного отцовства характерно существенное расширение спектра родительских функций, принимаемых на себя отцами, как проживающими в семье с матерью ребенка, так и находящимися в разводе. Мужчины во все большей степени вовлекаются в процесс осуществления ухода за малолетним ребенком, в том числе ухода за младенцами, то есть действуют в той сфере, которая в течение многих веков выступала в качестве материнской прерогативы.

Данный подход обусловлен как изменением экономической ситуации, которая характеризуется широким вовлечением женщин в процесс получения профессионального образования и труда, но и тем, что в современном обществе возрастают требования к воспитанию молодого поколения и увеличению воспитательного потенциала семьи [11, с. 24].

Изучение феномена отцовства позволяет отметить, что успешная реализация мужчины в ро-

ли отца основывается на том, что у него развиты отцовские навыки и жизненные ценности, а также присутствует желание воплощать их в реальность. Недостаток этих компетенций возможно компенсировать в ходе саморазвития личности, принятия своих эмоций и их самостоятельного контроля. Семейное воспитание и образец поведения, который транслирует мужчина-отец имеет повышенную значимость для правильного воспитания и развития детей [2].

Сегодня до четверти общего числа несовершеннолетних детей рождается и воспитывается в неполных семьях. Этот факт указывает на реальность возможности успешного выживания ребенка при содержании и воспитании одним родителем, как правило, матерью-одиночкой [4, с. 246]. Однако нельзя и отрицать повышенного уровня социальных рисков, с которыми сталкиваются дети, выросшие без позитивного воспитательного воздействия со стороны отца: нередко такой ребенок в силу женского воспитания не имеет уважения к авторитету, в большей мере оказывается подвержен школьной неуспеваемости, девиантным способам поведения.

Социальное развитие общества связано со значительными изменениями ролей мужчин и женщин в семье, общественных стереотипов, внутрисемейных взаимоотношений, а также увеличением распространенности практик «нового», ответственного отцовства [10, с. 158]. Социодинамика представляет собой комплекс разнообразных процессов, которые отражают функционирование, движение и развитие общества и его социальных структур. Для сохранения устойчивости современного общества и обеспечения его прогресса социальная динамика должна приобрести определенный вектор развития. Тогда социальные институты, и прежде всего институты семьи и родительства обретут обновленное содержание и необходимую стабильность.

Социальная динамика всегда детерминирована и зависит от воздействия внешних и внутренних факторов. Влияние позитивных факторов ведет к социальному прогрессу и благоденствию общества. Влияние негативных факторов социальной динамики, наоборот, ведет к постепенному угасанию общества, которое лишается важнейших параметров полноценного современного общества. Данное нежелательное влияние может быть преодолено путем проведения реформирования или путем революционных изменений.

Проанализируем основные аспекты социодинамики и их влияние на состояние общественных институтов. Важную роль в социальных изменениях играет экономический фактор, особенно значимый в марксистской теории социологии. Согласно этой теории, экономические условия являются определяющим фактором в формировании семьи и возникновении социальных конфликтов при капиталистическом производстве,

что объясняет конфликтный характер семьи и её отцовства как центрального элемента. К данному подходу относятся К. Маркс и Ф. Энгельс, а также большая часть советских социологов. Этот метод также присутствует в американской социологии, представленный теорией социального конфликта (Р. Миллс и Л. Козер), с точки зрения данной концепции семья рассматривается прежде всего как экономическая единица. Тем не менее экономические условия существенно преобразовали распределение семейных ролей: мужчины утратили свою традиционную роль единственных кормильцев и это в свою очередь неизбежно отражается как на супружеских, так и на родительно-детских взаимоотношениях в семье.

Проблемное поле возникает также из-за влияния духовно-нравственных факторов на трансформацию родительских, в том числе и отцовских, отношений. Главным источником кризиса современной семьи является значительный духовный спад, приводящий к разрушению семейных уз и неспособности выполнять назначенные функции и роли в семье. В ряде постсоветских стран, таких как Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан и другие, на государственном уровне признана необходимость решения кризиса современной семьи. Предполагается, что взаимодействие между государством и обществом будет содействовать возрождению семьи в качестве духовного оплота, а также сохранению и приумножению семейных ценностей, заложенных в культурно-философских традициях народа.

Демографический фактор, влияющий на общественные изменения, обладает многослойной природой. Он охватывает такие элементы, как численность населения, плотность жилых зон, а также перераспределение жителей по полу и возрасту. Данные показатели обусловлены множеством различных причин. Так, на рождаемость в регионе влияют условия жизни, традиции, культура и вероисповедания; на детскую смертность воздействуют материальное благосостояние, качество медицинской помощи и системы социальной поддержки; частота случаев самоубийств зависит от экономических и морально-этических факторов.

Технологический фактор существенно влияет на эволюцию нынешнего общества, стимулируя повышение уровня технического прогресса посредством воздействия технологий на человеческую жизнь. Это особенно сильно влияет на нивелирование аксиологических значений человеческого существования.

Далее рассмотрим социальные динамические факторы, влияющие на практики «ответственного отцовства». Сегодня наряду с традиционным отцовством развивается так называемое ответственное (вовлеченное) отцовство. Оно реализуется путем повышения личных усилий мужчины по уходу за ребенком и воспитанию детей. «Ответственное отцовство» представляет собой немодальную со-

циальную практику, которая постепенно внедряется в жизнь современной семьи. Она может вступать в диалог или конфронтацию с доминирующими традиционными общественными устоями и всеми факторами социальной динамики. Нужно отметить, что множество аспектов социодинамики выступают как серьезные препятствия для мужчин, стремящихся внедрять ответственное отцовство. Речь идет о традиционных воззрениях и стереотипах, касающихся роли отцов в воспитании детей. Нередко они ведут к стигматизации мужчин, которые активно и всесторонне включаются в повседневную жизнь детей и их воспитание.

Наибольшую значимость для решения проблемы распространения практик вовлеченного отцовства имеют, как представляется, препятствия, которые носят духовно-нравственный характер и обусловлены особенностями культуры общества. Культурные барьеры, препятствующие попыткам расширения личного участия отцов в воспитании ребенка, состоят в укорененных в социуме традиционных гендерных нормах, наличии устойчивых гендерных стереотипов общественного сознания. В традиционном распределении семейных обязанностей отец берёт на себя роль по обеспечению семьи материальными средствами и защитой, тогда как мать занимается поддержанием домашнего уюта и воспитанием детей. Данный стереотип утверждает беспомощность мужчин в быту, в результате чего они якобы не способны справиться с ребенком. Более того, неучастие мужчины в процессе ухода за ребенком и в воспитании детей вызывает большее понимание со стороны ответственности, чем активное участие в нем. Еще одним стереотипом является представление о том, что мужчина должен подключаться к воспитанию уже подросших детей, при этом в семье желателен более тесный контакт отца с сыном, нежели с дочерью.

По мнению Н.Ю. Егоровой, родительское сознание молодых людей, не имеющих детей проявляется как совокупность традиционных и эгалитарных установок. В сопоставлении с представлениями юношей и мужчин, которые уже стали отцами, в существенно большей мере отражают сугубо традиционные установки. Такая разница возникает ввиду, прежде всего, личного столкновения с культурными барьерами, препятствующими внедрению практик вовлеченного отцовства. Также нельзя не отметить, что, к примеру, несмотря на высокую степень приверженности студенческой молодежи эгалитарной модели семьи и родительства (83%), респондентами высказывается убеждение, что отец должен проявлять большую активность в воспитании сыновей, а не дочерей. Более того, на практике данное убеждение выражается еще более отчетливо.

Представления мужчин о родительстве имеет большую степень традиционного представления в сравнении с представлениями, которые выра-

жают опрошенные женщины. Последние выражают более высокий уровень требований к исполнению мужчиной своей родительской роли, эти требования включают также личное участие в уходе за ребенком, вовлеченность в его воспитание. Как представляется, данная разница может быть объяснена объективным положением женщины-матери, при котором она в отсутствие необходимой поддержки партнера в содержании и воспитании ребенка оказывается социально уязвимой. Итак, для успешного разрешения проблемы распространения практик вовлеченного отцовства необходимо преодолеть, прежде всего, сложившиеся в обществе стереотипы, которые носят духовно-нравственный характер и обусловлены особенностями культуры общества.

Выводы

Анализ форм социодинамики показал, что на социальные институты семьи, родительства и отцовства влияют разнообразные факторы, такие как, духовные, экономические, демографические, а также технологические. Большинство из них воздействуют на социальные институты двояко, приводя как к положительным, так и к негативным последствиям.

Важность роли отца заключается в значительном воздействии на модель брачного поведения как у мальчиков, так и у девочек. Для сыновей действия отца служат примером для подражания в будущем, в то время как для дочерей отец представляет собой эталонного партнера во взрослой жизни. Этим обусловлена необходимость адаптации субинститута отцовства к современным социальным условиям.

Проведенное исследование показывает, что одной из острых проблем в обществе является влияние духовных факторов социальной динамики на внедрение принципов вовлеченного отцовства. Культурные барьеры проявляются через выраженное стигматизированное общественное разделение родительских ролей на мужские и женские. Гендерные стереотипы ограничивают потенциал для развития социально ответственного подхода к отцовству.

Повышение внимания общественности и разработка специальных государственных программ по повышению престижа семьи и отцовства, в частности, окажет благотворное влияние и будет способствовать постепенному изменению стереотипов. Необходимо целенаправленно принимать меры, способствующие признанию важности мужского родительства.

Литература

1. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.
2. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 233–272.
3. Борисенко Ю.В. Семейные условия формирования родительской идентичности личности в современном мире // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–3(63). С. 93–97.
4. Егорова Н.Ю. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» / Н.Ю. Егорова, А.Л. Янак, Е.С. Рябинская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233–251.
5. Звонарева А.Е. Социальные практики отцовства в социологии // Личность. Культура. Общество. 2012. Т.14. № 3(73–74). С. 232–238.
6. Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41.
7. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.
8. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 156 с.
9. Население Беларуси. Countrymeters: официальный сайт проекта [Электронный ресурс]. – URL: <https://countrymeters.info/ru/Belarus7> (дата обращения: 01.09.2024).
10. Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185.
11. Шевченко И.О. Социальное конструирование отцовства: трансформация социальных практик в современной России: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04 / Шевченко Ирина Олеговна. – М., 2021. – 38 с.
12. Янак А.Л. Социальные практики отцовства в современной российской семье: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Янак Алина Леонидовна. – Нижний Новгород, 2019. – 23 с.

FACTORS OF TRANSFORMATION OF THE SOCIAL INSTITUTION OF FATHERHOOD

Nikalayeva A.O.

National Academy of Sciences of Belarus

This article presents the main factors that influence the modern transformation of the social institution of fatherhood and change its role in society. Often perceived as secondary to motherhood, the social institution of fatherhood is often associated with less involvement of the father as a caregiver. Nevertheless, there is a growing transformational conceptualization of fatherhood that illustrates the sociocultural evolution of this institution. This concept serves as a strategy and mechanism for fathers to adapt to the dramatic social changes occurring in contemporary society. The expanding range of social practices of responsible fatherhood indicates the relevance of

scientific study of this social phenomenon against the background of insufficient attention of researchers to the problems of fatherhood.

The aim of the study is to form an idea of responsible fatherhood and the factors of social dynamics that have a significant impact on the development of this new form of fatherhood. Object of study: the phenomenon of responsible fatherhood. The subject of the study is the institution of fatherhood. The novelty of the conducted research is conditioned by the independently conducted study of the factors of family social dynamics that influence the process of transformation of the institution of fatherhood, the results of which lead to the conclusion that it is necessary to create a new science-based concept of involved fatherhood, which would be based on a comprehensive analysis of the factors that radically change the relationship "father-child" in modern society.

A conclusion is made about the need to create a new scientific-ly based concept of involved fatherhood, which would be based on a comprehensive analysis of factors that radically change the "father-child" relationship in modern society.

Keywords: social dynamics, factors of social dynamics, parenthood, father, institute of fatherhood in sociology, involvement and responsibility of fathers.

References

1. Bezrukova O.N. Paternity in the transforming society: expectations of mothers and practices of fathers // Sociological Studies. 2013. № 11. pp. 118–130
2. Bezrukova O.N., Samoylova V.A. Fatherhood and support for fathers: trends of modern foreign studies // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2020. № 4. pp. 233–272.
3. Borisenko Y.V. Family conditions of formation of parental identity of the individual in the modern world // Bulletin of Kemerovo State University. 2015. № 3–3(63). pp. 93–97.
4. Egorova N.Y. Parental roles in the modern Russian family: the boundaries of "male" / N.Y. Egorova A.L. Yanak, E.S. Ryabinskaya // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2020. № 2. pp. 233–251.
5. Zvonareva A.E. Social practices of fatherhood in sociology // Personality. Culture. Society. 2012. T.14. № 3(73–74). pp. 232–238.
6. Kletsina I.S. Paternity in analytical approaches to the study of masculinity // Woman in Russian society. 2009. № 3. pp. 29–41.
7. Kon I.S. Man in the changing world. – Moscow: Vremya, 2009. – 496 p.
8. Mikheeva A.R. Man in the sphere of private life: vectors of transformation of family relations. – Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 2012. – 156 p.
9. Population of Belarus. Countrymeters: official site of the project [Electronic resource]. – URL: <https://countrymeters.info/en/Belarus7> (accessed: 01.09.2024).
10. Rozhdestvenskaya E. Yu. Involved fatherhood, caring masculinity // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2020. № 5. pp. 155–185.
11. Shevchenko I.O. Social construction of fatherhood: transformation of social practices in modern Russia: abstract of the dissertation. ... Doctor of sociological sciences: 22.00.04 / Shevchenko Irina Olegovna. M., 2021. 38 p.
12. Yanak A.L. Social practices of paternity in the modern Russian family: abstract of the dissertation... Candidate of sociological sciences: 22.00.04 / Yanak Alina Leonidovna. – Nizhny Novgorod, 2019. – 23 p.

Проблема субъектности и развитие человеческого и социального капитала в цифровом обществе

Чистов Роман Сергеевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социологии и демографии
Сибирского федерального университета
E-mail: chistovrs@mail.ru

Савочкин Дмитрий Викторович,

к.с.н., доцент кафедры социально-экономических дисциплин
ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия
ГПС МЧС»
E-mail: Savochkin_dv@inbox.ru

Статья посвящена проблеме развития человеческого и социального капитала в современном обществе в условиях цифрового мира. Акцент авторы делают на том, что цифровизация как достижение цивилизации, тем не менее способствует деконструкции субъектности отдельной личности. Технологии уменьшают плотность коммуникации между людьми и сокращают объем усвоенного жизненного опыта. Цифровые платформы формируют новую экзистенциальную ренту. Все вышесказанное ведет к новому социальному расслоению нового общества, в котором есть пользователи, разработчики алгоритмов и управленцы-заказчики данных алгоритмов. Данные социально-культурные метаморфозы не ведут к формированию субъектности, которая является драйвером развития человеческого и социального капитала. Авторы предлагают свой взгляд и понимание выхода из создавшейся ситуации через актуализацию навыков построения нарративной коммуникации и расширение сфер человеческой жизнедеятельности.

Ключевые слова: Информационное общество, цифровизация, алгоритм, человеческий и социальный капитал, субъектность, ответственность, коммуникация, нарратив.

В условиях высоких темпов модернизации современного общества, наличия противоречивых тенденций: с одной стороны, формирования информационного общества, глобальной экономики, с другой – поляризации этого общества, зарождения новых социальных конфликтов и антропологических проблем, особое значение приобретает философский анализ сложной системы ресурсов социальных взаимодействий и отношений. Среди наиболее значимых потенциальных инструментов анализа можно выделить концептуальные модели человеческого и социального капитала.

В первом приближении человеческий капитал представляет собой некоторую интегральную совокупность показателей здоровья, навыков, знаний, компетенций, опыта и др. характеристик конкретного индивидуума, которая может быть рассмотрена как ресурс для решения жизненно важных предметно-практических задач. Или иначе – это совокупность способностей человека превращать информацию в знание, а знание – в практическую деятельность.

В свою очередь понятие «социальный капитал» как составная часть человеческого капитала, отражает характер отношений между людьми, способности и культуру их общения, развитость межличностных коммуникаций. Содержанием социального капитала являются межличностные связи, отношения доверия, солидарность, готовность к кооперации и поддержке, умение работать в группе, команде. Социальный капитал позволяет быстро и эффективно координировать деятельность людей, мобилизовывать их на достижение исторически значимых целей. Философское осмысление сущности социального капитала, выявление его смысла и значения чрезвычайно важно для раскрытия цивилизационных особенностей нравственного развития общества, понимания истоков социальных процессов, эффективного управления различными сферами социальной практики.

В настоящее время одной из ключевых проблем социальной философии и философской антропологии является поиск ответа на вопрос, что лежит в основе тех или иных явлений социальной и человеческой жизни. Относительно нашего предмета речь идет об субстанциальных основаниях формирования, существования и развития человеческого капитала.

Прежде всего, для ответа на данный вопрос, нам необходимо выйти за пределы собственно человеческого капитала как объекта исследова-

дования в более широкий контекст и посмотреть на ситуацию несколько под другим углом. На наш взгляд, задача заключается в том, чтобы войти в пространство человеческого феномена, реальной жизни, как мы ее испытываем не тогда, когда думаем о ней в терминах существующих теорий и институций, а когда думаем о ней в терминах ее самой и ее проблем, человеческих возможностей и их ограничений. Необходимо собрать социальную жизнь в некое осмысленное целое. Наша жизнь в обществе и истории определяется попыткой выйти из того, что не наше, собрать себя, начать такую жизнь, которую можно было бы отсчитывать от самой себя.

При этом необходимо в нашем, или каком-либо ином подобном рассуждении опираться на соответствующие метафизические элементы нашей жизни, такие как «истинно сущее», «справедливость», «целостность» и т.д., поскольку то, что в определенном смысле ненаблюдаемо и невидимо, проявляется в нашей социальной жизни, истории на уровне некоторых эмпирических последствий. Например, психология в лабораторных условиях изучает скорость психических реакций, анализирует память, выделяет пороги чувствительности и т.д., то есть изучает измеримые психические функции и способности. Однако на интуитивном уровне мы знаем, что в действительности, в жизни как психологической, так и социально-исторической, гораздо большее значение имеют другие вещи: не каковы мы по замерам психологии, а например, насколько мы способны быть верными чему-то или вообще находится в такого рода особых внутренних состояниях. Когда есть непосредственная потребность смысла. Без обращения к эмпирически неухватываемым элементам, согласно М.К. Мамардашвили, мы не понимаем решающих вещей в нашей жизни и в жизни общества [5].

Далее. Посредством выявления конкретных невидимых элементов и рассуждений о них возникают или могут возникнуть конститутивные эффекты в самом человеческом феномене. То есть человек и общество в целом строятся посредством этого рода представлений. Есть режим жизни предмета, который предполагает схождение и постоянство координации множества сил и их сосредоточения. Это пребывание некоторое время в некоторых упорядоченных структурах, которые распадаются, если оказываются предоставленными естественному потоку нашей жизни. Можно вспомнить пример античного полиса. Очевидно, что эта социальная форма держалась на активном ежедневном участии в ней каждого грека, на их напряжении быть в полисе, быть гражданами. Когда это напряжение исчезло, то исчезла и греческая цивилизация, поскольку форма не гарантирована естественными процессами, или инерцией, порождающей повторяемость.

Таким образом, в обществе есть некоторые упорядоченные структуры со своими законами жизни

и существующие в зависимости от того, насколько интенсивное и мощное усилие совершают люди, чтобы эти структуры могли существовать. Нельзя установить гражданский закон и после забыть о нем, думая, что он будет продолжать существовать самостоятельно. Наличеству закона в реальной жизни людей предшествует достаточно большое число людей, которые понимают его, нуждаются в нем как части своего существования и готовы бороться за его существование, поскольку это условие того, что будут они сами.

Таким образом, делая первый предварительный финал, можно сказать, что человеческий капитал не может существовать сам по себе, и постоянно возобновляется на волне человеческих усилий. При этом человеческое усилие, приводящее в действие социальные механизмы, не может быть без априорного присутствия метафизического элемента в человеческом существе. Этот метафизический элемент является причиной самого себя и не имеет причин, ни социальных, ни психологических.

На рубеже XX и XXI века человеческий капитал оказался в новых исторических и цивилизационных условиях. Все меньше люди общаются друг с другом непосредственно, и все больше с различными устройствами и машинами или посредством последних. Возникает образ даже не постчеловека, а физического лица с цифровыми рефлексам.

Забегаая вперед и обнажая нерв данной работы, можно сказать, что цифровизация усугубляет проблему субъектности. С одной стороны мы имеем комфортную среду и образ жизни, порожденные технологиями. Цифровизация превращает человека не столько в пользователя, сколько в опцию. Появляются новые виды ренты. С другой стороны, вся история цивилизации, как уже говорилось ранее, обеспечена субъектностью, которая дает возможность интерфейса одновременного существования реальности и воображаемого. А.Г. Асмолов называет это прокреативной преадаптивностью, веером возможного поведения, обеспечивающего опережающий характер адаптации [1]. Сегодня, в цифровой среде нашего существования и развития, видна тенденция к размыванию субъектности индивида и очередной социальной трансформации. В конечном счете либо человек сохраняет прокреативность, либо ускоренными темпами будет происходить новое социальное расслоение и формирование нового общества, в котором окажутся люди-опции, люди-разработчики технологий, и люди-владельцы этих технологических разработок.

Цифровизация – это выдающееся достижение цивилизации. Она обеспечила такой уровень комфорта, уровень благополучия, который человеческая история до сих пор не знала. На глазах реализуется великий проект гуманизма эпохи Просвещения: все во имя человека и все во благо человека. Это все касается коммуникаций, бизнеса,

образования, личной жизни. Однако за этот прогресс приходится платить.

Цифровая среда построена на технологиях, связанных с алгоритмами, и последние представляют собой последовательность действий, которые однозначно приводят к конкретному результату. В математике это алгоритмы, рекурсивная функция, вычислимость, программирование. Однако этот формат вышелушивает главное: роль, значение и отношение к субъектности. Человек обладает самосознанием, это то, что выделяет его из окружающей среды, и пока только Homo Sapiens обладает этой способностью. Человек предстает как вменяемый актер, субъект, и это значит, что он обладает свободой воли, принимает решения и за эти решения несет ответственность.

Самосознание, субъектность происходит от общения с другими людьми, что показано на примере многочисленных экспериментов. Без общения с другими людьми человек не становится полноценной личностью, что показали исследования по возрастной психологии и нейрофизиологии. Например, исследования А. Дамасио показывают, что условием возникновения сознания является языковое общение с другими людьми в процессе освоения какого-то опыта [8]. Ребенок что-то делает, родители разговаривают с ним, и значение этих разговоров заключается в том, что его делают причиной происходящего. Человека вырывают из причинно-следственных связей, и замыкают эти причины на него. В этом заключается смысл семейного воспитания, образования и обретения профессионального опыта. Человек становится активным деятелем, и в этом плане верит в себя и в то, что он делает. Без человеческого самосознания в природном мире только причинно-следственные связи, и никакой свободы там нет. Только существо, наделенное самосознанием, обладает некоторой свободой. Об этом говорил Ф. Ницше, что свобода, ответственность, мораль и право придуманы другими, для того чтобы оценивать нас и судить.

С третьего года жизни ребенок осваивает нарратив от первого лица, и рассказывает, говорит о себе от этого первого лица. В этом случае у него замыкается «странная петля», описанная Д. Хофштадтером [7]. В мире физиологии это называется autobiographical self. Как говорил Н.А. Бердяев, в три года ребенок начинает писать роман своей жизни. Он обладает памятью, которую может даже переписывать, возвращаясь к первым главам своей жизни. Это и есть субъектность, это нарративы, в которые мы верим. Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев и др. говорили о том, что в процессе деятельности, сопровождаемой речевыми практиками, формируется самосознание. Самосознание – это некоторые рассказы, в которых есть подлежащее и сказуемое, и мы выступаем в качестве подлежащего субъекта, выполняющего некую активную роль. В итоге это переходит в нашу

мотивацию, когда мы начинаем совершать некие действия и поступки.

Способность к нарративной коммуникации возникла 60 тысяч лет назад, в то время, когда одновременно жили сапиенс, неандертальцы, денисовцы и другие представители человеческого рода. Хомо сапиенс, в отличие от других, перешли от сигнальной коммуникации к нарративной, к рассказам историй. Так возникла мифология, религия, мораль, история, наука, правовая система и иные нарративы. Это то, что входит в нашу смысловую картину мира. Например, является ли нечто фейком или нет – зависит от нашей картины мира. У научных рассказов есть одно отличие: их можно измерять и наблюдать. Мы верим в электрический ток, а силу тока и напряжение электромагнитного поля можно измерять. И исходя из этих измерений можно конструировать аппараты, электродвигатели и мн. др. Так мы создаем новую реальность.

Сигнальная коммуникация способна объединить консолидировать не более 150 особей, согласно числу Р. Данбара. Нарративный же способ коммуникации, создание смысловых картин мира создает условия для консолидации сотен, тысяч и миллионов особей. Субъектность выступает в качестве интерфейса, позволяющего наравне на одной плоскости рассматривать реальность и воображаемое. Воображаемое дополняет реальность, строит какие-либо гипотезы, предположения, альтернативные способы жизни. Вся культура как внегенетический способ наследования информации – это преобразованная человеком реальность. Создаваемая новая искусственная среда формируется на основе способности к субъектности. Субъект может переходить от реального к воображаемому, и переводить последнее в поступки и проверять их на основе практики. В этом плане А.Г. Асмолов прав, указывая, что субъектность обеспечила прокреативность (создание веера возможностей при реагировании на окружающий мир) и тем самым преадаптивность (предупреждение адаптации). Так возникает поведение субъекта не просто на основе схемы «стимул-реакция», а поведение на основе предупреждения возможных реакций и создания принципиально новых ситуаций с непосредственным участием в них.

В условиях цифровизации формируется качественно новая ситуация. До сих пор человечество преобразовывало окружающий мир благодаря субъектности за счет создания каких-то инструментов, приборов и аппаратов. Эти устройства Э. Капп и П.А. Флоренский называли органопроекцией. Нож это продолжение руки, а топор – другое продолжение руки. Очки, микроскоп, телескоп – продолжение глаза. Все это позволяет более успешно влиять на окружающую среду и преобразовывать ее. Человек был пользователем этих приборов и инструментов. Цифровизация же и метасистемы создают полностью искусствен-

ную среду: дома, напечатанные на 3D-принтере; строительство плотин с помощью распределенного 3D-принтера; фрукты и овощи, выращиваемые на основе биотехнологий (в основе которых лежат цифровые расчеты) и мн.др. Это реализация пифагорейско-платоновской картины мира, когда в окружающем мире везде заложен какой-то цифровой код или технология. В этой ситуации человек медленно превращается из пользователя в одну из опций этой среды. В свою очередь это порождает множество дискурсов о постгуманизме и трансгуманизме, ряд антропологических, моральных и экономических проблем.

У нас на глазах формируется новая рента. Если проследить этапы формирования ренты, за которую приходится платить, то первоначально мы видим природную ренту, описанную в трудах В. Петти и А. Смита. В свою очередь трудовая рента охарактеризована у К. Маркса, когда человек создает прибавочную стоимость и из труда которого возникает эта рента. Сетевой социум породил сетевую ренту, и согласно Л. Болтански мы можем извлекать прибыль из социальных сетей, интернета, поскольку экономическая, научная и образовательная деятельность приобретают характер сетевых проектов, из которых за счет реализации сетевого социального и человеческого капитала мы можем извлекать прибыль (например, за счет активации участка сети, или создавая новый фрагмент в этой сети) [4].

Сейчас же фактически сформировалась экзистенциальная рента. В обществе массового потребления, в цифровом формате люди осуществляют покупки, пользуются какими-либо услугами, заходя в интернет, где они задействованы в общении. Пользуясь исключительными возможностями социальной сети, они оставляют следы, из которых складываются большие данные, которые успешно монетизируются и используются маркетологами и государством для учета и контроля. В этом плане можно сказать, что человек уподобляется пчеле. Пчелы, перелетая с цветка на цветок и собирая мед, выполняют функцию опыления. Пчела является секс органом растения, способствуя опылению и размножению. Человек же превращается в секс орган цифровых платформ, живя, и просто своим фактом существования оставляя большие данные, то есть информационные следы.

Фактически функционирует солярис, когда наша жизнь и образ жизни, наши мысли, нарративы, в которые мы верим и которые переходят в нашу субъектность, порождаются цифровыми технологиями и коммуникациями. Общество всегда программировалось с помощью культуры. Однако сейчас происходит программирование поведения в цифровом формате с более жесткой алгоритмизацией. Человека порождает цифровой солярис, и физически и духовно.

Политический философ и политолог С.С. Неретина обратила внимание, что в XXI веке реали-

зуются классические антиутопии [9]. Например, в Китае – это антиутопия Е.И. Замятина «Мы». Западное общество реализует утопию О. Хаксли «О дивный новый мир» на основе удовлетворения всех потребностей в рыночных условиях. Однако все эти классические антиутопии в основном восходят к идее социализма. Хаксли был секретарем Фабианского общества, обосновывающего научное построение социализма. Фабианцы написали устав Лейбористской партии, создали Лондонскую школу экономики и политических наук. Фабианцами были Г. Уэлс и Б. Шоу, которые приезжали в СССР, общались с В.И. Лениным и И.В. Сталиным. В основе этой активности была положена идея построения справедливого общества на основе науки и техники с привлечением ученых.

Дж. Бернхем в своей классической работе «Революция менеджеров» в 1941 году предсказал конвергенцию социалистического и капиталистического общества на основе управляемости, где на первый план выходят не сколько владельцы, сколько распорядители и пользователи капитала. Ф. Энгельс незадолго до смерти в одном из своих писем обратил внимание на то, что на историческую арену выходят новые социальные силы – менеджеры в крупных компаниях. Книга Бернхема оказала серьезное влияние на Дж. Гэлбрейта и П.А. Сорокина, появилась литература по поводу конвергенции. Югославский политик, сподвижник И.Б. Тито М. Джилас пишет книгу «Новый класс», а М.С. Восленский – «Номенклатура», где на первый план выходят распорядители не своей собственности. Авторы указывают на диверсификацию собственности, и возможность распоряжаться большой собственностью акционерного общества и частного капитала, когда появляется управленец [10].

Таким образом, цивилизация с одной стороны является чистым воплощением капитализма, который ориентирован на возрастание капитала практически любой ценой. Цифровизация создает дополнительные возможности монетизации и капитализации, когда человек самим фактом своего существования создает капитал у каких-либо владельцев цифровых метаплатформ. Сюда же встраивается прекарный труд, когда индивид больше не работает в офисе или на предприятии, а является фрилансером, который вынужден сам полностью отвечать за свою переподготовку, квалификацию, клиентуру, здоровье и т.д. Более того, теперь таким образом воплощенная свобода индивида успешно монетизируется другими, а все результаты борьбы профсоюзов за социальные пакеты и гарантии труда трудящихся практически безвозвратно растворяются. Полная свобода в определенных рамках, за которые сложно выйти.

С другой стороны, цифровизация – это эйдетически чистая реализация и воплощение социализма, с применением системы полного контроля

и учета с использованием камер наблюдения и отслеживания цифровых следов.

На глазах происходит конвергенция, в которой бизнес в новых условиях ведется не ради конкуренции, а ради достижения новой монополии. В конечном счете осуществляется концентрация капитала, высшей формой которого является полное огосударствление.

Тогда перед нами встает противоречие, главный нерв современной цивилизации. Цифровизация создает ситуацию, когда человек превращается с одной стороны в «пчелу», порождающую большие данные и экзистенциальную ренту. При этом он остается программируемым благодаря *badge*-маркетингу подталкивания и жесткому контролю, а также введению аналогов социального рейтинга. Когда в зависимости от своего поведения он получает или не получает определенные блага от власти и бизнеса. С другой стороны, выход за пределы алгоритмов и создание новых предполагает наличие какой-то субъектности. Ведь даже работа самообучающиеся нейросети задается определенным алгоритмом, разработка которого опять-таки предполагает наличие какой-то субъектности, которая является источником прокреативной преадаптации, развития цивилизации и цифровой среды.

Кроме того, происходит некое новое социальное расслоение. В новом обществе живут «пчелы», которые ничем не озадачиваются, и им комфортно вырабатывать цифровой мед в обмен на комфортную среду обитания. По их представлениям, они этим пользуются, но на самом деле пользуются ими. В этом же обществе есть разработчики алгоритмов, которым однако, уже по определению, необходима какая-то субъектность, также как и у управленцев, которые заказывают данные разработки. Это качественно новое расслоение общества, при котором есть люди с критическим мышлением и пользователи, у которых происходит своеобразная самосегрегация.

Далее, можно вспомнить о вопросах, задаваемых людям при прохождении собеседования в Гарвардской школе бизнеса, когда принимают на степень MBA (мастер бизнес-администрирования): как характеризовали вас родители, когда вам было 12 лет; чем вы занимались, когда вам было 8 лет; чем бы вы хотели запомниться; какие наиболее важные советы вам давали в жизни; какие наиболее сложные вопросы в жизни вам задавали? Около 30 вопросов на 30 минут, за которые человек должен что-то рассказать, строя нарратив о самом себе. Фактически это ни что иное, как тест на развитую субъектность [10]. Может ли респондент рефлексировать себя в каких-то контекстах – в прошлом, настоящем и будущем. Очевидно, что для полноценного бизнес-администрирования нужна такая субъектность. В этом собеседовании не фигурируют вопросы, связанные с *hard skills* и даже *digital skills*, связанные например, с тем, ка-

кие респондент знает редакторы и какими цифровыми платформами он пользуется.

Говоря о процессе формирования субъектности, можно вспомнить Г. Гессе. Он написал несколько романов по поводу школы под колесами, как и другие авторы XX века, которые указывали на то, что школа в значительной степени калечит человека, программирует, и ставит в довольно жесткие рамки. То есть были более жесткие формы программирования человека, а сейчас в условиях цифровизации они более мягкие, но тем не менее на поверку еще более эффективные по своему суггестивному воздействию.

У современных детей особенно в подростковом возрасте развивается перманентная потребность кликать на гаджете. Если что-то в мобильном устройстве загружается более 15 секунд, то нужно переходить к новому клику. Процесс взаимодействия с гаджетами у них происходит в кафе, транспорте, за городом, обоюдно с кем-либо и т.д. Некоторые учащиеся читают книги, находя в этом смысл, однако редко кто читает большие тексты. Для них это уже проблема. Также это проявляется, когда нужно о чем-то подробно рассказать, и выступление на семинарах для некоторых становится проблемой. Они готовят презентацию, знают где взять материал. Но то, что нужно не просто поделиться радостью узнавания, а еще немного подумать, вызывает у некоторых учащихся депрессию. Осуществить работу с текстом, что-то написать от себя, породить что-то новое, сделать выход в новые сферы и заимствовать что-то оттуда, сформулировать и поставить исследовательский вопрос, провести аналитику – все это становится практически нерешаемой задачей. Проведение работы с количественными методами оценки тех или иных явлений, построение корреляции между двумя рядами и т.п. – требуют описания полученных результатов, что опять-таки является непреодолимым препятствием.

У Б. Паскаля в «Мыслях» есть идея, что нельзя создать ничего нового, а можно только хорошо собрать воедино известное старое [6]. Однако это хорошо известное старое нужно пересобрать по-новому. Собрать по своей комбинации кубик Рубика, вставить свой пазл. С учетом понимания того, что до тебя многое сделано, выйти в позицию вневходимости, о которой говорил М. Бахтин, и построить свой контекст для понимания хорошо известного, свой смысл. Смысл слова – из фразы, фразы – из текста, а текста – из контекста. Выход на иной уровень – это и есть проблема субъектности. В противном случае человек остается в чужих сценариях и не способен построить свой сценарий, с опорой на свою свободу. Однако ответственность и свобода – это две стороны одного и того же. Там, где человек принимает решение, там он и отвечает. А спросить с человека можно только за ситуацию, в которой он выступил в качестве самостоятельно действующего актора.

Ответ на вопрос о первичности свободы или ответственности был сформулирован достаточно давно. Например, в рамках философии Н.А. Бердяева свобода занимает определяющее место [3]. Однако более глубокой представляется позиция М.М. Бахтина, согласно которой такое место занимает ответственность [2]. Как уже говорилось ранее, постепенное воспитание через ответственность за свои слова и поступки, сопровождаемое плотной аргументированной коммуникацией, приводит к обретению человеком свободы на более качественном, вмняемом уровне. Таким образом, ответственность первична с точки зрения формирования сознания. При этом с возрастом человек учится сам выбирать, принимать или нет на себя ту или иную ответственность.

Подводя итог настоящей работы, следует отметить следующее. Цифровизация, как показывала социальная практика, оказывается большим грузом, и человечество зачастую не справляется с ним. Но одновременно цифровизация – это выдающееся достижение цивилизации, у которого есть свои преимущества и достоинства, и есть негативные последствия, порождающие проблемы. Подобно тому, как своеобразные позитивные и негативные последствия есть у других достижений человечества, таких как, например ноутбук или автомобиль. Однако если мы знаем эти последствия, то мы очевидно можем их понимать, систематизировать и корректировать, говорить о каких-либо мерах и возможностях. Главный нерв – это угроза субъектности, полноценности человеческого капитала, которая ранее была главным источником, мотором и результатом развития общества и его социального капитала, цивилизации в целом. Чтобы не утратить это преимущество, нам необходимо обсуждать и проговаривать, строить какие-то нарративы и вырабатывать возможные решения данной проблемы.

Очевидным представляется выход в виде компенсации возможных потерь альтернативными решениями, выход каждого человека из создаваемой новой реальности в «первобытный мир» и решение более простых, бытовых задач. В более широкий контекст, который позволит сохранить субъектность и в свою очередь элементы человеческого капитала личности. С сохранением природного и человеческого в человеке, и одновременно присвоением технических достижений, с опорой на принцип ответственности. В идеале при таком подходе произойдет не просто сохранение человеческого «Я», но и его развитие. При этом реализация такого альтернативного пути развития общества должна поддерживаться и стимулироваться на всех уровнях – от отдельной личности до государственных органов, и во всех сферах жизнедеятельности человека. В качестве примера можно привести явный аспект, требующий серьезной корректировки – система обучения. Необходим переход от образовательных механизмов, в которых ключевым

элементом является тестирование – от выбора ответов (нажатия «правильных» клавиш), к развитию soft skills, мышления и системы знаний, умению решать реальные задачи.

Литература

1. Асмолов А.Г. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции / А.Г. Асмолов, Е.Д. Шехтер, А.М. Чернозирев. – М.: Акрополь, 2018. – С. 78.
2. Бахтин М.М. К философии поступка. – М.: Рус. Словари, 2003. Т. 1. – С. 8.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
4. Болтански Л. Новый дух капитализма. – М.: НЛО, 2011. – С. 605.
5. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). – СПб. Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – С. 25.
6. Паскаль Б. Мысли. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
7. Хофштадтер Д. Я – странная петля. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – С. 12.
8. Дамасио А. В попытках понять сознание // TED Conferences: [сайт]. – URL: https://www.ted.com/talks/antonio_damasio_the_quest_to_understand_consciousness/transcript?language=ru (дата обращения: 08.09.2023).
9. Неретина С.С. Апория Платонова: спор утопии и антиутопии // YouTube: [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g-drvgw25p8> (дата обращения: 12.09.2023).
10. Тульчинский Г.Л. Цифровизация: гуманитарный аспект // YouTube: [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3rIV0P2bnXs&t=2s> (дата обращения: 02.09.2023).

THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY AND THE DEVELOPMENT OF HUMAN AND SOCIAL CAPITAL IN THE DIGITAL SOCIETY

Chistov R.S., Savochkin D.V.

Siberian Federal University, Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia

The article is devoted to the problem of the development of human and social capital in modern society in the digital world. The authors emphasize that digitalization, as an achievement of civilization, nevertheless contributes to the deconstruction of the subjectivity of the individual. Technologies reduce the density of communication between people and reduce the amount of learned life experience. Digital platforms are creating a new existential rent. All of the above leads to a new social stratification, a new society in which there are users, developers of algorithms and managers who order these algorithms. These socio-cultural metamorphoses do not lead to the formation of subjectivity, which is the driver of the development of human and social capital. The authors offer their view and understanding of a way out of the current situation through updating the skills of constructing narrative communication and expanding the spheres of human life.

Keywords: Information society, digitalization, algorithm, human and social capital, subjectivity, responsibility, communication, narrative.

References

1. Asmolov A.G. Preadaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution / A.G. Asmolov, E.D. Shekhter, A.M. Chernozirov. – M.: Akropol, 2018. – P. 78.
2. Bakhtin M.M. On the philosophy of the act. – M.: Russ. Dictionaries, 2003. Vol. 1. – P. 8.
3. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. – M.: Pravda, 1989. – 608 p.
4. Boltanski L. The new spirit of capitalism. – M.: NLO, 2011. – P. 605.
5. Mamardashvili M.K. Vilnius lectures on social philosophy (Experience of physical metaphysics). – St. Petersburg. Azbuka, Azbuka-Atticus, 2019. – P. 25.
6. Pascal B. Thoughts. – M.: Sabashnikov Publishing House, 1995. – 480 p.
7. Hofstadter D. I am a strange loop. – Moscow: AST Publishing House, 2022. – P. 12.
8. Damasio A. In attempts to understand consciousness // TED Conferences: [site]. – URL: https://www.ted.com/talks/antonio_damasio_the_quest_to_understand_consciousness/transcript?language=ru (date of access: 09/08/2023).
9. Neretina S.S. Platonov's Aporia: the dispute between utopia and dystopia // YouTube: [site]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g-drvgw25p8> (date of access: 12.09.2023).
10. Tulchinsky G.L. Digitalization: humanitarian aspect // YouTube: [site]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3rIV0P2bnX-s&t=2s> (date of access: 02.09.2023).

Адаптация модели базовых ценностей Н.И. Лапина при социологическом исследовании российской молодежи

Тенчова Екатерина Викторовна,

аспирант, преподаватель кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета
E-mail: tenchova@mail.ru

В статье раскрывается актуальность изучения ценностей современной российской молодежи. Целью работы является дополнение методики изучения ценностей современной российской молодежи на основе существующего социологического инструментария. В теоретическую основу работы включены идеи социокультурного подхода Н.И. Лапина и эмпирический подход к изучению ценностей М. Рокича. В настоящем исследовании ценности мы понимаем, как цели и средства их достижения. На основе анализа литературы дополнена модель базовых ценностей (терминальные и инструментальные) Лапина Н.И., которая может быть апробирована на современной российской молодежи. Именно сегодня назрела необходимость формирования ценностей молодого поколения, которые легли бы в основу культурного пространства РФ. Сформированные в ходе работы выводы могут быть использованы для изучения ценностей современной молодежи, создания и развития программ воспитания подрастающего поколения, интеграции российского социума.

Ключевые слова: ценность, ценности молодежи, терминальные ценности, инструментальные ценности.

Введение и актуальность

В последние годы возросла роль Интернета как способа передачи информации. Интернет меняет способность мыслить не только доступностью путей для развития интеллектуального потенциала человека, но и путем передачи различных ценностей. В силу возраста молодежь быстрее осваивает новые средства общения. Большинство школьников, студентов проводит свободное время в Интернете. Представители молодого поколения наиболее подвержены влиянию социальной среды. Названные факторы увеличивают вероятность формирования через Интернет ошибочных ценностных ориентиров и представлений о социальных нормах и правилах [2].

В социологии исследование ценностей представляет достаточно большой объем теоретических разработок и подходов. Фундамент общества строится на единстве ценностей. Важно отметить, что существует три теоретико-методологических подхода к изучению ценностной проблематики: философский (суть ценностей), теоретический социологический подход (изучение функций ценностей), а также эмпирический социологический подход (рассмотрение методов исследования ценностей) [1].

В условиях современных процессов многие институты социализации разрушаются. Система ценностей постепенно сводится к материальным, растут потребительские настроения, преобладает стремление к удовольствиям жизни. Данная тенденция представляет явную опасность для формирования и развития личности и ее социализации. В этой ситуации актуальность изучения ценностей современной молодежи не вызывает сомнений [5, с. 140].

Некоторые методологические аспекты изучения ценностей

Целью работы является дополнение модели базовых ценностей Лапина Н.И. на основе существующего социологического инструментария М. Рокича, современных исследований ценностей молодежи, а также Указа Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [18, с. 2].

Перед нами стояли следующие исследовательские задачи.

1. Рассмотреть теоретические основы подходов к исследованию ценностей и выбрать наиболее релевантный.
2. Дополнить модель изучения ценностей современной российской молодежи в условиях трансформирующегося общества.

В теоретическую основу работы включены идеи социокультурного подхода Н.И. Лапина и эмпирический подход к изучению ценностей М. Рокича, позволяющие рассмотреть во взаимосвязи ценности общества и ценностные ориентации личности.

Французский социолог Э. Дюркгейм называл общество хранителем всех ценностей [4]. В работах этого автора присутствует активная роль ценностей, преобразование реальности. Для Вебера «ценность» – это мотив социального действия. Для Т. Парсонса ценности регулируют принятие решений [11].

Итак, представителем эмпирического подхода к исследованию ценностей в социологии является М. Рокич. Ученый является автором известной методики. Согласно концепции М. Рокича понятие «ценность» представлено: как убеждение касательно образа поведения, которые он называет инструментальными ценностями, а также как представления о цели, к которой человек стремится (терминальные ценности) [1, с. 183]. Теперь следует остановиться на идеях представителя социокультурного подхода, социолога, профессора Лапина Н.И. [9, 10, 11].

В своих многочисленных исследованиях Лапин Н.И. пишет о базовых ценностях, которых немного (два-три десятка). По мнению Н.И. Лапина, ценности являются целями и средствами их достижения. Они выполняют роль норм, обеспечивают интеграцию общества, помогают людям осуществлять выбор поведения [9, с. 84]. В матрице, как Н.И. Лапин ее именует, по горизонтали отмечены терминальные и инструментальные ценности. А по вертикали – цивилизационные типы: общечеловеческие, традиционные, либеральные (современные). Либеральные в общесоциологическом понимании соотношения человека и социума. В традиционном обществе человек действует по предписаниям. [11, с. 42]. Общечеловеческие ценности присутствуют в любой культуре (табл. 1).

Таблица 1. Модель базовых ценностей Лапина Н.И.

Ценности	Традиционные	Общечеловеческие	Либеральные
Терминальные	Традиция Семья	Порядок Благополучие Работа	Жизнь индивида Свобода
Инструментальные	Жертвенность Своевольность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

Н.И. Лапин выявлял влияние социального окружения на ценности общества. Исследования ученого способствовали построению ценностных ориентаций молодежи, выделению видов ценностей и определению взаимосвязи ценностных структур с различными социальными, культурными факторами [7, с. 118].

В своей работе считаем приемлемым подход Н.И. Лапина к изучению ценностей, поскольку считаем, что воздействие социально-экономических факторов играет большую роль в их формировании.

Ценности молодежи как социально-демографической группы

В достаточно непростом положении в переходные периоды развития общества оказывается молодое поколение. Молодежь представляет особый интерес в силу своего положения в социуме как потенциально значимой движущей силы социальных изменений. [16, с. 35].

Ценности отдельного человека и социальных групп представляют фундамент современного российского общества. Например, моральные ценности являются личными ориентирами поведения личности и целого общества. Материальные ценности стимулируют человека к развитию, к конструктивным действиям. Сегодня исследователи акцентируют внимание на системе ценностей молодого поколения достаточно часто [8].

Для нашего исследования также необходимо дать определение такому понятию как: «молодежь». Понятие «молодежь» исследуют многие ученые. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на то, что молодежь как социальная группа обладает характеристиками, которые находятся за рамками классовых [15].

Определение молодежи одним из первых в нашей стране дал в 1968 г. социолог, профессор Санкт-Петербургского государственного университета В.Т. Лисовский [12, 13]. Сферой научных интересов ученого являлась социология молодежи. Согласно его концепции, молодежь представляет собой поколение, которое проходит социализацию, приобщается к нормам, получает образование, выполняет разнообразные социальные функции. Один из основателей современной российской социологической школы Игорь Кон именовал молодежь социально-демографической группой, которая обладает совокупностью характеристик по возрасту, характеризуется особым социальным положением, а также рядом социальных и психологических черт [6].

Следует отметить, что границы возраста молодежи не прописаны точно. Возрастные рамки могут быть от 13 до 30 лет [12, 13]. Возрастные рамки можно разделить на три группы: подростки до 18 лет; далее отметим молодежь в возрасте от 18 до 24 лет; а также молодые люди от 24

до 30 лет. Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» обозначены возрастные рамки молодежи. Согласно этому документу к молодежи относится социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно [20].

Рассмотрим основные возрастные группы молодежи и их ценности согласно исследованиям.

1. Первая группа молодежи в возрасте от 14 до 17 лет. Данную группу представляют ученики школ, а также учащиеся средних специальных учебных заведений. В этом возрасте человек усваивает основные традиции, ценности, нормы поведения в социуме. Молодой человек, взрослея, стремится адаптироваться к различным условиям. На данную группу воздействие оказывают разнообразные агенты социализации, благодаря которым формируется и развивается личность. В этом возрасте эмоции преобладают над рациональной составляющей. Современные авторы выделяют основные ценности для различных групп молодежи, в частности подростков [17]. В список наиболее значимых ценностей вошли: семья, здоровье, образование, карьера, независимость, друзья, деньги, статус, свобода, культура, профессионализм, патриотизм, дисциплина и другие. Больше половины молодых людей в возрасте 14–18 лет (60%) выбрали такую социальную ценность как семья. Далее 78% респондентов отметили такую ценность как друзья. Здоровье как ценность интересуется 69,7% участников опроса. Патриотизм молодые люди данной возрастной группы не выбрали вовсе. [17]. Таким образом, среди подростков преобладают ценности терминальные (семья, здоровье и др.).

2. Молодые люди 18–24 лет получают дипломы, заканчивают службу в армии. Данная группа молодежи сформировала мировоззрение, свой взгляд на взрослую жизнь. Молодежь может расставлять жизненные приоритеты, определять для себя ценности, которые, возможно, станут главными в жизни. На этом этапе человек определяется с профессией, учится, общается с различными организациями, это естественным образом отражается в выборе ценностей. Согласно проведенному опросу, о котором мы говорили выше, на лидирующей позиции у данной группы молодежи оказалась такая ценность как семья (88%). Молодые люди в этом возрасте более ответственно относятся к семье, семейным проблемам. Возможность реализовать свои способности, образование отметили половина участников опроса (50%) [17]. Таким образом терминальные ценности (семья) и инструментальные ценности (образованность) важны в этом возрасте.

3. Молодежь в возрасте от 25 до 30 лет делает выбор профессии, имеют различную квалификацию, профессиональный и жизненный опыт. На этом этапе молодые люди конкретизируют свои ценности. Многие молодые люди завели

свою семью, нашли желаемую работу. Согласно проведенному исследованию молодежь в возрасте от 25–30 лет выбирает семью в качестве ценности (84,6%). 53,8% респондентов выбрали вариант за возможность реализовать свои способности и образование. Далее, патриотизм отметили 7,7% молодых людей [17].

4. Молодые люди в возрасте от 29 до 35 лет определили свои жизненные стратегии и имеют определенный опыт. В этом возрасте у многих уже есть семья, дети и они предъявляют достаточно высокие запросы к работе [14, с. 70–71]. Как мы видим с возрастом молодежи, большее значение занимает терминальная ценность семьи.

В данном контексте познавательными будут и другие выводы, представляющие следующие черты молодого поколения.

1. Ценности потребительской культуры.

2. Рост деструктивных тенденций, обусловленных индивидуалистскими настроениями.

3. Наличие дисфункции традиционных социализирующих институтов как основного фактора появления разрушающих явлений (Лапин Н.И. и др). [3, с. 126].

Итак, отметим, что выбор ценностей, которые влияют на поведение молодых людей, не окончательный, он меняется с возрастом. Ценности молодого поколения являются основой построения любого социума, поэтому система традиционных российских ценностей отражена и в нормативных документах федерального уровня [19].

Как мы видим, сегодня назрела необходимость формирования ценностей, которые бы легли в основу культурного пространства РФ. Как отмечено в Указе Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [18, с. 2]. Вышеназванные ценности должны способствовать объединению современного российского общества.

На основе вышерассмотренных исследований, а также Указа Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» типологию базовых ценностей Лапина Н.И. мы дополнили рядом ценностей, актуальных для современной российской действительности. Помимо выделенных Лапиным Н.И., в состав важнейших терминальных ценностей мы включили

такие ценности как, патриотизм, здоровье, природа, самореализацию, а к числу инструментальных ценностей добавили образованность, ответственность, толерантность, мобильность. Дополненная матрица базовых ценностей представлена в таблице 2.

Таблица 2. Дополненная модель базовых ценностей Лапина Н.И.

Ценности	Традиционные	Общечеловеческие	Либеральные
Терминальные	Семья Патриотизм	Безопасность Доход Работа Здоровье Природа	Жизнь Свобода Самореализация
Инструментальные	Духовность Образованность	Ответственность Общительность Нравственность Властность Толерантность	Независимость Инициативность Мобильность

Заключение

Представители молодого поколения наиболее подвержены влиянию социальной среды. Увеличивается вероятность формирования через Интернет ошибочных ценностных ориентиров и представлений о социальных нормах и правилах. В этой ситуации актуальность анализа ценностей современной молодежи очевидна. На основе рассмотренных исследований, а также Указа Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [18, с. 2] типологию базовых ценностей Лапина Н.И. мы дополнили рядом ценностей, актуальных для современной российской действительности. Вследствие воздействия многих факторов уязвимыми являются такие ценности, как духовность, патриотизм и другие. Сформированные в ходе работы выводы могут быть использованы для изучения ценностей современной молодежи, создания программ воспитания подрастающего поколения, интеграции российского социума.

Литература

- Аминов С.Р. Эмпирический социологический подход к анализу ценностей // Система ценностей современного общества. 2008. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskiy-sotsiologicheskiiy-podhod-k-analizu-tsennostey> (дата обращения: 29.08.2024).
- Артемов А.Н. Блоги как новый инструмент влияния на ценностные ориентации молодого поколения // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 378–379. – URL: <https://moluch.ru/archive/467/102804/> (дата обращения: 02.07.2024).
- Давыдова М.А. Приверженность молодежи ценностям индивидуализма: характеристики терминальных и инструментальных ценностей // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 4 (108). С. 125–131.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Соц. исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
- Заленская Е. Б., Кемалова Л.И. Современная молодежь и ее ценностные ориентиры // Актуальные проблемы социально-экономического развития общества. Сборник трудов по материалам III научно-практической конференции филиала ФГБОУ ВО «КГМТУ» в г. Феодосия. Издательство: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет» (Керчь). 2018. С. 139–143.
- Кон И.С. Молодежь // Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С. 478.
- Кондакова А.А. Ценностные ориентации современной молодежи и их роль в формировании молодежной политики Российской Федерации // Телескоп. 2023. № 2. С. 116–122. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-i-ih-rol-v-formirovanii-molodyozhnoy-politiki-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 29.08.2024).
- Кузьмина Н.Г., Лосун К.В. Ценности современной молодежи // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 16.09.2024).
- Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФ РАН, 2000. – 191 с.
- Лапин Н. И., Беляева Л.А. Структура ценностей, социальное самочувствие и трудовая мотивация населения современной России // Вестник РГНФ. 2007. № 3 (48). С. 243–251.
- Лапин Н.И. Социетально-ценностные функции интеллигенции // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 38–43.
- Лисовский В.Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1968.
- Лисовский В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья: социологическое исследование. – СПб., 2003. – 365 с.
- Лыскова И.Е. Государственная молодежная политика: учеб. пособие / И.Е. Лыскова. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. – 142 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. О молодежи / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 464 с.
- Павлов Б.С. Социализация молодежи и девиации в студенческой среде на Урале // Современное общество и власть. 2015. № 4 (6). С. 34–41.

17. Смирнова Л. В., Дмитриенко Н.Ю., Лыскова И.Е. Социальные ценности современной молодежи // Система ценностей современного общества. 2013. № 32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 18.08.2024).
18. Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3> (дата обращения: 15.09.2024).
19. Феодосий (Васнев), митр. Тамбовский и Рассказовский. Ценности вечные и ценности переходящие // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 2 (15). С. 128–138. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_128
20. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 18.08.2024).
3. Davydova M.A. Commitment of young people to the values of individualism: characteristics of terminal and instrumental values // Bulletin of Adyghe State University. 2012. No. 4 (108). P. 125–131.
4. Durkheim E. Value and “real” judgments // Social studies. 1991. No. 2. P. 106–114.
5. Zalenskaya E. B., Kemalova L.I. Modern youth and its value guidelines // Actual problems of socio-economic development of society. Collection of papers based on the materials of the III scientific and practical conference of the branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “KSMTU” in Feodosia. Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kerch State Marine Technological University” (Kerch). 2018. P. 139–143.
6. Kon I.S. Youth // Great Soviet Encyclopedia: In 30 volumes / Ed.-in-chief A.M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, 1974. Vol. 16. P. 478.
7. Kondakova A.A. Value orientations of modern youth and their role in shaping the youth policy of the Russian Federation // Telescope. 2023. No. 2. P. 116–122. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-i-ih-rol-v-formirovanii-molodyozhnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 08/29/2024).
8. Kuzmina N. G., Losun K.V. Values of modern youth // Culture. Spirituality. Society. 2012. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-sovremennoy-molodezhi> (date of access: 16.09.2024).
9. Lapin N.I. The Paths of Russia: Sociocultural Transformations. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2000. – 191 p.
10. Lapin N. I., Belyaeva L.A. The Structure of Values, Social Well-Being, and Labor Motivation of the Population of Modern Russia // Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation. 2007. No. 3 (48). P. 243–251.
11. Lapin N.I. Societal and Value Functions of the Intelligentsia // Knowledge. Understanding. Skill. 2007. No. 1. P. 38–43.
12. Lisovsky V.T. Methodology and methods of studying the ideals and life plans of young people: Abstract of Cand. Sci. (Philos.). L., 1968.
13. Lisovsky V.T. Young people: love, marriage, family: sociological research. – St. Petersburg, 2003. – 365 p.
14. Lyskova I.E. State youth policy: textbook / I.E. Lyskova. – Syktyvkar: KRAGSiU, 2009. – 142 p.
15. Marx K., Engels F. About young people / K. Marx, F. Engels. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1972. – 464 p.
16. Pavlov B.S. Socialization of young people and deviations in the student environment in the Urals // Modern society and power. 2015. No. 4 (6). P. 34–41.
17. Sмирнова Л. В., Дмитриенко Н. Ю., Лыскова И. Е. Social Values of Modern Youth // The System of Values of Modern Society. 2013. No. 32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi> (accessed: 18.08.2024).
18. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3> (accessed: 15.09.2024).
19. Feodosiy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovsky. Eternal Values and Transient Values // Theological Collection of the Tambov Theological Seminary. 2021. No. 2 (15). Pp. 128–138. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_128
20. Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ “On Youth Policy in the Russian Federation”. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (accessed: 18.08.2024).

ADAPTATION OF N.I. LAPIN'S MODEL OF BASIC VALUES IN THE SOCIOLOGICAL STUDY OF RUSSIAN YOUTH

Tenchova E.V.

Ivanovo State University

The article reveals the relevance of studying the values of modern Russian youth. The aim of the work is to complement the methodology of studying the values of modern Russian youth on the basis of existing sociological tools. The theoretical basis of the work includes the ideas of N.I. Lapin's sociocultural approach and M. Rokich's empirical approach to the study of values. In this study, we interpret values as goals and means to achieve them. Based on the analysis of the literature, the model of basic values (terminal and instrumental) by Lapin N.I. is supplemented, which can be tested on modern Russian youth. It is precisely today that there is a need to form the values of the younger generation, which would form the basis of the cultural space of the Russian Federation. The conclusions formed in the course of the work can be used to study the values of modern youth, create and develop educational programs for the younger generation, and integrate Russian society.

Keywords: value, youth values, terminal values, instrumental values.

References

1. Aminov S.R. Empirical sociological approach to the analysis of values // The system of values of modern society. 2008. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskiy-sotsiologicheskiy-podhod-k-analizu-tsennostey> (date of access: 08/29/2024).
2. Artemov A.N. Blogs as a new tool for influencing the value orientations of the younger generation // Young scientist. 2023. No. 20 (467). P. 378–379. – URL: <https://moluch.ru/archive/467/102804/> (date of access: 07/02/2024).

Влияние корпоративной культуры на экономические результаты компании: на примере деятельности рекламных агентств

Белозеров Александр Витальевич,

аспирант, кафедра «Философия, социология и право»,
Дальневосточный государственный университет путей
сообщения
E-mail: avb@bot-sad.com

Спасский Евгений Новомирович,

д.п.н., доцент, профессор, заведующий кафедрой
«Философия, социология и право», Дальневосточный
государственный университет путей сообщения
E-mail: srs2@festu.khv.ru

Статья посвящена исследованию проблематики влияния корпоративной культуры на успех рекламных агентств в современных условиях. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью нематериальных активов в обеспечении конкурентоспособности компаний креативной индустрии.

В качестве новизны в работе представлена авторская концептуальная модель «Пентаграмма корпоративного резонанса», позволяющая оптимизировать воздействие различных аспектов корпоративной культуры на эффективность функционирования рекламных организаций.

На основе анализа отечественного и зарубежного опыта автор приходит к выводу о ключевой роли инновационной ориентации, клиентоцентричности, адаптивности, технологической интеграции, социальной ответственности в формировании успешной организационной культуры рекламных агентств. Исследование показывает, что гармоничное развитие этих элементов создаёт синергетический эффект, существенно повышающий конкурентоспособность субъектов хозяйствования.

Статья представляет интерес для руководителей рекламных компаний, специалистов по организационному развитию, исследователей в области менеджмента креативных индустрий, а также для студентов и преподавателей профильных специальностей.

Ключевые слова: адаптивность, инновации, клиентоцентричность, конкурентоспособность, корпоративная культура, креативность, рекламное агентство, социальная ответственность, технологическая интеграция, эффективность.

Введение

В современных условиях развития рекламной индустрии, где креативность и инновации играют фундаментальную роль, корпоративная культура становится важнейшим фактором, определяющим эффективность, а также конкурентоспособность агентств. Именно поэтому исследователи фокусируются на анализе многогранного воздействия организационных ценностей, норм, практик на результативность компаний, занимающихся рекламной деятельностью.

Проблема исследования заключается в том, что в условиях высококонкурентной и стремительно преобразующейся среды рекламной индустрии наблюдается недостаточное понимание механизмов и степени влияния корпоративной культуры на долгосрочный успех и эффективность рекламных агентств. Существующие исследования в этой области зачастую фрагментарны, и не учитываются специфика современного рекламного рынка, характеризующегося цифровой трансформацией, глобализацией, усиливающимися требованиями к социальной ответственности бизнеса.

Методы и материалы

В ходе написания статьи автором использовались методы сравнительного анализа, обобщения, кейсов (при оценке и характеристике опыта конкретных субъектов хозяйствования).

Анализ материалов по теме позволяет выделить ряд ключевых направлений исследований и подходов, используемых авторами.

Так, в рамках первой группы исследователи фокусируются на особенностях функционирования рекламных агентств в современных условиях. В.С. Глашкина, В.В. Чураев, А.О. Тишина и А.А. Блонская рассматривают их специфику как бизнес-единиц [2], А.В. Нечаева и О.Н. Макушева концентрируются на организационных аспектах компаний полного цикла [7]. Г.Г. Дерябина и Н.В. Трубникова исследуют адаптацию агентств к конкурентной цифровой среде, что отражает современные тенденции в индустрии [4].

Следующая группа исследований посвящена стратегическим аспектам функционирования рассматриваемых организаций. Н.В. Гришанин анализирует тенденции в позиционировании агентств [3], а Д.В. Маркова и М.И. Кулеш анализируют конкурентные стратегии [6]. М.К. Тычинина, С.А. Во-

робьева и М.Ш. Салимов предлагают подход к стратегическому анализу деятельности данных компаний, что высвечивает важность долгосрочного планирования в этой сфере [9].

Ещё одно направление затрагивает вопросы корпоративной культуры и внутренней организации рекламных агентств. А.Ю. Антонова изучает цифровые практики проведения корпоративных мероприятий, что отражает тенденцию к цифровизации внутренних процессов [1]. А.Д. Паутов и Ю.Д. Реперьяш представляют конкретные кейсы анализа организационной культуры – в контексте коммуникации [8]. Н.М. Майзенберг рассматривает функционирование рекламных организаций с точки зрения конфликтологии, что вносит важный вклад в понимание внутренней динамики хозяйствующих субъектов [5]. Э.А. Фомина и С.Н. Гагарина предлагают общий обзор рекламной деятельности и соответствующих агентств, что служит базой для более глубоких исследований в этой области [10].

Итак, характеристика материалов и научных источников показывает, что авторы применяют разнообразные подходы к изучению темы: от теоретических обзоров до эмпирических исследований и оценки конкретных кейсов. Наблюдается тенденция к междисциплинарности, с привлечением концепций из менеджмента, маркетинга, конфликтологии, цифровых технологий. Однако уместно отметить, что в представленной выборке литературы недостаточно внимания уделяется количественным исследованиям влияния корпоративной культуры на конкретные показатели успеха рекламных агентств, что может указывать на потенциальное направление для будущих исследовательских работ.

Результаты и обсуждение

Обращаясь к концептуальным основам, следует отметить, что корпоративная культура в рекламных агентствах представляет собой комплексную систему, представленную не только видимыми атрибутами (дресс-код, оформление офиса, мероприятия), но и глубинными аспектами (философия компании, этические принципы, модели взаимодействия между сотрудниками) [8]. В рассматриваемой нами сфере данная система приобретает особую значимость, поскольку напрямую влияет на творческий потенциал коллектива.

Структурные особенности корпоративной культуры представлены в таблице 1.

Следует обратить внимание на характеристики механизмов влияния корпоративной культуры на успех рекламных агентств. Речь идёт:

- о стимулировании творческого мышления;
- формировании сильного бренда работодателя;
- повышении клиентской лояльности;
- оптимизации внутренних процессов [3].

Так, корпоративная культура, при которой поощряется свобода самовыражения и принятие нестандартных идей, содействует формированию благоприятной среды для генерации инновационных рекламных концепций. Это достигается через организацию креативных сессий, поощрение межфункционального взаимодействия, создание вдохновляющего рабочего пространства.

Таблица 1. Ключевые компоненты корпоративной культуры, влияющие на успех рекламных агентств (составлено автором на основе [2, 8, 10])

Компонент	Описание
Инновационная ориентация	Поощрение экспериментов и нестандартных подходов к решению задач
Клиентоцентричность	Формирование культуры, где ставятся во главу угла потребности и ожидания заказчиков
Коллаборативность	Создание атмосферы, способствующей эффективному обмену идеями и совместной работе над проектами
Адаптивность	Гибкость в реагировании на изменения рыночных тенденций, технологических инноваций

Рассматриваемая культура становится мощным инструментом привлечения и удержания талантливых специалистов. Агентства с яркой идентичностью и ценностями, резонирующими с целевой аудиторией профессионалов, получают конкурентное преимущество на рынке труда.

В корпоративной культуре, где отчётливо проявляется ориентация на клиента, обеспечивается полноценное содействие формированию долгосрочных партнерских отношений. Это проявляется в повышенном внимании к потребностям заказчика, проактивном подходе к решению задач, а также в высоком уровне сервиса.

Эффективная культура способствует улучшению коммуникации между отделами, сокращению бюрократических барьеров, повышению скорости принятия управленческих решений. Это особенно значимо в динамичной среде рекламного бизнеса, где время реакции на запросы рынка критически важно.

Уместно обратиться к конкретным примерам из зарубежного и российского опыта [1, 3, 4, 8, 9], иллюстрирующим влияние корпоративной культуры на успех рекламных агентств.

Так, «Wieden+Kennedy» (США) – независимое рекламное агентство, которое известно своей уникальной корпоративной культурой, базирующейся на принципе «fail harder». В рамках такого подхода отмечается поощрение сотрудников рисковать и экспериментировать без страха наказания за ошибки. В результате организация создала множество культовых рекламных кампаний, в том числе, слоган «Just Do It» для Nike.

«DDB Worldwide» культивирует философию «Unexpected Works» («Неожиданное работает»), которая пронизывает всю корпоративную культуру. Это стимулирует сотрудников искать нестандартные решения в каждом проекте. «DDB» стабильно входит в топ-5 креативных агентств мира по версии «Gunn Report». Их кампании для брендов «Volkswagen», «McDonald's» и прочих регулярно получают международные награды.

«Ogilvy» (глобальная сеть) – агентство, которое построило свою корпоративную культуру вокруг концепции «Divine Discontent» («Божественная неудовлетворенность»), поощряя постоянное стремление к совершенствованию и инновациям. В результате «Ogilvy» удерживает лидирующие позиции на рынке более 70 лет, успешно адаптируясь к изменениям в индустрии и технологических разработках.

«BBDO Moscow» – агентство, внедрившее культуру «Творчество с доказанной эффективностью», сочетая креативный подход с ориентацией на измеримые результаты для клиентов. Организация неоднократно признавалась «Агентством года» в России и получала награды на международных фестивалях.

«Instinct» – компания, которая культивирует атмосферу творческой свободы, поощряет сотрудников проявлять индивидуальность. Корпоративная культура строится вокруг идеи «Мы не делаем рекламу. Мы создаем инстинкты». Агентство стало одним из самых награждаемых независимых в России, получив признание на фестивалях «Cannes Lions», «D&AD» и «Eurobest».

«Восход» (Екатеринбург) – компания, сформировавшая уникальную региональную идентичность, акцентируя внимание на «уральском характере» в своей корпоративной культуре. Это проявляется в подходе к работе, основанном на упорстве, нестандартном мышлении. «Восход» стало первым российским агентством, получившим «Гран-при Каннских Львов», доказав, что географическое положение не является препятствием для создания глобально признанных креативных работ.

«Red Keds» – организация, которая построила свою корпоративную культуру на принципах геймификации, внедряя игровые механики в рабочие процессы. Это представлено системой уровней для сотрудников, квестами для решения рабочих задач и «прокачкой» профессиональных навыков. В итоге «Red Keds» привлекла внимание крупных клиентов своим нестандартным подходом, создала ряд «вирусных» кампаний, получивших широкий резонанс в социальных медиа.

Проанализированные примеры наглядно демонстрируют, как уникальная корпоративная культура становится ключевым фактором дифференциации и успеха рекламных агентств (как на международном, так и на российском рынке). Они показывают, что инвестиции в развитие такой куль-

туры приводят к повышению креативности, лояльности сотрудников и, как следствие, к созданию выдающихся рекламных кампаний, устойчивому росту бизнеса.

На основе проанализированного материала нами предлагается концептуальная модель под названием «Пентаграмма корпоративного резонанса» (ПКР), благодаря которой можно описать механизм влияния корпоративной культуры на успех рекламных агентств.

ПКР представляет собой пятиугольную структуру, где каждая вершина символизирует ключевой элемент рассматриваемой культуры, воздействующий на успешность агентств (рис. 1).

Рис. 1. Пентаграмма корпоративного резонанса (ПКР)

Источник: составлено автором.

Суть рекомендуемой модели заключается в том, что максимальная эффективность достигается при гармоничном развитии всех пяти элементов, создающих «резонанс» – усиливающий эффект взаимодействия.

Каждый элемент имеет три уровня развития:

- базовый (1 балл);
- продвинутый (2 балла);
- инновационный (3 балла).

Далее необходимо перейти к обоснованию новизны данной модели.

1. В модель оценки результативности рекламных агентств включён фактор социальной ответственности как ключевой элемент корпоративной культуры, что отражает современные тенденции в бизнесе.

2. Синергетический подход (в модели учитывается не только уровень развития отдельных элементов, но и их взаимное усиление, что позволяет более точно оценить эффективность корпоративной культуры).

3. Выделение технологической интеграции в отдельное звено подчёркивает высокую значимость цифровой трансформации в современной рекламной индустрии.

4. Гибкость и универсальность (модель применима к агентствам различного масштаба и специ-

ализации, что расширяет возможности ее практического использования).

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что корпоративная культура является не просто «мягким» фактором, но ключевым драйвером успеха рекламных агентств. Она оказывает многоаспектное влияние на все сферы деятельности организации: от привлечения талантов до финансовой результативности.

В условиях высококонкурентного рынка рекламных услуг, где технологии, продуманные креативные подходы быстро копируются конкурентами, именно уникальная организационная культура становится устойчивым конкурентным преимуществом. Она формирует среду, в которой рождаются инновационные идеи, развиваются таланты, создаются прочные отношения с клиентами.

Для достижения долгосрочного успеха руководству рекламных агентств рекомендуется уделять пристальное внимание развитию и поддержке корпоративной культуры, соответствующей стратегическим целям компании, отвечающей вызовам современного рынка рекламы. Это требует системного подхода, опирающегося на регулярный аудит культурных практик, их приспособление к меняющимся условиям, вкупе с активным вовлечением сотрудников всех уровней в процесс культурных трансформаций.

Литература

1. Антонова А.Ю. Цифровые практики проведения корпоративных мероприятий в организациях рекламной индустрии / А.Ю. Антонова // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов в новой реальности. – Санкт-Петербург: 2022. – С. 18–22.
2. Глашкина В.С. Особенности рекламных агентств / В.С. Глашкина, В.В. Чураев, А.О. Тишина, А.А. Блонская // Экономика и социум. – 2020. – № 5–1 (72). – С. 490–494.
3. Гришанин Н.В. Рекламные агентства и позиционирование: тенденции и изменения / Н.В. Гришанин // Творчество и креатив в коммуникациях: теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2019. – С. 82–91.
4. Дерябина Г.Г. Рекламное агентство: особенности работы в конкурентной цифровой среде / Г.Г. Дерябина, Н.В. Трубникова // Современная конкуренция. – 2021. – Т. 15. – № 4 (84). – С. 29–39.
5. Майзенберг Н.М. Особенности функционирования рекламных агентств: конфликтологический аспект / Н.М. Майзенберг // Трибуна учебного. – 2021. – № 1. – С. 811–815.
6. Маркова Д.В. Конкурентная стратегия рекламных агентств / Д.В. Маркова, М.И. Кулеш // Молодая наука Сибири. – 2022. – № 4 (18). – С. 190–196.
7. Нечаева А.В. Особенности организации рекламного агентства полного цикла / А.В. Нечаева, О.Н. Макушева // Молодой ученый. – 2020. – № 34 (324). – С. 80–83.
8. Паутов А.Д. Корпоративная культура рекламного агентства «А-Медиа» города Омска в контексте корпоративной коммуникации / А.Д. Паутов, Ю.Д. Реперьаш // Современные парадигмы образования: достижения, инновации, технический прогресс. Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 57–61.
9. Тычинина М.К. Стратегический анализ деятельности рекламного агентства / М.К. Тычинина, С.А. Воробьева, М.Ш. Салимов // Финансовая экономика. – 2019. – № 8. – С. 304–306.
10. Фомина Э.А. Рекламная деятельность и рекламные агентства / Э.А. Фомина, С.Н. Гагарина // Modern Science. – 2022. – № 5–1. – С. 97–102.

THE IMPACT OF CORPORATE CULTURE ON THE ECONOMIC RESULTS OF A COMPANY: USING ADVERTISING AGENCIES AS AN EXAMPLE

Belozarov A.V., Spassky E.N.

Far Eastern State Transport University

The article is devoted to the study of the problems of the influence of corporate culture on the success of advertising agencies in modern conditions. The relevance of the topic is due to the increasing role of intangible assets in ensuring the competitiveness of companies in the creative industry.

As a novelty, the author's conceptual model "Pentagram of corporate resonance" is presented in the work, which allows optimizing the impact of various aspects of corporate culture on the effectiveness of advertising organizations.

Based on the analysis of domestic and foreign experience, the author comes to the conclusion about the key role of innovation orientation, client-centricity, adaptability, technological integration, social responsibility in the formation of a successful organizational culture of advertising agencies. The study shows that the harmonious development of these elements creates a synergistic effect that significantly increases the competitiveness of business entities.

The article is of interest to the heads of advertising companies, specialists in organizational development, researchers in the field of management of creative industries, as well as for students and teachers of specialized specialties.

Keywords: adaptability, innovation, customer-centricity, competitiveness, corporate culture, creativity, advertising agency, social responsibility, technological integration, efficiency.

References

1. Antonova A. Yu. Digital practices for holding corporate events in advertising industry organizations / A. Yu. Antonova // PR and advertising technologies in modern society. Engineers of meanings in the new reality. – St. Petersburg: 2022. – P. 18–22.
2. Glashkina V. S. Features of advertising agencies / V. S. Glashkina, V. V. Churaev, A. O. Tishina, A. A. Blonskaya // Economy and society. – 2020. – No. 5–1 (72). – P. 490–494.
3. Grishanin N. V. Advertising agencies and positioning: trends and changes / N. V. Grishanin // Creativity and creativity in communications: theory and practice. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. – Moscow, 2019. – P. 82–91.

4. Deryabina G.G. Advertising agency: features of work in a competitive digital environment / G.G. Deryabina, N.V. Trubnikova // Modern competition. – 2021. – Vol. 15. – No. 4 (84). – P. 29–39.
5. Maisenberg N.M. Features of the functioning of advertising agencies: conflictological aspect / N.M. Maisenberg // Tribune of the scientist. – 2021. – No. 1. – P. 811–815.
6. Markova D.V. Competitive strategy of advertising agencies / D.V. Markova, M.I. Kulesh // Young science of Siberia. – 2022. – No. 4 (18). – P. 190–196.
7. Nechaeva A.V. Features of the organization of a full-cycle advertising agency / A.V. Nechaeva, O.N. Makusheva // Young scientist. – 2020. – No. 34 (324). – P. 80–83.
8. Pautov A.D. Corporate culture of the advertising agency “A-Media” of the city of Omsk in the context of corporate communications / A.D. Pautov, Yu.D. Reperyash // Modern paradigms of education: achievements, innovations, technical progress. Proceedings of the XVII All-Russian scientific and practical conference. – Rostov-on-Don, 2019. – P. 57–61.
9. Tychinina M.K. Strategic analysis of the activities of an advertising agency / M.K. Tychinina, S.A. Vorobyova, M. Sh. Salimov // Financial economics. – 2019. – No. 8. – P. 304–306.
10. Fomina E.A. Advertising activities and advertising agencies / E.A. Fomina, S.N. Gagarina // Modern Science. – 2022. – No. 5–1. – P. 97–102.

Социальная адаптация молодых специалистов в школе: проблемы и перспективы

Ковалевская Мария Игоревна,

аспирант кафедры социологии управления МГУ
имени Ломоносова
E-mail: romanenko-mariya22@yandex.ru

В данной статье обосновывается актуальность вопроса социальной адаптации молодых специалистов – выпускников педагогических Вузов, пришедших работать в школу учителями начальных классов. Раскрывается суть понятия «социальная» адаптация и его трактовка исследователями, занимавшихся данной проблематикой. Исследуются статистические показатели и выявляются современные детерминанты, снижающие кадровое наполнение молодыми специалистами общеобразовательных организаций. Исследование проводилось за счет опроса студентов МПГУ и МГПУ. С помощью него удалось выявить основные факторы, негативно влияющие на последующее трудоустройство выпускников педагогических Вузов. Предлагаются конкретные мероприятия, направленные на ускорение социальной адаптации молодых специалистов, начинающих свою трудовую деятельность в школах. Выделяются основные элементы, необходимые для грамотной организации социальной адаптации молодых специалистов, такие как: составление индивидуального плана адаптации, знакомство с педагогическим коллективом, работа наставника и др.

Ключевые слова: социальная адаптация, образовательные организации, молодые специалисты.

Актуальность настоящей статьи обусловлена современным состоянием системы среднего образования в России, острой нехваткой педагогов, в том числе и молодых специалистов, которые ежегодно, после окончания высшего учебного заведения педагогического профиля, приходят работать в школы, и уже на первом году своей педагогической деятельности сталкиваются с трудностями, которые в большинстве случаев меняют их внутреннее отношение к профессии учителя и побуждают на поиск своей самореализации на другом поприще. В качестве основных к тому причин выступает социальная адаптация молодых специалистов, которая затягивается во времени на длительный период, и зачастую не реализуются должным образом.

Основной причиной неэффективности адаптации молодого педагога к новым условиям его трудовой деятельности в школе выступает формальный подход администрации учебного заведения к данному вопросу. При разработке индивидуальных программ наставничества не учитываются индивидуальные особенности личности молодого специалиста, отсутствие у него первичных навыков ведения электронных журналов учета посещаемости и успеваемости учеников, составление планирующей и отчетной документации, особенности учащих, с которыми предстоит работать педагогу.

Цель исследования: выявить актуальные проблемы реализации социальной адаптации начинающего учителя и предложить обоснованные варианты повышения ее эффективности.

Объект данного исследования образует педагогическая деятельность молодых специалистов, начинающих свою трудовую деятельность в средней школе, испытывающие проблемы социальной адаптации к новым условиям своей коммуникации.

Методология исследования основана на использовании как общих методов научного познания, таких как анализ, синтез, обобщение, так и включает в себя использование специальных методов педагогики: статистический, наблюдение, анкетирование, моделирование.

Как гласит восточная мудрость, если ваши планы рассчитаны на один год – выращивайте рис, если на десятилетия – сажайте деревья, если на века – учите и воспитывайте детей (Конфуций).

Действительно, как повелось еще с давних времен, самыми востребованными профессиями, без

которых общество не может существовать, считались: медицина, правоохранительная служба и образование.

Современное образование отличается своей новизной, многогранностью и наукоемкостью. Пожалуй, самым значимым, фундаментальным этапом, на котором в обучаемого закладываются основы познания, формируется его личностное отношение к образованию, культура обучения, является начальная школа. С первого класса ребенок адаптируется к школьной программе, к режиму поведения, к педагогам и сверстникам. С каждым последующим годом обучаемый усваивает больший объем информации, социализируется и само-реализуется.

Очевидно, что начальное и среднее образование в школе – это важнейшая и обязательная часть развития ребенка, без которой его дальнейшая жизнедеятельность не может иметь будущего. В этой связи нельзя не отметить роль педагогов, которые ежедневно отдают частичку себя во благо развития подрастающего поколения: учитель не только поэтапно реализует учебную программу, но и проводит воспитательную работу с детьми с учетом индивидуального подхода к каждому ребенку. Это позволяет расположить обучаемых к учителю, стимулировать их желание ходить в школу и получать знания, воспитывать детей в духе уважения к старшим, любви к Родине, поощрения доброты и милосердия.

Для того, чтобы все эти качества привить ребенку с первых лет обучения, необходимо приложить много усилий, терпения и профессионализма, который приобретается не сразу, а приходит лишь с опытом. Молодой специалист по окончании педагогического учебного заведения приходит работать в школу, с ученической скамьи которой встал сам лишь пять лет назад и выбрал для себя профессию учителя, самую благородную, трудную и признанную.

Молодой учитель, который только встал на свой педагогический путь, испытает множество трудностей, с которыми ему предстоит справиться. Первой из них будет являться его социальная адаптация к ученикам, коллегам, условиям педагогической деятельности. От того, насколько молодой и еще неопытный преподаватель сможет быстро и безболезненно адаптироваться к условиям своей новой трудовой деятельности в школе, зависит эффективность его работы, приобретение должной уверенности в себе, завоевание авторитета среди учащихся и педагогов школы.

Прежде чем перейти к вопросу о практических аспектах реализации социальной адаптации молодых специалистов в сфере образования, остановимся на доктринальном подходе к дефиниции исследуемого понятия.

Специалистами и учеными выработано множество альтернативных определений понятия «адаптации» применительно к молодым педагогам, при-

шедшим на работу в среднюю школу. Начнем с самого общепринятого определения, которое содержится в толковом словаре С.И. Ожегова – это «приспособление организма к изменяющимся внешним условиям» [9].

По мнению Л.В. Орловой адаптация, в контексте профессиональной деятельности, выражается в «активном освоении требований профессии, выстраивании конструктивных взаимоотношений, достижении успехов в педагогической деятельности, удовлетворенности выбором профессии» [7].

Г.В. Безюлева рассматривая особенности адаптационного периода, определяет профессиональную адаптацию как «субъективно-опосредованный процесс развития личности, учитывающий индивидуальные особенности и интересы личности, определяющий смысловую направленность для развития профессиональных компетенций» [2].

Исследуя специфику социальной адаптации, С.М. Редлих приходит к выводу, что – это процесс и результат интенсивного приспособления к условиям внешней среды, приобщение к определенной деятельности, конкретной профессии [8].

В своем диссертационном исследовании А.И. Матвеева [4] предлагает следующее определение: «Социальная адаптация молодых специалистов в системе образования – это сознательное прогнозирование адаптационной среды и изменение своей адаптивной деятельности, умение находить новые адаптационные стратегии, ведущие к гармонизации внешнего и внутреннего приспособления к соответствующей ролевой идентичности педагога».

Л.А. Овчинникова под профессиональной адаптацией молодых учителей понимает процесс, способствующий достижению оптимального соотношения между комплексом требований, предъявляемых к профессии учителя в целом, и их реализацией в собственной практической деятельности молодого специалиста в условиях конкретного образовательного учреждения» и предполагающего профессиональную социализацию личности через потребность к самореализации и самообразованию [6].

Учитывая вышеприведенные научные подходы к определению термина «адаптация» можем его сформулировать применительно к молодым специалистам в системе образования, как социально-педагогический процесс, направленные на полное приспособление начинающего педагога к реальным условиям проведения учебной, методической и воспитательной работы с учащимися, применительно к конкретному образовательному учреждению, с учетом индивидуальных особенностей как самого учителя, так и обучаемых.

Вопрос о социальной адаптации молодых специалистов далеко не праздный и его решение является предметом исследования многих ученых-педагогов, практических специалистов в сфере образования. Актуальность данного вопроса обусловлена практической ситуацией в российских

По мнению И.А. Матвеевой сложность социальной адаптации молодых специалистов заключается в кардинальной смене самого вида деятельности: фактически молодой учитель лишь недавно сам был обучаемым, а теперь ему предстоит обучать [5]. Неопытный молодой учитель, который недавно окончил высшее учебное заведение, в силу объективных причин не имеет возможности одновременно приобрести умения и навыки опытного педагога, для этого необходимо время, терпение, усердие, и самое главное – желание.

Необходимо также отметить, что вопрос социальной адаптации для конкретно молодого специалиста реализуется по-своему. Было бы бессмысленно отрицать прямую зависимость между уровнем начальной подготовки начинающего педагога, которую он получил в стенах Вуза, и скоростью его полной адаптации к учебному процессу в школе в качестве учителя. Однако, в этой формуле есть и исключения, которые заключаются как в личностных особенностях педагога, так и в его способности сформировать социально-психологический климат внутри группы (класса) обучаемых им детей.

Для того, чтобы можно было эффективно реализовывать социальную адаптацию молодых специалистов, начинающих свою трудовую деятельность в школах, следует в обязательном порядке предусмотреть выполнение следующих мероприятий и задач.

Во-первых, социальная адаптация, несмотря на прозрачность и неопределенность данного понятия, должна иметь четкое выражение в плане ее реализации. Этот план следует сформировать таким образом, чтобы каждый его этап был взаимосвязан с достижением конкретной задачи. В плане необходимо четко указать мероприятия, сроки и ответственных лиц, к числу которых следует отнести максимально возможное количество педагогов школы, включая руководящие кадры.

Во-вторых, для скорейшей адаптации молодого учителя его следует познакомить со всем педагогическим коллективом школы. При этом следует избегать формализма в данном вопросе и проводить знакомство одновременно, в режиме общего собрания. Новый учитель сразу не сможет никого запомнить и в дальнейшем ему самому придется узнавать педагогический коллектив, но не каждый молодой педагог обладает необходимой коммуникативной способностью и сможет без стеснения обратиться к старшему наставнику.

В этой связи считаем, что знакомство с педагогическим коллективом должно иметь личностно-целевую направленность, происходить на протяжении длительного времени, чтобы у молодого педагога была возможность поближе узнать каждого коллегу, пообщаться с ним, сблизиться.

В-третьих, для социальной адаптации молодого специалиста необходим наставник из числа опытных педагогов. Вообще, институт наставничества

известен отечественной педагогике еще с советских времен и до сих пор применяется в различных сферах трудовых отношений. Однако, зачастую он носит формальный характер и не имеет должной эффективности.

В этой связи считаем, что закрепление наставника за молодым специалистом – это не столько формальное издание соответствующего приказа и ведение дневника наставника, а скорее – процедура передачи своего профессионального опыта, а также поддержка начинающего педагога со стороны опытного и авторитетного преподавателя, задачей которого является – за непродолжительный промежуток времени максимально комфортно погрузить молодого преподавателя в учебный процесс, привить ему уверенность в собственных силах и возможностях и стать ему надежным товарищем на педагогической ниве.

В-четвертых, для скорейшей социальной адаптации молодого специалиста необходимо практиковать проведение открытых и показательных занятий, которые будут служить «лакмусовой бумажкой» его адаптированности к учебному процессу, а также примером должного (образцового) проведения уроков с детьми. Иными словами, молодой преподаватель сам проводит открытые уроки, а также регулярно присутствует на показательных занятиях опытных педагогов, где получает для себя бесценный опыт, который в последующем может сам реализовать в своей педагогической деятельности.

Очень важно, чтобы характер открытых занятий не имел карательную направленность. Наоборот, независимо от фактических результатов проведения молодым специалистом открытого урока, посетивший его педагог должен похвалить его, написать положительный отзыв, а на словах очень тактично указать на желаемые корректировки. Это позволит избежать ненужной на данном этапе педагогического взросления самокритики, позволит молодому специалисту морально самоутвердиться и приобрести необходимую мотивированность в своей дальнейшей профессии учителя.

В-пятых, важнейшим фактором для социальной адаптации молодого специалиста является его непосредственная связь со своими подопечными – учениками. Безусловно, разнится в возрасте более чем десять лет (в случае если молодой специалист – выпускник педагогического Вуза, который обучает детей начальных классов школы) дает возможность молодому педагогу управлять детьми как в физическом, так и в психологическом аспекте.

Однако, дети начальных классов школы, особенно пришедшие на учебу в первый класс, сами нуждаются в социальной адаптации и до тех пор, пока она не произойдет, они лишь только будут создавать дополнительные сложности для их учителя. Поэтому, для того чтобы взаимная адаптация учителя и его учеников прошла как можно

быстрее и эффективнее, следует создать внутри класса здоровый психологический климат, который будет стимулировать детей ходить в школу, делать уроки дома, быть активными на занятиях, охотно идти на контакт со своим учителем и пр.

Считаем, что для скорейшей социальной адаптации молодого специалиста к своим ученикам и их к нему, следует практиковать совместное внеаудиторное общение молодого преподавателя с детьми, в том числе, посредством проведения подвижных игр, посещений музеев и выставок, выходов на природу (в парки) и пр. Также считаем важным иметь с детьми тактильный контакт, посредством которого учащиеся в максимальной степени будут расположены к своему учителю. Например, это могут быть поощрительные поглаживания по голове, похлопывание по плечу, удержание за руку при перемещении по школе или вне ее, касания при подвижных играх и пр.

В-шестых, в качестве заключительного фактора скорейшей социальной адаптации молодого специалиста отметим роль участия родителей детей, обучающихся в школе. В век современных технологий, пожалуй, никто не обходится без социальных сетей, мобильных чатов, социальных групп и пр. Так, уже успешной практикой общения между учителем и родителями учащихся является использование специально созданных групп в мобильных мессенджерах, где между родителями и педагогами обсуждаются общие и частные вопросы, связанные с обучением.

В контексте нашего исследования, отметим, что поддержка родителями молодого преподавателя очень важна, также как и своевременная информация о любых проблемах и сложностях, которая поступает от молодого преподавателя к родителям (членам родительского комитета). Зачастую, молодой преподаватель видит в некоторых родителях того, кому можно рассказать о своих сложностях, даже попросить совет. Разумеется, это происходит в рамках индивидуальной переписки или личных бесед. Каждый молодой педагог нуждается в поддержке, только не каждый может поделиться своими тревогами и сложностями с кем-либо. Задача родителей – поддержать учителя своих детей, помочь ему разобраться в отдельных вопросах (как правило, организационного характера: дисциплина на уроках, внеклассная деятельность, организация школьных праздников и пр.).

Таким образом, в завершение данного исследования сделаем вывод об особой значимости грамотной организации социальной адаптации молодых специалистов, в основу которой должны быть заложены такие элементы, как: составление индивидуального плана адаптации, знакомство с педагогическим коллективом, работа наставника, проведение открытых и показательных занятий, связь с учениками и их родителями.

Исключительно при реализации указанных факторов появится возможность усиления адаптированности молодых специалистов к неожиданным для них реалиям педагогической деятельности в школе. Возможно, это также приведет к увеличению числа молодых специалистов в российских школах до тех идеальных пропорций, на которые указывают специалисты: 10–25%.

Литература

1. Аниканова В.Ю. Формы адаптации молодых педагогов в образовательных организациях // Вестник магистратуры. 2022. № 12–2. С. 65.
2. Безюлева Г.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов: монография. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – С. 66.
3. Ивлиева Г.Д. Методическая поддержка молодых учителей общеобразовательных учреждений нового вида как фактор их ускоренного профессионального становления: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2007. – С. 66.
4. Матвеева А.И. Социальная адаптация молодых специалистов в системе образования российского общества: дис. ... канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 9.
5. Матвеева А.И. Социальная адаптация молодых специалистов в системе общего образования в период становления цифровой экономики: монография. – Казань: Бук, 2018. – С. 45.
6. Овчинникова Л.А. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации молодого педагога к условиям профессиональной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 354.
7. Регуш Л.А., Орлова А.В. Педагогическая психология: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2016. – С. 44.
8. Редлих С.М. Педагогические основы социально-профессиональной адаптации учителя: специальность 13.00.01. «Общая педагогика»: дисс. канд. пед. наук. – М., 1999. – 360 с.
9. Толковый словарь русского языка /под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведова. – М., 1949. – С. 88.
10. Федорова Е.М., Веретенникова И.В. К вопросу о средствах профессиональной адаптации молодых педагогов // Инновационное развитие профессионального образования. 2021. № 4. С. 84.

SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG SPECIALISTS AT SCHOOL: PROBLEMS AND PROSPECTS

Kovalevskaya M.I.

Lomonosov Moscow State University

This article substantiates the relevance of the issue of social adaptation of young specialists – graduates of pedagogical universities

who came to work as a primary school teacher. The essence of the concept of "social" adaptation and its interpretation by researchers involved in this issue are revealed. Statistical indicators are investigated and modern determinants that reduce the staffing of young specialists in general education organizations are identified. The study was conducted by interviewing students of the Moscow State Pedagogical University and the Moscow City Pedagogical University. With the help of it, it was possible to identify the main factors that negatively affect the subsequent employment of graduates of pedagogical universities. Specific measures are proposed aimed at accelerating the social adaptation of young professionals starting their career in schools. The main elements necessary for the competent organization of social adaptation of young professionals are highlighted, such as: drawing up an individual adaptation plan, getting to know the pedagogical team, the work of a mentor, etc.

Keywords: social adaptation, educational organisations, young professionals.

References

1. Anikanova V. Yu. Forms of adaptation of young teachers in educational organizations // *Bulletin of the Magistracy*. 2022. No. 12–2. P. 65.
2. Bezyuleva G.V. Psychological and pedagogical support for professional adaptation of pupils and students: monograph. – M.: NOU VPO Moscow Psychological and Social Institute, 2008. – P. 66.
3. Ivlieva G.D. Methodological support for young teachers of new types of general educational institutions as a factor in their accelerated professional development: diss. ... Cand. Ped. Sciences. – M., 2007. – P. 66.
4. Matveeva A.I. Social adaptation of young specialists in the education system of Russian society: diss. ... Cand. Social Sciences. – Ekaterinburg, 2005. – P. 9.
5. Matveeva A.I. Social adaptation of young specialists in the general education system during the formation of the digital economy: monograph. – Kazan: Buk, 2018. – P. 45.
6. Ovchinnikova L.A. Psychological and pedagogical support for the process of adaptation of a young teacher to the conditions of professional activity // *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2020. Vol. 9. No. 2 (31). P. 354.
7. Regush L.A., Orlova A.V. Pedagogical psychology: textbook. manual. – St. Petersburg: Piter, 2016. – P. 44.
8. Redlich S.M. Pedagogical foundations of social and professional adaptation of a teacher: specialty 13.00.01. "General pedagogy": diss. cand. ped. sciences. – M., 1999. – P. 360.
9. Explanatory Dictionary of the Russian Language / edited by S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedov. – M., 1949. – P. 88.
10. Fedorova E.M., Veretennikova I.V. On the Means of Professional Adaptation of Young Teachers // *Innovative Development of Professional Education*. 2021. No. 4. P. 84.

Социологическое исследование ожиданий молодёжи от условий труда: аспекты влияния на социально-профессиональные ориентации

Кокорев Максим Станиславович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
E-mail: s524.skam@gmail.com

В статье исследовано ожидание молодёжи от трудовой жизни и ее влияние на процесс социально-профессиональной ориентации. Проанализированы различия между ожиданиями профессионально-квалификационных и статусных групп уже трудоустроенных сотрудников и кадрами проходящими подготовку в высших и среднеспециальных учебных заведениях. Результаты исследования позволяют говорить о высоких ожиданиях у будущих специалистов и изменениях в ценностно-смысловом и качественном представлении рабочего процесса. В работе предложены два возможных трека по снижению рисков от возникшего противоречия. Ценностно-смысловые ожидания в значительной мере влияют на ключевые для молодёжи качества трудовой жизни. Работа с молодым поколением должна мотивировать работодателей на создание отличных от стандартных условий труда, что в свою очередь позволит наиболее полно раскрыть «человеческий потенциал» новых кадров.

Ключевые слова: качество, мотивы, факторы, ожидания, модель ценностно-смыслового сопровождения, трудовая жизнь.

«Представления о будущем играют значительную роль в формировании индивидуальных биографий и поколений» [1]. Растущая доля нематериального сектора производства в совокупности с повышением уровня наукоемкости классических форм промышленности формирует запрос на подготовку высококвалифицированных кадров. Процесс обучения составляет от четырех до десяти лет. Такой подход, а также повышение качества учебной среды формируют соответствующие ожидания у молодых специалистов. Согласно данным [2] в Москве сорок пять процентов специалистов являются высококвалифицированными, а уровень молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет ищущих работу снизилось на двенадцать процентов в связи с длительным процессом обучения и поздним выходом на рынок труда. Цифровая трансформация также формирует новые современные ценности и требования к рабочему процессу. В особенности понимание этого тренда заметно среди молодёжи получающей высшее и высшее профессиональное образование.

Переориентирование задач на создание комплексов в равной мере содержащих и информационную и материально-техническую базу, снижает временные затраты на реализацию задач, но увеличивает требования к качеству подготовки специалиста и техническому обеспечению предприятия. Рост конкуренции на рынке труда и повышение качества кадров, а также формирующийся дефицит на рынке труда [3] в значительной мере меняет структуру ожиданий молодёжи относительно графика и условий работы. Помимо основной учебной и профессиональной деятельности важную роль начинает играть и самообразование в досуговое время, которое выходит за рамки понятия трудовая жизнь, но играет зачастую наиболее важную или сопоставимую роль в профессиональном росте специалиста. Отражение же результатов урочной и внеурочной трудовой деятельности среднестатистический индивид ожидает обнаружить в условиях трудовой жизни, а также её ценностно-смысловом наполнении.

В ценностной теории, Милтон Рокич, разделяет ценности на два типа (класса): терминальные и инструментальные [4]. Принимая это разделение за истину мы вынуждены обратиться к современным условиям рынка труда и качества трудовой жизни в Российской Федерации. На текущий момент очень малое количество организаций способно сформировать у сотрудников мировоззре-

ние схожее с понятием терминальная ценность (ценность, к которой необходимо стремиться, в чем и есть цель индивидуального существования). К структурам способным обеспечить эти ценности принято относить организации связанные с религией, искусством или государственной службой. Наиболее распространено формирование данных ценностей в свободное от рабочего процесса время. Инструментальные же ценности, наоборот, формируются индивидом для и во время рабочего процесса.

Совокупность образованности, и наличие ценности в рамках осуществляемой деятельности формирует компетентность, которая по Зимняя И.А. представляет собой ресурс для выполнения деятельности в определённых областях и выражается в готовности к осуществлению какой-либо деятельности в конкретных профессиональных (проблемных) ситуациях [5]. Отсюда возникает новое понимание современного этапа развития общественных отношений. Который выражается в обеспечении особого качества трудовой жизни для профессионально-квалификационных и статусных групп.

«Этап развития общественных отношений, активизации человеческого фактора в трансформации на качественно новой основе экономической, производственно-технической и социальной деятельности коллективов предприятий и организаций предполагает повышенное внимание к ответственному поведению различных профессионально-квалификационных и статусных групп работников» [6].

В рамках данного исследования необходимо рассмотреть качество трудовой жизни не с позиции работодателя то есть как конкурентного преимущества или негативного фактора на рынке труда, а с позиции сотрудника. По данным только 30,0–50,0% внедряемой в работу новой оперативной деятельности выполняются в среднем в рамках выполнения бизнес-процессов [7]. При ближайшем рассмотрении нужно обратить внимание на фактуру исследованных предприятий. Чем выше влияние научно технического прогресса на предприятие и выше позиция должностного лица, тем менее эффективны нормативы оперативной деятельности. А именно на эти позиции должны претендовать кадры существующие в условиях третьего демографического перехода и научно-технического перехода коими и будут молодые специалисты проходящие подготовку на протяжении четырех-десяти лет в высших учебных заведениях.

Понимание ожиданий кадров высокого уровня подготовки и грамотное отслеживание их эффективности является одной из важнейших задач в сфере управления персоналом в современной России.

Формирование трудовых мест для молодёжи без учёта ценностно-смыслового наполнения и по-

нимания запросов к качеству трудовой жизни уже сейчас приводит к значительной потере кадров на всех этапах подготовки и ориентации молодых профессионалов в условиях существующего рынка труда. Происходящий экономический цикл происходит параллельно с третьим демографическим переходом и изменением возраста «молодёжи». А значит успешное существование в рамках цикла требует принятия необычных решений со стороны государства и бизнеса. Кадр, подготовка которого занимает от четырех до десяти лет закономерно воспринимает работу как источник решения финансовых и социальных проблем частично сформированных в том числе за время подготовки.

Вопросом удовлетворения этого запроса занимается Д.В. Вельмисова. Она в своей статье «Ценностно-смысловые аспекты развития культуры сотрудничества в профессиональной деятельности» отмечает: «Зафиксированы ориентации студенческой молодёжи на «массовое сотрудничество» в цифровой среде, которое ориентировано, прежде всего, на экономическую выгоду в создании ценности – разделение труда для привлечения знаний, компетенций и опыта каждого участника в процессе достижения результатов более высокого уровня» [8].

Однако кооперация и сотрудничество в цифровой среде не коррелирует с глобальными тенденциями внутри поколения которые свидетельствуют о поверхностность социальных контактов, независимость от группы, индивидуализм и желание сформировать личный бренд (прежде всего, в цифровой среде), моральный релятивизм, ориентация на работу, которая не занимает много времени [9].

Результатом данной совокупности факторов становится диссонанс между временными затратами на обучение специалиста, отношением к жизни присущим ему с точки зрения тенденций внутри возрастной группы, перспективами развития карьеры вне учебного трека, финансовым аспектом длительного образовательного процесса ведущего к отставанию от сверстников с одной стороны и тенденциями рынка труда, государственными требованиями к подготовке кадров, имиджевыми маркерами внутри социальных слоев и возрастных групп, существующими ценностно-смысловыми концепциями, условиями трудовой жизни.

В сложившемся противоречии рациональным решением является либо снижение качества образования и ускорение курсов с целью подготовки более узконаправленных специалистов и конструирование задач по принципу модульности на основе разработанных единых стандартов, как с точки зрения информационной, так и материально технической базы, что неминуемо приведёт к замедлению научно технического прогресса, либо балансирование на ценностно-смысловых ожиданиях и уровне трудовой жизни, что может повлечь

очень ощутимые издержки и привести к снижению качества труда в случае принятия некачественных управленческих решений, но в долгосрочной перспективе позволит упростить профессиональную ориентацию молодёжи, обеспечить конкурентность специалистов, повысить качество труда и сформировать средний класс, зависимый от Российского работодателя и при этом способный решать возложенные на него задачи.

Литература

1. Bessant, John & Tidd, Joe. (2013). *Managing Innovation*.
2. XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества в НИУ ВШЭ. – URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/828246608.html> (дата обращения: 21.08.2024).
3. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7–25. – URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/828246608.html> (дата обращения: 21.06.2024).
4. Методика ценностных ориентаций М. Рокич. – URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientaciy-m-rokicha.html>
5. Зимняя И.А. Компетенция – компетентность: субъектная трансформация. – URL: <https://pschlib.ru/mgppu/periodica/IYaSh062012/ZKk-002.htm#p2> (дата обращения: 21.06.2024).
6. Потемкин В.К. Социальная ответственность в системе человекоориентированного управления предприятиями и организациями // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 3. С. 25–35. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_3_25
7. Потемкин В.К. Социокультурные факторы использования интеллектуальных резервов персонала промышленных предприятий // Телескоп. 2021. № 2.
8. Вельмисова Д.В. Ценностно-смысловое предложение работодателя в системе человекоориентированного управления // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 4. С. 55–61. DOI:10.24412/1994-3776-2023-4-55-61
9. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект, 2018 // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 29.11.2022).

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF YOUTH EXPECTATIONS FROM WORKING CONDITIONS: ASPECTS OF INFLUENCE ON SOCIAL AND PROFESSIONAL ORIENTATIONS

Kokorev M.S.

St. Petersburg State University of Economics

The article examines the expectations of young people from working life and its impact on the process of socio-professional orientation. The differences between the expectations of professionally qualified and status groups of already employed employees and personnel undergoing training in higher and secondary specialized educational institutions are analyzed. The results of the study suggest high expectations among future specialists and changes in the value-semantic and qualitative representation of the workflow. The paper suggests two possible tracks to reduce the risks from the contradiction that has arisen. Value-semantic expectations have a significant impact on the key quality of working life for young people. Working with the younger generation should motivate employers to create different working conditions from the standard ones, which in turn will allow the “human potential” of new personnel to be fully revealed.

Keywords: quality, motives, factors, expectations, model of value-semantic support, work life.

References

1. Bessant, John & Tidd, Joe. (2013). *Managing Innovation*.
2. XXIV Yasin (April) International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development at the National Research University Higher School of Economics. – URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/828246608.html> (date of access: 21.08.2024).
3. Akhapi N. Yu. Russian Economy under Sanctions: Dynamics and Structural Changes // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 6. pp. 7–25. – URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/828246608.html> (date of access: 21.06.2024).
4. Methodology of Value Orientations by M. Rokeach. – URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientaciy-m-rokicha.html>
5. Zimnyaya I.A. Competence – competence: subjective transformation. – URL: <https://pschlib.ru/mgppu/periodica/IYaSh062012/ZKk-002.htm#p2> (accessed: 21.06.2024).
6. Potemkin V.K. Social responsibility in the system of human-oriented management of enterprises and organizations // “Telescope”: journal of sociological and marketing research. 2021. No. 3. pp. 25–35. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_3_25
7. Potemkin V.K. Sociocultural factors of using the intellectual reserves of industrial enterprise personnel // Telescope. 2021. No. 2.
8. Velmisova D.V. Value-semantic proposition of the employer in the system of human-oriented management // Telescope: journal of sociological and marketing research. 2023. No. 4. pp. 55–61. DOI: 10.24412/1994-3776-2023-4-55-61
9. Kulakova A.B. Generation Z: theoretical aspect, 2018 // Issues of territorial development. 2018. No. 2 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt> (accessed: 29.11.2022).

Потенциал геймификации в решении образовательных задач

Евсеев Владимир Владимирович,

к.п.н., доцент, кафедра физической подготовки и спорта,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого
E-mail: evseev_vv@spbstu.ru

Поздеева Елена Геннадиевна,

к.с.н., доцент, Высшая школа медиакоммуникаций и связей
с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
E-mail: elepozdz@mail.ru

Танова Анна Гераклитовна,

к.с.н., доцент, Высшая школа медиакоммуникаций и связей
с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
E-mail: tanova_ag@spbstu.ru

Евсеева Лидия Ивановна,

к.ф.н., Высшая школа медиакоммуникаций и связей
с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
E-mail: evseeva_li@spbstu.ru

В статье исследуются концептуальные и практикоориентированные аспекты применения геймификации в образовательном пространстве. Подчеркивается позитивное отношение к геймифицированным приемам педагогической деятельности со стороны всех участников образовательного процесса. Элементы новизны по отношению к традиционным педагогическим формам и нацеленность геймификации на раскрытие мотивационных источников вовлечения обучающихся позволяют рассматривать этот подход с позиций новой функциональности. Анализ данных социологического опроса обучающихся показывает, что студенты легко осваивают новые геймифицированные элементы, опираясь на свои цифровые навыки и развивая при этом цифровую культуру коммуникаций. Важным выводом является зависимость эффективности новых педагогических приемов от организационно-технологического сопровождения и создания благоприятной и гибкой образовательной среды в вузе. Делается вывод об актуальности разработок сбалансированных образовательных технологий, мониторинг которых с позиций обратной связи может позволить оперативно поддерживать вовлеченность обучающихся и результативность достижения педагогических целей.

Ключевые слова: образовательная деятельность, геймификация, игровые практики, познавательная активность, цифровая культура коммуникаций, мотивация, вовлечение в процесс обучения, игровые технологии.

Введение

Цифровой этап глобального развития социума определил новую волну интереса к игровым практикам, вовлекая в творческий процесс все большее количество субъектов. Изменение коммуникационного пространства на основе освоения интеллектуальных технологий обусловило новый поворот к использованию игровых аспектов в образовании, позволило внести разнообразие в педагогические подходы и практики, обращенные к вовлечению в активную творческую коммуникацию всех участников образовательного процесса. Это определяет актуальность анализа новых геймифицированных форм и приемов педагогической деятельности, междисциплинарность рассмотрения этих вопросов и поиск проблемных аспектов.

Обращение к игровым формам, всегда практикуемое в образовательной деятельности в той или иной степени, в эпоху постглобализма рассматривается как инструмент, повышающий ее эффективность. В этом процессе ключевую роль отводят внедрению в образовательную практику приемов геймификации, которые не ограничивают выбор технологии, позволяют комбинировать действия как преподавателей, так и учащихся. Игровые практики способствуют активизации решения образовательных задач по формированию когнитивного и коммуникативного потенциала личности, необходимого в будущей профессии, в деловом и межличностном общении.

Геймификация привлекла внимание исследователей на фоне стремительного роста популярности видеоигр, которые становятся частью повседневной жизни современного человека. Исследуя геймификацию в персоналогическом аспекте, авторы [1], подчеркивают важную роль игрового опыта для мотивации к обучению и для формирования повседневных практик. Более того, освоение новых навыков во время обучения с использованием приемов игры позитивно влияет на интеллектуальное развитие обучающегося [2]. С другой стороны, интерактивные компьютерные программы интегрируют традиционные способы преподавания в игровое медиапространство, что позволяет совершенствовать педагогические коммуникации между преподавателем и студентом. Влияние геймификации на когнитивную деятельность во время обучения обращено к мотивации, поддерживающей состояние переживания информации, как в сознании студента, так и в сознании преподавателя.

Цели геймификации как образовательной технологии связаны с развитием мотивации познавательной активности студента и с достижением более высокого уровня вовлеченности в процесс обучения. Методологическая установка данного исследования определяется положением, что интерактивные техники и приемы геймификации позволяют сделать образовательный процесс более гибким, способствуют более легкому способу получения новой информации, что позволяет активизировать познавательную деятельность обучающегося.

Некоторые мотивационные эффекты из компьютерных игр переносятся в неразвлекательные образовательные и профессиональные сферы, через «использование рефрейминга – перефокусировки внимания, перезапуска деятельности» [3]. В связи с этим актуальным становится анализ игровых практик в различных контекстах образовательной деятельности.

В сфере высшего образования геймификация представляет собой инновационную педагогическую технологию. Несмотря на растущее число исследований, опубликованных в последние годы, проблема взаимосвязи между геймификацией и знаниями, вовлеченностью и удовлетворенностью учащихся еще недостаточно теоретически и эмпирически исследована.

Основные материалы, методы, результаты и их обсуждение

В современных условиях расширение интерактивной образовательной среды является приоритетом в процессе формирования индивидуальной цифровой компетентности как фактора повышения конкурентоспособности будущего специалиста.

Цифровая образовательная среда значительно индивидуализирует процесс получения знаний, активизирует познавательную практику в освоении общих и профессиональных компетенций, повышает степень заинтересованности обучающихся в качественном обучении.

Новым подходом к повышению эффективности образовательного процесса является геймификация и использование нейросетей.

Основная цель использования геймификации является «получение удовольствия и максимальное вовлечение учащихся в учебный процесс, а также мотивирование учащихся на самостоятельное изучение новых задач» [4]. Поэтому геймификацию стоит рассматривать как полезное и интерактивное влияние на учебно-познавательный процесс.

Одно из основных современных достижений заключается в изучении потенциала геймификации для вовлечения людей в совместную деятельность. Концептуальные основы геймификации как методологии деятельности применимы для повышения эффективности корпораций на основе

улучшения кооперативной деятельности и сотрудничества [5].

Конструктивным для мотивации кооперативной деятельности посредством геймификации представляется создание платформ, внедрение которых позволит объединять персональный, кооперативный и гибридный уровень поддержания и стимулирования активности участников коммуникации [6]. Предполагается, что вовлечение сотрудников в геймификацию благоприятно изменяет их когнитивные способности и поведение. Улучшенные когнитивные способности затем переносят свое благотворное влияние на общую эффективность работы [7].

Однако, следует заметить, что остается неясным моментом как геймификация мотивирует сотрудничество, насколько она эффективна в условиях группы, какие потенциальные препятствия необходимо учитывать и как учесть влияние тех, кто в игровые практики не включается и относится к ним отрицательно.

Геймификация: концептуальные основания анализа понятия и содержания

С момента появления термина «геймификация» многие исследователи связывают ее концептуальные основания с различными теоретическими предпосылками.

Геймификация – это метод, который не только создает ощущение полноценной игры, но и используется в роли приема, который обеспечивает взаимодействие в образовательной среде. Это усиливает гибкость образовательного процесса и облегчает путь к получению новой информации. Преподаватели, адаптируя материал под «геймификационные нормы» студентов, делают образовательный процесс интереснее.

Г. Зихерман понимал геймификацию как процесс использования «игровых методик и игрового мышления для решения неигровых задач» [8, с. 56]. Эту точку зрения разделяет Л.П. Варенина, определяя геймификацию как «применение игровых методик в неигровых ситуациях» [9, с. 315]. При этом исследователи подчеркивают элемент вовлеченности субъектов учебно-познавательной деятельности в сам процесс действия и познания.

Ряд авторов предлагают геймификацию рассматривать как «использование элементов и принципов дизайна игр в неигровом контексте...» [10]. Т.П. Воронина рассматривает геймификацию как «способ решения реальных проблем посредством игровых методов» [11]. Ряд авторов ее понимают как технологию «обработки преподаваемого материала, с целью улучшения его восприятия обучающимися» [12, с. 146].

Геймификация может рассматриваться как дополнительный элемент в рамках классических образовательных технологий, развивающих личностные качества обучающихся, как «мотивирующий» инструмент. Многие авторы указывают как

раз на то, что мотивирующий фактор в качестве структурного элемента геймификации играет центральную роль. [4; 13; 14, с. 32]. Игровые технологии используются для повышения улучшения процесса обучения, усиления эффективности выполнения задач и укрепления «мягких навыков».

В отличие от игр концепция геймификации предполагает реализацию обучения через моделирование процессов реального мира в цифровом формате [15]. Б.Д. Дьяконов отмечает, что игра как средство для активизации учебного процесса и как дидактический феномен применяется в образовательном процессе уже давно, видовой ряд «игровых» технологий достаточно разнообразен. [16, с. 383]. Ряд авторов предлагают расширить диапазон применения геймификации, включая сюда не только обучение и образование, но и процессы воспитания и социализации [17, с. 134].

Термин «геймификация», по нашему мнению, обозначает группу методов, которые создают игровую ситуацию для активизации решения образовательных задач по формированию когнитивного и коммуникативного потенциала личности, необходимого в будущей профессиональной деятельности. [3].

Вопросы о том, как процесс геймификации работает для поддержания, улучшения или нарушения статус-кво в определенной образовательной среде, рассматриваются с точки зрения информационных систем. В качестве объективного критерия для понимания опыта геймификации в повышении вероятности будущего успеха деятельности университета предлагают использовать сеть зависимостей от выгод (BDN) [18].

Так, работа [19] включает в себя руководство (с процессом и архитектурой), показывающее, как адаптировать виртуальное обучение с помощью игр и лучшие элементы геймификации для каждого типа игроков.

В работе [20] показано превосходство геймификации, основанной на решении проблем, по сравнению с другими видами деятельности. Это выражено в повышении игрового опыта учащихся и игровой мотивации. Оценку эффективности геймификации в отношении продуктивности обучения авторы оценивали через показатели активности, выраженные в уровне вовлеченности, погружения в процесс решения познавательной задачи (включая вызов, достижение результатов), а также внутренней и внешней мотивации к игре. В тоже время авторы подчеркивают, что простое использование геймификации может не мотивировать учащихся к активному участию в учебной деятельности, если нет обоснованных требований педагога, апеллирующего к профессиональным компетенциям будущего специалиста.

Оценка студентами процесса геймификации в вузе

В учебном процессе используются и односторонние, и двусторонние каналы коммуникации во вза-

имодействии преподавателей и студента. Выделим общие точки соприкосновения – примеры двусторонней коммуникации:

- формат «case study»;
- разработка нового «продукта»;
- формат цифровых технологий;
- ведение рейтинговой системы;
- использование «offline» и «online» форматов в процесс обучения и др.

В качестве примеров односторонней коммуникации во взаимодействии преподавателей и студента можно назвать тестирование, доклад, презентация, трансляция знаний преподавателя, интерактив с наставником, цифровая логистика и др.

Использование форм двусторонних коммуникаций является основой для раскрытия профессиональных качеств студентов. Например: разработка нового инновационного продукта – это одно из необходимых этапов профессионального личностного роста; case study, как возможность разбора реального кейса от компании партнера; рейтинговая система, контролирующая «достижения» каждого студента; включение цифровых технологий расширяет прибывающий объем информации; online-консультации делают процесс коммуникации со студентом более доступным.

Такие примеры коммуникации, как проведение теоретических тестов не вызывают интереса у студентов. Это может быть связано с тем, что тесты проводятся с целью контроля знаний по блокам с большим количеством информации. Большинство учащихся не понимают целесообразности запоминания такого количества информации и большинство не справляются с этой задачей.

Формат доклада необходим, по мнению преподавателей. Его необходимость диктуется приобретением навыков корректно выражать свои мысли, работать с научной литературой, работать с аудиторией. Решением в данном вопросе может стать геймификация. Знакомство слушателей с темой докладчика станет более привлекательным, если провести его в формате игры-презентации в интерактивном формате.

Проблемой в процессе учебной коммуникации становится формат «преподаватель–транслятор знаний». В некоторых случаях занятия проходят в формате односторонней коммуникации, где у слушателя нет возможности задать вопрос. Такая «трансляция» студентами не воспринимается, в итоге происходят конфликты. Идеальным решением в данной ситуации станет модификация коммуникации и преобразование процесса в геймификационный, где преподаватель исполняет роль не главенствующую, а наставническую.

Геймификационным элементом, который готовы использовать как студенты, так и преподаватели, становится личный кабинет. Данный ресурс существует на платформах университетов.

В Санкт-Петербургском политехническом университете был проведен опрос среди студентов

с целью анализа восприятия геймификации в образовательном процессе.

Рис. 1. Вопрос анкеты «Выберите словосочетание, которое наиболее ассоциируется у Вас с термином «геймификация»»

Ответы на вопрос об ассоциациях термина «геймификация» (рис. 1) распределились следующим образом.

- 39,1% респондентов выбрали вариант ответа «стимулятор активности». Данный вариант ответа показывает наиболее высокий уровень понимания студентами смысла геймификации. Следовательно, респонденты имеют опыт взаимодействия с геймификационными инструментами.
- 28,8% – вариант ответа «инструмент для мотивации». Студенты рассматривают геймификацию как способ повышения мотивации. Здесь также играет важную роль пользовательский опыт, на основании которого был выбран данный вариант ответа.
- 17,7% – вариант ответа «интерактив между участниками». На подсознании участники провели параллель между интерактивом и игрой «game», смогли выделить общие характеристики и установить взаимосвязь. В результате мы получили видение студента, связанное с набором действий между определенным кругом лиц.

Таблица 1. Вопрос анкеты: «Уточните, что именно Вы понимаете под термином «геймификация образования?»»

№ п/п	Варианты ответа по вопросу, что Вы понимаете под термином «геймификация образования»	Количество ответов в %
1.	«элементы игры: личный кабинет, задания, рейтинги, бонусы»	46%
2.	«использование цифровых устройств во время занятий»	34,6%
3.	«образовательные курсы в цифровом формате»	19,4%

Статистические результаты показали не только уровень осведомлённости учащихся, но и их личное понимание «геймификации образования» (табл. 1). Выражая собственные идеи, они размышляют и видят «собственное Я» в коммуникации «преподаватель–студент», которое использует данные инструменты геймификации.

Отвечая на вопрос «Существует ли геймификация образования в действующей образовательной программе ФГАОУ ВО СПбПУ?». Ответы распределились следующим образом:

49,1% респондентов выбрали вариант ответа «да»;

28,8% респондентов выбрали вариант ответа «нет»;

17,7% респондентов выбрали вариант ответа «затрудняюсь ответить».

Полученные результаты позволили сформировать картину действующего образовательного процесса глазами студентов. Варианты ответа «нет и «затрудняюсь ответить» показывают то, что, оценив свой коммуникативный опыт в учебно-образовательном процессе, студенты не смогли выделить те геймификационные инструменты, которые были названы в вопросе ранее.

Таблица 2. Методы и приемы геймификации: форматы использования и желание участия (оценка студентов)

№ п/п	Методы и приемы геймификации	Какие методы и приемы геймификации используются в действующей образовательной программе.	В каких форматах геймификации Вам бы хотелось принять участие?
1	Презентация с разбором визуального материала	38,2%	22,4%
2	Дебаты	11,5%	3,6%
3	Case study	9,4%	17,5%
4	Интерактивный цифровой контент в online-курсах moodle	5,3%	18,9%
5	Творческое/инновационное домашнее задание	32,9%	20,7%
6	Ваш вариант ответа	2,7%	17,5%

Результаты говорят о преобладании интереса к цифровым геймификационным инструментам

(табл. 2). Полученная база знаний позволяет создавать такие инструменты, с которыми бы студен-

ту было интересно взаимодействовать в рамках геймификационного формата обучения. Среди них остаются популярными у студентов: презентация с разбором визуального материала, творческое/инновационное домашнее задание и интерактивный цифровой контент в online-курсах moodle. К последнему формату геймификации студенты проявляют повышенный интерес. Следует констатировать факт усиления внимания студентов к такому формату как «Case study».

Таким образом, согласно мнению респондентов, геймификация существует в образовательном процессе вуза и ее необходимо использовать в процессе получения знаний. Студенты рассматривают геймификационные инструменты и как способ улучшения качества взаимодействия со своими коллегами и преподавателем, улучшить свои познавательные-учебные результаты и как игровой мотивационный этап в процессе обучения.

Игровые практики можно рассматривать в качестве технологии мягкого вовлечения студента в познавательный процесс, способ концентрации внимания и развития продуктивного мышления. Геймификация – это комплекс инструментов, который позволяет не только получать результаты, но и доставлять удовольствие от самого процесса тренировки. Обучение с элементами геймификации позволит поддерживать состояние потока переживания информации как в сознании студента, так и в сознании преподавателя.

Заключение

Геймификация представляется активно развивающейся технологией и активно применяется в различных сферах жизнедеятельности. Совмещение прогрессивных цифровых и традиционных образовательных методов дает возможность повысить эффективность образования.

Система взглядов на понятие и содержание геймификации является предметом оживленных дискуссий в научном сообществе. По мнению авторов, термин «геймификация» обозначает группу методов, которые создают игровую ситуацию для активизации решения образовательных задач по формированию когнитивного и коммуникативного потенциала личности, необходимого в будущей профессиональной деятельности.

Обобщая мнения студентов о важности и перспективах геймификации, можно констатировать, что респонденты в большинстве поддерживают тренд на разработку и внедрение геймификационных элементов в образовательные технологии. Также отмечается мотивирующая роль игровых методов в учебно-познавательном процессе. У субъектов образовательных процессов вызывает интерес формы коммуникаций, которые позволяют реализовать индивидуализацию, применить творческий подход к поиску решений и выполне-

нию заданий, сочетание цифровых и традиционных технологий.

Литература

1. Nibu John Thomas, Rupashree Baral, Oliver S. Crocco, Swathi Mohanan A framework for gamification in the metaverse era: How designers envision gameful experience // *Technological Forecasting and Social Change* 3. May 2023. Volume 193. (Cover date: August 2023) Article 122544. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122544
2. Fedynich L.V. Teaching beyond the classroom walls: the pros and cons of cyber learning. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/284482330>
3. Shipunova O., Pozdeeva E., Tanova A., Evseev V. The Role of Game Practices in the Model University of the Future. In: Bylieva, D., Nordmann, A. (eds) *The World of Games: Technologies for Experimenting, Thinking, Learning*. PCSF 2023. *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 830. Pp. 344–355. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48020-1_26
4. Биджиева С.Х., Урусова Ф.А.-А. Геймификация образования: проблемы использования и перспективы развития // *Мир науки. Педагогика и психология*, 2020. – № 4. – С. 14. <https://mirnauki.com/PDF/34PDMN420.pdf>
5. Marc Riar, Benedikt Morschheuser, Rüdiger Zarnekow, Juho Hamari Gamification of cooperation: A framework, literature review and future research agenda. // *International Journal of Information Management*. Volume 67. 2022. 102549. ISSN 0268-4012. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2022.102549>
6. Lexa C. Gamification. In: *Fit für die digitale Zukunft. Fit for Future*. 2021. pp 71–73 Springer Gabler, Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-33073-6_17
7. Lorenzo Bizzi. Why to gamify performance management? Consequences of user engagement in gamification, *Information & Management*, Volume 60, Issue 3, 2023. 103762. ISSN 0378-7206. <https://doi.org/10.1016/j.im.2023.103762>
8. Zichermann G., Cunningham C. *Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps*, Sebastopol, O'Reilly Media., 2011. 182 p.
9. Варенина Л.П. Геймификация в образовании // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2014. – Т. 6. – № 6–2 (28). – С. 314–317.
10. Логунова Е.В., Савельева А.А., Осиповская Е.А. Использование приемов геймификации при подготовке школьников к олимпиаде по журналистике // *Коммуникология*. – 2024. – Том 12. – № 2. – С. 138–149. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-138-149.
11. Воронина Т.П., Кашицин О.П., Молчанова В.П. Образование в эпоху новых информа-

- ционных технологий. Москва: Просвещение, 2016. – 220 с.
12. Чеботарева И.Н., Чистилина Д.О., Лясковец А.В. Геймификация как новая образовательная технология в современном высшем образовании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 136–148. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-136-148>
 13. Werbach Kevin, Hunter Dan. For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business., Wharton Digital Press, 2012. – 148 p.
 14. Караваев Н.Л. Совершенствование методологии геймификации учебного процесса в цифровой образовательной среде: [монография] / Н.Л. Караваев Е.В. Соболева. – Киров: Вятский государственный университет, 2019. – 105 с.
 15. Буракова И.С. Геймификация образовательного процесса как инструмент повышения мотивации обучающихся // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3 (100). – С. 160–162.
 16. Дьяконов Б.П. Геймификация: новое понятие и явление в непрерывном профессиональном образовании // Понятийный аппарат педагогики и образования. Екатеринбург, 2016. – С. 380–386.
 17. Ларькин М.Д. Геймификация в современном образовании // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2019. – № 37 (56). – С. 133–138.
 18. William K. McHenry, Erin E. Makarius. Understanding gamification experiences with the benefits dependency network lens. // Computers and Education Open, Volume 4. 2023. 100123. ISSN 2666-5573. <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2023.100123>
 19. Wilk Oliveira, Ig lbert Bittencourt. Dorit Alt. Assessing the benefits of gamification in mathematics for student gameful experience and gaming motivation. // Computers & Education, Volume 200. 2023. 104806. ISSN 0360-1315 <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2023.104806>
 20. Dorit Alt. Assessing the benefits of gamification in mathematics for student gameful experience and gaming motivation. // Computers & Education, Volume 200. 2023. 104806. ISSN 0360-1315 <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2023.104806>

POTENTIAL OF GAMIFICATION IN SOLVING EDUCATIONAL PROBLEMS

Evseev V.V., Pozdeeva E.G., Tanova A.G., Evseeva L.I.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article examines conceptual and practice-oriented aspects of gamification application in the educational space. The positive attitude towards gamified teaching methods on the part of all participants in the educational process is emphasized. Elements of nov-

elty in relation to traditional pedagogical forms and the focus of gamification on revealing motivational sources of students' involvement allow us to consider this approach from the standpoint of new functionality. Analysis of data from a sociological survey of students shows that students easily master new gamified elements, relying on their digital skills and developing a digital culture of communications. An important conclusion is the dependence of the effectiveness of new pedagogical methods on organizational and technological support and the creation of a favorable and flexible educational environment at the university. A conclusion is made about the relevance of the development of balanced educational technologies, the monitoring of which from the standpoint of feedback can quickly support the involvement of students and the effectiveness of achieving pedagogical goals.

Keywords: educational activities, gamification, gaming practices, cognitive activity, digital culture of communication, motivation, involvement in the learning process, gaming technologies.

References

1. Nibu John Thomas, Rupashree Baral, Oliver S. Crocco, Swathi Mohanan A framework for gamification in the metaverse era: How designers envision gameful experience // Technological Forecasting and Social Change 3. May 2023. Volume 193. (Cover date: August 2023) Article 122544. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122544
2. Fedynich L.V. Teaching beyond the classroom walls: the pros and cons of cyber learning. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/284482330>
3. Shipunova O., Pozdeeva E., Tanova A., Evseev V. The Role of Game Practices in the Model University of the Future. In: Bylieva, D., Nordmann, A. (eds) The World of Games: Technologies for Experimenting, Thinking, Learning. PCSF 2023. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 830. pp. 344–355. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48020-1_26
4. Bidzhieva S.Kh., Urusova F.A.-A. Gamification of education: problems of use and development prospects // World of science. Pedagogy and psychology, 2020. – No. 4. – P. 14. <https://mirnauki.com/PDF/34PDMN420.pdf>
5. Marc Riar, Benedikt Morschheuser, Rüdiger Zarnekow, Juho Hamari Gamification of cooperation: A framework, literature review and future research agenda. // International Journal of Information Management. Volume 67. 2022. 102549. ISSN 0268-4012. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2022.102549>
6. Lexa C. Gamification. In: Fit für die digitale Zukunft. Fit for Future. 2021. pp. 71–73 Springer Gabler, Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-33073-6_17
7. Lorenzo Bizzi. Why to gamify performance management? Consequences of user engagement in gamification, Information & Management, Volume 60, Issue 3, 2023. 103762. ISSN 0378-7206. <https://doi.org/10.1016/j.im.2023.103762>
8. Zichermann G., Cunningham C. Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps, Sebastopol, O'Reilly Media., 2011. 182 p.
9. Varenina L.P. Gamification in education // Historical and socio-educational thought. 2014. – Vol. 6. – No. 6–2 (28). – P. 314–317.
10. Logunova E.V., Savelyeva A.A., Osipovskaya E.A. Using gamification techniques in preparing schoolchildren for the journalism olympiad // Communicology. – 2024. – Vol. 12. – No. 2. – P. 138–149. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-138-149.
11. Voronina T.P., Kashitsin O.P., Molchanova V.P. Education in the era of new information technologies. Moscow: Prosveshchenie, 2016. – 220 p.
12. Chebotareva I.N., Chistilina D.O., Lyaskovets A.V. Gamification as a new educational technology in modern higher education // Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy. – 2023. – Т. 13. – No. 1. – P. 136–148. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-136-148>
13. Werbach Kevin, Hunter Dan. For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business., Wharton Digital Press, 2012. – 148 p.

14. Karavaev N.L. Improving the methodology of gamification of the educational process in the digital educational environment: [monograph] / N.L. Karavaev E.V. Soboleva. – Kirov: Vyatka State University, 2019. – 105 p.
15. Burakova I.S. Gamification of the educational process as a tool for increasing students' motivation // World of science, culture, education. – 2023. – No. 3 (100). – P. 160–162.
16. Dyakonov B.P. Gamification: a new concept and phenomenon in continuous professional education // Conceptual apparatus of pedagogy and education. Ekaterinburg, 2016. – P. 380–386.
17. Larkin M.D. Gamification in modern education // Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov. Series: Pedagogical and psychological sciences. – 2019. – No. 37 (56). – P. 133–138.
18. William K. McHenry, Erin E. Makarius. Understanding gamification experiences with the benefits dependency network lens. // Computers and Education Open, Volume 4. 2023. 100123. ISSN 2666-5573. <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2023.100123>
19. Wilk Oliveira, Ig Ibert Bittencourt. Dorit Alt. Assessing the benefits of gamification in mathematics for student gameful experience and gaming motivation. // Computers & Education, Volume 200. 2023. 104806. ISSN 0360-1315 <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2023.104806>
20. Dorit Alt. Assessing the benefits of gamification in mathematics for student gameful experience and gaming motivation. // Computers & Education, Volume 200. 2023. 104806. ISSN 0360-1315 <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2023.104806>

Трансформация образа инженера в российской культуре как отражение запроса социума

Сафонова Юлия Анатольевна,

к.ф.н., доцент кафедры «Социология и культурология», МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: safonova@bmstu.ru

Субочева Оксана Николаевна,

д.с.н., профессор кафедры «Социология и культурология», МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: subochevaon@bmstu.ru

В статье анализируется изменение представлений о профессии инженер в российском обществе с конца 19 века по настоящее время. Посредством рефлексии роли инженера в обществе в художественной сфере выделено 6 этапов трансформации образа. Показано, что для всех этапов характерно восприятие инженера как «Творца», «Открывателя новых миров». Для современной российской культуры эти образы – базовые при восприятии инженера. Вместе с тем, векторы трансформации образа инженера включают представления: о многообразии ролей инженера (в т.ч. «инноватор», «предприниматель» – эти роли обеспечивают сочетание креативности с прикладным характером разработок); о социальных компетенциях как составляющей успеха современного инженера; о междисциплинарном характере его деятельности и влиянии на мир. Представление о роли инженера как о творце новых миров сочетается с пониманием того, что повседневный труд инженера – это не обязательно «подвиг». Небольшие шаги, решение повседневных задач, могут так же быть важным вкладом в развитие науки.

Ключевые слова: инженерное образование, профессиональная идентичность, ролевая модель инженера, социальная компетентность, софт скиллз, социальная трансформация.

Актуальность темы обусловлена интенсивным развитием техносферы и той ключевой ролью, которую играют инженеры в этом процессе. Изменения в техносфере в свою очередь обуславливают трансформацию социо- и психо-сферы [1], в связи с чем меняются и требования к инженеру. Трансформация образа инженера затрагивает не только профессиональные качества, но и социокультурные компетенции. Исследования в этой области помогут понять какие изменения необходимы инженерному образованию согласно запросу общества; а преподавателям и студентам технического вуза – ответить на вопрос о профессиональной идентичности инженера 21 века.

На формирование образа инженера влияют как глобальные тенденции, так и культурный контекст [2, 3]. В фокусе данного исследования динамика образа инженера в культуре России. Понятие «инженер» включает широкий круг специалистов с высшим техническим образованием, занимающихся разработкой, внедрением и оптимизацией различных технических устройств и технологий. Инженерная деятельность, в свою очередь, предполагает экспертную деятельность, исследования в области науки и техники, управление проектами, работу над инновационными проектами, а так же внедрение созданных разработок. Образ инженера содержит совокупность качеств, функций, ролевых характеристик, профессиональных и социальных навыков, которые ассоциируются в культуре с человеком, занимающимся инженерной деятельностью.

Изучение трансформации образа инженера в российской культуре основывается на материале контент-анализа художественных произведений эпохи, а так же вторичного анализа документов. Для исследования направлений эволюции образа инженера в культуре 21 века был проведен опрос студенческой молодежи технического вуза.

Контент-анализ художественных произведений 19–21 века позволил выделить 6 этапов формирования образа инженера в российской культуре и описать его изменения в зависимости от социального запроса. Всего проанализировано около 100 работ: книги, фильмы, картины. Отметим, что границы между «эпохами», не носят четко выраженного характера (особенно это касается перехода от 3-го к 4-му этапу, в связи с чем произведение конца 70-х можно отнести и к той, и к другой эпохе – граница будет проходить в зависимости от транслируемых ценностей, а не от года).

1 *Этап. Дореволюционный.* Образ инженера значительно представлен в искусстве конца 19 века-начала XX века – это время становления профессии инженера. В искусстве – это люди долга («Портрет военного инженера» Крамского И.Н., 1882), имеющие высокий статус в обществе (серия портретов кисти И.Е. Репина: «Портрет военного инженера А.И. Дельвига», 1882; «Портрет инженера Ададунова», 1884) одухотворенные (Репин И.Е. «Портрет военного инженера, штабс-капитана А.А. Шевцова», 1876; «Портрет А.И. Антипова (горного инженера)», 1884). Инженер работоспособен, отличается моральными качествами, он – «совесть эпохи» (Гарин-Михайловский Н.Г. повесть «Инженеры», 1906). В этот период с развитием техники связаны революционные ожидания как в России, так и за рубежом. Именно инженеру благодаря его техническим знаниям суждено привести человечество в лучшее будущее [4]. Такой взгляд на технику и технологии – технооптимизм – и сейчас свойственен русской культуре [5].

2 *этап. Послереволюционный (20-е-40-е гг.), связан с индустриализацией советского государства.* Так как до революции инженер имел достаточно высокий социальный статус и соотносился с классом буржуазии, после 1917 г. инженеры царской России имели большие риски ассоциироваться с контрреволюцией и врагами рабочего класса [4]. Однако масштабные проекты и великие стройки требовали инженерного труда, поэтому одновременно с «чистками» в рядах инженеров («Шахтинское дело») происходило формирование новой инженерной элиты советского государства, строящей коммунизм вместе с рабочими и крестьянами. Инженер в этом контексте рассматривался как лидер, осуществляющий индустриализацию. Он – первый среди равных: молодой, энергичный, амбициозный. Показательна в этом отношении картина А. Дейнеки «Герои первой пятилетки» (1936), на которой изображены советские люди – строители светлого коммунистического «завтра». Они прекрасны и физически, и духовно (их фигуры соотносятся со статуей Дискобола и несколько ему не проигрывает). В современном прочтении в них видят «знатных людей Страны Советов первой пятилетки – шахтеров, металлургов, ткачей, инженеров...» [6]. Нам не удалось найти описание картины самим А. Дейнекой, вопрос изображения инженера среди шагающих людей спорный, но важно другое – именно так даже сейчас прочитываются образы людей в контексте той эпохи.

Выделим типичные сюжеты, раскрывающие роль инженера в советском обществе после революции:

- «из грязи в князи» – парень (девушка) «из народа», благодаря уму и упорству выучился и стал инженером, занял высокое положение в советском обществе – «сам себя сделал», другие герои на него равняются (например, к/ф Светлый путь, реж. Г. Александров, 1940);

- «инженер – борец с контрреволюцией», защитник советского общества и его идеологии (к/ф «Инженер Елагин», реж. В. Файнберг, 1928 – герой фильма готов убить сына-антисоветчика);
- «инженер – революционер во всех сферах»: и разработчик ракет, и открыватель новых миров, и, одновременно, революционер (романы Толстого А.Н.: «Аэлита», 1923; «Гиперболоид инженера Гарина», 1927). Как отмечают исследователи, в «Гиперболоиде инженера Гарина» одному-единственному устройству вменяется магическая способность бесповоротного изменения мира [7].

Дальнейшее развитие образа инженера идет в контексте советского мифа. Роман-антиутопия Е. Замятина «Мы» (1920) – антитеза вышеперечисленных образов – не печатался в СССР до 1988 г. как идеологически враждебный.

3 *этап. 50–70-е гг. Это период оттепели и начала атомной и космической эры,* что не могло не отразиться и на инженерной тематике. Героями произведений этого периода становятся молодые физики-ядерщики (к/ф «Девять дней одного года», реж. М. Ромм, 1961; роман Д. Гранина «Иду на грозу», 1962); ученые, проложившие дорогу к звездам (к/ф «Жуковский» реж. В. Пудовкин, Д. Васильев, 1950; к/ф «Дорога к звездам», реж. П. Клушанцев, 1957; к/ф «Укрощение огня» реж. Д. Храбровицкий, 1972).

Труд научно-технической интеллигенции рисуется в романтических тонах альтруизма, нестяжательства и самоотречения [8].

На картине А. Дейнеки «Портрет молодого инженера» (1966) мы видим массивного, занимающего большую часть пространства, юношу, сосредоточенно сидящего с книгой (блокнотом) в руке – все его мысли заняты решением важной научной проблемы. Значимость фигуры подчеркивается аллюзией к образу В. Маяковского.

В этот период сохраняется трактовка образа в контексте советского мифа об инженерах-коммунистах – строителях светлого будущего, ярко выражен *мотив служения обществу, науке.* Коннов В.И. [9] полагает, что мотив «служения» изначально свойственен российской науке (следствие православной этики, принципы которой распространились не только на религиозное служение, но и на служение государству, формирование же российской науки шло под государственным патронажем).

Во второй половине периода появляются темы, связанные с наукой, техникой и инженерной деятельностью, но лишенные идеологической окраски. Так, в «Солярисе» режиссера А. Тарковского (1972) поднимается множество этических тем: познаваемость мира научными способами, взаимоотношения создателя и его созданий, неразрывности хода технического и нравственного прогресса и пр. Моральные дилеммы, связанные с научным

прогрессом, анализируются и в произведениях «большой тройки советской художественной футурологии» [10]: А.П. Казанцева, И.А. Ефремова, А. и Б. Стругацких.

Отметим, что образ инженера, ученого в советской культуре лишен ярко выраженного гендерного перекося (см., например, картину И.Г. Степанова «Конструкторы», 1967; Филиппова Ю.И. «Этюд № 2 к картине «Инженер-конструктор», 1980). «Юный конструктор» А. Дейнеки (1966) красива, умна, уверена в себе – это образ равного среди равных. Сам художник на вопрос «кто эта девушка?» пояснял, что «таких девушек сейчас много» [11]. Героини в советских фильмах трудятся в разнообразных НИИ и КБ, занимают посты зав. отделов и директоров («Ольга Сергеевна» реж. А. Прошкин, 1975; «Москва слезам не верит», реж. В. Меньшов, 1980; «Чародеи» реж. К. Бромберг, 1982; «Самая обаятельная и привлекательная» реж. Г. Бержанов, 1985 и пр.).

4 этап. «Осень образа», 80-е гг. Инженер в искусстве 80-х – это типичный представитель советского среднего класса (к/ф «Кин-дза-дза», реж. Г. Данелия, 1986), рефлексирующий интеллигент, находящийся в «поисках себя» (к/ф «Отпуск в сентябре» реж. В. Мельников, 1979; «Полеты во сне и наяву» реж. Р. Балаян, 1982). Кризис среднего возраста героя совпадает с кризисом советского государства.

В 80-е гг. в секторе научно-технических разработок наблюдается стагнация, КБ и НИИ сильно забюрократизированы. Это препятствует разработке и внедрению инновационного продукта. В мемуарах инженеров этого времени фиксируется усталость и падение интереса к работе [8].

5 этап. *Переходный период. 90-е гг.* Социальная структура российского общества трансформируется. Значимая часть инженерного сообщества вместе с советской массовой интеллигенцией (учителя, врачи, служащие) оказываются в «базовом слое». Помимо них к базовому слою относятся служащие из технического персонала, работники торговли и сервиса, а также большая часть крестьянства. Неоднородный по профессиональным и квалификационным характеристикам слой объединен общим стереотипом поведения: *поиск путей адаптации и выживания в меняющемся социуме* [12].

Отражение этого поиска мы видим и в искусстве. В одном из первых отечественных сериалов «Горячев и другие» (реж. Ю.Беленький, 1992) идет попытка увязать «старый» и «новый» мир, найти пути адаптации в нем. Главный герой, в прошлом инженер, разрабатывает уникальный компьютерный алгоритм, заинтересовавший американскую компанию. Одновременно он противостоит мафии, и, оставаясь честным, благодаря изобретательности побеждает главных злодеев.

В фильме «Гений» (реж. В. Сергеев, 1991) талантливый инженер-изобретатель, не востребо-

ванный в новых реалиях, находит новые способы обогащения. Он становится директором кооператива, торгующего овощами, по совместительству – аферистом и мошенником. Вместе с тем, все его аферы нацелены на бандитов и аморальных людей, поэтому герой, благодаря нестандартному мышлению находящий выход из сложных ситуаций, вызывает симпатию зрителей.

В обоих случаях всячески подчёркивается интеллект и нестандартное мышление главного героя, благодаря чему он сумел адаптироваться в новых реалиях.

В этот период публикуются ранее запрещенные произведения (роман А.И. Солженицына «В круге первом» (1955–1958), рассказывающий о «шарашках» – НИИ и КБ для осужденных ученых и инженеров; антиутопия Е.И. Замятина «Мы» (1920).

6 этап. *Начало 21 века (двухтысячные – н.в.).* Для этого периода характерен тренд подведения итогов, рефлексии прошлых этапов, анализ текущей ситуацию через призму прошлого опыта. Выделим следующие направления этой рефлексии:

- *рефлексия великого прошлого:* вызвана потребностью чувствовать, что «мы стоим на плечах гигантов» (кинофильмы: «Время первых» реж. Д. Киселев, 2017; «Небо измеряется милями» реж. К. Буслев, 2019; «Калашников» реж. К. Буслев, 2020, и пр.). В центре сюжета образ крупного советского ученого, инженера – творца, первопроходца;
- *рефлексия отношений государства – ученый:* выделено и подробно описано здесь [13];
- *переосмысление отношений с западом сквозь призму советского опыта* (сериал «Операция «Сатана» реж. Ю. Мороз, 2018);
- *рефлексия на тему «что мы сделали не так»*, как следствие-появление фантастических сюжетов в жанре альтернативной истории с главным героем «попаданцем». Герой оказывается в Царской России или Советском Союзе и благодаря своим техническим знаниям и смекалке помогает предотвратить многие роковые события («теория упущенного шанса» Р.Н. Абрамова [14]).

Полагаем, что ставший популярный образ инженера-«попаданца» отражает следующие аспекты восприятия инженера в культуре 21 века: (см. например: циклы А.Ф. Величко: «Кавказский принц»/«Инженеры», 2010–2018, «Эмиссары», 2018–2019; «Юрьев день», 2017–2018; цикл Е. Южина «Инженеры», 2020–2023; цикл Д. Коркина, А. Ясенского «Ник» 2009–2020, цикл П. Дмитриева «Еще не поздно» 2012–2015 и пр.):

1) представление о том, как инженерная деятельность меняет мир: всего один инженер за счет своих знаний и навыков в сфере технологий способен изменить социокультурную динамику;

2) инженер, применяя аналитический подход, способен помочь обществу (миру в котором он окажется) справиться с вызовами, найти подходя-

щие решение проблемы. При этом проблема может быть не обязательно технической;

3) инженер обладает хорошими социализационными навыками: он быстро *адаптируется* в новом социуме, грамотно выстраивает коммуникацию, и, как следствие, занимает высокую социальную нишу.

Как видим, инженер-«попаданец» обладает высоко развитыми и профессиональными, и социальными компетенциями.

Таким образом, для российской, советской культуры на всем протяжении истории свойственно представление об инженере как «творце», создателе новых миров, осуществляющем прорыв в новые области. Инженер в большей степени сосредоточен на служении науке, обществу и в меньшей степени на личном («сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня»). В переломные моменты истории и трансформации социальных институтов инженер продолжает восприниматься как человек высоких интеллектуальных способностей, благодаря смекалки и нестандартному мышлению находящий выход их сложных ситуаций.

В настоящее время происходит изменение запроса общества на роль инженера: он должен обладать не только техническими знаниями, но быть социальным, коммуникабельным, адаптивным, креативным. Эти изменения связаны с трансформацией социума: концепция «Бани»-мира («Bani», англ.) описывает его как хрупкий (brittle); тревожный (anxious), нелинейный (nonlinear), непостижимый (imcomprehensible) [15].

Меняется запрос общества и на функционал инженера: образ ученого, конструктора и разработчика дополняется образом успешного предпринимателя, управленца – важно умение сочетать многообразие ролей и переключать их при необходимости. Исследования показывают [2], что такое прочтение образа инженера как предпринимателя в большей степени характерно для западных и некоторых восточных культур. Но, исходя из наблюдений за студенческой молодежью технического вуза, мы предположили, что эта трансформация образа инженера происходит и в российской культуре. Для студенческой молодежи характерно восприятие современного инженера в многообразии ролей: изобретателя, новатора, предпринимателя, управленца и даже шоумен-антрепренёра. Этот вектор трансформации фиксируется в художественной сфере пока еще не явно (через образ инженера-«попаданца»), но со временем тенденция будет усиливаться.

Для проверки этой гипотезы было проведено исследование. В исследовании приняли участие 100 человек – студентов 1–2 курса московского технического вуза.

После обсуждения темы «Образ инженера в культуре 19, 20, 21 века» студентам было предложено ответить на вопросы: 1) Какой известный человек и почему достоин представлять инжене-

ров 19, 20, 21 века? 2) Выскажите свое мнение относительно того, что в восприятии инженеров в обществе стереотипно? С чем в этих образах вы не согласны? Какие черты добавили бы вы? 3) Есть ли у вас в жизни пример успешного инженера? Почему вы считаете его успешным? После письменных ответов было общее обсуждение работ в аудитории, что позволило прояснить некоторые тезисы.

Ответ на первый вопрос дал нам возможность проанализировать, какие черты, функционал образа инженера, привлекают молодежь.

В качестве инженера-представителя 19 века первое место занял Н. Тесла (41%). Студенты отмечают такие его качества как: нестандартность мышления, новации, которые «опередили время» и перевернули мир, а также прикладное значение его разработок. На втором месте по количеству упоминаний – «первый русский инженер» В. Шухов (25%), на третьем – Г. Форд (11%). Подчеркивается их умение довести свою разработку до успешного внедрения в жизнь.

Самый частотный образ инженера – *представителя 20 века* – С.П. Королев – символ покорения космоса и лидерства СССР в этой области – 37% студентов подчеркивают его значение не только как «творца», «первопроходца», выдающегося конструктора, но и организатора, управленца. На втором месте – В. фон Браун (14%) и А.Н. Туполев (9%).

В качестве *представителя 21 века* с явным отрывом лидирует Илон Маск (61%) – успешный предприниматель, организатор, визионер, «продвигающий изобретения в массы, делающий их доступными для других людей». Все остальные примеры упомянуты студентами по 1–2 раза, как правило, это разработчики в сфере айти-технологий, основатели и сооснователи соцсетей, айти-компаний, успешных стартапов.

При ответе на второй вопрос студенты выделили множество типовых образов восприятия инженера в культуре («подвижник», «великий ученый», «спасатель мира», «гений», «чудак» и пр.), описанных и ранее в исследовательской литературе [2, 7, 8]. Так же студенты отмечали, что часто инженер воспринимается в культуре как человек с хорошо развитыми техническими компетенциями, аналитическим складом ума – и с этим стереотипом большинство из них были согласны («типичный технар» – 50%).

Нас больше интересовала вторая и третья часть вопроса («С чем в этих образах вы не согласны? Какие черты добавил бы вы?»). Ответы студентов на эти вопросы указывают на качества, которые необходимы инженеру с точки зрения молодежи, т.е. – на направление трансформации образа инженера. В студенческих работах нами выделены следующие повторяющиеся мысли:

- для русской культуры характерно противопоставление «общественное» – «личное», ориен-

тация на жертву во имя общества, отказ от личной жизни. Вместе с тем современный мир не требует такой жертвы: помогая себе можно помогать миру – именно поэтому такой популярностью пользуется образ И. Маска;

- возможное негативное влияние на некоторых студентов стереотипа «инженер-творец, непременно совершающий что-то грандиозное». Повседневная, «черновая» работа может быть не менее важна. Небольшие, незаметные шаги также могут быть вкладом в благополучие общества;
- недостаточность российских образовательных позитивных примеров в культуре 21 века. Современной молодежи нужны отечественные герои не только прошлого. Важно также помнить и о вкладе инженеров из других частей мира, таких как Китай, Индия, Япония, которые вносят значительный вклад в развитие технологий;
- фокус на «героях-одиночках». Художественные образы часто представляют инженеров как героев-одиночек, достигающих успеха благодаря своей гениальности и упорству. Однако, как отмечают студенты, важно помнить, что большинство технологических достижений – это результат коллективного труда многих людей: инженеров, ученых, техников, рабочих и других специалистов.

Относительно качеств, которые необходимо добавить образу инженера в культуре ответы распределились следующим образом:

- образу инженера в российской культуре 20 века не хватает социальности, адаптивности, коммуникабельности и других «софт скиллз» (52%);
- проблематике тем, связанных с инженерной деятельностью, и представленных в искусстве, не хватает гуманитарного измерения. А именно: влияния инженерной деятельности на общество, природу; моральные и этические дилеммы, связанные с инженерной деятельностью; междисциплинарный характер самой деятельности; социальная ответственность инженера (35%);
- следует усилить представленность в художественной сфере такого качества инженера как креативность (35%);
- недостаточно освещена проблематика «поиск себя» в этом мире и внутренней борьбы инженера в разных ситуациях (10%);
- необходимо затронуть темы баланса работы и личной жизни в инженерной деятельности (7%);
- следует показывать важность постоянного развития и обучения (3%).

При постановке третьего вопроса (пример успешного инженера) мы полагали, что студенты назовут пример из своей жизни, человека, с которым они лично знакомы и выделяют значимые качества, функционал роли инженера. Но, совершенно неожиданно, на первое место по частоте ответов

вышел Илон Маск (39%) – «новатор и мыслитель вне рамок», «предприниматель – визионер, внедряющий технологии, которые меняют мир», «харизматический лидер, который умеет вдохновлять мотивировать, создавать команду талантов, вести к намеченной цели», «несмотря на то, что он не имеет инженерного образования, он самостоятельно изучил множество инженерных дисциплин, что помогает ему в управлении своими компаниями».

В устном обсуждении студенты пояснили (и большинство из них согласилось с тезисом): немаловажно и притягательно в образе Маска то, что он сумел сочетать благо для общества с благом для себя: «его финансовый успех отражает не только его инженерные достижения, но и умение создавать прибыльный бизнес. Благодаря своим предприятиям он стал одним из самых богатых людей в мире».

На втором месте по популярности при ответе на данный вопрос личный пример из жизни (32%). В качестве личного примера называют: папу, маму, дедушку, бабушку, работавших или работающих в инженерной отрасли и добившихся успеха, а также друга, знакомого. В одном случае упоминается учитель физики (1 раз), ранее работавший в авиапромышленности. В этих жизненных примерах для студентов важны следующие качества:

1. Профессионализм. При этом знания и навыки в инженерной области должны сочетаться со стремлением к совершенствованию и постоянному развитию. Необходимо постоянно изучать новые технологии и методики работы. Благодаря этому инженер решает поставленные задачи и достигает отличных результатов: «разрабатывает уникальные приложения», «реализует проекты, не только в коммерческих целях, но и на благо страны».

2. Инженер умеет распространить свою компетентность на другие сферы, если понадобится. Для этого важно быть открытым новому («мой папа никогда не ограничивает себя знаниями в одной сфере»; «меня всегда восхищало его способность приниматься за любое дело. Что бы только не нужно было. Построить что-то? Легко! Ремонт сделать? Без проблем! Починить что-то? Тем более реально»; «дедушка познавал все, что ему дает жизнь ...даже совсем в пожилом возрасте он читал книги, до сих пор на даче стоит большой шкаф с книгами»).

3. Умение сочетать креативность, нестандартность идей и их прикладной характер: «...ты можешь считаться успешным инженером только, если: твои дома ещё долгое время будут радовать жильцов, твои идеи будут актуальны и новобитны, а твои проекты интересны и оригинальны».

4. Он обладает развитыми социальными и коммуникативными навыками: «умеет работать в команде, легко находит общий язык с коллегами

и руководством, что помогает ему эффективно сотрудничать и достигать общих целей».

5. Такой родственник/знакомый выступает как ролевая модель инженера, учитель и наставник для студентов технического вуза: «он предан делу и всегда находит время, чтобы помочь мне с чертежами». В исследовании [16] показано, что инженерные династии обеспечивают эффективную профессиональную адаптацию и карьерную реализацию молодого поколения, а взаимодействие с инженерами старшего поколения способствует осознанию молодежью векторов развития и трансформации общества.

Остальные примеры встречаются по 1–2 разу – это известные отечественные и зарубежные ученые (Т. Эдисон, Н. Тесла, Ж. Алферов, В. Шухов, С. Королев, С. Возняк и пр.). В одной работе приводится в качестве успешного инженера Леонардо да Винчи с пояснением: «его талант и умения охватывали множество различных сфер, что делает его одним из самых выдающихся людей в истории». Только 5% студентов отметили, что у них нет примера успешного инженера.

Образ инженера меняется в соответствии с запросом общества. На формирование этого образа влияют как глобальные тенденции, так и культурный контекст. Для русской культуры на всех этапах характерно восприятие инженера, ученого, как создателя, творца, первопроходца, самоотверженно совершающего подвиги ради науки, общества, государства. Этот образ характерен и для современного этапа – он вдохновляет и мотивирует студентов технического вуза. Вместе с тем, под влиянием глобальных вызовов и адекватно запросам социума идет следующая трансформация образа инженера.

1. Успешный инженер должен сочетать многообразие ролей и уметь их переключать в зависимости от контекста. Роли «инноватор», «предприниматель» обеспечивают связь креативности и практической применимости инженерных идей и разработок.

2. Наравне с техническими навыками инженеру необходимы социальные компетенции: коммуникативность, адаптивность и гибкость и пр.

3. Представление об инженере-творце, открывателе новых миров, сочетается с пониманием того, что менять мир к лучшему можно и небольшими шагами. Эта деятельность не требует полного самоотречения и самопожертвования: помогая миру можно помогать себе. Баланс личной и профессиональной жизни должен способствовать большей эффективности профессиональной деятельности.

4. Неразрывность деятельности инженера и социума обуславливает ее междисциплинарный характер и диктует необходимость включения проблематики социальной ответственности в рассмотрение образа современного инженера.

Литература

1. Тоффлер Э. Третья волна. Пер. с англ. Барабанов С., Бурмистров К., Бурмистрова Л. и др. – М.: Изд-во АСТ; 2004. – 781 с.
2. Бычкова О., Гладарев Б., Хархордин О., Цинман Ж. Фантастические миры российского хай-тека. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2019. – 416 с.
3. Л. Грэхэм. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. – М: МИФ, 2014. – 272 с.
4. С. Шаттенберг. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 477 с.
5. ВЦИОМ: Россия странатехнооптимистов. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/rossiya-strana-tekhnooptimistov> (дата обращения: 13.06.2024).
6. Картиотерапия для всех желающих. Картины известных зарубежных и отечественных художников. – URL: <https://echoofyears.com/> (дата обращения: 13.06.2024).
7. Чеботарева Е.Э. Российская инженерия в контексте философских и социологических исследований: драмы и фантомы // Epistemology & Philosophy of Science. 2020. № 1. С. 131–159.
8. Абрамов Р.Н. Инженерный труд в позднесоветский период: рутина, творчество, проектная дисциплина // Социология власти. 2020. № 1. С. 179–214.
9. Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО. 2012. № 6. С. 242–249.
10. Черняховская Ю.С. «Большая тройка» советской художественной футурологии. Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких: компаративный анализ. – М.: Институт Наследия, 2022. – 380 с.
11. Долгополов И.В. Мастера и шедевры. В 6 томах: том 3. – М.: Терра, 2008. – 400 с. – URL: <https://topreading.net/bookread/284364-igor-dolgoplov-mastera-i-shedevry-tom-3>, дата обращения: 13.06.2024
12. Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Мониторинг. 1996. № 1. С. 7–15.
13. Медведева С.М. Российская наука и государство: образ учёного в современном российском кино // Вестник МГИМО-Университета. 2014;(2(35)):184–192. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-184-192>
14. Абрамов Р.Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР

- CP // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 2. С. 60–76
15. Cascio J. Age of Chaos. The original public introduction to BANI, March 2020. – URL: <https://ageofbani.com/> (accessed: 13.06.2024).
16. Инженерные династии России: монография / науч. ред. В.А. Мансуров. – М.: РОС, 2017. – 331 с.

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF AN ENGINEER IN RUSSIAN CULTURE AS A REFLECTION OF THE DEMAND OF SOCIETY

Safonova Yu.A., Subocheva O.N.

Bauman Moscow State Technical University

The article analyzes the change of representation about the engineer profession in Russian society from the end of the 19th century to the present. Through the reflection on the role of an engineer in society in the artistic sphere, 6 stages of image transformation are identified. It is shown that all stages are characterized by the perception of the engineer as a “Creator”, “Discoverer of new worlds”. For modern Russian culture, these images are basic when perceiving an engineer. At the same time, vectors of transformation of the image of an engineer include ideas about: – the variety of roles of an engineer (including “innovator”, “entrepreneur” – these roles provide a combination of creativity with the applied nature of developments); – about the importance of social competencies as a component of the success of a modern engineer; – about the interdisciplinary nature of his activities and its impact on the world. The idea of the role of an engineer as a creator of new worlds is combined with the understanding that the everyday work of an engineer is not necessarily a “feat”. Small steps, solving everyday problems, can also be an important contribution to the development of science.

Keywords: engineering education, professional identity, role model of an engineer, social competence, soft skills, social transformation.

References

- Toffler E. The Third Wave. Trans. from English by Barabanov S., Burmistrov K., Burmistrova L., et al. – M.: ACT Publishing House; 2004. – 781 p.
- Bychkova O., Gladarev B., Kharkhordin O., Tsinman J. Fantastic Worlds of Russian High-Tech. – St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2019. – 416 p.
- L. Graham. Can Russia Compete? A History of Innovation in Tsarist, Soviet, and Modern Russia. – M.: MIF, 2014. – 272 p.
- S. Schattenberg. Stalin’s Engineers: Life between Technology and Terror in the 1930s. – M.: ROSSPEN; The Boris Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. – 477 p.
- VTsIOM: Russia is a country of techno-optimists. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/rossiya-stranatekhnnooptimistov> (date of access: 13.06.2024).
- Picture therapy for everyone. Paintings by famous foreign and domestic artists. – URL: <https://echoofyears.com/> (date of access: 13.06.2024).
- Chebotareva E.E. Russian engineering in the context of philosophical and sociological research: dramas and phantoms // Epistemology & Philosophy of Science. 2020. No. 1. P. 131–159.
- Abramov R.N. Engineering Work in the Late Soviet Period: Routine, Creativity, and Project Discipline // Sociology of Power. 2020. No. 1. Pp. 179–214.
- Konnov V.I. The Influence of Cultural Context on the Development of Science in Russia: A Social and Psychological View // MGIMO Bulletin. 2012. No. 6. Pp. 242–249.
- Chernyakhovskaya Yu.S. The “Big Three” of Soviet Artistic Futurology. Political and Philosophical Understanding of the Problems of Cultural Sovereignty, Cultural and Civilizational Integration, and the Formation of Ideals of the Future in the Works of I. Efremov, A. Kazantsev, A. and B. Strugatsky: A Comparative Analysis. – Moscow: Institute of Heritage, 2022. – 380 p.
- Dolgoplov I.V. Masters and Masterpieces. In 6 volumes: volume 3. – M.: Terra, 2008. – 400 p. – URL: <https://topreading.net/bookread/284364-igor-dolgoplov-mastera-i-shedevry-tom-3> (accessed: 13.06.2024).
- Zaslavskaya T.I. Stratification of modern Russian society // Monitoring. 1996. No. 1. P. 7–15.
- Medvedeva S.M. Russian science and the state: the image of a scientist in modern Russian cinema // Bulletin of MGIMO-University. 2014; (2 (35)): 184–192. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-184-192>
- Abramov R.N. Soviet Technocratic Mythologies as a Form of the “Theory of Missed Opportunity”: The History of Cybernetics in the USSR as an Example // Sociology of Science and Technology. 2017. Vol. 8. No. 2. Pp. 60–76
- Cascio J. Age of Chaos. The original public introduction to BANI, March 2020. – URL: <https://ageofbani.com/> (accessed: 13.06.2024).
- Engineering Dynasties of Russia: Monograph / scientific ed. V.A. Mansurov. – M.: ROS, 2017. – 331 p.

Взаимосвязь философской мысли и художественного творчества как культурного феномена в труде «Критика чистого разума» И. Канта

Кормин Николай Александрович,

Д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ФГБУ «Институт философии Российской академии наук»
E-mail: n.kormin@yandex.ru

В настоящем исследовании рассматривается неразрывная связь между философской мыслью и художественным творчеством как культурными феноменами, а также предлагается новая интерпретация их всемирного контекста через призму критической триады Иммануила Канта. Эстетика, традиционно занимающаяся изучением этой взаимосвязи, неизменно сталкивается с извечным вопросом: сотворен ли мир или существует вечно? При этом она обращается к пониманию искусства как трансцендентального проявления бытия в его полном расцвете.

В кантианской философии идея мира олицетворяет возвышенную сущность человеческой природы и сознания, включая обширнейшую сферу неясных представлений, где мерцают эстетические смыслы. В своем труде «Критика чистого разума» Кант вводит идею образца философа через эстетическую структуру персонификации, которая по своему масштабу сопоставима с идеей всего человечества и его нравственным совершенствованием (*Veredelung der Menschheit*), а также с идеалом человека как такового.

Ключевые слова: философия, эстетика, искусство, мир, человечество, трансцендентализм, Кант.

Исследование направлено на постижение новых граней эволюции всеохватывающей философской парадигмы, в которой явно или латентно воплощается эстетическая ценность базисных элементов кантовского трансцендентализма и первичных эстетических прозрений, сопряженных с универсумом. В частности, акцент делается на всеобъемлющем понимании искусства как инструмента декодирования трансцендентальной метафоры универсальных констант, очерчивающих искусство в ипостаси метафизического феномена.

Кант формирует эстетическую платформу для манифестации изначальной философии, погружаясь в сугубо эстетический процесс созидания, но созидания исключительного толка – генезиса философской доктрины или, используя его собственную формулировку, архитектоники «философии согласно индивидуальному проекту» [7, с. 25]. На этой эстетической сцене разворачивается не идея «вечного мира» [5, с. 355], а кульминационная фаза развития креативного потенциала самой природы, апогей сенсорных модальностей психической организации и созидательные «духовные энергии» [8, с. 165], в которых, как мог бы выразиться Пушкин, резонирует голос вдохновенной лиры, с которым они образовали неразрывный симбиоз.

И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья

(«Все в жертву памяти твоей»)

В звучании этого голоса различимы не только отголоски лиры, воплощающие в себе и муки, и экстаз, но и сущность живописного творения или симфонического опуса. В них, как мог бы заметить Кант, метафизические совершенства спонтанно сплетаются в разуме. Мыслитель поднимает вопрос: «Не пролегает ли путь умозаключения от сути человеческой души через всеобъемлющие концепты к Божественному началу и обратно к постижимому бытию души?» [4, с. 117]. Данное вопрошание касается не только логических конструкций, но и плодов художественного творчества.

Более того, в самой ткани художественных феноменов разворачивается простор метафизического мастерства, впервые воплощающий идеал человечества в облике отдельной личности. Архитектурную аллегория подобного метафизического замысла человечества можно усмотреть в ве-

личественном соборе Саграда Фамилия, детище гениального Гауди. Однако прежде чем погружаться в анализ эстетических примеров или метафор таких проектов и конструкций, необходимо задаться вопросом: какое направление поиска более оправданно – всеобъемлющего философского концепта или внемирской сущности того, чему философ дает определение?

Приближаясь к сфере подобных понятий (к примеру, вечность), мы оказываемся, как подчеркивает Кант, перед подлинной пропастью для человеческого разума, где «все ускользает из-под ног, и величайшее, равно как и ничтожнейшее, совершенство лишь парит без опоры перед умозрачным разумом, способным без труда устранить и то, и другое» [1, с. 532].

Когда в «Критике чистого разума» речь идет о неоспоримой необходимости мирового понятия философии, что конкретно подразумевается под такой характеристикой концепта, в котором мыслится мир? Кантовское осмысление мира охватывает и мир как таковой, недоступный нашему непосредственному восприятию, и мир как всеобъемлющую совокупность явлений, и понятие мира, отождествляемое с природой, предполагающей взаимосвязи определений этих явлений согласно внутреннему принципу причинности, и умопостигаемый мир. Можно даже говорить о синтезе происходящих в мире событий, вызванных, например, спонтанностью или чем-то уникальным.

Однако такие свойства характерны для эстетического восприятия мира: парадоксальность квантового мышления о мироздании, креативные аспекты эволюции, удивительные квалиа, поддающиеся описанию лишь неопишуемым образом (в духе Л. Кэрролла), изящные структуры алгоритмов коммуникации или предельно сложная, как отмечает Т.В. Черниговская, оркестровка нейронных сетей. Все эстетические структуры и процессы связаны со способностью воспринимать частное как подчиненное общему, то есть с тем, что рассматривается Кантом как способность суждения в ее рефлексивном аспекте.

Современный исследователь полагает, что «представление Канта о неизменности способности суждения требует пересмотра: способность суждения, несомненно, вариативна и, вопреки Канту, порождает априорные законы. Следовательно, вся конструкция кантовского представления о разуме подлежит коренной перестройке, не в последнюю очередь потому, что именно суждение составляет смысловой стержень его философии с ее ключевым вопросом: как возможны синтетические суждения *a priori*» [2, с. 57]. При этом академик А.В. Смирнов в цитируемой работе противопоставляет свое понимание разума, точнее, истоков вариативности рациональности, кантовскому, хотя, на наш взгляд, их интерпретации разума в чем-то сближаются: если Кант в завершении «Критики чистого разума» рассуждает

о культуре разума, то Смирнов фактически говорит о той же культуре, но во множественном числе, то есть о культурах разума. Однако это не снимает вопросов ни о природе разума, ни о сущности культуры, что является предметом отдельного исследования, связанного также с построением метафизического фундамента для самого суждения.

В философской системе Канта прослеживается глубинное сплетение космологических идей и междисциплинарных конструктов. Мыслитель стремится охватить не только зримую эстетику мироздания, но и интуитивное постижение логоса флоры, о котором размышлял Метерлинк. Кёнигсбергский философ рассматривает творчество как отражение природных процессов, затрагивая трансцендентальные аспекты неопределенности в акте мироздания, присущие человеческому духу.

Кантовская концепция мира воплощает возвышенную сущность человека, который, согласно его этическим воззрениям, представляет собой «самоцель». Эта идея охватывает обширный спектр неясных представлений сознания, где мерцают эстетические смыслы. Трансцендентальный метод Канта предполагает необходимость переосмысления самого понятия космоса, создания своеобразной «герменевтики гармонии» мироздания.

Современный исследователь Шон Гастон отмечает стремление Канта заложить новый фундамент для холистического восприятия универсума. Возникает вопрос: требуется ли в наши дни новый «коперниканский переворот» в осмыслении мировой концепции [9, р. 29]? Архитектоника мира в понимании Канта предстает как всеобъемлющая сущность, не вмещаемая ничем, кроме сознания, способного постичь «ноумен».

Российский психолог Владимир Зинченко утверждал, что конструирование внешней реальности возможно лишь изнутри. Это порождает вопросы о регуляторных механизмах, позволяющих судить о человеческой природе, например, на уровне геномной активности. Как подступить к эстетическому измерению натурфилософской и космологической проблематики? Понятие мира включает эстетическое мировидение, расширяющее горизонты философской медиации.

Греческий философ Феохарий Кессиди поведал историю о сакральном треножнике из святилища Аполлона, олицетворявшем эллинскую софию и врученном Фалесу. Платон в своем диалоге «Тимей» говорит о том, как благодать демиурга воплощается в красоте космоса.

В «Критике чистого разума» Кант вводит космическое понятие философии, отсылающее к культуре интеллекта мыслителя, к его духовному настрою – необходимому условию трансляции философского знания о мире. Это понятие также связано с «фундаментальными целями всего человечества». Человечность выступает как категория этической метафизики.

В контексте трансцендентальной метафизики эстетику можно рассматривать как своеобразный медиатор между этической и теоретической философией. Соотношение истины, красоты и блага занимает центральное место не только в философском дискурсе, но и в художественном осмыслении, что ярко проявляется, к примеру, в поэтическом наследии Иосифа Бродского:

...Эстетическое чутье
суть слепок с инстинкта самосохранения
и надежней, чем этика.

(«Доклад для симпозиума», август 1989 г., Торó)

Эстетика может быть осмыслена как уникальный интерфейс, соединяющий философскую мысль и этические принципы, способствуя их взаимопроникновению и диалектическому развитию. В данном ракурсе она предстает метафорическим воплощением или даже живой аллегорией внутреннего морального компаса человека.

Кант прибегает к эстетическому приему персонализации для иллюстрации глобального философского конструкта. Оптимальный маршрут к постижению этого конструкта пролегает через кантианский постулат трансцендентальной антропологии, который можно интерпретировать как квинтэссенцию всей критической триады [4, с. 616], тесно переплетенную с концепцией ультимативной цели человеческого существования. Трансцендентальная антропология в некотором смысле дополняет и обогащает мировое понятие философии, которое, в противовес схоластическому подходу, охватывает эстетическую архитеконику всей кантианской системы.

Возникает интригующий вопрос: какое «миропонимание» (используя терминологию Канта) раскрывается в глобальном философском конструкте, и каким образом эстетическое восприятие и искусство коррелируют с этим откровением? В художественной сфере, если обратиться к метафизической лирике Р.-М. Рильке, это откровение ассоциируется с «культивированием сердца», в недрах которого зарождается «Бытие, превосходящее исчисление»; именно сердце выступает творцом, преобразующим образы из нашей внутренней сокровищницы. Поэтическое наследие Рильке стремится проникнуть в сокровенные глубины нашего космического бытия, исследуя тончайшие оттенки антропологического вкуса в масштабах вселенной:

... Мы **существуем** еще. В мироздании, быть может,
Привкус наш остается?

(Вторая Дуинская элегия, пер. В. Микушевича)

В своем *magnum opus* «Критика чистого разума» Иммануил Кант выдвигает концепцию своего рода *globus intellectualis* философии, которая не только резонирует с кардинальными устремлениями человеческого *ratio*, но и материализует идею как *bona fide* феномен. «Критика способно-

сти суждения» [3] экстраполирует это воззрение в культурологическом измерении, предлагая гомологичное *globus intellectualis* искусства. Оно интерпретируется как квинтэссенциальный эталон человечества, инкарнированный в индивидууме, и исследует корреляцию между искусством и телеологией человеческого бытия. Парадигма творца в этом контексте трактуется как *exemplum*, достижимый лишь для *ingenium*, в то время как парадигма мыслителя – образец, доступный исключительно для *Vernunftgenius* [10, с. 343], гения рациональности. Подобная концептуализация мирового искусства *primum omnium* обращается к манифестациям *sublime* творчества.

Дискредитируя эстетические репрезентации феноменов универсума и их возвышенные образы в искусстве, Кант апеллирует даже к ригорозным математическим законам (включая концепты *infinitesimal* и *transfinite* величин), однако рассматривает их через призму своей трансцендентальной методологии. Он постулирует, что диссонанс между нашей способностью квантифицировать *magnitude* чувственно воспринимаемых объектов и идеей абсолютной тотальности пробуждает в нас сенсацию некой *suprasensible* способности. *Sublime*, согласно Канту, следует атрибутировать не самому объекту, а диспозиции духа под воздействием определенного представления, занимающего рефлексивную *facultas iudicandi*, то есть саму эстетику, осмысливающую отношение между красотой и высшим совершенным законом, который способен увенчать «прекрасный порядок соответствующим блаженством» [6, с. 645].

Возникает дилемма: как концептуализировать темпоральность самих *globus intellectualis*? И как амплифицировать *globus intellectualis* искусства в философской науке, исследующей модальные значения *infinite* и неделимые прототворческие формы все большего бесконечного, которое через эстетическое *delectatio* увеличивает само себя? Ведь даже эстетические идеи бесконечны *postquam* они генерируют бесконечное множество аналогичных идей и мыслей, формируя полиморфный талант когнитации.

Universalia искусства, не связанные ни с *inaequatio* копии образцу, ни с медиацией образца копией, синтезируют концепты образца и творчества (своего рода «*ars in se*»). В современном дискурсе вопрос о квинтэссенции искусства часто анализируется через оптику кантианской концепции эстетического когнитивизма. Более того, ряд исследователей акцентирует релевантность обращения к кантианскому наследию для интерпретации *contemporary art*: эстетика Канта заслуживает признания в качестве фундамента, который особенно конгруэнтен для рассмотрения безграничной природы современного искусства. *Globus intellectualis* искусства имплицитно апогей мирового искусства, символизирующий безграничные *dona*

для человечества от того искусства, которое Кант наделяет эпитетом «divinum».

В своем монументальном труде «Критика чистого разума» Кант прокладывает неразрывную нить между всеохватывающей концепцией философии и эталоном мыслителя. Этот эталон берет начало в осмыслении нормативности, в частности, того акта самоанализа, который осуществляет философ. Размах подобного образца соизмерим с идеей человечества в его целостности, его духовным восхождением (*Veredelung der Menschheit*), с квинтэссенцией человеческой природы.

Сквозь эту призму искусство являет себя как *Menschenfreund* – верный спутник всего людского племени, сопричастник всеобщего эстетического упоения, катализатор движения к вершинам цивилизации. Лишь такое возвышенное искусство достойно именоваться искусством в его вселенском понимании.

Несмотря на то, что метафизическая грань в «Критике чистого разума» неразрывно сплетена с формированием фундамента всей эстетической системы, она не порождает метафизическую доктрину эстетики как таковую. Однако метафизические предпосылки играют первостепенную роль в исследовании теории способности суждения, траекторий обоснования искусства, корреляции кантовского понятия предела и эстетических интуиций в пространстве всеобъемлющей философской концепции.

Эти постулаты подразумевают осмысление места искусства – той «музы точки», если прибегнуть к поэтическому образу – где оно выступает как материализация (посредством персонификации) идеального облика философа-законодателя человеческого разума. В контексте дискуссии о проблеме всеобъемлющего понятия философии и его соотносительности с идеалом человечества, можно постулировать: истинным философом является тот, чье имя озаряет весь ландшафт философской мысли.

Литература

- Кант И. Сочинения: в 6-ти т. – М.: Мысль, 1964. Т. 3: Критика чистого разума [под ред. Т.И. Ойзермана]. – 799 с.
- Смирнов А.В. Разум, язык, культура: как сегодня прочитывать концепцию «арабского разума» ал-Джәбири // Вопросы философии. 2024. № 7. С. 51–58.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х т. – М.: Ками, 1993. Т. 4: Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения» [подготовлен Н. Мотрошиловой, Т. Длугач, Б. Тушлингом, У. Фогелем]. – 1119 с.
- Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). [отв. ред. В.А. Жучков]. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 752 с.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х т. – М.: Ками, 1994. Т. 1 [подготовлен Н. Мотрошиловой, Б. Тушлингом]. – 586 с.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х т. – М.: Ками, 1997. Т. 3: Основположения к метафизике нравов. Критика практического разума [подготовлен Э. Соловьевым, А. Судаковым, Б. Тушлингом, У. Фогелем]. – 784 с.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х т. – М.: Канон+, 2014. Т. 5. Ч. 1: Метафизика нравов [подготовлен при участии А. Круглова, А. Судакова, Д. Хюннинга, В. Эйлера]. – 1120 с.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х т. – М.: Канон+, 2019. Т. 5. Ч. 2: Метафизика нравов [подготовлен при участии А. Гусейнова, А. Судакова, Ф. Хеспе, Ш. Клигнера, С. Абея, И. Цюлке]. – 488 с.
- Gaston S. (2013). *The Concept of World from Kant to Derrida*. – London; New York: Rowman & Littlefield International, Ltd.
- Kant I. (2008). *Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken* [Academy edition of Immanuel Kant's Collected Works]. [Bd. 1–23] / In der elektronischen Edition; z. Hd.B. Schröder. – Bonn: Universität Bonn – (Retrieved from <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/verzeichnisse-gesamt.html>) (дата обращения: 03.09.2024).

THE RELATIONSHIP BETWEEN PHILOSOPHICAL THOUGHT AND ARTISTIC CREATIVITY AS A CULTURAL PHENOMENON IN THE WORK “CRITIQUE OF PURE REASON” BY I. KANT

Kormin N.A.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

This study examines the inextricable link between philosophical thought and artistic creativity as cultural phenomena, and also offers a new interpretation of their global context through the prism of Immanuel Kant's critical triad. Aesthetics, which has traditionally studied this relationship, is invariably confronted with the eternal question: Is the world created or does it exist eternally? At the same time, she turns to the understanding of art as a transcendental manifestation of being in its full bloom.

In Kantian philosophy, the idea of the world embodies the sublime essence of human nature and consciousness, including the vast sphere of obscure ideas where aesthetic meanings flicker. In his *Critique of Pure Reason*, Kant introduces the idea of the philosopher's model through the aesthetic structure of personification, which is comparable in scope to the idea of all mankind and its moral perfection (*Veredelung der Menschheit*), as well as to the ideal of man as such.

Keywords: philosophy, aesthetics, art, world, humanity, transcendentalism, Kant.

References

- Kant I. Works: in 6 volumes. – Moscow: Mysl, 1964. Volume 3: *Critique of Pure Reason* [edited by T.I. Oizerman]. – 799 p.
- Smirnov A.V. Reason, Language, Culture: How to Read Al-Jābirī's Concept of “Arab Reason” Today // *Voprosy filosofii*. 2024. No. 7. Pp. 51–58.
- Kant I. Works in German and Russian. In 4 volumes. – Moscow: Kami, 1993. Volume 4: *Critique of Judgment*. First Intro-

- duction to the "Critique of Judgment [prepared by N. Motroshilova, T. Dlugach, B. Tuschling, U. Vogel]. – 1119 p.
4. Kant I. From the Manuscript Heritage (materials for the Critique of Pure Reason, Opus postumum). [ed. by V.A. Zhuchkov]. – M.: Progress-Tradition, 2000. – 752 p.
 5. Kant I. Works in German and Russian. In 4 volumes. – M.: Kami, 1994. Vol. 1 [prepared by N. Motroshilova, B. Tuschling]. – 586 p.
 6. Kant I. Works in German and Russian. In 4 volumes. – M.: Kami, 1997. Vol. 3: Foundations of the Metaphysics of Morals. Critique of Practical Reason [prepared by E. Solovyov, A. Sudakov, B. Tuschling, U. Vogel]. – 784 p.
 7. Kant I. Works in German and Russian. In 4 volumes. – Moscow: Canon +, 2014. Vol. 5. Part 1: Metaphysics of Morals [prepared with the participation of A. Kruglov, A. Sudakov, D. Hünning, W. Euler]. – 1120 p.
 8. Kant I. Works in German and Russian. In 4 volumes. – Moscow: Canon +, 2019. Vol. 5. Part 2: Metaphysics of Morals [prepared with the participation of A. Huseynov, A. Sudakov, F. Hesse, S. Klingner, S. Abel, I. Zühlke]. – 488 p.
 9. Gaston S. (2013). The Concept of World from Kant to Derrida. – London; New York: Rowman & Littlefield International, Ltd.
 10. Kant I. (2008). Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken [Academy edition of Immanuel Kant's Collected Works]. [Bd. 1–23] / In der elektronischen Edition; z. Hd.B. Schröder. – Bonn: Universität Bonn – (Retrieved from <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/verzeichnisse-gesamt.html>) (access date: 09/03/2024).

Соотношение фундаментальных понятий философии и эстетики в работах И. Канта

Кормин Николай Александрович,

д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ФГБУ «Институт философии Российской академии наук»
E-mail: n.kormin@yandex.ru

В статье выявляется соотношение фундаментальных понятий философии Канта: мирового понятия философии и понятия, построенного на основе анализа его эстетики, – мирового понятия искусства. Одновременно рассматривается кантовская трактовка неподражаемых образцов привнесения эстетического содержания в западноевропейскую метафизическую традицию, как она воплотилась в трансцендентальном осмыслении мирового понятия философии – этого выражения «гениальности разума (Vernunftgenius)». Сложность такого ракурса осмысления в том, что, перефразируя Аристотеля, для эстетических субстанций нет ни определения, ни доказательства. Эстетика как способ мыслить искусством во многом зависит от метафизического видения самого мира, она всегда стояла и стоит перед дилеммой: сотворен мир или несотворен, раскрывает структуры кантовского понимания божественного искусства, его соотношения с идеей Творения.

Ключевые слова: философия, метафизика, эстетика, искусство, культура.

В настоящем исследовании мы ставим перед собой задачу проанализировать новые аспекты развития всеобъемлющего философского понимания [1], в которых эксплицитно или имплицитно воплощается эстетическое значение базисных структур трансцендентализма и первичных эстетических интуиций, связанных с мирозданием. Центральное место в нашем анализе занимает концепция искусства в планетарном масштабе как метод постижения духовного эквивалента мировых точек, определяющих метафизическое событие в сфере искусства.

Кант одним решительным ходом выделяет как эстетический прецедент метафизического события (это подлинное венчание прекрасного миропорядка соответствующим блаженством; в этом контексте «метафизические совершенства в разуме возникают спонтанно» (Кант), к ним можно отнести даже живописное полотно или музыкальную симфонию, также представляющие собой микрокосм), так и область философского мастерства, впервые формирующую идеал священного человечества в облике индивида. Архитектурным воплощением метафизического проекта сакрального человечества можно считать Temple Expiatori de la Sagrada Familia выдающегося Гауди. Тем не менее, прежде чем углубляться в обсуждение эстетических казусов или метафор, необходимо поставить вопрос: какой путь более правомерен – поиск всеобъемлющего понятия философии или внемирской сущности того, чему философ дает дефиницию?

Когда в «Критике чистого разума» говорится о неоспоримой актуальности всеобъемлющего понятия философии, что конкретно подразумевается под такой характеристикой концепта, в котором осмысляется мироздание? В.П. Визгин соотносит кантовское понимание мира со структурой «особенного всеобщего, рассмотренного в полноте его эмпирического развертывания», однако такое свойство приближает нас к эстетической парадигме, поскольку способность мыслить частное как подчиненное общему рассматривается немецким философом как способность суждения. Для Канта понятие, в котором мыслится мир, неразрывно связано с космологией (и вовсе не случайно, что в современном западном дискурсе поднимается тема: Иммануил Кант – Юрий Гагарин) и ее эстетическими аспектами, или с трансцендентальными предпосылками миротворения, происходящего в нашем сознании, хотя сама задача определения

трансцендентальных оснований находит свое разрешение далеко за пределами эмпирического мира.

В то же время идея мира для Канта – это концепция, олицетворяющая возвышенную сущность человеческой природы, выражающая эстетическое мировосприятие. В определенном смысле, всеобъемлющее понятие, невзирая на его многозначность, – это пропилеи теории всего, хотя невозможно сконструировать четкий понятийный каркас систем знания о мире как целостности, дать исчерпывающую определенность предмету всеобъемлющего понятия. Тем более если исходить из трансцендентальной установки, согласно которой нам надлежит скорректировать в самом понятии то, что мы в него привнесли.

Ш. Гастон справедливо акцентирует внимание на том, что Кант стремился заложить новые основания для восприятия мира как единого целого, закономерно ставя при этом вопрос, необходима ли нам сегодня новая коперниканская революция применительно к концепции мира [2]. Концептуальная архитектура мира, мироздание в метафизическом смысле представляют собой то, что охватывает все сущее, но само не охватывается ничем. Следовательно, это весьма парадоксальная концепция, поскольку никакое понятие не в состоянии вместить мир во всей его полноте. Однако существует ли эстетическая структура этого всеобъемлющего понятия, своего рода эстетическое мировоззрение, расширяющие предельное посредничество философии, – ведь, согласно «Тимею», благодать демиурга воплощается в красоте мироздания [3].

В рамках данного исследования мы предпринимаем попытку раскрыть новые грани эволюции всеобъемлющего философского постижения, где эксплицитно или имплицитно проявляется эстетический аспект фундаментальных конструкций трансцендентализма и первозданных эстетических интуиций, сопряженных с мирозданием. Центральное место в нашем анализе отводится концепции искусства в планетарном масштабе как способу постижения духовного эквивалента космических точек, детерминирующих метафизическое событие в сфере художественного творчества.

Кант решительно выделяет как эстетический прецедент метафизического события (это подлинное увенчание гармоничного миропорядка соответствующим блаженством; в этом контексте «метафизические совершенства в разуме возникают спонтанно» (Кант), к ним можно причислить даже живописное полотно или музыкальную симфонию, также представляющие собой микрокосм), так и область философского мастерства, впервые формирующую идеал сакрального человечества в облике индивида. Архитектурным воплощением метафизического проекта священного человечества можно считать храм Саграда Фамилия гени-

ального Гауди. Однако, прежде чем погружаться в обсуждение эстетических казусов или метафор, необходимо поставить вопрос: какой путь более правомерен – поиск всеобъемлющего понятия философии или трансцендентной сущности того, чему философ дает дефиницию?

Когда в «Критике чистого разума» говорится о неоспоримой актуальности всеобъемлющего понятия философии, что конкретно подразумевается под такой характеристикой концепта, в котором осмысливается универсум? В.П. Визгин соотносит кантовское понимание мира со структурой «особенного всеобщего, рассмотренного в полноте его эмпирического развертывания», однако такое свойство приближает нас к эстетической парадигме, поскольку способность мыслить частное как подчиненное общему рассматривается немецким мыслителем как способность суждения. Для Канта понятие, в котором мыслится мир, неразрывно связано с космологией (и вовсе не случайно, что в современном западном дискурсе поднимается тема: Иммануил Кант – Юрий Гагарин) и ее эстетическими аспектами, или с трансцендентальными предпосылками миротворения, происходящего в нашем сознании, хотя сама задача определения трансцендентальных оснований находит свое разрешение далеко за пределами эмпирического мира.

В то же время идея мира для Канта – это концепция, олицетворяющая возвышенную сущность человеческой природы, выражающая эстетическое мировосприятие. В определенном смысле, всеобъемлющее понятие, невзирая на его многозначность, – это пропилеи теории всего, хотя невозможно сконструировать четкий понятийный каркас систем знания о мире как целостности, дать исчерпывающую определенность предмету всеобъемлющего понятия. Тем более если исходить из трансцендентальной установки, согласно которой нам надлежит скорректировать в самом понятии то, что мы в него привнесли.

Идея всеохватывающей философской системы требует специфической персонификации. Проблематика олицетворения абстрактных понятий многоаспектна. Человеческое сознание постигает реальность посредством концептов, с их помощью формируя не только инновационные способы взаимодействия с миром, но и новые пласты самой действительности. Однако персонификация всеобъемлющей философской концепции не сводится к простому художественному портретированию мыслителя. Это скорее метафизическая поэзия мысли, поиск «лакусовой бумаги чувств» (если перефразировать Канта) – интеллектуальный конструкт, путешествующий в мирах человеческого сознания, поэтическая строгость самого мыслительного процесса.

В своем монументальном исследовании «Критика чистого разума» Иммануил Кант предлагает инновационную концепцию всеобъемлющей фи-

лософской парадигмы. Эта парадигма не только резонирует с имманентными устремлениями человеческого интеллекта, но и воплощает идею как онтологический феномен. Данная мысль получает дальнейшую эволюцию в «Критике способности суждения», где Кант расширяет свое видение, проецируя его на культурологическую плоскость. Здесь он вводит аналогичное понятие всеобъемлющего искусства, трактуя его как квинтэссенцию человечества, воплощенную в индивидууме, и одновременно проливая свет на корреляцию между искусством и телеологией человеческого существования.

Этот подход порождает нетривиальную дилемму о темпоральной природе всеобъемлющих концепций различных модальностей. Как интегрировать всеохватывающую концепцию искусства в философский дискурс, исследующий модальные аспекты бесконечного, неделимые прототворческие формы экспансирующей бесконечности, которая через эстетическое созерцание *perpetuum mobile* воспроизводит себя? Ведь даже эстетические идеи несут в себе зерно бесконечности, генерируя бесконечную череду родственных идей и мыслей – то, что выдающийся мыслитель Владимир Бибахин метко окрестил «искусством мышления».

В современном российском философском ландшафте красота мироздания интерпретируется через призму парадокса: то, что *prima facie* кажется невозможным в рамках существующего миропорядка, все же материализуется, и именно эта манифестация невозможного и есть квинтэссенция красоты. Метаморфоза ее образа, смысловая конвергенция со всей концептуальной архитектурой эстетики и связанных с ней аффективных отношений приобретает драматический аспект личностной самоидентификации, погружения в первозданные истоки социальных интеракций. Перефразируя знаменитый картезианский постулат, можно постулировать: эстетическое *cogito a priori* предполагает мышление в категориях бесконечного.

Переосмысление концепции искусства выводит нас за пределы банальной миметической репрезентации или медиации между идеалом и его воплощением. На этой почве зарождается уникальный синтез архетипа и креативного процесса, порождая феномен «чистого искусства» в его наиболее рафинированной форме. Знаменательно, что современный дискурс о природе искусства зачастую разворачивается в русле кантовского эстетического когнитивизма. Целая плеяда исследователей акцентирует релевантность кантовского наследия для дешифровки современных арт-практик. Как метко подмечено в научных кругах: «Эстетическая доктрина Канта представляется оптимальной методологической платформой для постижения безграничной сущности искусства

нашей эпохи, открывая новые горизонты для его интерпретации и анализа».

В своем фундаментальном опусе «Критика чистого разума» Иммануил Кант выдвигает инновационную концепцию всеобъемлющей философской парадигмы. Эта парадигма не только резонирует с сокровенными устремлениями человеческого интеллекта, но и возводит понятие идеи в ранг онтологического феномена. Данная мысль получает дальнейшую разработку в «Критике способности суждения», где Кант расширяет свое видение, экстраполируя его на культурологическую плоскость. В этом контексте он вводит созвучное понятие всеобъемлющего искусства, интерпретируя его как квинтэссенцию человечности, воплощенную в индивидууме, и одновременно проливая свет на многогранную взаимосвязь между искусством и телеологией человеческого бытия.

Переосмысление сущности искусства выводит нас за пределы тривиальной миметической репрезентации или медиации между идеалом и его воплощением. На этой почве зарождается уникальный симбиоз архетипа и креативного процесса, порождая феномен «чистого искусства» в его наиболее рафинированной ипостаси. Знаменательно, что современный дискурс о природе искусства зачастую разворачивается в русле кантовского эстетического когнитивизма. Целая плеяда исследователей акцентирует релевантность кантовского наследия для дешифровки современных арт-практик. Как метко подмечено в научных кругах: «Эстетическая доктрина Канта представляется оптимальной методологической платформой для постижения безграничной сущности искусства нашей эпохи, открывая новые горизонты для его интерпретации и аналитического осмысления».

Литература

1. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х томах. – М.: Наука, 2006. Т. 2. Ч. 1. [подготовлен Н. Мотрошиловой, Т. Длугач, Б. Тушлингом, У. Фогелем]. – 1081 с.
2. Gaston S. The Concept of World from Kant to Derrida. – London; New York: Rowman & Littlefield International, Ltd., 2013. – P. 1–29.
3. Длугач Т.Б. От Канта к Фихте. Сравнительно-исторический анализ / [2-изд.]. – М.: Канон+, 2010. – 367 с.
4. Kant I. (2017). Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken. Die Universität Bonn verfügt über ein elektronisches Korpus von Immanuel Kants gesammelten Schriften gemäß den Abteilungen 1–3 der Akademie-Ausgabe. – Bonn: The University of Bonn. [Bd. 20]. Digital Edition of Kant's Works. – 340 p.
5. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х т. – М.: Наука, 2001. Т. 4. [подготовлен Н. Мотрошиловой, Т. Длугач, Б. Тушлингом, У. Фогелем]. – 1120 с.

6. Кант И. Венская логика / [пер. с немец. А.М. Харитоновой, Л.Э. Крыштоп; под ред. А.Н. Круглова]. – М.: Канон+, 2022. – 495 с.
7. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4-х т. – М.: Ками, 1993. Т. 1 [подготовлен Н. Мотрошиловой, Б. Тушлингом]. – 584 с.
8. Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). [отв. ред. В.А. Жучков]. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 750 с.
9. Kuplen M. Kant's Aesthetic Cognitivism. On the Value of Art. – New York: Bloomsbury Academic, 2023. – P. 208.
10. Cazeaux C. Judging Contemporary Art with Kant. In: Special Issue on Kant and Contemporary Art. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Vol. 26 (4). – P. 649.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FUNDAMENTAL CONCEPTS OF PHILOSOPHY AND AESTHETICS IN THE WORKS OF I. KANT

Kormin N.A.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

The article reveals the correlation of the fundamental concepts of Kant's philosophy: the world concept of philosophy and the concept based on the analysis of his aesthetics – the world concept of art. At the same time, Kant's interpretation of inimitable examples of bringing aesthetic content to the Western European metaphysical tradition is considered, as it was embodied in a transcendental understanding of the world concept of philosophy – this expression of "genius of reason (*Vernunftgenius*)". The difficulty of this perspective of understanding is that, to paraphrase Aristotle, there is no definition

or proof for aesthetic substances. Aesthetics as a way of thinking through art largely depends on the metaphysical vision of the world itself, it has always faced a dilemma.: whether the world is created or uncreated, reveals the structures of Kant's understanding of divine art, its relationship with the idea of Creation.

Keywords: philosophy, metaphysics, aesthetics, art, culture.

References

1. Kant I. Works in German and Russian. In 4 volumes. – М.: Nauka, 2006. Т. 2. Ч. 1. [prepared by N. Motroshilova, T. Dlugach, B. Tuschling, U. Vogel]. – 1081 p.
2. Gaston S. The Concept of World from Kant to Derrida. – London; New York: Rowman & Littlefield International, Ltd, 2013. – P. 1–29.
3. Dlugach T.B. From Kant to Fichte. Comparative-historical analysis / [2nd ed.]. – Moscow: Canon+, 2010. – 367 p.
4. Kant I. (2017). Academy edition of Immanuel Kant's collected works. The University of Bonn has an electronic corpus of Immanuel Kant's collected writings in sections 1–3 of the Academy edition. – Bonn: The University of Bonn. [Vol. 20]. Digital Edition of Kant's Works. – 340 p.
5. Kant I. Works in German and Russian. In 4 vol. – М.: Nauka, 2001. Т. 4. [prepared by N. Motroshilova, T. Dlugach, B. Tuschling, U. Vogel]. – 1120 p.
6. Kant I. Viennese Logic / [translated from German by A.M. Kharitonova, L.E. Kryshstop; ed. by A.N. Kruglov]. – Moscow: Kanon+, 2022. – 495 p.
7. Kant I. Essays in German and Russian. In 4 vol. – М.: Ками, 1993. Т. 1 [prepared by N. Motroshilova, B. Tuschling]. – 584 p.
8. Kant I. From the manuscript heritage (materials for 'Critique of Pure Reason', *Opus postumum*). [edited by V.A. Zhuchkov]. – Moscow: Progress-Tradition, 2000. – 750 p.
9. Kuplen M. Kant's Aesthetic Cognitivism. On the Value of Art. – New York: Bloomsbury Academic, 2023. – P. 208.
10. Cazeaux C. Judging Contemporary Art with Kant. In: Special Issue on Kant and Contemporary Art. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Vol. 26 (4). – P. 649.

К вопросу о формировании толерантности в современном обществе

Мичурин Александр Владимирович,

независимый исследователь, заведующий сектором развития проектной деятельности Министерства семьи, труда и социальной защиты населения
E-mail: michurinav@rambler.ru

В статье обосновывается положение, что позитивное влияние на уровень толерантности современного общества могут оказать мероприятия, направленные на формирование у людей философской, правовой и нравственной культуры, а также некоторых, связанных с толерантностью психологических компетенций. Для формирования толерантности в условиях современного общества автор предлагается разработать и реализовать специальную программу. Такая программа, в том числе, должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих возможность личностной самореализации. Автор также полагает, что без знания границ терпимости, установленных в современном обществе, самореализоваться в полной мере социальному субъекту будет весьма проблематично.

Ключевые слова: толерантность, формирование толерантности, современное общество, философская культура, правовая культура, нравственная культура, психологические компетенции.

Толерантность в обществе не есть априорная сущность. Исторически возникшие филогенетические рубежи в области её культуры, чтобы не быть с ходом времени бесследно утраченными, должны перманентно достигаться в онтогенезе конкретных людей, составляющих и пополняющих данное общество за счёт естественного и механического прироста. Иными словами, наряду с чисто внешним, материальным, документальным и символическим закреплением (традиции, ритуалы, законы, подзаконные акты, принципы, регулирующие деятельность социальных организаций, награды и т.д.) толерантности в социуме должны быть созданы условия для того, чтобы она могла действительно становиться, и становилась достоянием внутреннего духовного мира социальных субъектов.

Представление о том, что большинство людей и их объединения будут вести себя толерантно естественным, самопроизвольным образом, — не более чем иллюзия. Для формирования толерантности в социуме требуется соответствующая систематическая, целенаправленная активность многих его субъектов в хозяйственной (создание условий для справедливого распределения благ, достойного труда и т.д.), организационной (справедливые правила политической конкуренции, учёт мнений меньшинств, оппозиции и т.д.), социальной (воспроизводство толерантных субъектов посредством системы образования, меры позитивного выравнивания и т.д.) и духовной (поддержка объединяющих и обеспечивающих конструктивное взаимодействие и взаимопонимание между людьми идей, критика интолерантности и т.д.) его подсистемах.

В связи с этим актуальное значение приобретают вопросы организации, мониторинга, планирования и координации деятельности множества социальных институтов, обеспечивающих формирование в обществе толерантных отношений. В числе основных таких социальных институтов, в частности, выделяют:

- институты, которые конструируют толерантность как культурную, социальную и личностную ценность;
- институты, транслирующие (передающие) толерантное видение мира и формирующие толерантную компетентность;
- институты, контролирурующие соблюдение в обществе принципов толерантности [17, с. 38].

Отсутствие должного внимания к организации, мониторингу, планированию и координации дея-

тельности социальных институтов, обеспечивающих формирование в обществе толерантных отношений, может приводить, например, к тому, что положительное отношение к толерантности на макроуровне может существенно отличаться от того, как её воспринимают и оценивают в отдельных семьях. «У значительной части общества, – как пишет Л.Е. Багдасарян, – могут возникнуть глубокие сомнения насчёт того, что толерантность – это эволюционно выигрышная (для детей. – А.М.) линия культуры» [1, с. 176]. Вместе с тем именно в семье, на микроуровне социального бытия, закладываются базовые представления о том, что можно, должно и нельзя делать в обществе.

Не в полной мере соответствующие современным, разделяемым мировым сообществом стандартам, взгляды на толерантность, в ряде случаев могут складываться и у представителей науки, призванных вырабатывать толерантность как культурную норму и ценность, прояснять её сущность, просвещать людей, предлагать актуальные и адекватные для текущего этапа социального развития меры. Можно даже встретить вот такую, вызывающую этические вопросы практическую рекомендацию, как «создание и распространение с помощью СМИ новой этнотолерантной, гуманистической *мифологии*» (выделено мной. – А.М.)» [10, с. 41].

Организация, мониторинг, планирование и координация деятельности социальных институтов по формированию в современном обществе, основанных на толерантности социальных отношений, как мы полагаем, могла бы осуществляться в рамках деятельности по поддержанию между людьми мира и согласия. Для этого, в свою очередь, целесообразно было бы разработать и начать реализовывать программу, помимо толерантности, направленную, в том числе, на создание необходимых условий для личностной самореализации людей.

Увязывание толерантности и саморазвития представляется нам целесообразной исходя из следующих соображений. Реализация потенциала человека осуществляется в процессе его многообразной деятельности. При этом одним из существенных признаков любой формы самореализации служит право человека на выбор. «Объективным основанием выбора, – как показал, в свою очередь, В.В. Байлук, – является спектр потребностей и возможностей самого человека (его желания, способности, умения, воля и т.д.) и поле возможностей окружающего мира, тех жизненных обстоятельств, в которых он живёт» [2, с. 34]. В связи с чем, мы полагаем, что без знания границ терпимости в современном обществе (правовых, нравственных и интеллектуальных), фактически задающих пространство человеческой свободы, реализоваться в полной мере социальному субъекту будет весьма проблематично.

Учитывая тот факт, что толерантность предполагает определённую правовую, нравственную и интеллектуальную культуру своих субъектов, программа по её формированию в современном обществе должна включать в себя, как мы полагаем, соответствующие разделы, содержащие направленные на приобщение к данным сущностям конкретных людей и коллективов меры. При этом выработку таких мер, на что следует обратить особое внимание, целесообразно проводить с учётом накопленных на сегодняшний день философских, научных и др. знаний, а также посредством вовлечения в данную деятельность представителей множества функционирующих в обществе институтов. Непосредственное участие представителей разнообразных социальных институтов в указанной деятельности важно в связи с тем, что все эти институты, так или иначе, информируют, обучают и воспитывают людей [18, с. 67], а, следовательно, и влияют на формирование у них определённых представлений и понятий о толерантности.

«Как идея права конституируется определением границ индивидуальной свободы, так и идея толерантности, – в чём мы полностью солидарны с Е.К. Краснухиной, – не есть нечто безразмерное и дискуссии о ней не должны сводиться только к тезису о том, что надо быть ещё терпимее» [8, с. 143]. Мера терпимости в современном обществе, в том числе, задана позитивным правом, без знания, уважения и соблюдения которого задача по формированию толерантного общества представляется нам неразрешимой. «Незнание положительного права, – как писал об этом в одной из своих работ И.А. Ильин, – ведёт неизбежно к произволу сильного и запуганности слабого. Мало того, оно делает невозможным жизнь в праве и по праву» [4, с. 24].

Помимо собственно правой культуры необходимыми составляющими общей культуры толерантности являются нравственная культура и культура мышления. «Сфера объединения общества и солидаризации различных социальных групп и кругов сегодня, – как справедливо отмечает О.А. Семёнова, – может быть найдена только в плоскости универсальных принципов морали и мышления, поскольку именно моральные ценности и формы человеческого познания являются действительно общими и неустранимыми основаниями человеческого бытия» [14, с. 30].

Вместе с тем, прежде чем формировать три указанных элемента толерантной культуры у людей, как мы полагаем, необходимо изменить методологический подход к формированию культуры толерантности в целом. В соответствии с предлагаемой нами идеей формировать у людей нужно не отдельные установки толерантного сознания, как это делалось ранее, а определённый тип мировоззрения, для которого такие установки являются естественными, органическими, формирующимися из него и для него самого составляющими

ми. А именно мировоззрение, для которого высокая правовая, нравственная культура и культура мышления естественны и органичны. В противном случае толерантность так и будет оставаться лишь декларируемым, абстрактным, понимаемым и принимаемым узкой группой специалистов принципом, а не реально разделяемой и реализуемой широкой общественностью нормой жизнедеятельности.

Таким типом мировоззрения, как мы полагаем, является мировоззрение философское. Именно благодаря философии, философскому мировоззрению только и возможен диалог (личностей, культур и т.д.) в подлинном смысле этого слова. Диалог, который не есть прагматически используемая фикция, по существу своему являющаяся обменом монологами (как, например, весьма часто происходит при диалоге тех или иных идеологий или религий), диалог, который представляет собой взаимное переосмысление, соразвитие вступающих во взаимодействие субъектов [16]. В рамках такого действительного, развивающего сознание диалога, толерантность в современном своём социально-историческом понимании только и может быть реализована. И в этом смысле мы полностью разделяем точку зрения В.А. Лекторского о том, что «коммуникативные возможности философии должны быть осознаны и культивируемы» [9, с. 55]. Философия по своей природе одновременно является и концептуальным основанием толерантности, и средством её формирования [6, с. 78]. «Научиться толерантности, – как справедливо резюмирует в своей статье Т.В. Носова, собственно, – и означает научиться мыслить философски» [12, с. 63].

Мы живем в светском обществе. И, следовательно, светская идентичность для нас должна быть если и не главной, то, по крайней мере, не менее значимой, чем религиозная. «Если основной религиозной идентичности выступает религиозное мировоззрение, – рассуждает А.В. Дахин, – то основой светской – светское, то есть светская философия» [3, с. 16].

Научное мировоззрение и вытекающий из него интеллектуализм, также как и мировоззрение религиозное, недостаточны для формирования у людей толерантного сознания и поведения. Конечно, «толерантный субъект не может быть примитивной личностью, – пишет в связи с этим В.А. Тишков, – но это совсем не означает, что интеллектуальность усиливает и гарантирует толерантность. Нетерпимость, особенно в её наиболее изощрённых и доктринальных формах, чаще всего является результатом усилий интеллектуалов. Они же обеспечивают эмоциональную мобилизацию, производя риторику ненависти и поставляя рациональные аргументы для отправления разных форм нетерпимости, включая насилие» [15, с. 22]. В связи с этим, определяющей чертой личности на пути к толерантности должна, как мы полагаем,

является не столько интеллектуальность, сколько устремленность к мудрости, идеалам, вершинам человеческого духа (истине, добру, справедливости, красоте, вере). Благодаря такому вектору человеческих стремлений необходимые знания и гуманистические ценности людьми рано или поздно будут находиться и интериоризироваться. В свою очередь, без подобной интенции трансформация применяющего научный метод интеллектуала, в руководящегося в своей жизнедеятельности принципом толерантности интеллигента, представляется нам маловероятной.

Помимо высоких духовных устремлений философия собственно и формирует адекватную для толерантности интеллектуальную, мыслительную культуру, критическое, рефлексивное мышление. «История человеческих заблуждений показывает, что такие утверждения, как «я абсолютно уверен» или «я не могу не верить», не являются адекватным основанием для истинности каких бы то ни было суждений» [7, с. 51]. Тем не менее, люди вновь и вновь, руководствуясь подобными суждениями, продолжают воспроизводить в обществе различные формы нетерпимости.

Как показывает анализ научной литературы, для реализации толерантности на личностном и межличностном уровнях людям сегодня также необходима определённая компетентность в области психологии: знания и умения в сфере вербальной и невербальной коммуникации, умение разрешать конфликты, осведомлённость о чувственной, эмоционально-волевой сфере человека и т.д. Её обретение возможно на основе таких эффективных методов обучения как тренинги, проблемные лекции, деловые, ролевые игры и т.д. Немалую роль в формировании психологической компетентности играют самообучение и самовоспитание: чтение соответствующей литературы, аутотренинги, занятия физической культурой и спортом, общение с обладающими соответствующими знаниями и опытом людьми (для передачи и получения личностного знания) и т.д.

При этом отметим, что основы конфликтологической компетентности толерантной личности, как части психологической компетентности в целом, должны включать в себя знания, умения и навыки успешного разрешения различных и внутриличностных, и социальных конфликтов, а также умение применять технологии арбитража и медиации.

Вопрос разработки специальной программы, разделы которой будут направлены на формирование у населения философской, правовой, нравственной культуры, а также необходимой психологической компетентности, представляется нам крайне актуальным. Вместе с тем к перспективам разработки и реализации такого средства социального управления в условиях современного общества мы относимся с определённой долей скептицизма. Толерантность, основанная на общечеловеческой идентичности, правовой, нрав-

ственной и интеллектуальной солидарности человечества в целом, как это ни удивительно звучит в XXI веке, часто противопоставляется в общественном сознании самобытности, патриотизму, основанными на гражданской идентичности и традиционных ценностях. Вместе с тем эти сущности – патриотизм и толерантность – должны мыслиться в диалектическом единстве. Чрезмерность и терпимости, и патриотизма (при гипертрофированной национальной гордости, гиперидентичности) может «привести к деградации как отдельной личности, так и общества в целом» [19, с. 81], что, между прочим, неоднократно наблюдалось в мировой истории. И в этом смысле действительно необходимо, чтобы каждый индивид «сочетал чувство национальной гордости с уважением к иному человеку, готов был передавать и перенимать всё лучшее, что создано каждым народом» [13, с. 69]. А это, в свою очередь не осуществить без толерантности. «Итак, любить свою родину, – как справедливо писал И.А. Ильин, – не значит считать её единственным на земле средоточием духа, ибо тот, кто утверждает это, не знает вообще, что есть Дух, а потому не умеет любить и дух своего народа; ... Нет человека и нет народа, который был бы «единственным» средоточием духа, ибо дух живёт по-своему во всех людях и во всех народах» [5, с. 209–210].

Деятельность любого народа на современном этапе общественного развития, как мы полагаем, должна, прежде всего, в той или иной мере способствовать решению общечеловеческих, глобальных проблем. Между прочим, в число таких проблем, в том числе, входит проблема «войны и мира», в разрешении которой как раз и заключается если не главный, то, определённо, один из ведущих смыслов толерантности.

Итак, подведём итоги.

1. Развитию толерантности в современном обществе, как мы полагаем, будут способствовать мероприятия по формированию у составляющих его индивидов философской, правовой и нравственной культуры, а также некоторых, связанных с толерантностью психологических компетенций.

2. В целях реализации указанных мер по формированию толерантности в современном обществе целесообразно разработать специальную программу, которая, в том числе, должна быть направлена на создание условий для личностной самореализации.

3. Вопрос разработки такой программы представляется нам крайне актуальным. Без его положительного решения рассуждения о толерантности так и останутся пусть и достойным, но бесполезным в плане социальной практики занятием.

Литература

- Багдасарян Л.Е. Толерантность как качество личности преподавателя средней профессиональной школы и важнейшее условие целостного понимания им образовательного процесса // *Современные гуманитарные исследования*. – 2007. – № 6. – С. 176–177.
- Байлук В.В. *Человекознание. Самореализация личности: общие законы успеха* [Текст]: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 383 с.
- Дахин А.В. *Светская философия и онтология памяти* // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса* (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т. I. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 16–17.
- Ильин И.А. *О сущности правосознания*. / Подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.
- Ильин И.А. *Путь духовного обновления* / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.
- Ключник И.В. *Толерантность и компаративность в контексте философского дискурса* // *Дни петербургской философии: материалы конференций*. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 76–79.
- Коэн М., Нагель Э. *Введение в логику и научный метод* / Моррис Коэн; Эрнест Нагель; пер. с англ. П.С. Куслия. – Челябинск: Социум, 2010. – 655 с.
- Краснухина Е.К. *Веротерпимость и толерантность права* // *Дни петербургской философии: материалы конференций*. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 138–143.
- Лекторский В.А. *Толерантность как философская проблема* // *Образовательная политика*. – 2011. – № 2. – С. 40–57.
- Малькова В.К. *Ещё раз об этничности, толерантности и журналистике* // *Толерантность – основа взаимопонимания. Сб-к материалов* / Ред. коллегия.: Н.П. Пищулин (отв. ред.), В.Г. Ушакова, С.Н. Пищулин. Сост. Т.Ф. Дьякова. – М: МГПУ, 2004. – С. 33–43.
- Назван процент не желающих жить по российским законам мигрантов. *Электронный ресурс*. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/20/not-want> (дата обращения: 27.08.2024).
- Носова Т.В. *Толерантность как образ мысли и действия* // *Толерантность и мировоззрение современного общества* // *Сборник научных трудов* / Под ред. проф. И.Ф. Исаева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – С. 58–63.
- Рожественская Е.Л. *Этническая идентичность и воспитание межнациональной толерантности* // *Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции* (Уфа,

- 1–3 ноября 2001 года). – Уфа: Башкирский государственный университет, 2001. – С. 67–70.
14. Семёнова О.А. Толерантность как мировоззренческий принцип современного сознания // Особенности формирования мировоззрения и менталитета. – Владимир, 2007. – С. 27–32.
 15. Тишков В.А. О толерантности // Толерантность и согласие: Материалы Международ. конф. «Толерантность, взаимопонимание и согласие», Якутск, июнь 1995 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. – Москва: ИЭА РАН, 1997. – С. 17–38.
 16. Тюгашев Е.А. Диалог культур и цивилизаций: методологический анализ // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. / Рос. акад. наук, Сиб. отд., Ин-т философии и права. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 1999. – С. 7–13.
 17. Хижняк А.В. Лабиринты толерантности: монография / А.В. Хижняк. – Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина. – 2014. – 160 с.
 18. Циплакова Ю.В. Понимание жизни и проблема толерантности в западноевропейской философии и педагогике XIX – начала XX вв. // Толерантность как практическая философия педагогики / отв. ред. А.В. Перцев. – Екатеринбург: Полиграфист, 2005. – С. 38–73.
 19. Чабанец И.В. Диалектическое единство толерантности и патриотизма как специфика национального самосознания // Современные гуманитарные исследования. – 2007. – № 2. – С. 78–81.
 2. Bayluk V.V. Human studies. Personality self-realization: general laws of success [Text]: monograph / Ural. state ped. University. – Ekaterinburg, 2011. – 383 p.
 3. Dakhin A.V. Secular philosophy and the ontology of memory // Philosophy. Tolerance. Globalization. East and West – a dialogue of worldviews: Abstracts of reports of the VII Russian Philosophical Congress (Ufa, October 6–10, 2015). In 3 vol. Vol. I. – Ufa: RIC BashSU, 2015. – P. 16–17.
 4. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness / Preparation of the text and introductory article by I.N. Smirnov. – M.: «Rarog», 1993. – 235 p.
 5. Ilyin I.A. The path of spiritual renewal / Comp., author of the foreword, respons. ed. O.A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2011. – 1216 p.
 6. Klyuchnik I.V. Tolerance and comparability in the context of philosophical discourse // Days of St. Petersburg philosophy: conference materials. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2004. – P. 76–79.
 7. Cohen M., Nagel E. Introduction to logic and scientific method / Morris Cohen; Ernest Nagel; trans. from English by P.S. Kusliya. – Chelyabinsk: Socium, 2010. – 655 p.
 8. Krasnukhina E.K. Religious tolerance and tolerance of law // Days of Petersburg Philosophy: conference materials. – SPb: Publishing House of St. Petersburg State University, 2004. – P. 138–143.
 9. Lektorsky V.A. Tolerance as a philosophical problem // Educational policy. – 2011. – № 2. – P. 40–57.
 10. Malkova V.K. Once again about ethnicity, tolerance and journalism // Tolerance is the basis of mutual understanding. Collection of materials / Ed. board.: N.P. Pishchulin (editor), V.G. Ushakova, S.N. Pishchulin. Comp. T.F. Dyakova. – M.: MGPU, 2004. – P. 33–43.
 11. The percentage of migrants who do not want to live by Russian laws is named. Electronic resource. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/20/notwant> (access date: 27.08.2024).
 12. Nosova T.V. Tolerance as a way of thinking and acting // Tolerance and worldview of modern society // Collection of scientific papers / Ed. by prof. I.F. Isaev. – Belgorod: Publishing house of Belgorod State University, 2002. – P. 58–63.
 13. Rozhdestvenskaya E.L. Ethnic identity and education of interethnic tolerance // Intercultural communication: on the problem of formation of a tolerant linguistic personality in the system of university and school linguistic education: collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, November 1–3, 2001). – Ufa: Bashkir State University, 2001. – P. 67–70.
 14. Semenova O.A. Tolerance as an ideological principle of modern consciousness // Features of the formation of worldview and mentality. – Vladimir, 2007. – P. 27–32.
 15. Tishkov V.A. On tolerance // Tolerance and consent: Materials of the International. Conf. «Tolerance, mutual understanding and consent», Yakutsk, June 1995 / Ed. V.A. Tishkov. – Moscow: IEA RAS, 1997. – P. 17–38.
 16. Tyugashev E.A. Dialogue of cultures and civilizations: Methodological analysis // Ethnosocial processes in Siberia: Thematic collection / Rus. Academy of Sciences, Siberian branch, Institute of Philosophy and Law. – Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House, 1999. – P. 7–13.
 17. Khizhnyak A.V. Labyrinths of tolerance: monograph / A.V. Khizhnyak. – Kh.: V.N. Karazin Kharkiv National University. – 2014. – 160 p.
 18. Tsiplakova Yu.V. Understanding life and the problem of tolerance in Western European philosophy and pedagogy of the XIX – early XX centuries // Tolerance as a practical philosophy of pedagogy / ed. A.V. Pertsev. – Ekaterinburg: Polygraphist, 2005. – P. 38–73.
 19. Chabanets I.V. Dialectical unity of tolerance and patriotism as a specificity of national self-awareness // Modern humanitarian studies. – 2007. – № 2. – P. 78–81.

ON THE ISSUE OF FORMING TOLERANCE IN THE MODERN SOCIETY

Michurin A.V.

Ministry of family, labor and social protection of the population

The article substantiates the position that a positive impact on the level of tolerance in modern society can be provided by measures aimed at developing philosophical, legal and moral culture in people, as well as some psychological competencies related to tolerance. In order to develop tolerance in the conditions of modern society, the author proposes to develop and implement a special program. Such a program, among other things, should be aimed at creating conditions that ensure the possibility of personal self-realization. The author also believes that without knowledge of the limits of tolerance established in modern society, it will be very problematic for a social subject to fully realize himself.

Keywords: tolerance, formation of tolerance, modern society, philosophical culture, legal culture, moral culture, psychological competencies.

References

1. Baghdasaryan L.E. Tolerance as a personal quality of a secondary vocational school teacher and the most important condition for a holistic understanding of the educational process // Modern humanitarian research. – 2007. – № 6. – P. 176–177.

Информационное общество и цифровая трансформация в социально-философском дискурсе

Сироткин Антон Владимирович,

аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: aspirantsirotkin@gmail.com

В статье предпринята попытка раскрытия понятия информационного общества сквозь призму современного социально-гуманитарного знания. Рассмотрены особенности цифровой трансформации общественных институтов, таких как семья, образование, культура, и социальных отношений, ключевых аспектов информационного общества в социально философском аспекте. Выявлены проблемы человека, живущего в информационную эпоху, например, проблема доверия и социальной ответственности в виртуальной коммуникации, изменения свойств личности, таких как идентичность. Проведён социально-философский анализ информационного общества и сделаны общие выводы по каждому рассмотренному аспекту. Автор подчёркивает формирование и изменение социокультурных диспозиций цифрового века и важность их исследования. Фриланс показан в качестве примера такой диспозиции, с уникальными свойствами автономности, особыми формами социального взаимодействия и паттернами поведения, формирующими аутентичный габитус.

Ключевые слова: информационное общество, цифровая трансформация, экономика знаний, доверие, социальное время и пространство, идентичность, габитус.

В последние десятилетия общество переживает масштабные трансформации, связанные с развитием информационных и цифровых технологий. Эти изменения приводят к формированию нового типа общества, которое можно назвать информационным. В информационном обществе информация становится ключевым ресурсом, определяющим экономические, социальные и культурные процессы. Понимание этих изменений и их философский анализ являются важными задачами современной социальной философии.

Предпримем попытку концептуализировать понятие информационного общества в социально-философском дискурсе. Для этого раскроем понятие информационного общества и его ключевые характеристики, исследуем особенности цифровой трансформации общественных институтов и социальных отношений и рассмотрим существующие исследования информационного общества в рамках философских дисциплин. Проведём социально-философский анализ информационного общества, включая аспекты социального времени и пространства, социальных связей и институтов, а также проблем личности и габитуса и сделаем выводы, которые можно использовать для дальнейших исследований, например, социокультурных диспозиций информационного общества, таких как фриланс.

Прежде всего рассмотрим само понятие информационного общества в современной науке. «Информационное общество – это концепция, описывающая современный этап общественного развития, который характеризуется доминированием информационных технологий и знаний в социально-экономических и культурных процессах», именно такое понятие впервые появилось в работах японского учёного Ёнэдзи Масуды в 60-х годах прошлого столетия. Японский футуролог и социолог ввёл «информационное общество», поскольку для описания нового типа общества, в котором информация играет ключевую роль в производственных и социальных процессах, необходим был отдельный термин. Его работа вдохновила многих исследователей на дальнейшее изучение этого феномена [4].

Так, например, впоследствии концепция была развита и расширена рядом других учёных и философов, таких как Дэниел Белл, который в 1973 году опубликовал книгу «Грядущее постиндустриальное общество». В этой работе он утверждал, что общество вступает в новую фазу

развития, где главным продуктом становится информация и знание. По мнению Белла, информационное общество может рассматриваться по отношению к индустриальному обществу, в котором основными ресурсами были материальные объекты и энергия, как преемник [1].

Ещё один не менее влиятельный исследователь информационного общества – Мануэль Кастельс, который в своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» предложил углублённый анализ этого феномена. Он, будучи одним из влиятельных исследователей информационного общества, выделяет среди его характеристик не только достижения человека в области технологии, но и построение новых социальных структур посредством сетевых взаимодействий и вокруг информационных потоков. Ключевые аспекты информационного общества, выделенные Кастельсом, включают в себя прежде всего становление информации центральным экономическим ресурсом. Вокруг этого главного аспекта формируются вторичные, например, проникновение сетевых структур во все уровни социальной и экономической жизни, глобализация и интеграция различных культур и обществ через информационные потоки, повышение значимости знаний и информационных технологий в повседневной жизни [7].

В процессе развития идей указанных выше учёных и благодаря дальнейшему исследованию, в социо-философском знании сложились следующие основные характеристики информационного общества.

Сетевые структуры – такая форма организации, элементы которой (люди, организации, компьютеры) связаны друг с другом через различные виды сетей, что позволяет эффективнее управлять ресурсами и информацией. В информационном обществе сетевые структуры пронизывают все уровни социальных и экономических отношений, создавая глобальные сети взаимодействия. Информационные потоки – движение информации через различные каналы и сети. В информационном обществе информация распространяется мгновенно и глобально, что позволяет ускорить процессы принятия решений и повысить эффективность различных видов деятельности. Информация становится в информационном обществе главным стратегическим ресурсом. Экономическая система, в основе которой лежат цифровые технологии и информация, меняется и становится так называемой цифровой экономикой. В информационном обществе происходит качественный переход от производства материальных товаров к производству знаний и услуг. Изменение социальной структуры – то есть трансформация традиционных форм социальной организации и взаимодействия. Информационное общество приводит к значительным изменениям в социальной струк-

туре, создавая новые формы занятости и социального взаимодействия [2; 5].

Таким образом, информационное общество представляет собой комплексное и многогранное явление, характеризующееся глубокими изменениями во всех аспектах социальной жизни. В первую очередь тем, что информация и знания становятся основными ресурсами, формирующими новую социальную и экономическую реальность. Процесс, который изменяет традиционные общественные институты, такие как образование, экономика и политика, называется цифровой трансформация. Рассмотрим кратко каждое из этих изменений.

В сфере образования учреждения частично или даже полностью переходят к онлайн-форматам обучения. Такой подход позволяет расширить доступ к знаниям для большего числа индивидов, однако при этом ставятся новые вызовы перед традиционной системой образования. В этой связи важными задачами института образования становятся необходимость адаптации учебных программ к новым форматам и обеспечение качества онлайн-образования. Использование в учебном процессе цифровых технологий, таких как, например, онлайн-курсы и дистанционное обучение, делают образование более доступным для различных слоёв населения. Вместе с тем, это также требует внедрения новой педагогической методологии и развития дополнительных навыков у преподавателей [3].

Что касается экономики, эта сфера также претерпевает значительные изменения. Появляются и развиваются новые формы занятости, такие как удалённая работа и фриланс, которые становятся возможными и востребованными во многом благодаря цифровым технологиям. Экономика знаний, где основным продуктом становится информация и интеллектуальные услуги, становится доминирующей. Новые бизнес-модели создаются на базе цифровых платформ и по принципам электронной коммерции, изменяя сами способы, которыми между производителями и потребителями осуществляется взаимодействие [13]. Ещё Дэниел Белл указывал на значительный сдвиг в сторону экономики знаний, где основным продуктом становится информация и интеллектуальные услуги [1]. Поскольку этот переход влияет на рынок труда и социальные структуры, способствуя росту новых форм занятости, фриланс и удалённая работа становятся всё более распространёнными, что требует адаптации как от работодателей, так и от работников. Хотя эти формы занятости предлагают гибкость и возможность работы из любой точки мира, несвойственную традиционным формам, они также вызывают вопросы о стабильности доходов, социального обеспечения и защиты трудовых прав, порой способствуя разрастанию опухли прекариата на теле современного информационного общества [15; 16].

И, наконец, политическая сфера, которая также трансформируется под влиянием цифровых технологий. В сфере политики мы видим, например, новые формы политической активности, такие как онлайн-петиции, цифровые платформы для обсуждения и голосования. Эти изменения способствуют большей вовлечённости граждан в политические процессы, при этом ставя новые задачи перед государственными структурами в области кибербезопасности и защиты данных. Инструментами политической стимуляции и общественного участия становятся социальные сети и онлайн-платформы, тем самым изменяя традиционные формы политической коммуникации [5; 6].

Вслед за новыми формами занятости, появляются и новые формы коммуникации, в том числе через социальные сети и цифровые платформы, которые радикально изменяют формы социальной связи и взаимодействия. Виртуальные пространства создают беспрецедентно новые возможности для коммуникации, достаточно вспомнить толчок, который виртуальное общение получило «благодаря» пандемии COVID-19. С другой стороны, Российские исследования подчёркивают, как меняются границы между личным и публичным, становясь размытыми из-за обилия цифровых технологий, рисков утечки персональных данных, коллективного доступа к информации в социальных сетях, что приводит к новым формам социального взаимодействия и меняет традиционные представления о приватности [10].

Мы рассмотрели, как цифровые технологии оказывают глубокое влияние на традиционные социальные институты, такие как образование, экономика и политика. Однако, цифровые изменения не обошли стороной структуру, функции, а также роль в обществе института семьи. В своей работе «Информационные технологии в жизни семьи» С.А. Рыжкова подчёркивает то, как институт семьи трансформируется под влиянием информационных технологий, которые изменяют формы коммуникации и взаимодействия между членами семьи [14]. Цифровая культура влияет на все аспекты социальной жизни, от межличностных отношений до массовой культуры. Новые медиа и цифровые технологии изменяют способы создания и распространения культурных продуктов. Это приводит к большей доступности и демократизации культурных процессов, но также вызывает вопросы о качестве и подлинности культурных произведений.

Таким образом, цифровая трансформация оказывает глубокое воздействие на общественные институты и социальные отношения, приводя к значительным изменениям в их структуре и функционировании. Информационное общество формирует новую социальную реальность, в которой знания и информация становятся основными ресурсами, определяющими развитие и процветание общества.

Основы изучения вопросов развития информационного общества были заложены ещё в трудах Мануэля Кастельса, он рассматривал информационное общество как комплексную систему. Подчёркивая важность сетевых структур информационных потоков, новых форм социальной организации и глобализации, Кастельс тем не менее не исключает ряд потенциальных рисков информационного общества. В их числе он видит, например, социальное неравенство, ведь цифровой разрыв между различными социальными группами и странами может углубляться, приводя к увеличению экономических и социальных диспропорций. Вследствие широкого использования цифровых технологий оказаться под угрозой может конфиденциальность и контроль над личной информацией. Уязвимость цифровой инфраструктуры перед угрозами кибератак и необходимость защиты данных способствуют появлению и формируют потребность в развитии кибербезопасности [7].

Исследования информационного общества продолжают, предлагая новые понимания и подходы к анализу этого сложного и многогранного явления. Философские дисциплины играют ключевую роль в осмыслении этих процессов, предоставляя теоретические рамки и концептуальные инструменты для их анализа. Социально-философский анализ информационного общества позволяет нам рассмотреть различные аспекты информационного общества в категориях социальной философии, например, социальное время и пространство. Работы таких философов, как Юрген Хабермас и Пьер Бурдьё, помогают понять, как цифровизация влияет на социальные структуры и общественную сферу, составляя мощный фундамент для дальнейших исследований.

Юрген Хабермас в своих трудах анализирует влияние технологий на публичную сферу и характер общественной дискуссии. Он отмечает, что цифровизация ставит новые задачи перед обществом в контексте поддержания единства и целостности. Один из примеров, который находит отражение в современных условиях, касается использования социальных сетей и цифровых платформ для политических дискуссий. Хабермас предупреждает, что такие платформы могут способствовать созданию информационных пузырей, где пользователи видят только ту информацию, которая подтверждает их существующие взгляды, что может углублять социальное разделение и поляризацию. Вместе с тем, очевидно, что одной из ключевых проблем социальных связей в информационном обществе является проблема доверия. Виртуальные коммуникации могут затруднять установление глубоких и доверительных отношений. Хабермас указывает на важность доверия для функционирования публичной сферы и отмечает, что эта проблема ощущается особенно остро в межличностных отношениях, где отсут-

ствии личного контакта может затруднять формирование доверия, а также в бизнесе, где вопросы безопасности и защиты данных становятся критически важными. Недостаток доверия в виртуальных средах может также привести к правовым проблемам, связанным с конфиденциальностью, мошенничеством и соблюдением контрактов. Хабермас подчеркивает, что для поддержания доверительных отношений необходимо развитие новых форм социальной ответственности и саморегуляции в виртуальных пространствах. Социальная ответственность включает в себя осознание пользователями и компаниями своей роли в поддержании честности и прозрачности в онлайн-средах. Саморегуляция предполагает создание и соблюдение этических норм и стандартов поведения в виртуальных сообществах [8].

Пьер Бурдьё в своих работах рассматривает социальные структуры и механизмы власти в контексте информационного общества. Он вводит понятие «габитус», которое описывает систему предрасположенностей, формирующих поведение индивидов. В условиях информационного общества габитус также претерпевает изменения под влиянием цифровых технологий и информационных потоков. Анализируя современные реалии сквозь призму понятий Бурдьё, мы можем утверждать, что цифровые технологии и новые формы информации изменяют габитус, создавая новые формы социального поведения и взаимодействия. Примером таких новых форм поведения могут служить онлайн-активизм и цифровые движения, которые используют интернет-платформы для организации протестов и кампаний. Также информационное общество формирует различный габитус у различных общественных групп, например, у фрилансеров, которые адаптируются к гибким и неформальным условиям труда, отличающимся от традиционных форм занятости [11; 16].

В информационном обществе изменяется восприятие и организация социального времени. Благодаря цифровым технологиям информация передается мгновенно, что сокращает временные задержки и изменяет традиционные временные структуры. Мануэль Кастельс отмечает, что «в информационном обществе происходит сжатие времени, когда процессы, ранее занимавшие дни или недели, теперь выполняются мгновенно». Это приводит к увеличению скорости жизни и требует от людей быстрой адаптации к изменениям. Социальное время становится более насыщенным и фрагментированным, что также влияет на социальные отношения и организацию труда, важность изменений в восприятии времени также подчёркивает Антони Гидденс, при этом особо отмечая, что ускорение социальных процессов и постоянное присутствие информации требуют новой формы временной дисциплины [11; 12].

Наряду с социальным временем, информационное общество влияет и на трансформацию со-

циального пространства. Традиционные географические и физические границы теряют своё значение, уступая место виртуальным пространствам, где взаимодействие происходит независимо от физической локализации. Это явление Мануэль Кастельс называет «пространством потоков», где информация и коммуникации становятся основными элементами организации пространства. Виртуальные пространства, такие как социальные сети и онлайн-платформы, создают новые формы социального взаимодействия и позволяют людям поддерживать связи независимо от географических расстояний. Однако Кастельс также указывает на отрицательные черты этого явления, такие как углубление социального неравенства и изоляция индивидов, которые могут стать зависимыми от виртуального общения и потерять навыки личного взаимодействия [2; 7; 10].

Информационное общество также создаёт новые социальные институты, такие как цифровые платформы и онлайн-сообщества, которые становятся важными элементами социальной структуры. Эти новые институты играют ключевую роль в организации социальных взаимодействий и предоставлении услуг. Одним из ярких примеров являются биржи фриланса, такие как Профи и YouDo, которые функционируют по отличающимся нормативным и этическим рамкам. На этих платформах устанавливаются собственные правила и стандарты, регулирующие взаимодействие между заказчиками и исполнителями. Фрилансеры получают рейтинг и отзывы, что создаёт систему репутации и стимулирует соблюдение этических норм и качественное выполнение работы. Для обеспечения справедливости и безопасности сделки, платформы внедряют механизмы арбитража и защиты платежей, что помогает разрешать конфликты и предотвращать мошенничество. Таким образом, биржи фриланса становятся новыми социальными институтами, адаптированными к условиям информационного общества, и требующими разработки и соблюдения новых нормативных и этических рамок [15].

Интерес представляет и категория личности в цифровую эпоху. Информационное общество ставит перед личностью новые вызовы и возможности. Цифровые технологии предоставляют новые способы самовыражения и взаимодействия, но также могут вызывать проблемы, связанные с идентичностью и приватностью. Юрген Хабермас отмечает необходимость критического осмысления этих процессов. Н.М. Мамедова в своих исследованиях также указывает на сложности формирования идентичности в условиях цифровой среды. Эти выводы подчёркивают важность развития критического мышления и навыков саморефлексии для адаптации к вызовам цифровой эпохи, а также необходимость внедрения мер по защите личных данных и приватности в цифровой среде [9; 10; 11].

Пьер Бурдьё в своих трудах подробно описал понятие габитуса как совокупности предрасположенностей, формируемых под влиянием социальной среды. В информационном обществе габитус претерпевает значительные изменения под воздействием цифровых технологий и новых форм социальной организации. Бурдьё подчёркивает, что изменения в социальных структурах приводят к трансформации габитуса, который адаптируется к новым условиям и требованиям. В информационном обществе это выражается в изменении способов взаимодействия, коммуникации и восприятия социальной реальности. Примером этого можно считать фрилансеров, чей габитус формируется под воздействием специфических условий труда в цифровой среде. Фрилансеры работают в виртуальных пространствах, где взаимодействие происходит через онлайн-платформы и цифровые коммуникации. Это формирует у них особые предрасположенности и привычки, такие как высокая степень автономии, гибкость в организации рабочего времени и необходимость самодисциплины. Кроме того, фрилансеры развивают навыки самопрезентации и самоорганизации, которые становятся ключевыми для их профессиональной деятельности. Эти изменения показывают, что информационное общество действительно формирует различный габитус у различных общественных групп, создавая новые формы социального поведения и взаимодействия [11; 16].

Итак, нами были рассмотрены ключевые аспекты информационного общества в социально-философском контексте. Мы проанализировали трансформацию общественных институтов и социальных связей под влиянием цифровых технологий, рассмотрели проблему доверия и социальной ответственности в виртуальных пространствах, а также изменения в габитусе и личностных характеристиках людей, живущих в информационную эпоху. Безусловно, в рамках одной статьи было сложно уделить внимание абсолютно всем учёным, создавшим современное понятие информационного общества, автором умышленно не сделаны отсылки к работам Э. Тоффлера, Ф. Уэбстера, А. Тьюринга, А.Н. Колмогорова и многих других, исключительно в целях концептуализировать понятие, не занимаясь при этом перечислением вклада каждого из выдающихся исследователей. Тем не менее, на основании проведённого анализа можно сделать несколько ключевых выводов о природе и значении информационного общества в современном социально-философском контексте.

1. Трансформация социальных структур: Информационное общество характеризуется глубокими изменениями в социальных структурах и институтах. Традиционные формы организации социальных взаимодействий уступают место новым, более гибким и децентрализованным моделям. Виртуальные пространства и цифро-

вые технологии создают условия для появления новых форм социальных связей, институтов и форм поведения. Эти изменения влияют на все аспекты общественной жизни, от личных взаимодействий до глобальных экономических и политических процессов.

2. Изменение габитуса: Информационное общество формирует новый габитус, который адаптируется к условиям цифровой среды. Люди развивают новые предрасположенности и привычки, соответствующие требованиям и возможностям виртуальных пространств. Этот процесс особенно заметен среди фрилансеров, которые работают в условиях высокой степени автономии и гибкости. Их профессиональная деятельность требует развития навыков самодисциплины, самопрезентации и самоорганизации.
3. Проблемы доверия и социальной ответственности: Цифровые технологии создают новые вызовы для формирования доверия и социальной ответственности. Виртуальные коммуникации могут затруднять установление глубоких и доверительных отношений, что особенно ощущается в межличностных взаимодействиях и бизнесе. Для решения этих проблем необходимо развивать новые формы социальной ответственности и саморегуляции в виртуальных пространствах, что способствует укреплению доверия и безопасности.
4. Роль личности в информационном обществе: Личность в информационном обществе сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Цифровые технологии предоставляют новые способы самовыражения и взаимодействия, но также могут вызывать проблемы, связанные с идентичностью и приватностью. Важно развивать критическое мышление и навыки саморефлексии для адаптации к вызовам цифровой эпохи, а также внедрять меры по защите личных данных и приватности.
5. Формирование уникальных новых социокультурных диспозиций: Информационное общество формирует уникальные новые социокультурные диспозиции, которые отражают специфику и требования цифровой эпохи. Эти диспозиции проявляются в различных социальных группах и профессиональных сферах, демонстрируя новые формы социального поведения и взаимодействия.

Одной из таких социокультурных диспозиций является фриланс. Фрилансеры демонстрируют новый тип габитуса и формы поведения, характерные для информационного общества. Они обладают высокой автономией, гибкостью и самодисциплиной, что позволяет им успешно адаптироваться к условиям цифровой среды. Изучение фриланса как социокультурной диспозиции представляет значительный интерес для дальнейших исследований, так как это явление отражает клю-

чевые тенденции и вызовы информационного общества [15].

Эти выводы не только подтверждают значимость и актуальность концепции информационного общества, но и открывают новые перспективы для дальнейших исследований. Особый интерес для нас представляет анализ фриланса как социокультурной диспозиции, что может стать основой для диссертационного исследования. Фрилансеры являются ярким примером новой социальной группы, чей габитус и формы поведения формируются под влиянием цифровых технологий и виртуальных пространств [16].

Проведённое исследование подтвердило, что информационное общество оказывает значительное влияние на все аспекты общественной жизни. Изменения, вызванные цифровыми технологиями, требуют глубокого философского осмысления и разработки новых подходов к анализу социальных процессов. Важно продолжать исследование этого феномена, чтобы лучше понимать его последствия и разрабатывать эффективные стратегии адаптации к новым условиям.

Литература

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 2004. – 783 с. ISBN 5-87444-203-0.
- Бобова Л.А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций / Л.А. Бобова // Вестник МГИМО – Университета. – 2013. – № 5. – С. 213–220.
- Буданцев Д.В. Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций / Д.В. Буданцев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 120–127. – URL: <https://moluch.ru/archive/317/72477/> (дата обращения: 30.07.2024).
- Бурнашев Ринат Фаритович АНАЛИЗ РОЛИ И МЕСТА ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ // Universum: общественные науки. 2023. № 10 (101). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rol-i-mesta-lichnosti-v-informatsionnom-prostranstve> (дата обращения: 17.08.2024).
- Добринская Дарья Егоровна, Мартыненко Татьяна Сергеевна Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiyskogo-informatsionnogo-obschestva-urovni-tsifrovogo-razryva> (дата обращения: 17.08.2024).
- Игнатова Татьяна Васильевна. Цифровое политическое участие как форма политической активности молодёжи // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-politicheskoye-uchastie-kak-forma-politicheskoy-aktivnosti-molodozhi> (дата обращения: 17.08.2024).
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. ISBN:1-5578-6616-3, 5–7598–0069–8
- Макаревич Эдуард Федорович. Концепция публичной сферы ю. Хабермаса как модель медиа-влияния в новой реальности // PolitBook. 2020. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-publichnoy-sfery-yu-habermasa-kak-model-media-vliyaniya-v-novoy-realnosti> (дата обращения: 17.08.2024).
- Мамедова Н.М. Идентичность личности в модусе свободы и ответственности / Н.М. Мамедова // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2022. – № 3(43). – С. 6–16. – DOI 10.25688/2078–9238.2022.43.3.1. – EDN YONZ-ZL.
- Мамедова Н.М. Идентичность в фокусе цифровых коммуникаций / Н.М. Мамедова // Человек в эпоху цифровизации: Сборник статей по итогам Международной научной конференции, Москва, 19 мая 2022 года. – Москва: Русайнс, 2022. – С. 11–16. – EDN AJIBPH.
- Мамедова Наталия Михайловна. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-epohu-tsifrovizatsii-na-grani-realnogo-i-virtualnogo> (дата обращения: 17.08.2024).
- Нафикова Алиса Ильдаровна. Ускорение темпа жизни как социально-философская проблема и «новая реальность» современного социального развития // Манускрипт. 2020. № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uskorenie-tempa-zhizni-kak-sotsialno-filosofskaya-problema-i-novaya-realnost-sovremennogo-sotsialnogo-razvitiya> (дата обращения: 17.08.2024).
- Пожидаев Руслан Геннадьевич. Особенности бизнес-моделей цифровых платформ // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-biznes-modeley-tsifrovyyh-platform> (дата обращения: 17.08.2024).
- Рыжкова С.А. Информационные технологии в жизни семьи // Форум молодых ученых. 2018. № 4 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-zhizni-semi> (дата обращения: 17.08.2024).
- Сироткин А.В. Социально-философский анализ феномена фриланса: правовые аспекты ведения деятельности / А.В. Сироткин // Социология. – 2024. – № 3. – С. 260–265. – EDN NHGVMV.
- Сироткин А.В. Фриланс в городе. Формирование нового габитуса / А.В. Сироткин // Лига исследователей МГПУ: сборник статей. В 3 т., Москва, 20–24 ноября 2023 года. – Москва: Парадигма, 2023. – С. 372–376. – EDN XTOSWS.

INFORMATION SOCIETY AND DIGITAL TRANSFORMATION IN SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Sirotkin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article tries to reveal the concept of information society through the prism of modern socio-humanistic knowledge. The features of digital transformation of public institutions such as family, education, culture and social relations, key aspects of the information society in the socio-philosophical aspect are considered. The problems of a person living in the information age are revealed, for example, the problem of trust and social responsibility in virtual communication, changes in personality traits such as identity. A socio-philosophical analysis of the information society is carried out and general conclusions are drawn for each aspect considered. The author emphasizes the formation and change of socio-cultural dispositions of the digital age and the importance of studying them. Freelance is presented as an example of such a disposition, with unique properties of autonomy, special forms of social interaction, and patterns of behavior that form an authentic habitus.

Keywords: information society, digital transformation, knowledge economy, trust, social time and space, identity, habitus.

References

- Bell D. The Coming Post-Industrial Society: An Experience of Social Forecasting / trans. from English edited by V.L. Inozemtsev. – M.: Academia, 2004. – 783 p. ISBN 5-87444-203-0.
- Bobova L.A. Manuel Castells: The Influence of the Network Society on the Nature of Social Communications / L.A. Bobova // Bulletin of MGIMO University. – 2013. – No. 5. – P. 213–220.
- Budantsev D.V. Digitalization in the Field of Education: A Review of Russian Scientific Publications / D.V. Budantsev. – Text: direct // Young Scientist. – 2020. – No. 27 (317). – P. 120–127. – URL: <https://moluch.ru/archive/317/72477/> (date of access: 30.07.2024).
- Burnashev Rinat Faritovich ANALYSIS OF THE ROLE AND PLACE OF THE PERSONALITY IN THE INFORMATION SPACE // Unversum: social sciences. 2023. No. 10 (101). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-roli-i-mesta-lichnosti-v-informatsionnom-prostranstve> (date of access: 17.08.2024).
- Dobrinskaya Daria Egorovna, Martynenko Tatyana Sergeevna Prospects of the Russian information society: levels of the digital divide // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2019. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiyskogo-informatsionnogo-obschestva-urovni-tsifrovogo-razryva> (date of access: 17.08.2024).
- Ignatova Tatyana Vasilievna. Digital political participation as a form of political activity of youth // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2023. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-politicheskoe-uchastie-kak-forma-politicheskoy-aktivnosti-molodyozhi> (date of access: 17.08.2024).
- Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture: Trans. from English. under scientific ed. O.I. Shkaratana. – M.: HSE, 2000. – 608 p. ISBN: 1–5578–6616–3, 5–7598–0069–8
- Makarevich Eduard Fedorovich. The concept of the public sphere of J. Habermas as a model of media influence in the new reality // PolitBook. 2020. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-publichnoy-sfery-yu-habermasa-kak-model-media-vliyaniya-v-novoy-realnosti> (date of access: 08/17/2024).
- Mamedova N.M. Personal identity in the mode of freedom and responsibility / N.M. Mamedova // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philosophical Sciences. – 2022. – No. 3(43). – P. 6–16. – DOI 10.25688/2078–9238.2022.43.3.1. – EDN YONZZL.
- Mamedova N.M. Identity in the Focus of Digital Communications / N.M. Mamedova // Man in the Age of Digitalization: Collection of articles based on the results of the International Scientific Conference, Moscow, May 19, 2022. – Moscow: Rusains, 2022. – P. 11–16. – EDN AJIBPH.
- Mamedova Natalia Mikhailovna. Man in the Age of Digitalization: on the Verge of the Real and the Virtual // Century of Globalization. 2021. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-epohu-tsifrovizatsii-na-grani-realnogo-i-virtualnogo> (date of access: 17.08.2024).
- Nafikova Alisa Ildarovna. Acceleration of the pace of life as a socio-philosophical problem and the “new reality” of modern social development // Manuscript. 2020. No. 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uskorenie-tempa-zhizni-kak-sotsialno-filosofskaya-problema-i-novaya-realnost-sovremennogo-sotsialnogo-razvitiya> (date of access: 17.08.2024).
- Pozhidaev Ruslan Gennadievich. Features of business models of digital platforms // VSU Bulletin. Series: Economics and Management. 2022. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-biznes-modeley-tsifrovyyh-platform> (date of access: 17.08.2024).
- Ryzhkova S.A. Information technologies in family life // Forum of young scientists. 2018. No. 4 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-zhizni-semi> (date of access: 17.08.2024).
- Sirotkin A.V. Social and philosophical analysis of the freelance phenomenon: legal aspects of doing business / A.V. Sirotkin // Sociology. – 2024. – No. 3. – P. 260–265. – EDN NHGVMV.
- Sirotkin A.V. Freelancing in the city. Formation of a new habitus / A.V. Sirotkin // League of Researchers of Moscow State Pedagogical University: collection of articles. In 3 volumes, Moscow, November 20–24, 2023. – Moscow: Paradigma, 2023. – P. 372–376. – EDN XTOSWS.

Социально-философский анализ эволюции экологического сознания: аспекты устойчивости системы человек-общество-природа

Тимурғалиева Лариса Алексеевна,

соискатель кафедры философии ПГТУ, нач. отдела по учебной и научной работе Ботанического сада-института ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

E-mail: TimurgalievaLA@volgatech.net

В статье рассматриваются предпосылки возникновения экологического кризиса, возникшего на рубеже XX и XXI веков. Автор анализирует эволюцию отношения человечества к природе и экологического мышления общества, включая социокультурные, экономические и политические факторы, исследует роль человека, как активного участника экосистемы, в разные исторические периоды.

Особое внимание уделяется важности экологического образования как инструмента трансформации сознания современного общества, необходимого для устойчивого развития в условиях глобальных вызовов. Статья подчеркивает значимость интеграции междисциплинарных знаний и практик, а также обращает внимание на роль культуры и традиций в формировании эффективных экологических стратегий. Автор делает выводы о необходимости комплексного подхода в экологообразовательном процессе, способного не только сформировать ответственное отношение к окружающей среде, но и создать условия для устойчивости системы человек-общество-природы.

Ключевые слова: общество, экологическое сознание, образование, экология, природа.

Экологический кризис, возникший на рубеже XX и XXI веков, является одной из самых острых и актуальных проблем современности. Его причины кроются не только в естественных экологических и климатических изменениях на нашей планете, связанных, например, с солнечной активностью или процессами, происходящими в биосфере, но и уходят своими корнями к глубинным социокультурным, экономическим и политическим факторам.

Это кризис не только физического состояния окружающей среды, но и кризис восприятия, понимания роли человека и его взаимосвязей с экосистемами.

Стремительный рост населения на планете, индустриализация, неконтролируемое использование природных ресурсов способствуют деструктивным экологическим изменениям и ставят перед человечеством новые вызовы, требующие не только технологических решений, но и перемен в философских, социокультурных, духовных и этических установках. В условиях сохраняющейся неопределенности и многообразия экологических проблем, смещение фокуса внимания на формирование экологического сознания, отвечающего этим вызовам, становится основным условием для обеспечения гармоничного сосуществования человека и природы.

Целью данной статьи является проведение анализа эволюционных процессов, способствующих развитию и становлению современного экологического сознания. Эта работа направлена на выявление как теоретических, так и практических оснований для дальнейшей разработки методологии экологического просвещения в современном обществе.

Процесс формирования экологического сознания подразумевает комплексные эволюционные изменения, заключающиеся как в переходе от антропоцентрической модели восприятия мира к экоцентрической, так и в переосмыслении социокультурной роли человека как активного участника в системе человек-природа. Эти изменения происходили на различных уровнях: от индивидуального восприятия окружающей природы до существовавших коллективных действий на государственном и международном уровнях, продиктованных той или иной системой общественных ценностей.

Для понимания факторов формирования современного экологического мировоззрения необ-

ходимо рассмотреть исторический контекст и основные этапы эволюции экологического сознания, включая выявление факторов, способствующих его становлению. Для этого необходимо обратиться к исторической ретроспективе отношения человечества к природе в целом в различные эпохи существования общества.

Восприятие окружающего мира у архаичного человека значительно отличалось от современного понимания природы. Для многих древних культур мир был населён божествами и духами, которых необходимо было почитать, чтобы обеспечить себе благополучие и защиту. Это создавало особую связь между людьми и их природным окружением, где каждое дерево, река или гора имели своё уникальное значение. Страх перед стихийными явлениями природы влиял на мировосприятие древнего человека: ураганы, наводнения и засухи нередко расценивались им как проявление божественного гнева или, наоборот, как знаки божественной милости.

Чувство страха перед природой, характерное для архаичного человека, в античности постепенно трансформировалось в ощущение удивления и восхищения. Данная смена в восприятии была обусловлена исследовательской деятельностью античных философов и их научными открытиями: геоцентрической моделью мира, предложенной Птолемеем, основами геометрии, воспринимаемой Эвклидом как идеальной концепцией пространственной организации бытия, математическими воззрениями Пифагора, исследованиями Архимеда и другими достижениями. В античности природа рассматривалась как объект наблюдения и эстетического наслаждения, а идеи её активного преобразования тогда ещё не возникали.

В Средневековье восприятие природы претерпело значительные изменения: она начала рассматриваться как божественное творение. Данная интерпретация носила теологический характер и соответствовала идее креационизма, существующей на протяжении многих тысячелетий. Средневековый человек исходил из предположения, что мир был сотворён Богом, а сам человек, созданный по образу и подобию Божьему, рассматривался как результат особого акта творения, что подразумевало его отделение от природы и положение «вне» или «над» природой.

Эпоха Возрождения привнесла новые аспекты в восприятие природы, которая стала рассматриваться как источник радости, наслаждения, красоты и великолепия. В этот период вновь актуализировался античный идеал понимания природы, основанный на концепциях единства и гармонии между человеком и окружающим миром. Этот подход способствовал активному взаимодействию человека с природой и вдохновлённому поиску эстетических и философских смыслов в её проявлениях.

К началу XVII века, в период формирования промышленного капитала, в западной культуре начинает утверждаться механистическая концепция мира. В данной парадигме природа начинает восприниматься не как живой организм, а как объект для активной человеческой трансформации и ресурс, из которого субъект может извлекать материалы для удовлетворения своих потребностей. Эти изменения «переписывают» экологические, этические и духовные отношения человечества к природе, приводя к утрате устойчивой связи с окружающей средой. Антропоцентрическая модель, возникшая в это время, предполагает, что человек занимает центральное положение в иерархии мира, выступая в роли его хозяина, а природа рассматривается через призму механистического подхода, что характеризует эпоху индустриальных изменений и технических инноваций.

Фрэнсис Бэкон, английский философ, основоположник эмпиризма и английского материализма, выдвинул новую идею научного познания, которая значительно отличалась от традиционных взглядов античности и средневековья. Его философия основывалась на том, что наука должна служить практическим целям, принося пользу обществу: «Природа побеждается только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии является правилом» [1].

Ф. Бэкон утверждал, что истинная цель науки заключается в улучшении жизни человечества, а научные исследования должны быть направлены на получение знаний, которые можно было бы применить для решения актуальных проблем, повышения комфорта и благосостояния, наука становится инструментом для преобразования мира. Философ разработал научный метод, который подчёркивает важность наблюдения и эксперимента, отказываясь от чистого рационализма, и выдвинул идею индуктивного подхода, где конкретные наблюдения приводят к более общим выводам, что стало основой для современных подходов в науке. В отличие от предшествующих философских систем, Ф. Бэкон призывал к отказу от метафизических спекуляций о природе. Его мотивация заключалась в том, что реальное понимание природы можно получить только через физический опыт и конкретное исследование, а не через абстрактные рассуждения.

Ф. Бэкон оказал значительное влияние на развитие научной мысли, технического прогресса и отношения человека к природе, что предопределило последующие изменения в философии, науке и технике. Его идеи продолжают оставаться актуальными и сегодня, подчеркивая важность практического применения знаний и ответственности человека за свои действия по отношению к окружающей среде. Идеология Ф. Бэкона была направлена на возрождение античной натурфилософии с акцентом на центральную роль природы в этой философской системе. Однако, в отличие

от античного подхода, в котором присутствовало благоговение перед природой, философия Бэкона носила более утилитарный характер. Именно с позиций Бэкона началось формирование европейского утилитаризма и прагматизма, которые со временем подчеркнули положение человека как хозяина природы. Этот мировоззренческий переход стал основополагающим для дальнейшего формирования философских и научных взглядов, оказывая значительное влияние на развитие гуманитарных и естественных наук. И с этого периода, на наш взгляд, начались преобразования в природе, приведшие к современному экологическому кризису, интенсивное развитие которого, в свою очередь, требует от нас кардинального пересмотра нашего отношения к окружающему миру и трансформации экологического мышления, при котором человек не господин и хозяин природы, а лишь ее часть.

В свою очередь эволюция экологического сознания общества, также, как и развитие его представлений о природе является сложным и многогранным процессом, включающим в себя как философские, так и социологические аспекты.

На этапе индустриальной революции XVIII–XIX веков какое-либо экологическое сознание не было проявлено. Однако вопросами исследования экологических систем, климата, биотических факторов, влияющих на жизнь растений и животных, активно занимались выдающиеся ученые Жан-Батист Ламарк, Карл Линней, Александр Гумбольдт, К.Ф. Рулье. А в 1855 году издается магистерская диссертация Н.А. Северцова «Периодические явления в жизни зверей, птиц, гадюк Воронежской губернии» – это было первое специальное экологическое исследование. В это время появляется эволюционная теория Дарвина-Уоллеса, работа Ч. Дарвина (1859) – «Происхождение видов путем естественного отбора», а Э. Геккель в 1866 г. определил новую область знаний «экология» в трудах «Всеобщая морфология организмов».

Уже с начала XX века начала зарождаться концепция сохранения природы. Под влиянием научных исследований, таких как работы по экологии и биосфере, возникло сознание о взаимосвязи между человеческой деятельностью и состоянием окружающей среды. Этот период характеризуется первыми инициативами по охране природы, однако они были локальны и недостаточно систематизированы. В это время на формирование экологического сознания начинает оказывать влияние идея ноосферы, основанная на исследованиях В.И. Вернадского. В 1926 году была опубликована его основополагающая работа «Биосфера», в которой биосфера, объединяющая живые организмы и окружающая их среда, представляется как единая глобальная система.

Английский ученый А. Тэнсли в 1935 году ввел в научных кругах термин «экологическая систе-

ма», который охватывает как живые организмы, так и физические условия их местообитания, рассматривая их как целостное надорганизменное образование, а в 1942 году в работах В.Н. Сукачева был представлен термин «биогеоценоз», выступающий как синоним понятия «экосистема».

Таким образом, в этот период появились революционные научные исследования, ставшие предпосылками стремительного формирования экологического сознания общества.

Периодом экологического пробуждения можно назвать 1960-е годы, которые знаменуются ростом общественного сознания в контексте экологических угроз в их социальном, экономическом и политическом значениях. Классические работы, такие как «Молчаливая весна» Рэйчел Карсон, стали маркерами изменения восприятия природы. Этот этап включает активизацию движения за окружающую среду и формирование первых международных организаций.

Это осознание во второй половине XX способствовало превращению экологии в интегрированную науку, которая охватывает широкий спектр естественных, технических и социальных дисциплин. Данный процесс запустил активное формирование в социуме экологического мышления, позволяющего осознать необходимость бережного отношения к природе.

В России исследования таких ученых, как Н.П. Антонов, Э.В. Гирусов, Н.Н. Моисеев, А.П. Назаретян, В.И. Субетто, Ю.П. Трусов и А.Д. Урсул, подчеркивают, что идея о ноосфере В.И. Вернадского требует переосмысления для поиска ответов целого спектра вопросов, касающихся сознания и существования человека и человечества в целом.

С 1970-х годов начинается системная легитимация экологических вопросов на уровне государственной политики и международного права. Проведение первых конференций, таких как Стокгольмская конференция 1972 года, формирует международные механизмы для защиты окружающей среды, способствуя возникновению новых нормативных актов и принципов устойчивого развития. И уже в 1980-х годах происходит трансформация экологического сознания в контексте устойчивого развития, закрепленного в Докладе Брундтланда «Наше общее будущее». Этот этап акцентирует внимание на необходимости интеграции экономических, социальных и экологических аспектов в политические и деловые стратегии. Возникает общественное осознание глобализации экологических проблем, таких как изменение климата и угрозы биологическому разнообразию.

С начала 1990-х годов появилось понятие конвергенции наук, предложенное Мануэлем Кастельсом, которое он охарактеризовал как механизм, способствующий развитию общества, позволяющий интегрировать технологическую и материальную культуру в единую целостную структуру [2].

Начало XXI века вновь обострило экологические кризисы, что привело к дальнейшему переосмыслению отношений в системе человек-природа-общество и подтолкнуло социум к новому витку экологизации сознания. Появление концепций «круговой экономики», «зеленых технологий» и «социальной ответственности бизнеса» демонстрирует стремление общества к инновациям в сфере экологии. Одновременно наблюдаются усиление критики существующих моделей потребления и актуализация идей необходимости перехода к более ответственной и устойчивой модели развития.

Э. Гидденс писал, что процесс глобализации влечет за собой социальную нестабильность и усугубляет проблему неравенства, одновременно создавая множество трудно предсказуемых рисков, среди которых особое место занимают экологические катастрофы [3]. Проблемы экологического риска также были предметом обстоятельного анализа У. Бека, который разработал концепцию общества риска, подчеркнув при этом существующее международное неравенство в их распределении [4].

Таким образом, существовало множество эволюционных этапов, характеризующих взаимодействия человека и природы, влияющих на формирование современного экологического сознания. Концепция антропоцентризма, восходящая еще к Протагору, который провозгласил, что «человек есть мера всех вещей», через идеи марксизма, утверждающих, что «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», прочно укоренилась в современном обществе потребления.

Таким же ложным оказался социоцентрический подход, при котором основной ценностью являлись только общественные приоритеты, исключая значимость других компонентов системы человек-общество-природа.

С развитием науки и технологий стал формироваться примат техноцентрических установок с доминированием техногенной цивилизации, характеризующейся прогрессом в области информационных, ядерных и биоинженерных технологий.

Наконец, осознав влияние принципов этих концепций существования человечества на окружающую среду и на формирующийся экологический кризис, мировоззренческий фокус человечества начал радикально смещаться в сторону биоцентризма.

Ни одна из представленных концепций не проявила устойчивости в условиях современной реальности. В текущий момент требуется синтез всех этих взглядов, при этом ценности, связанные с развитием техносферы, должны уступить место приоритетам экогенной цивилизации, которым следует опираться на накопленный опыт научных знаний и усиливать потенциал всех концепций в совокупности. Важно также осознать воз-

можности взаимодействия человека и природной среды, установив при этом допустимые границы человеческой деятельности, чтобы не нарушать и не угрожать самому существованию человечества, так как жизнь человека вне природы невозможна [5].

В современных условиях синтез понятий «экологическая культура», «экологическая ответственность» и «бережное отношение к окружающей среде» предполагает необходимость применения комплексного подхода к экологическому образованию, которые подразумевают интеграцию междисциплинарных экологических идей, научных знаний и опыта.

Образование, которое должно способствовать формированию экологического сознания, следует рассматривать как динамическое, постоянно эволюционирующее явление, в рамках которого формы и методы обучения должны быть направлены на внутреннюю трансформацию мировоззрения личности, соотношенную с социальными экологическими ориентирами. Такой подход будет способствовать формированию у обучающихся осознанной ответственности за состояние окружающей среды, что является ключевым аспектом устойчивого развития в условиях глобальных экологических вызовов [5].

На первобытном этапе развития человек ощущал свою неразрывную связь с природой, воспринимая её посредством мифологического сознания. В процессе эволюции человечества сформировался гносеологический подход, активизирующий стремление к познанию природы и её законов. Поскольку осознание всей природной реальности, с которой человек взаимодействовал, являлось невозможным, исследователям приходилось декомпозировать понятие природы на отдельные элементы. В результате такого способа восприятия, анализа и систематизации знаний возникли различные научные дисциплины, позволившие по частям изучать законы природы: химия, физика, астрономия, биология, а также другие направления естественнонаучного познания. Накапливаемый опыт интегрировался в процессы научно-технического прогресса, способствуя развитию производственных мощностей и эффективному использованию природных ресурсов.

В то же время гуманитарные науки, исследуя различные аспекты человеческой природы, способствовали более глубокому пониманию индивидуальных и коллективных процессов, социокультурных и моральных ценностей.

На сегодняшний день до сих пор существует заметный разрыв между естественно-научной и гуманитарной культурами. Это разделение затрудняет комплексное решение актуальных проблем, таких как экологический и гуманитарный кризисы, с которыми сталкивается человечество.

Несмотря на понимание необходимости развития экологического сознания, современному об-

ществу недостает практических знаний для реализации этой потребности. Существующие духовные идеалы и система ценностей мотивируют человечество к восстановлению экологического баланса, однако без междисциплинарного подхода сложно разработать эффективную методологию, соответствующую поставленным целям.

Преодоление существующего экологического кризиса возможно лишь при условии интеграции различных подходов, включая чувственные, духовные, культурные и научные аспекты. Для успешного преодоления разрушающих тенденций необходим конвергентный подход, основанный на обратном сближении наук, разделение которых происходило со времен античности, когда человек изучал мир по частям.

Именно на целостной основе следует формировать методологию экологического просвещения и экологической пропаганды в современном обществе, поскольку в действительности наблюдается повсеместное невежество в области экологического образования и воспитания.

Каропа Г.Н. дал следующее определение экологическому образованию: «Экологическим образованием называют непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний, ценностных ориентаций поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное отношение человека к окружающей среде» [6].

Э.В. Гирусов при разработке моделей экологического образования ссылается на принципы, содержащиеся во «Всемирной стратегии охраны природы», принятые Международным союзом охраны природы, которые необходимо учитывать для эффективного формирования экологического сознания общества [7].

Один из этих принципов подразумевает необходимость вовлечения в процесс экологического образования все группы населения, не взирая на возраст и социальное положение. Второй – важность первоочередной подготовки лиц, принимающих решения в области эксплуатации природных ресурсов. И третий принцип – непрерывность экологического образования с целью устойчивого и последовательного формирования экологического сознания и мышления в социуме.

Таким образом, методология трансформации экологического сознания в современном обществе должна включать многоуровневую модель экологического образования, подразумевающую различные факторы ее формирования: междисциплинарный научный подход, синтез гуманитарного и естественно-научного знания, духовное, культурно-нравственное и патриотическое воспитание. Эта модель должна базироваться на интердисциплинарных исследованиях, методах, направленных на развитие системного мышления, позволяющего выявлять связи между элементами экосистемы, чтобы затем была возможность разра-

ботки более эффективных стратегий управления природными ресурсами.

Важно учитывать культурные особенности и традиции народов: местные знания и практика часто содержат ценные уроки о взаимосвязи человека и природы, которые можно интегрировать в современные подходы к управлению ресурсами и экосистемами. Например, Россия – огромная территория, представленная различными климатическими зонами, природные факторы, которых так или иначе влияли на формирование культуры народов, исторически проживающих в этих регионах. Этот принцип подчеркнут в трудах философов-евразийцев, которые утверждали, что географические и климатические особенности региона оказывают значительное влияние на историю и развитие цивилизаций. Ключевое место в этих представлениях занимает концепция месторазвития П.Н. Савицкого, в которой он отмечает, что «Россия – Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум» – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. «ландшафт»...» [8].

Кроме этого, необходимо интегрировать этические нормы в научные изыскания и предпринимательские практики, позволяющие учитывать и определять меры ответственности за свои проекты перед окружающей средой.

На перечисленных принципах должно основываться современное образование в вопросах формирования экологического сознания: ничего не должно выпадать из контекста – только комплексный подход способен дать результаты.

Такой синтез подходов в науке и образовании, на наш взгляд, позволит приблизиться к идеалам учения о ноосфере, как сфере разума на нашей планете, описанными Вернадским В.И. еще в прошлом столетии. Человек должен стать перекрестком всех наук для того, чтобы взять на себя ответственность за разумную составляющую жизни на Земле. Его идеи указывали на то, что разумная деятельность человека должна гармонично взаимодействовать с природой, создавая систему, в которой знания и технологии служат для устойчивого развития планеты; человеческий разум может и должен быть использован для поддержания равновесия в экосистеме.

Литература

1. Ф. Бэкон. Новый органон // Антология мировой философии. Т. М., 2000. – 194 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография / М. Кастельс; перевод с английского под научной редакцией О.И. Шкаратана. – Москва: Государственный университет Высшей школы экономики, 2000. – 608 с.

3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; перевод с английского М.Л. Коробочкина. – Москва: Весь мир, 2004. – 120 с.
4. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек; перевод с немецкого А. Григорьева, В. Седелника; общая редакция и послесловие А. Филиппова. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
5. Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий: сборник статей / Российская академия наук, Институт философии; ответственный редактор И.К. Лисеев. – Москва: «Канон+», 2014. – 328 с. – С. 6
6. Каропа Г.Н. Теоретические основы экологического образования школьников/ Г.Н. Каропа; Министерство образования Республики Беларусь, Национальный институт образования. – Минск: Национальный институт образования, 1999. – 120 с. – С. 12.
7. Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий: сборник статей / Российская академия наук, Институт философии; ответственный редактор И.К. Лисеев. – Москва: «Канон+», 2014. – 328 с. – С. 119.
8. Савицкий П.Н. Географические особенности России / П.Н. Савицкий. Ч. 1. – Прага: Растительность и почвы, 1927. – 180 с.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS: ASPECTS OF THE SUSTAINABILITY OF THE HUMAN-SOCIETY-NATURE SYSTEM

Timurgalieva L.A.

Volga Region State Technological University

The article examines the prerequisites for the emergence of the ecological crisis that arose at the turn of the 20th and 21st centuries. The author analyzes the evolution of humanity's attitude to nature

and the ecological thinking of society, including socio-cultural, economic and political factors, and examines the role of man as an active participant in the ecosystem in different historical periods. Particular attention is paid to the importance of environmental education as a tool for transforming the consciousness of modern society, necessary for sustainable development in the context of global challenges. The article emphasizes the importance of integrating interdisciplinary knowledge and practices, and draws attention to the role of culture and traditions in the formation of effective environmental strategies. The author draws conclusions about the need for a comprehensive approach in the environmental education process, capable of not only forming a responsible attitude towards the environment, but also creating conditions for the sustainability of the human-society-nature system.

Keywords: society, environmental awareness, education, ecology, nature.

References

1. F. Bacon. The New Organon // Anthology of World Philosophy. T. M., 2000. – 194 p.
2. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: monograph / M. Castells; translation from English under the scientific editorship of O.I. Shkaratan. – Moscow: State University Higher School of Economics, 2000. – 608 p.
3. Giddens E. The Elusive World: How Globalization is Changing Our Lives / E. Giddens; translation from English by M.L. Korobochkina. – Moscow: Ves' Mir, 2004. – 120 p.
4. Beck U. What is Globalization? / U. Beck; translation from German by A. Grigorieva, V. Sedelnik; general editorship and afterword by A. Filippov. – Moscow: Progress-Tradition, 2001. – 304 p.
5. Philosophical Foundations of Environmental Education in the Age of Nanotechnology: a collection of articles / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; editor-in-chief I.K. Liseev. – Moscow: "Canon+", 2014. – 328 p. – P. 6
6. Karopa GN Theoretical Foundations of Environmental Education of Schoolchildren / GN Karopa; Ministry of Education of the Republic of Belarus, National Institute of Education. – Minsk: National Institute of Education, 1999. – 120 p. – P. 12.
7. Philosophical Foundations of Environmental Education in the Age of Nanotechnology: a collection of articles / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; editor-in-chief I.K. Liseev. – Moscow: "Canon+", 2014. – 328 p. – P. 119.
8. Savitsky P.N. Geographical features of Russia / P.N. Savitsky. Part 1. – Prague: Vegetation and soils, 1927. – 180 p.

Философские основы феномена самореализации личности в профессиональной деятельности

Родионова Валентина Ивановна,

д.ф.н., доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Швачкина Людмила Александровна,

д.ф.н., доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Зорина Екатерина Владимировна,

магистрант, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: 02022022@yandex.ru

Авторы осуществляют философско-теоретическое осмысление многогранного феномена «самореализация личности». Исходя из того, что данный феномен в определенной мере является одним из важнейших оснований, определяющих состояние внутренней удовлетворенности как ценностного ориентира в стратегии жизненного устройства личности, предметом данного научного исследования выступает самореализация личности в профессии в дискурсе научном и в эмпирическом (профессиональном). Самореализация анализируется с точки зрения социокультурного и деятельностного подходов. Авторами сформулирована позиция относительно детерминации самореализации личности в профессии определенными социокультурными факторами. Самореализация в профессии неразрывно связана с культурой общества и представляет собой процесс, включающий в себя поиск себя через профессиональную деятельность. Авторы приходят к выводу, что самореализация в профессии способствует улучшению качества жизни человека, повышает его самооценку и способствует личностному развитию. Кроме того, успешная самореализация в профессии может привести к экономическому росту общества, улучшению условий труда и повышению экономико-профессионального уровня населения.

Ключевые слова: профессиональная самореализация, самореализация личности, деятельностный подход, профессиональная деятельность, философская антропология, социокультурные процессы.

Актуальность рассмотрения вопросов самореализации личности в профессии обусловлена необходимостью теоретического осмысления дефиниции «самореализация в профессии» в социокультурном контексте, а также проведения, с учетом современных социально-культурных реалий, анализа практического аспекта данного понятия с точки зрения деятельностного подхода.

На всех этапах исторического развития современной гуманитарной науки, вопрос самореализации личности играл и играет значительную роль в понимании человеческого развития, его успешности и «достижительности», являясь объектом пристального научного внимания со стороны ученых-философов. Значительность изучения данного феномена трудно переоценить, поскольку, именно феномен самореализации личности в той, либо иной сфере является одним из важнейших оснований, определяющих состояние внутренней удовлетворенности как ценностного ориентира в стратегии жизненного устройства личности.

Объектом данного исследования выступает феномен самореализации личности, а предметом – самореализация личности в профессии в научных интерпретациях и в практической деятельности.

Цель исследования – провести философский анализ феномена самореализации личности в профессии.

Как неоднократно отмечалось ведущими философами современности «профессиональная деятельность является ключевым фактором самореализации личности в социокультурном пространстве. Профессия является интегрирующим фактором не только становления и реализации личности, но и определения ее социального статуса в социуме, меру его творческой активности» [1, с. 96]. С подобной позицией нельзя не согласиться, поскольку в современном мире стремление к максимальному самовыражению и самосовершенствованию является своеобразным трендом, а важность самореализации личности, прежде всего в профессиональном плане, становится все более очевидной, поскольку человек ищет способы раскрыть свои таланты, применить свои способности, достичь личностного развития и самоудовлетворения. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что философское осмысление категории самореализации подразумевает наличие двух парадигм понимания данного феномена

с точки зрения его места в мировоззренческой системе, вне зависимости от конкретной сферы деятельности. В первом случае, стоит понимать самореализацию в качестве основного, концептуального фундамента научного исследования сущности человека и, одновременно, экзистенциала, играющего определяющую роль в системе человеческого бытия, во втором случае – роль самореализации редуцируется до практического аспекта, подразумевающего не только воспроизведение жизнедеятельности человека в социокультурной среде, но и элементы «я» в профессиональной сфере.

При этом стоит заметить, что самореализация личности в профессии имеет в большей степени внешнее проявление, реализуясь посредством выполнения определенной трудовой деятельности. Однако, при анализе данного феномена было бы неверным игнорировать роль внутреннего фактора в бытии человека как субъекта и целей его деятельности, то есть субъектности и целеполагания, которые в совокупности образуют логическую последовательную концепцию: индивидуальное «Я»- самопознание – самоактуализация – саморазвитие.

Как неоднократно отмечали ученые социально-гуманитарного профиля «существо понятия самопознания, фигурирующего в различных философских, культурных и научных контекстах, демонстрирует исключительно субъективный уровень его осмысления, в связи с неоднозначным пониманием личностями жизненно важной значимости самопознания и следствий незнания себя» [6, с. 54]. Подобное авторское видение отвечает критерию логичности, в связи с чем, полагаем возможным идентифицировать под понятием «самопознание» ключевой элемент развития личности, позволяющий понять свои ценности, убеждения, желания и способности, научиться принимать самого себя и свои ошибки. При этом, нельзя не согласиться, что самопознание является исключительно субъективным процессом, ввиду чего имеет место быть дуалистическое понимание значимости самопознания, поскольку для одних это ключ к успеху и счастью, для других – лишь пустой формализм или даже излишняя рефлексия.

Что касается феномена самоактуализации, считаем целесообразным отметить, что в научной литературе под самоактуализирующейся личностью в профессии понимается личность, которая «стремится сделать все возможное для своего позитивного изменения, достижения высшего уровня профессионализма через реализацию собственных внутриличностных ресурсов: мотивации, ценностей, интересов и способностей» [8, с. 81]. Подобный подход представляется как обоснованный и соотносящийся с фактическими обстоятельствами, поэтому в поиске самоактуализации и стремления к позитивным изменениям, каждый человек имеет возможность достичь высшего уровня, при условии осознания собственного по-

тенциала и постоянного стремления к росту, развитию и достижению успеха в различных сферах жизни. При этом, безусловно, важно находить баланс между личностным развитием и профессиональным ростом, быть открытым к новым возможностям, готовым к самосовершенствованию и постоянно двигаться вперед, стремясь к достижению самых смелых целей.

Особый, как научный, так и практический интерес представляет понятие саморазвития, интерпретируемое учеными в качестве «основания устойчивости человека как сложной, но целостной самоорганизующейся психологической системы» [5, с. 4]. Действительно, саморазвитие являясь основой устойчивости человек, включает в себя постоянное стремление к личностному росту, улучшению качества жизни и достижению индивидуальных целей и предполагает осмысленное и систематическое развитие всех аспектов личности, включая физическое, эмоциональное, интеллектуальное и духовное, что неизбежно служит основой для поиска новых знаний и навыков, самоанализа, самоорганизации, планирования и самоконтроля.

Самореализация в профессии неразрывно связана с культурой общества и представляет собой процесс, включающий в себя поиск себя через профессиональную деятельность. В этой связи, исследуя феномен самореализации в профессии, важно понимать, что самореализация как явление вне зависимости от субъектных характеристик личности существует исключительно в социокультурном пространстве.

При этом целесообразно зафиксировать, что несмотря на безусловную сложность и многогранность мира, в качестве сущностной основы человеческого бытия наряду с семейной сферой выступает профессиональная сфера, которая в большей степени поставлена в зависимость от усмотрения и волеизъявления самого человека. В этой связи, анализируя самореализацию, необходимо отметить, что самореализация личности в профессии наиболее соотносится с волюнтаристическими характеристиками и наиболее полно отвечает критерию вариативности.

В условиях современного процесса глобализации, существенно расширивших спектр возможностей и сфер для самореализации человека, именно профессиональная деятельность представляет особый научный интерес для философии.

При этом, следует обозначить, что в научной литературе встречаются различные подходы к пониманию и соотношению понятий «профессия» и «профессиональная деятельность», однако большинство ученых не усматривают объективной необходимости разграничивать данные понятия, которые, по сути, несут тождественную смысловую нагрузку, что на наш взгляд, является верным и обоснованным.

Исследуя онтологическую природу данного явления, укажем на то, что самореализация лично-

сти представляет собой многогранный объект для научного анализа. Так, процесс самореализации логично интерпретировать, одновременно, в качестве феномена в рамках социокультурного подхода, и в качестве процесса с точки зрения социальной практики, то есть деятельностного подхода.

Безусловно, самореализация в профессии тесно связана с культурой общества, его ценностями, установками и стереотипами, поэтому в разных культурах понятие самореализации может восприниматься по-разному, что влияет на то, как именно человек выбирает свою профессиональную деятельность и достигает в ней успеха. По мнению Гуревича П.С. «в современном мире происходит процесс распада идентичности... и как следствие – кризис идентификации» [2, с. 102], что на наш взгляд, неизбежно приводит к сложностям в процессе самореализации. К подобным примерам можно отнести утрату четких мировоззренческих ориентиров, среди которых особо выделим представление о себе и своем месте в мире, появление неопределенности в аксиологическом аспекте, и это создает препятствия для раскрытия антропологического потенциала и достижению желаемых целей человека в системе общества и культуры. Так, философ Флиер А.Я. утверждает, что «тенденция культурной устойчивости всегда сопровождается и тенденцией культурной изменчивости» [9]. С подобной позицией нельзя не согласиться, поскольку разрушение традиционных стереотипов ставит задачу переосмысления своей личности и поиска актуальных способов самореализации в профессиональном плане, что может быть сложным и болезненным, но в конечном итоге делает возможным принятие решений осознанно и с уверенностью.

В некоторых культурах самореализация в профессии может быть приоритетной задачей, в то время как в других оценивается скептически или воспринимается как чрезмерный индивидуализм, поэтому культурная основа и социальные ценности, являются детерминантами, определяющими особенности при планировании профессиональной карьеры и стремлении к самореализации.

Фактически, самореализация в профессии является важным культурным феноменом, который отражает стремление человека к самопознанию и способствует пониманию особенностей самореализации в разных культурах, позволяя эффективнее планировать свою карьеру и достигать успеха, прежде всего, в профессиональной жизни.

Самореализация в профессии представляет собой бифуркационную точку, когда человек должен выбрать путь реализации собственной субъектности, будет ли «полем» его самореализации сфера труда или семья?

Рассматривая же практический аспект самореализации в профессии, стоит понимать его в качестве сложного процесса, включающего саморазвитие, самоутверждение, стремление человека

к раскрытию своих способностей, талантов и интересов через трудовую деятельность, достижению успеха в карьере, ощущению радости от работы и испытанию чувства удовлетворения и гармонии.

Ведущую роль в рассматриваемом случае, как справедливо отмечает Казьмина Е.Г., играет субъектная позиция личности [4, с. 230], однако, для того чтобы действительно достичь самореализации личности, необходимо не только осознать собственные желания и цели, но и развивать свои навыки, умения и качества лидера: самодисциплину, настойчивость, целеустремленность и готовность к саморазвитию.

Также, среди ученых отмечается важность того факта, что «Самореализация становится возможной только при определенной степени самоактуализации положительного (позитивного) личностного смысла «Я» [7, с. 280]. Подобное мнение, на наш взгляд, представляется как взвешенное, обоснованное и отвечающее критерию объективности, в связи с чем, можно утверждать, что возможность самореализации в профессии также детерминирована самоактуализацией личностного смысла «Я».

При этом, при рассмотрении процесса самореализации важно разграничивать два направления в понимании ценностной основы института самореализации в контексте деятельностного подхода: с одной стороны – сублимации, а с другой – целеполагания. И если в первом случае, формально идет речь именно о процессе, то во втором – уже о механизме планирования того процесса, который должен иметь место быть в реальности.

В конечном итоге, самореализация в профессии способствует улучшению качества жизни человека, повышению его самооценки, развитию личности, а успешная самореализация в профессии может привести к экономическому росту общества, улучшению условий труда и повышению профессионального уровня населения. Следует отметить, что важность экономического фактора при самореализации личности в профессии играет, если не решающую, то ключевую роль, поскольку финансовая стабильность позволяет развиваться, улучшать навыки, инвестировать в себя и своё образование. Но иногда нелюбимая профессия приносит доход, но не возвращает субъектность. Но также, можно утверждать, что и без достаточного дохода сложно реализовывать мечты, следовать увлечениям и интересам, поэтому стремление к финансовой независимости и успеху в профессиональной деятельности является одним из ведущих факторов для возможности самореализации в профессии.

Однако стоит оговориться, что внутренние детерминанты не могут быть рассмотрены в качестве единственно возможного инструмента финансового характера, поскольку действующий в обществе общественно-экономический базис диктует не только тренд на производственные ори-

ентиры, но и определяет реальную возможность, либо невозможность самореализации в профессиональной сфере на уровне отдельно взятой личности, поэтому как неоднократно отмечалось в научной литературе «профессиональное самоопределение предполагает долговременное планирование личного профессионального пути молодого человека на основе анализа развития рынка труда, собственных профессиональных интересов и склонностей, перспектив и условий построения профессиональной карьеры в конкретной профессиональной сфере» [3, с. 81]. Подобный подход, на наш взгляд, не вызывает сомнения в объективности, поэтому важно отметить роль экономического фактора при самореализации личности в профессии.

Таким образом, рассмотрев проблему философского осмысления феномена самореализации личности в профессии, резюмируем следующее.

1. Самореализация личности в профессии является сложным, многогранным феноменом, требующим глубокого понимания в широком контексте философской рефлексии.
2. Самореализация связана с развитием внутреннего «Я» и окружающего мира, включающим в себя не только профессиональное развитие и достижение карьерных целей, но и личностный рост, самопознание, самоактуализацию, самореализацию и рассматриваемом в научной публицистике как в качестве культурного феномена, так и в качестве процесса в рамках деятельностного подхода.
3. Синтетическое сочетание профессиональных интересов, личностных ценностей и финансовых возможностей являются основой успешной самореализации в профессии, а успешная самореализация личности, в свою очередь, способствует раскрытию субъектности, повышению эффективности целеполагания распределению жизненных сил человека.

Литература

1. Ворожко Ю.Н. Философия самореализации личности в современной культуре. – Новочеркасск: Лик, 2015. – 168 с.
2. Гуревич П.С. Векторы современного постижения человека // Философский журнал. – 2013. – № 2(11). – С. 95–106.
3. Дерендяева Т.М. Самореализация и выбор профессии как актуальная проблема молодого поколения в условиях формирования информационного общества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(49). – С. 80–83.
4. Казьмина Е.Г. Развитие субъектности как основного звена профессионального самоопределения будущих рабочих посредством пси-

хологического тренинга // Мир психологии. – 2008. – № 3(55). – С. 229–241.

5. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В. Залевского. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – 154 с.
6. Москатова А.К. К самосозиданию через самопознание и обновление мировоззрения // Восточно-Европейский научный журнал. – 2021. – № 11–5(75). – С. 50–58.
7. Расщепкина Е.Д. Личность в профессии: проблемы самоопределения и самореализации // Литейные процессы. – 2013. – № 12. – С. 278–282.
8. Фефилова Е.А. К проблеме изучения самоактуализации: взаимосвязь особенностей самоактуализации с удовлетворенностью профессиональной деятельностью у менеджеров среднего звена // Гуманитарный научный вестник. – 2017. – № 5. – С. 31–38.
9. Флиер А.Я. Локальная культурная система: факторы устойчивости // Культура культуры. 2020. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnaya-kulturnaya-sistema-factory-ustoychivosti> (дата обращения: 23.04.2024).

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE PHENOMENON OF PERSONAL SELF-REALIZATION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY

Rodionova V.I., Shvachkina L.A., Zorina E.V.
Don State Technical University

The authors carry out a philosophical and theoretical understanding of the multifaceted phenomenon of “personal self-realization.” Based on the fact that this phenomenon is, to a certain extent, one of the most important grounds that determine the state of internal satisfaction as a value guideline in the strategy of an individual’s life, the subject of this scientific research is the self-realization of the individual in the profession in scientific and empirical (professional) discourse. Self-realization is analyzed from the point of view of sociocultural and activity approaches. The authors formulated a position regarding the determination and self-realization of an individual in the profession by certain sociocultural factors. Self-realization in the profession is inextricably linked with the culture of society and is a process that includes the search for oneself through professional activity. The authors come to the conclusion that self-realization in the profession helps improve a person’s quality of life, increases his self-esteem and promotes personal development. In addition, successful self-realization in the profession can lead to economic growth of society, improved working conditions and an increase in the economic and professional level of the population.

Keywords: professional self-realization, personal self-realization, activity approach, professional activity, philosophical anthropology, sociocultural processes.

References

1. Vorozhko Yu.N. Philosophy of personal self-realization in modern culture. – Novocherkassk: Lik, 2015. – 168 p.
2. Gurevich P.S. Vectors of modern comprehension of man // Philosophical magazine. – 2013. – No. 2(11). – pp. 95–106.
3. Derendyaeva T.M. Self-realization and choice of profession as an urgent problem of the young generation in the conditions of the formation of the information society // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 3(49). – P. 80–83.

4. Kazmina E.G. Development of subjectivity as the main link in the professional self-determination of future workers through psychological training // *World of Psychology*. – 2008. – No. 3(55). – pp. 229–241.
5. Klochko V.E., Galazhinsky E.V. Personal self-realization: a systemic view / Edited by G.V. Zalevsky. – Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1999. – 154 p.
6. Moskatova A.K. Toward self-creation through self-knowledge and renewal of worldview // *East European Scientific Journal*. – 2021. – No. 11–5(75). – P. 50–58.
7. Raschepkina E.D. Personality in the profession: problems of self-determination and self-realization // *Foundry processes*. – 2013. – No. 12. – P. 278–282.
8. Fefilova E.A. On the problem of studying self-actualization: the relationship between the characteristics of self-actualization and satisfaction with professional activities among middle managers // *Humanitarian Scientific Bulletin*. – 2017. – No. 5. – P. 31–38.
9. Flier A. Ya. Local cultural system: factors of sustainability // *Culture of culture*. 2020. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnaya-kulturnaya-sistema-factory-ustoychivosti> (access date: 23.04.2024).

Виртуализация и цифровизация профессий и труда

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье рассматриваются перемены в сфере труда и профессиональной реализации вызванные процессами виртуализации и цифровизации произошедшие с 2018 по 2024 год в результате пандемии и других процессов, усиливших виртуальную трудовую занятость. В качестве примера произошедших мировоззренческих сдвигов приводятся результаты двух исследований и показываются новые ориентиры, контекст и формы профессиональной, карьерной и трудовой реализации россиян.

Ключевые слова: социология труда, социология профессий, экономическая социология, виртуализация труда, цифровизация профессий.

Ситуация цифровизации общества усилилась в период пандемии, так как не было иных вариантов развития трудовой сферы, сферы образования. Результатом этого стала виртуализация профессий и труда как такового. Многие люди стали рассматривать удаленную занятость как вполне приемлемую стратегию профессионального развития. Для некоторых профессий, период виртуализации стал финишным, а для других временем рождения (цифровой куратор, онлайн няня). Эти изменения вызваны более интенсивным проникновением цифровых технологий в трудовую сферу, а также появлением профессиональных практик цифрового взаимодействия (от оказания психологической или эмоциональной поддержки до непосредственной деятельности в виртуальном пространстве).

Виртуальный эксперимент, который был осуществлен вовремя пандемии COVID-19 затронул личное и социальное пространство (личные повседневные практики и профессиональные и карьерные планы и возможности), он изменил условия личного мировоззрения и социальных траекторий развития различных социальных групп. Занятость, труд, профессия – стали полем глубоких трансформаций.

Усилился контекст платформенной занятости (логистика, доставка, такси), многие профессии стали активно развивать онлайн услуги (психологи, коучи, астрологи, репетиторы и т.д.). Результатом этого становится поворот (в рамках социологии профессий и социологии труда) от корпуса специальных знаний, автономии и защиты, повышения профессионализма и внедрения этических кодексов и этики к прикладным аспектам антропологического освоения в новой нише (выработке новых практик адаптации, приспособления к новым условиям жизни для выполнения качественного труда). Вместе с этим происходит усиление цифрового контроля качества выполнения труда.

Это глобальные перемены на рынке труда, которые приводят к изменениям в повседневном пространстве жителей России. Эти трансформации и глобальны (так как затрагивают все сферы и ниши) и локальны (так как опираются на повседневный выбор жизни в профессии и трудовой деятельности у рядовых граждан).

В трудах исследователей эта проблематика нашла разные фокусы освещения.

Роль пандемии и цифрового пространства анализируется в работах Р.Н. Абрамова и А.В. Быкова [1] через мир профессий в контексте труда и за-

нятости. Особенности удаленной работы изучаются Д.О. Стребковым, А.В. Шевчук и М.О. Спириной [22], а также вопросы дистанционной занятости отражены в исследованиях О.Н. Баевой и В.Н. Елшанской [5]. Особенности цифровой экономики и сферы труда изучены в работе А.В. Шевчука [27]. Роль медиапространства в трудовой сфере рассмотрена в работе Т.А. Тереховой и Л.Г. Гаевской [23].

Влияние виртуализации на новые жизненные смыслы показана в работах Р.Г. Ардашева [2–4]. Изменение образовательных траекторий под влиянием дистанционного обучения рассмотрены в исследованиях И.А. Журавлевой [7–11]. Особенности глобализации рыночных процессов в трудовой сфере рассмотрены Е.А. Трофимовым [24]. Особенности внутрифирменной мобильности исследованы Е.П. Федоровой и Р.Т. Утаралиевой [25].

Вопросы равенства труда и возможностей через гендерный подход отражены в работе С.Н. Мозулева, Л.В. Саниной и И.С. Шавкуновой [12]. А также особенности студенческой занятости отражаются в работе Л.В. Саниной, С.Н. Мозулева и В.В. Полякова [16].

Особенности социальных коммуникаций и взаимодействий в поствиртуальном мире прослеживаются в трудах О.А. Полюшкевич [13–15]. Особенности экономических притязаний, сформированные под влиянием виртуализации и цифровизации отражены в исследованиях В.А. Скуденкова [17–21]. Связи карьерных ориентаций и социальной эффективностью рассмотрены в работе Н.С. Фонталовой и В.И. Рерке [26].

Особенности исследования

Мы провели исследования восприятия труда и занятости в 2018 году и 2024 году по аналогичной анкете. Это позволяет нам сравнивать показатели и выявлять произошедшие изменения восприятия труда, занятости, карьеры и профессии современников. В 2018 году в исследовании приняли участие 850 человек (56% женщин и 44% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных регионах РФ), в 2024 году в исследовании приняли участие 860 человек (55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных регионах РФ). Исследование проходило онлайн. Погрешность выборки – 2,3%.

При анализе данных использовался анализ средних значений и критерий Манна-Уитни.

Анализ результатов изливания

Сегодня новые модели формирования профессионализма, становления карьеры и реализации в труде приобретают новый смысл. Профессионализм реализуется через несколько векторов: технический, управленческий и исполнительский. Техни-

ческий как условие адаптации к новым реалиям, связанное с умением освоить новые технологии, программы и технические инструменты становится более значимым после пандемии (в 2018 году – приоритетно для 35% опрошенных, в 2024 для 52%). Управленческий (как стратегия управления другими и самим собой) в 2018 важна для 26%, в 2024 году для 37%. Исполнительский, направлен на техническое выполнение работы (чаще физической) в 2018 году 39%, в 2024 году – 11%.

Если ранее существовал «оградительный профессионализм», то сегодня мы можем говорить о возникновении «связующего профессионализма», когда навыки, полученные в одной сфере, могут быть применимы в другой сфере, на стыке этого формироваться новые профессии и сферы занятости и как следствие – новые модели профессиональных траекторий. Это меняет идентичность человека и формирует новые трудовые ценности и карьерные планы. Эти процессы положительно оцениваются 89% опрошенных, только 11% оценивает их как отрицательные, объясняя это размытием профессионального становления и развития.

Вопросы необходимости «специального знания», «диплома», подтверждающего твое право на ту или иную деятельность становится не столь обязательными. Если в 2018 году об обязательном образовании и документе это подтверждающем для занятия в той или иной нише говорили 59% опрошенных, то в 2024 году таких 33%. Это не значит, что люди готовы идти к «шарлатанам», но они больше начинают доверять искусственному интеллекту и его подсказкам в профессиональной деятельности. Уровень доверия в 2018 году был 32%, то в 2024 году таких 61%.

В таблице представлены смыслы понимания занятости, труда, профессии и карьеры до и после пандемии. До пандемии все категории обладают большей основательностью, обязательностью и устойчивостью, после видятся более гибкими, необязательными, мобильными. Эти данные свидетельствуют о мировоззренческих сдвигах и социальных трансформациях условий реализации миллионов людей, что свидетельствует о качественном сдвиге сознания в сферу цифровизации общества (табл. 1).

Также россияне отмечают процессы личной депрофессионализации и утраты профессиональной самобытности и элитарности. Например, замена реального врача на телемедицину, реального учителя или няню на «Алису», которая может рассказать сказку, законы физики и дать совет по приготовлению любого блюда. Замена людей в профессиях приводит к утрате доверия представителям данной профессии. Данные процессы положительно воспринимала четверть опрошенных (26%) в 2018 году и 54% в 2024 году; негативно 33% в 2018 и 40% в 2024 году; остальные не определились в точных оценках происходящих перемен.

Таблица 1. Смыслы понимания трудовых категорий до и после пандемии (в %)

Трудовые категории	До пандемии (2018 г.)	После пандемии (2024 г.)
Занятость	Постоянная (44,3) Стабильная (42,5) Регулярная (40,8)	Мобильная (65,8) Гибкая (63,6) Непостоянная (62,1)
Труд	Обязательный (56,4) Активный (55,5) Регулярный (52,8)	Интеллектуальный (69,8) Креативный (67,7) Многогранный (66,2)
Профессия	Базовая (52,1) Основная (50,8) Надежная (49,8)	Актуальная (68,9) Востребованная (67,7) Новая (66,2)
Карьера	Стабильная (47,9) Постепенная (45,5) Основательна (43,3)	Прерывистая (59,7) Вдохновляющая (63,3) Независимая (62,1)

Стоит отдельно выделить изменения в оценке перспектив и возможностей профессионального развития для мужчин и женщин. Если возможности мужчин в большей степени дублируют аналогичные реальные и виртуальные специальности (в 35%), то для женщин, расхождение более значимое (то есть в виртуальном пространстве в три раза больше сфер занятости для женщин, чем на реальном рынке труда) – 88%. При этом, в два раза больше профессий в виртуальном пространстве, не имеющих гендерного разделения.

Также, для представителей старшего возраста появляются новые специальности в цифровом мире и виртуальном пространстве (для пенсионеров в три раза больше новых специальностей в онлайн, чем в оффлайне). Отдельно стоит отметить возможность детей включаться в трудовые отношения в виртуальном пространстве (через трансляцию своих знаний, навыков и умений).

Выводы

Виртуализация и цифровизация профессий очевидна для современной России. Новые технологии могут улучшить условия и качество труда, при этом происходит трансформация профессионального поля профессий и видов трудовой деятельности. Инновационные формы организации труда становятся приоритетными сферами развития занятости.

Сегодня формируются новые объяснительные модели профессионализма и трудовой реализации. Происходит личная депрофессионализация в разных сферах и усиление роли искусственного интеллекта и цифровых технологий в получении консультаций и услуг. Усиливается доверие искусственному интеллекту в реализации профессиональной деятельности и уменьшается ценность «специального знания», предполагающего личную ответственность и профессионализм.

Цифровизация и виртуализация труда изменила гендерное и возрастное распределение рынка

занятости. Это указывает на большую роль женщин и представителей старшего возраста и детей, вовлеченных на рынок труда.

Последствиями этих процессов выступают изменения на рынке труда, которые потребуют мониторинга и детального изучения. Начиная от исследования общественного образа профессии, профессиональной этики, мотивации, адаптации к новым условиям труда, освоения и применения новых технологий и отслеживания своих эмоциональных и когнитивных изменений, связанных с этими процессами.

Основными вопросами, которыми будет заниматься социология профессий, и экономическая социология в ближайшие годы будут такие, как – приведет ли цифровизация общества к замене «живых» сотрудников на искусственный интеллект, как изменятся профессиональные навыки и компетенции в реализации своих профессиональных возможностей в виртуальном формате, в отличие от реального уровня возможностей.

Литература

- Абрамов Р.Н., Быков А.В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 4–20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>.
- Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
- Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
- Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
- Баева О.Н., Елшанская В.Н. Методические аспекты принятия решения об использовании дистанционной занятости // Baikal research journal. 2020. Т. 11. № 2. С. 10.
- Былков В.Г. Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1.
- Журавлева И.А. Окно возможностей дистанционного обучения // Социология. 2024. № 7. С. 6–11.

8. Журавлева И.А. Образовательные траектории студенческой молодежи в структуре жизненного мира // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 371–374.
9. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
10. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
11. Журавлева И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
12. Мозулев С.Н., Санина Л.В., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 536–546.
13. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 41–44.
14. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 227–232.
15. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
16. Санина Л.В., Мозулев С.Н., Поляков В.В. Исследование предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области // Baikal research journal. 2022. Т. 13. № 3. С. 39.
17. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
18. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
19. Скуденков В.А. Экономические статусы в виртуальном мире: взгляд студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 243–245.
20. Скуденков В.А. Влияние уровня тревожности, вызванной мобилизацией на экономические притязания россиян // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 293–297.
21. Скуденков В.А. Динамика экономических притязаний в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 90–97.
22. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89–106.
23. Терехова Т.А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 680–689.
24. Трофимов Е.А. Глобализация рыночных процессов в трудовой сфере // Baikal research journal. 2012. № 3. С. 3.
25. Федорова Е.П., Утаралиева Р.Т. Внутрифирменная мобильность на российском рынке труда // Baikal research journal. 2017. Т. 8. № 3. С. 12.
26. Фонталова Н.С., Рерке В.И. Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // Baikal research journal. 2015. Т. 6. № 3. С. 38.
27. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30–54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>

VIRTUALIZATION AND DIGITALIZATION OF PROFESSIONS AND LABOR

Baev P.A.
Baikal State University

The article examines changes in the sphere of labor and professional realization caused by the processes of virtualization and digitalization that occurred from 2018 to 2024 as a result of the pandemic and other processes that increased virtual employment. As an example of the ideological shifts that have occurred, the results of two studies are given and new guidelines, context and forms of professional, career and labor realization of Russians are shown.

Keywords: sociology of labor, sociology of professions, economic sociology, virtualization of labor, digitalization of professions.

References

1. Abramov R.N., Bykov A.V. The world of professions in the context of labor and employment: pandemic and digital vertigo // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2021. No. 3. Pp. 4–20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>.
2. Ardashev R.G. Virtualization in the new meaningful life orientations of Russians // Global and regional impacts in the system of modern societies. Collection of scientific papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 130–134.
3. Ardashev R.G. Change in consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development

- in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Internet Conference: in 2 parts. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol NC RAS, 2021. Pp. 76–79.
4. Aardashv R.G. New meanings in the consciousness of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 152–156.
 5. Baeva O.N., Elshanskaya V.N. Methodological aspects of making a decision on the use of remote employment // *Baikal research journal*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 10.
 6. Bylkov V.G. Attributes of labor demand in the labor market: interregional comparisons (based on the materials of a sample survey of Rosstat) // *Bulletin of the Baikal State University*. 2022. Vol. 32, No. 1.
 7. Zhuravleva I.A. Window of Opportunity for Distance Learning // *Sociology*. 2024. No. 7. Pp. 6–11.
 8. Zhuravleva I.A. Educational Trajectories of Student Youth in the Structure of the Life-World // *Development of Expert Institutions in the 21st Century: Theory and Practice*. Collection of Scientific Papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 371–374.
 9. Zhuravleva I.A. Modernists and Traditionalists: Educational Trajectories of Russian Youth // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2019. No. 6. Pp. 31–34.
 10. Zhuravleva I.A. Resource and Educational Potential of Modern Youth // *Sociology*. 2020. No. 1. P. 279–286.
 11. Zhuravleva I.A. Social framework of educational and labor prospects of Russian youth // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2019. No. 10. P. 264–274.
 12. Mozulev S.N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // *Baikal research journal*. 2023. V. 14. No. 2. P. 536–546.
 13. Polyushkevich O.A. Social communications and prosocial practices in the digital world // *Social reality of virtual space*. Proceedings of the V International scientific and practical conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. P. 41–44.
 14. Polyushkevich O.A. Social modeling: postvirtuality of urban space // *Social reality of virtual space*. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. Pp. 227–232.
 15. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Ideas about social success // *Sociodynamics*. 2016. No. 10. Pp. 37–44.
 16. Sanina L.V., Mozulev S.N., Polyakov V.V. Study of entrepreneurial intentions of student youth of the Irkutsk region // *Baikal research journal*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 39.
 17. Skudnikov V.A. Transformation of life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. No. 1. P. 341–344.
 18. Skudnikov V.A. Economic Aspirations in the Context of Mobilization // *Sociology*. 2022. No. 5. P. 80–87.
 19. Skudnikov V.A. Economic Statuses in the Virtual World: Students' View // *Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Development Vectors*. Collection of Scientific Papers International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023. P. 243–245.
 20. Skudnikov V.A. The Impact of the Level of Anxiety Caused by Mobilization on the Economic Aspirations of Russians // *In Search of Social Truth*. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 293–297.
 21. Skudnikov V.A. Dynamics of economic claims in the context of a pandemic // *Philosophy of health: an integrated approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. Pp. 90–97.
 22. Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. Self-employment in the remote work market: the spread of innovative labor practices // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2016. No. 6. Pp. 89–106.
 23. Terekhova T.A., Gaevskaya L.G. The system of meaning-forming activity of an individual in the context of a metasystem approach // *Baikal research journal*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 680–689.
 24. Trofimov E.A. Globalization of market processes in the labor sphere // *Baikal research journal*. 2012. No. 3. P. 3.
 25. Fedorova E.P., Utaraliev R.T. Intra-firm mobility in the Russian labor market // *Baikal research journal*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 12.
 26. Fontalova N.S., Rerke V.I. The relationship between career orientations of the personality of a future specialist and their social effectiveness // *Baikal research journal*. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 38.
 27. Shevchuk A.V. From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy // *Sociology of Power*. 2020. Vol. 32. No. 1. P. 30–54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>

Нейросоциология. Теория когнитивного поля

Резников Михаил Юрьевич,

стажер-исследователь, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: reznikov@isras.ru

В статье рассматривается теория когнитивного поля, основанная на нейросоциологии, которая исследует социальные группы как единый «организм» с аналогией к нейронным связям. Теория опирается на идеи Курта Левина и других ученых, чтобы описать динамическую структуру взаимодействий внутри групп. Основной единицей этого когнитивного поля является «брейрон» – аналог нейрона, а связь между ними – «лигатура». Эти взаимодействия могут быть как контактными, так и бесконтактными, и формируют общий вектор поведения группы. *Цель* исследования заключается в разработке методики для прогнозирования и управления поведением социальных групп на основе анализа их когнитивных и поведенческих паттернов. Применение данной модели может быть полезным для политического управления, корпоративного маркетинга и в контексте интернет-сообществ. *Практическая часть* работы предусматривает использование социологических и нейрофизиологических методов для изучения больших молодежных групп, что позволит выявить индикаторы, влияющие на их консолидацию и паттерны поведения, а также разработать инструменты для воздействия на них.

Ключевые слова: нейросоциология, когнитивное поле, коллективный интеллект, социальные группы, групповое поведение, информационное воздействие, нейронные связи, поведенческие паттерны, консолидация масс, управление социальными процессами.

Еще в начале XX в. Курт Левин выдвинул гипотезу о существовании пространства, которое является совокупностью сил и факторов, влияющих на человека в данный момент. При этом это пространство не является статичным, оно постоянно меняется в зависимости от различных внешних и внутренних воздействий: внутренние потребности и мотивы индивида, так и внешние силы, влияющие на него (социальная среда, обстоятельства) [1].

Французский социолог Густав Лебон в книге «Психология народов и масс» утверждает, что в толпе индивидуальное сознание и разум подчиняются коллективным эмоциям и инстинктам, что приводит к снижению уровня рациональности и интеллекта. Толпа формирует единые эмоции, которые могут быть иррациональными, крайними и легко меняющимися в зависимости от настроений в толпе. По мнению Лебона в толпе происходит снижение интеллектуального уровня, поскольку индивидуальное мышление подменяется примитивными инстинктами и эмоциями. В результате в толпе накапливается не мудрость, а глупость, что делает ее решения неэффективными и часто опасными [5].

Большое количество научных работ пытается изучить бессознательное поведение стай животных, когда стаями летающие птицы или рыбы демонстрируют высокую степень согласованности и синхронности в движениях. Это явление часто называют стайным поведением или когнитивной самоорганизацией, которая базируется на простых правилах поведения отдельных особей, но в совокупности создает сложные и гармоничные движения. В качестве примера подобного массового бессознательного поведения людей (не «коллективное бессознательное» К. Юнга) можно привести Танец Святого Витта – историческое явление, описываемое как «массовые эпидемии» неконтролируемых танцевальных движений, которые происходили в Европе в средние века, при этом врачи считали, что это неврологический синдром, но никто не доказал даже возможную его контагиозность. Вышеприведенные примеры самоорганизации, где глобальные паттерны поведения (поведение толпы, формирование сложных фигур в небе, пляски до остановки сердца и т.п.) возникают без центрального управления, только на основе локальных взаимодействий, что подчеркивает существование группового интеллекта или единого пространства, которое, безусловно присутствует в сознательно организованных сообществах и группах.

Современная наука нейросоциология – междисциплинарная область, объединяющая методы и концепции социологии и нейронаук для изучения социальных феноменов и поведения человека на нейрофизиологическом уровне. Рассматривая социальное взаимодействие с точки зрения нейросоциологии, можно будет применить закономерности, присущие отдельному головному мозгу, к социальной группе, что поможет в разработке методов улучшения социальных навыков и управления конфликтами, понять глубинные процессы социального влияния на нейронные процессы принятия решений [8].

Выдвигается гипотеза о поведении социальной группы как единого поля с нейронными связями. Это предполагает, что социальная группа может функционировать как единый «организм», где каждый человек выступает в роли «нейрона», а взаимодействия между ними образуют аналог «нейронных связей». В рамках этой гипотезы социальная группа рассматривается как коллективный интеллект, где индивидуальные паттерны действия интегрируются в общую когнитивную и поведенческую систему.

Модель когнитивного поля

Используемая терминология. Когнитивное поле – четырехмерное динамическое пространство, простейшей единицей которого является брейрон. Связь брейронов между собой – лигатура. Когнитивное поле, может быть, двух основных видов: имеющее лигатуры – контактное и не имеющее лигатур – бесконтактное. Основные свойства лигатур: взаимодействие (вербальное и невербальное), вовлеченность (солидарность и интегрированность), эмпатия (взаимопонимание и доверие), конфликтность. Основным свойством когнитивного поля является вектор поведения.

Примеры. Большая социальная группа чаще всего имеет характеристики комбинированного когнитивного поля с малым количеством лигатур, поэтому может быть отнесена к бесконтактной (нация, социальный класс).

Контактные группы характеризуется преобладанием лигатур, как например болельщики на соревнования, митинги, профессиональные союзы и т.п. Свойства когнитивного поля: вектор поведения, эмоциональное возбуждения, коэффициент интеллекта, коэффициент восприятия внешних раздражителей, в т.ч. информационного потока.

Размер когнитивного поля безграничен, при этом может быть пересечение или поглощение одного поля другим с сохранением свойств каждого из полей. Как например, когнитивное поле конкретной нации включает в себя когнитивные поля различных профессиональных групп, социальных классов и т.п. В малых социальных группах подобным примером может служить рабочий коллектив,

в котором есть несколько групп футбольных болельщиков разных команд.

Брейрон обладает собственными онтогенетическими характеристиками, которые формируются на основе генетической информации. Свойства брейрона не являются статичными они постоянно меняются под воздействием различных филогенетических факторов: опыта, обучения, стресса, возраста и т.д. (свойства нейропластичности). Брейрон обладает собственными свойствами, главные из которых – потенциал взаимодействия и predisposedness к лидерству (свойства центральных нейронов). Брейроны могут подстраиваться под коллективные установки группы и перенимать поведение окружающих, даже если оно противоречит их обычным стандартам (свойства зеркальных нейронов). На этом же основан эффект повышенного эмоционального возбуждения в группе, основанного на эмпатии или переживании, склонности к импульсивным действиям (свойства возбудимости нейронов). Чем больше значение лигатур и количество брейронов в одном Когнитивном Поле, тем менее значимыми становятся свойства одного брейрона по отношению к свойствам всего Когнитивного Поля в целом. При этом значение отдельного свойства Когнитивного Поля значительно происходят свойства одного брейрона, образуя вектор конкретного свойства Когнитивного Поля (свойства синхронизации нейронов).

Рассматривая бесконтактное когнитивное поле необходимо учитывать внешнее воздействие, в виде информационного потока, и внутренние характеристики брейронов. То есть однотипные брейроны, обладающие свойствами, присущими конкретной социальной группе, создают вектор когнитивного поля исключительно под внешним воздействием информационного потока.

В контактном когнитивном поле активнее задействуются свойства брейронов, связанные с эмпатией и невербальными сигналами, в то время как в бесконтактных группах на первое место выходят свойства, отвечающие за когнитивную оценку и интерпретацию информации, что приводит к более медленному развитию доверия и изменению вектора поведения.

Основным фактором, формирующим вектор поведения контактного когнитивного поля являются лигатуры, которые зависят от внешнего воздействия информационного потока и свойств брейронов.

Теоретическая актуальность работы заключается в инновационном междисциплинарном подходе к объяснению практически всех известных в настоящий момент социальных процессов и явлений, что позволит не только структурировать имеющиеся знания, но и понять их природу и возможность влияния на эти процессы. Основоположником данной теории можно считать К. Левина, но в дальнейшем эта тема не имела фундаментального развития (за исключением узкона-

правленных работ в США), и в настоящий момент не имеет научной разработанности.

Практическая актуальность исследования – применение на практике индикаторов, влияющих на паттерны поведения социальных групп. Одним из частных аспектов данной теории занимаются ученые ВШЭ, а также Самарского медицинского университета и др., получившие интересные данные, основанные на изучение отдельно взятого головного мозга вне социальной коммуникации. Предлагаемая теория позволит применять ее сразу и непосредственно на практике.

Проверка научной гипотезы о поведении социальной группы как единого поля с нейронными связями. Это предполагает, что социальная группа может функционировать как единый «организм», где каждый человек выступает в роли «нейрона», а взаимодействия между ними образуют аналог «нейронных связей». В рамках этой гипотезы социальная группа рассматривается как коллективный интеллект, где индивидуальные паттерны действия интегрируются в общую когнитивную и поведенческую систему.

Практической целью исследования будет являться разработка методики для формирования информационного потока в адрес органов политического управления, влияющих на позитивную или негативную консолидацию масс молодежи, а также выявление индикаторов, формирующих подобную консолидацию, для корпоративного управления и бизнес-маркетинга, в т.ч. в интернет-пространстве.

Подтверждение научной гипотезы не только сможет продемонстрировать что в основе социальных процессов и явлений лежит естественнонаучная составляющая, но и создаст нам картину мира, которая позволит достоверно прогнозировать, а также влиять на поведение интересующих в конкретный момент социальных групп.

Непосредственное применение результатов исследования, безусловно, будет являться прорывом в социальной практике, т.к. сможет не только более достоверно прогнозировать поведение социальных групп, что исключительно важно в современном мире для правильного политического управления, но и правильно выстраивать политику корпоративного управления и маркетинга, основанную на фундаментальных естественнонаучных знаниях, экстраполированных на теорию управления большими коллективами, а также эффективного прогнозирования поведения и возможного влияния на него среди больших социальных групп (в т.ч. интернет сообщества, коллективные интернет игры, молодежные движения, покупателей отдельного вида товара и т.д.).

С целью подтверждения выдвинутой гипотезы разработана инновационная методика. На первом этапе работы планируется изучение больших молодежных контактных оффлайн и виртуальных интернет-коммуникационных групп (студенты, мо-

лодежные научные объединения, общественные и культурные молодежные объединения и т.д.). Предполагается использование социологических методов исследования, а затем их подтверждение с помощью нейрофизиологических, инструментальных методов [7]. Техническая часть исследования будет реализована с помощью социологических методов (социометрия, макроисследование респондентов в однотипных сообществах), которые будут подтверждаться нейрофизиологическими инструментальными методами (динамическая оценка когнитивных состояний респондентов) и методами математической статистики (факторный анализ и т.п.) [9].

Первичные исследования смогут выявить индикаторы отдельных членов группы, характерные конкретной социальной группе, а также особенности их взаимодействия, в т.ч. лидеров. Дальнейшая работа сможет выявить динамические характеристики этих индикаторов и медиаторы, влияющие на паттерн поведения всей группы. В качестве примера можно привести молодежную волонтерскую группу (поддержка СВО, экоактивисты, зоозащитники), которая действует совместно, эмоционально сплоченно и однонаправленно, при этом контактная оффлайн группа (игровое интернет-сообщество, те же эко-активисты и зоозащитники) будет иметь схожие паттерны поведения при возникновении соответствующего медиатора (в частности, информационного воздействия).

С помощью предложенной модели может быть решена такая практическая задача, как моделирование и предсказуемость отдельных социальных групп, в контексте формирования социальной статистики и прогноза их тенденций.

Модель когнитивного поля, основанная на нейросоциологии, создаст нам картину мира, которая даст объяснение большинству существующих теорий, начиная от К. Левина до современного понимания механизмов психологии больших групп.

Литература

1. Lewin K. Field theory in social science: selected theoretical papers (Edited by Dorwin Cartwright.). Harpers, 1951.
2. Горшков М.К. Метод фокус-групп / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги // Политическая психология: Хрестоматия. – 4-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Аспект Пресс, 2018. – С. 96–104.
3. Горшков, М.К. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2020. – 688 с. – ISBN 978-5-89697-325-6. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
4. Горшков М.К. Прикладная социология + практикум в ЭБС: Учебник и практикум /

- М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, Б.З. Докторов. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: ЮРАЙТ, 2018. – 399 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс). – ISBN 978-5-534-05342-5
5. Густав Л. Психология народов и масс. / Пер. с франц. под ред. А. Фридмана. – Москва: АСТ, 2015. – 340 с.
 6. Комиссаров С.Н. Отечественная культура как объект информационного воздействия / С.Н. Комиссаров // Социальная коммуникация в современном российском обществе: Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 октября 2022 года / отв. ред. В.А. Мансуров, Т.З. Адамьянц, ред. Е.Ю. Иванова, П.С. Юрьев. – Москва: Российское общество социологов, 2023. – С. 140–144.
 7. Резников М.Ю. Изучение влияния техногенных электромагнитных излучений на головной мозг / М.Ю. Резников // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 7. – С. 421–424. – DOI 10.61726/2581.2024.47.87.001.
 8. Резников М.Ю. Прикладные аспекты нейросоциологии и патриотическое воспитание молодежи / М.Ю. Резников // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 7. – С. 160–164. – DOI 10.61726/4900.2024.16.12.001.
 9. Резников М.Ю. Функциональная диагностика личностных характеристик на этапе профессионального отбора в отряд космонавтов / М.Ю. Резников // Социология. – 2024. – № 7. – С. 133–137. – DOI 10.61726/8329.2024.90.82.001.
 10. Шереги Ф.Э. Задачи «симбиоза» науки и производства / Ф.Э. Шереги // Управление наукой: теория и практика. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 112–122. – DOI 10.19181/sntp.2022.4.2.12.
 11. Шереги Ф.Э. Теоретическая социология как наука и предмет образования / Ф.Э. Шереги // СОТИС – социальные технологии, исследования. – 2021. – № 4(110). – С. 41–55.

NEUROSOCIOLOGY. THEORY OF THE COGNITIVE FIELD

Reznikov M.Yu.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article discusses the theory of the cognitive field based on neurosociology, which examines social groups as a single “organism” with an analogy to neural connections. The theory draws on the ideas of Kurt Levin and others to describe the dynamic structure of interactions within groups. The main unit of this cognitive field is a “brairon” – an analogue of a neuron, and the connection be-

tween them is a “ligature”. These interactions can be both contact and non-contact, and form a common vector of group behavior. *The aim of the study* is to develop a methodology for predicting and managing the behavior of social groups based on the analysis of their cognitive and behavioral patterns. The application of this model can be useful for political management, corporate marketing and in the context of online communities. *The practical part of the work* involves the use of sociological and neurophysiological methods to study large youth groups, which will identify indicators that affect their consolidation and patterns of behavior, as well as develop tools to influence them.

Keywords: neurosociology, cognitive field, collective intelligence, social groups, group behavior, information impact, neural connections, behavioral patterns, consolidation of the masses, management of social processes.

References

1. Lewin K. Field theory in social science: selected theoretical papers (Edited by Dorwin Cartwright.). Harpers, 1951.
2. Gorshkov M.K. Focus group method / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi // Political Psychology: Reader. – 4th edition, revised and supplemented. – Moscow: Aspect Press, 2018. – Pp. 96–104.
3. Gorshkov, M.K. Russian youth in the mirror of sociology: to the results of long-term research / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. – Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. – 688 p. – ISBN 978-5-89697-325-6. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
4. Gorshkov M.K. Applied sociology + workshop in EBS: Textbook and workshop / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi, B.Z. Doktorov. – 3rd edition, revised and expanded. – Moscow: YURAYT, 2018. – 399 p. – (Bachelor and Master. Academic course). – ISBN 978-5-534-05342-5
5. Gustav L. Psychology of peoples and masses. / Per. from French edited by A. Friedman. – Moscow: AST, 2015. – 340 p.
6. Komissarov S.N. Domestic culture as an object of information influence / S.N. Komissarov // Social communication in modern Russian society: Collection of reports of the All-Russian scientific and practical conference, Moscow, October 20, 2022 / ed. V.A. Mansurov, T.Z. Adamyants, ed. E. Yu. Ivanova, P.S. Yuryev. – Moscow: Russian Society of Sociologists, 2023. – Pp. 140–144.
7. Reznikov M. Yu. Study of the influence of man-made electromagnetic radiation on the brain / M. Yu. Reznikov // Innovations and investments. – 2024. – No. 7. – Pp. 421–424. – DOI 10.61726/2581.2024.47.87.001.
8. Reznikov M. Yu. Applied aspects of neurosociology and patriotic education of youth / M. Yu. Reznikov // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 7. – P. 160–164. – DOI 10.61726/4900.2024.16.12.001.
9. Reznikov M. Yu. Functional diagnostics of personal characteristics at the stage of professional selection for the cosmonaut corps / M. Yu. Reznikov // Sociology. – 2024. – No. 7. – P. 133–137. – DOI 10.61726/8329.2024.90.82.001.
10. Sheregi F.E. Tasks of “symbiosis” of science and production / F.E. Sheregi // Science management: theory and practice. – 2022. – Vol. 4, No. 2. – P. 112–122. – DOI 10.19181/sntp.2022.4.2.12.
11. Sheregi F.E. Theoretical sociology as a science and subject of education / F.E. Sheregi // SOTIS – social technologies, research. – 2021. – No. 4(110). – P. 41–55.

Влияние мировоззренческих аспектов ближайшего окружения пациентов с когнитивными нарушениями на их реабилитацию

Суворов Валерий Владимирович,

к.и.н., научный сотрудник центра координации фундаментальной научной деятельности, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России»
E-mail: valeriy_s@inbox.ru

Киселев Антон Робертович,

д.м.н., руководитель центра координации фундаментальной научной деятельности, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России»
E-mail: antonkis@list.ru

Реабилитация пациентов с когнитивными нарушениями предполагает не только участие медицинских работников и специальные медицинские методики, но и взаимодействие с их ближайшим окружением, лицами, непосредственно осуществляющими за ними уход. Исследователями отмечается значимость пребывания пациента в домашних условиях для более быстрого восстановления прежних когнитивных способностей. Вместе с этим, мировоззренческие аспекты лиц, осуществляющих уход за пациентами с когнитивными нарушениями, несут в себе риски, которые могут проявляться в их негативном воздействии процесс выздоровления пациентов. Нередко окружение не соответствует необходимому уровню знаний и компетенций, ответственности, доверия и приверженности лечебным и реабилитационным методикам и приемам. Далеко не всегда лица, осуществляющие уход, могут оставаться устойчивыми к развитию стресса или других психических расстройств, что в свою очередь может сказываться на качестве ухода за пациентом. Решением данной проблемы может быть как развитие специальных служб, оказывающих информационную и психологическую поддержку лицам, заботящимся о своих близких с когнитивными нарушениями, так и развитие и внедрение современных цифровых устройств и программ, позволяющих компенсировать недостаточное или неправильное взаимодействие пациентов с ближайшим окружением.

Ключевые слова: реабилитация когнитивных нарушений, мировоззрение, уход за пациентом, социокультурный код здоровья.

Введение

Значительная часть работы, связанная с восстановлением способностей пациентов после возникновения когнитивных нарушений, происходит за пределами медицинских учреждений, поэтому их реабилитация предполагает кроме наблюдений у медицинских специалистов еще и активную роль ближайшего окружения, которое осуществляет за ними уход. На него возлагается особая роль не только в восстановлении когнитивных способностей, но и в социальной реабилитации пациентов, включающей социальное взаимодействие [29].

Тем не менее далеко не все люди, столкнувшись с необходимостью оказывать помощь в восстановлении когнитивных способностей своих близких, обладают необходимыми для этого качествами. Готовность оказывать реабилитационную помощь во многом определяется социокультурными факторами, связанными как с личностью пациента, так и с тем окружением, которое в силу обстоятельств столкнулось с необходимостью осуществлять за ним уход и участвующему в реабилитационных мероприятиях. В зависимости от степени когнитивных нарушений, зависимость пациентов от членов их семей может быть разной, от необходимости минимальной помощи и общения, до полного восполнения всех утраченных способностей, обеспечивающих полноценную жизнедеятельности. От того, в каких бытовых условиях находится пациент и как строится коммуникация с его окружением, во многом зависит успех лечения и реабилитации, поэтому социальные и культурные особенности родственников или других лиц, непосредственно осуществляющих уход, следует учитывать при разработке общих подходов к реабилитации, в том числе при определении особенностей взаимодействия с медицинскими специалистами и применения современных устройств и программного обеспечения в реабилитационных мероприятиях.

В клинической практике, а также в исследованиях основное внимание уделяется в основном реабилитационным усилиям в медицинских учреждениях, хотя и признается, что пациент должен, насколько это возможно, в итоге вернуться в свою домашнюю обстановку и, в идеале, на рабочее место. Однако внимания реабилитационному обучению и другим терапевтическим вмешательствам, проводимым в домашней обстановке, внимания уделяется заметно меньше. Исследователи отме-

Работа выполнена в рамках научного проекта «Разработка программно-аппаратного комплекса для реабилитации пациентов с когнитивными и моторными нарушениями различной природы на основе мультимодальной биологической обратной связи», выполняемой в ФГБУ «НИИЦ ТПМ» Минздрава России в соответствии с государственным заданием Минздрава России № 123020600127-4 (2023–2025 гг.).

чают, что признание того, что проблемы осуществления ухода существуют как для пациентов, так и для их семей, важно для улучшения результатов лечения перенесенного заболевания [16]. После выписки из больницы большинству пациентов травмами, влекущими когнитивные нарушения, необходимо будет вернуться к своим семьям, чтобы получить необходимую помощь [20]. Члены семьи играют важную роль в восстановлении пациентов, потенциальной адаптации к новой норме здоровья или полной реабилитации [14]. Пациенты с тяжелыми травмами могут не восстановить свои прежние когнитивные способности, что влечет прекращение прежней их социальной роли, и определяет необходимость значительного объема ухода за ними [30].

Данная проблема ставит вопрос определения возможных рисков, связанных с мировоззренческими установками лиц, осуществляющих уход, и определения направления разработки подходов, позволяющих решить те или иные сложности, возникающие у них.

Положительные стороны реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями в домашней среде

Несмотря на меньший интерес исследователей к вопросам реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями за пределами медицинских учреждений, они отмечают особую роль домашних условий и семьи при уходе за пациентами. Исследователи отмечают, что семья играет важную роль в восстановлении психического и физического здоровья ее членов, поскольку здоровье одного члена семьи влияет на семью как на единое целое [27; 7; 17].

Как правило члены семьи играют ключевую роль в оказании помощи своим близким в выздоровлении, и этот процесс восстановления может занять значительное время. Начало ухода в больнице и осуществление ухода после выписки домой выступают важными вехами, определяющими успех реабилитации и исцеления после перенесенного заболевания или травмы. Дж.Е. Давидсон с соавт. отмечает, что и пациенты, и члены их семей должны преодолеть состояние физического и психологического разрушения, пытаясь вернуть себе прежнее «я» или адаптироваться к новой норме [11].

Исследователями делается вывод о предпочтительности реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями в домашних условиях. Опыт пациента, сформировавшийся в период до возникновения таких нарушений и рассматриваемый как «мозговой резерв» на нейронном уровне или «когнитивный резерв» на когнитивном уровне, может быть важным фактором в реабилитационном процессе [32; 33]. Реабилитационные мероприятия позволяют достичь более быстрого и успешно-

го результата, если они организованы таким образом, чтобы способствовать активации таких «резервов». Хотя такие процессы важны в формализованном реабилитационном обучении, они могут иметь такое же значение в неформальном «обучении», происходящем как часть повседневной деятельности пациента. Почти все пациенты знакомы с физической планировкой, а также бытовыми элементами домашней среды. Когда пациент находится в хорошо известном контексте дома и семьи, больше ресурсов на нейрокогнитивных уровнях, могут быть задействованы и, таким образом, станут доступными для реорганизационных процессов реабилитационного обучения (формализованного и неформального) [23]. Так, преимуществами домашней среды выступают возможность достижения более высокой интенсивности обучения, обобщение результатов реабилитации на повседневную жизнь пациента, задействование соответствующих нейрокогнитивных механизмов, которые составляют «сырьевой материал» реорганизационных процессов, ведущих к желаемому реабилитационному результату [23].

Реабилитация в домашней среде пациента несет с собой более высокую вероятность возможности им извлечь пользу в повседневных ситуациях. По мнению М. Смита с соавт. еще одним преимуществом реабилитации на дому и в обществе является то, что модель семейного взаимодействия, по-видимому, имеет меньшую тенденцию к изменению неадаптивным образом [34].

Еще одним явлением, рассматриваемым исследователями, выступает «спонтанное восстановление». Процесс восстановления определяется как «спонтанный», если пациент не подвергался определенным реабилитационным тренировочным процедурам в рассматриваемой когнитивной области. Явно или неявно «спонтанные» процессы восстановления в основном рассматриваются как независимые от опыта. Ряд таких независимых от опыта нейронных процессов действительно происходят в различных временных масштабах в течение посттравматического периода. Нейрокогнитивные реорганизации происходят всякий раз, когда человек пытается решить проблему [24]. А для пациента с травмой мозга попытки решить проблемы (более или менее конкретно связанные с рассматриваемой травмой) не ограничиваются формализованными реабилитационными мероприятиями. Неформальные «тренировочные» ситуации могут включать попытки общения с персоналом медицинских учреждений или членами семьи, попытки ориентироваться в непосредственном окружении или попытки управлять более или менее сложными механизмами, такими как бытовая техника. Если такое неформальное «обучение» в основном происходит в домашней обстановке пациента, результат может, обеспечить оптимальные долгосрочные эффекты [23].

Домашняя среда и семья имеют значительный потенциал при восстановлении человека, пострадавшего от любых психических или физических проблем. Поддержка семьи может помочь человеку справиться с психическими или физическими проблемами, а положительный настрой члена семьи помогает человеку оправиться от своих проблем.

Мировоззренческие установки окружения при реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями

Переживание тяжелого заболевания или травмы, повлекших когнитивные нарушения, может иметь долгосрочные последствия как для пациентов, так и для их семей. Последствия могут быть физическими, эмоциональными, психологическими и социальными, воздействуя не только на пациента, но и на его семью или ближайшее окружение в целом.

Социокультурный контекст и социокультурные особенности пациентов могут оказывать заметное влияние на реабилитацию пациентов с когнитивными нарушениями [4]. Исследование процесса реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями, участия в нем их окружения, и в целом информационного и культурного контекста, в котором находится пациент, предполагает обращение к теории социокультурного кода здоровья [2]. В его рамках выделяются такие компоненты как представление о здоровье и болезни, представление об ответственности за здоровье, доверие к сфере медицины и отдельным ее направлениям, общий уровень осведомленности о причинах заболеваний и способах лечения [1], отражающие мировоззренческие особенности каждого человека. Мировоззрение определяет поведение каждого человека, в том числе в вопросах оказания помощи и проявления заботы в отношении близких с тяжелыми заболеваниями, требующими постоянного ухода.

Вопрос об ответственности является одним из наиболее важных, так как от добросовестности осуществления ухода за пациентом зависит результативность реабилитации. Семья и друзья часто объединяются вокруг пациента, чтобы оказать поддержку во время пребывания в медицинском учреждении, но после выписки они часто возвращаются к своей собственной жизни, оставляя семью и близких родственников справляться с ситуацией, за счет их собственных ресурсов. Ответственность нередко находит гендерное выражение, при которой роль опекуна непропорционально ложится на женщин-супругов, мужчины-супруги часто испытывают трудности с оказанием ухода и сами нуждаются в большей поддержке [15]. Обязанности по уходу часто рассматриваются как следствие сыновнего долга.

Многие исследования подчеркивают значимость понимания родственниками и ближайшим окружением пациентов процесса лечения заболеваний и травм, влекущих когнитивные нарушения и последующего процесса реабилитации когнитивных способностей, а также последствий когнитивных нарушений [6; 16]. В случаях, когда пациенты поступают в отделение интенсивной терапии с первичной черепно-мозговой травмой (например, инсультом или черепно-мозговой травмой), семьи могут быть более подготовлены к когнитивным изменениям пострадавших родственников. Однако многие члены семьи удивляются произошедшим изменениям и не ожидают долгосрочных когнитивных и психологических последствий [16]. Родственникам важно понимать, что пожилые люди, с когнитивными нарушениями, вызванными различными заболеваниями, могут уже не вернуться к самостоятельной жизни. Нарушение интеллектуальных способностей может коснуться и молодых людей, проявляясь в неправильном пространственном распознавании или распознавании образов [9]. Исследования показывают, что около 50% пациентов перенесших серьезные заболевания или травмы, повлекшие когнитивные нарушения не возвращаются на работу после выздоровления, часто даже несмотря на отсутствие физических ограничений [25]. У больных с выраженными когнитивными нарушениями происходит изменение социального функционирования вплоть до признания их полной недееспособности [31].

Членам семей пациентов с когнитивными нарушениями приходится обеспечивать значительный объем непрофессиональной помощи, которой они ранее не были обучены. Поскольку большинство пациентов с когнитивными нарушениями после травм не могут обходиться без посторонней поддержки, лицам, осуществляющим за ними уход поручено оказывать необходимую физическую помощь. Опекающие люди также постоянно участвуют в любой текущей реабилитации пациентов, например, поощряя их выполнять физиотерапевтические упражнения и напоминая им о необходимости принимать лекарства. Более того, им приходится иметь дело со сложным поведением и сложными эмоциональными состояниями таких пациентов [12; 13; 21]. В случае же недостаточной ответственности, нежелания близких пациента осваивать новые навыки, возрастают риски оказания им недостаточного внимания и поддержки в реабилитационный период, что может замедлить восстановление когнитивных способностей.

Следует отметить, что перенесение когнитивного восстановления и других терапевтических действий в домашнюю среду может создавать дополнительные проблемы для структуры семьи и психологического благополучия всех ее членов. Существует обширный массив исследований о влиянии обязанности осуществления ухода за паци-

ентами с когнитивными нарушениями на самих лиц, осуществляющих за ними уход [6]. При этом часть лиц, осуществляющих уход, отмечала значительную нагрузку, стресс и недовольство своей жизнью [26]. Требования, возлагаемые на них, могут вызывать последствия, неблагоприятные для их собственного здоровья и благополучия. Так, например, возвращение родителя домой и выполнение детьми их обязанности по уходу за ним, может ставить под угрозу их эмоциональное и социальное благополучие.

По данным В.Г. Андерсона, симптомы тревоги и депрессии проявляются среди членов семьи, пока их близкие находятся в отделении интенсивной терапии, высокие уровни симптомов стресса, продолжают наблюдаться даже спустя 6 месяцев после выписки их родственника [8]. Через три месяца после выписки из отделения интенсивной терапии члены семьи сообщали об изменении качества своей жизни. В отличие от пациентов, перенесших тяжелое заболевание, у членов семьи не происходит изменений в качестве жизни, связанных с физическим здоровьем, но они сообщают о существенных нарушениях в психических компонентах качества жизни [22]. В частности, члены семей пациентов с когнитивными нарушениями могут испытывать значительное снижение социального функционирования, жизненной силы и психического здоровья. Т. Бакас с соавт. отмечают что члены семьи, занимающиеся уходом за больными с нарушением речевой функции, чаще отмечают депрессивные симптомы, снижение качества жизни и социального функционирования [10].

Реабилитация пациентов с когнитивными нарушениями влечет за собой увеличение финансовых издержек, что может поставить семьи в тяжелое положение [5]. Финансовый стресс становится обычным явлением таких семей [18]. Многие системы здравоохранения и медицинское страхование не покрывают расходы, связанные с реабилитацией после тяжелых заболеваний. В результате многие пациенты и их семьи испытывают не только эмоциональные и физические последствия, но и достаточно выраженные финансовые последствия [36].

Бремя ответственности иногда связано со стрессами в личных отношениях [35]. Хотя многие исследования выявили негативные последствия, есть также исследования, которые предполагают, что не все эффекты являются негативными. Например, некоторые семьи сообщают, что чувство ответственности и физические, эмоциональные и финансовые затраты связаны с источником личного удовлетворения. Уход также описывается как вознаграждающий, когда люди получают удовлетворение от предоставления сложного ухода, что само по себе может помочь смягчить стресс.

Перспективным направлением, предлагающим хотя бы частичное решение проблем ограничений

в отношении лиц, осуществляющих уход, и других ресурсов, является разработка методов компьютерного обучения [3; 19]. Компьютеризированные методы одновременно имеют то преимущество, что значительно снижают нагрузку как на персонал медицинских учреждений, так и на членов семей пациентов, обеспечивая процесс реабилитации в домашней обстановке пациента. Однако в данном случае также необходимо учитывать возможности окружения, осуществляющего уход, в том числе умение и готовность к использованию современных устройств.

Так, мировоззренческие особенности и ценностные ориентиры лиц, осуществляющих уход за пациентами с когнитивными нарушениями, во многом определяют особенности взаимоотношений с пациентами и готовность участвовать в реабилитационных мероприятиях, ускоряя или наоборот замедляя восстановление когнитивных способностей.

Заключение

Таким образом, оптимальный результат когнитивной реабилитации может быть получен путем дополнения когнитивного восстановления в медицинского учреждении условиями домашнего обучения пациента. Современное понимание нейрокогнитивных механизмов когнитивного функционального восстановления указывает на ряд полезных эффектов переноса максимально возможной части реабилитационного обучения из среды медицинского учреждения в более естественный и, в идеале, домашний контекст. Отмечается важность использования домашней среды в когнитивном реабилитационном обучении, в рамках которой семейно-ориентированная помощь и прямое участие членов семьи могут принести пользу пациентам во многих ситуациях.

Члены семьи не должны рассматриваться как пассивные наблюдатели, они должны выступать как партнеры по уходу, способные внести существенный вклад в психологическое и физическое благополучие пациентов. Однако такой подход предполагает выделение рисков, связанных с недостаточными компетенциями и мировоззренческими особенностями, препятствующими достижению необходимого результата. К таким рискам можно отнести недостаточные знания по реабилитации когнитивных нарушений и отсутствие соответствующих навыков по уходу, недостаточно ответственное отношение к возложенным обязанностям по реабилитации в силу общего недостатка ответственности или специфики взаимоотношений с человеком, нуждающимся в уходе, степень доверия медицине, медицинским учреждениям, лечащим врачам и их назначениям. Данные риски осложняются психоэмоциональными и финансовыми последствиями участия в уходе за пациентами с когнитивными нарушениями, следствием которых становится стресс, и нередко необходи-

мость оказания помощи уже самим лицам, осуществляющим уход.

Существующие риски ставят вопрос о целесообразности создания профильных служб в рамках системы здравоохранения, обеспечивающих информационную и психологическую поддержку лиц, осуществляющих уход за пациентами с когнитивными нарушениями, в том числе, в вопросах применения современных цифровых устройств и программ.

Литература

1. Драпкина О.М., Суворов В.В., Киселев А.П. Социокультурный код сферы здоровья: типология, изменчивость, возможность воздействия // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2024. Т. 68. № 4. С. 308–314.
2. Драпкина О.М., Суворов В.В., Уметов М.А., Суслов И.В., Киселев А.П. Социокультурный код здоровья как методологический подход // *Вестник Российской академии наук*. 2023. Т. 93. № 1. С. 50–57.
3. Нувахова М.Б., Кузюкова А.А. Аспекты постинсультной реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями // *Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры*. 2021. Т. 98. № 3–2. С. 141–142.
4. Суворов В.В., Киселев А.П. Воздействие социокультурного контекста на реабилитацию когнитивных нарушений // *Социология*. 2024. № 4. С. 125–135.
5. Суворов В.В., Киселев А.П. Социальные аспекты реабилитации когнитивных нарушений у лиц трудоспособного возраста // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 10. С. 14–18.
6. Adams D., Dahdah M. Coping and adaptive strategies of traumatic brain injury survivors and primary caregivers // *NeuroRehabilitation*. 2016. Т. 39. № 2. С. 223–237.
7. Ahlberg M., Persson C., Berterö C., Ågren S. Exploring family functioning and – hardness in families' experiencing adult intensive care – A cross-sectional study // *PLoS One*. 2023. Т. 18. № 7. С. 028–8149.
8. Anderson W.G., Arnold R.M., Angus D.C., et al. Posttraumatic stress and complicated grief in family members of patients in the intensive care unit // *J Gen Intern Med*. 2008. Т. 23. № 11. С. 1871–1876.
9. Andonegui G., Zelinski E.L., Schubert C.L., et al. Targeting inflammatory monocytes in sepsis-associated encephalopathy and long-term cognitive impairment // *JCI Insight*. 2018. Т. 3. № 9.
10. Bakas T., Kroenke K., Plue L.D., Perkins S.M., Williams L.S. Outcomes among family caregivers of aphasic versus nonaphasic stroke survivors // *Rehabil Nurs*. 2006. Т. 31. № 1. С. 33–42.
11. Davidson J.E., Jones C., Bienvenu O.J. Family response to critical illness: postintensive care syndrome-family // *Crit Care Med*. 2012. Т. 40. № 2. С. 618–624.
12. Doser K., Norup A. Family needs in the chronic phase after severe brain injury in Denmark // *Brain Inj*. 2014. Т. 28. № 10. С. 1230–1237.
13. Elliott C.S., Kajankova M., Murray N., Lu W., Kaplan E., Dijkers M.P. Empirically-supported programs for caregivers of adults with traumatic brain injury: a systematic review // *Arch Phys Med Rehabil*. 2015. Т. 96. № 10. С.: e117.
14. Erb C., Siegel M. Caring for the ICU survivor: the family caregiver burden // Stevens R., Hart N., Herridge M., eds. *Textbook of post-ICU medicine: the legacy of critical care*. Oxford (England): Oxford University Press. 2014. С. 108–122.
15. Foster M., Chaboyer W. Family carers of ICU survivors: a survey of the burden they experience // *Scand J Caring Sci*. 2003. Т. 17. № 3. С. 205–214.
16. Grant C.J., Doig L.F., Everson J., Foster N., Doig C.J. Impact of Patient and Family Involvement in Long-Term Outcomes // *Crit Care Nurs Clin North Am*. 2020. Т. 32. № 2. С. 227–242.
17. Jenkin T., Anderson V.A., D'Cruz K., Scheinberg A., Knight S. Family-centred service in paediatric acquired brain injury rehabilitation: Bridging the gaps. // *Front Rehabil Sci*. 2022. Т. 3. С. 108–5967.
18. Kamdar B.B., Huang M., Dinglas V.D., et al. Joblessness and lost earnings after acute respiratory distress syndrome in a 1-year national multicenter study // *Am J Respir Crit Care Med*. 2017. Т. 196. № 8. С. 1012–1020.
19. Khorev V., Kurkin S., Badarin A., Antipov V., Pitsik E., Andreev A., Grubov V., Drapkina O., Kiselev A., Hramov A. Review on the use of brain computer interface rehabilitation methods for treating mental and neurological conditions // *Journal of Integrative Neuroscience*. 2024. Т. 23. № 7. С. 125.
20. Kowlakowsky-Hayner K.A. Removing barriers to rehabilitation: theory-based family intervention in community settings after brain injury // *NeuroRehabilitation*. 2012. Т. 31. № 1. С. 75–83.
21. Kreuzer J.S., Marwitz J.H., Godwin E.E., Arango-Lasprilla J.C. Practical approaches to effective family intervention after brain injury // *J Head Trauma Rehabil*. 2010. Т. 25. № 2. Т. 113–120.
22. Lemiale V., Kentish-Barnes N., Chaize M., et al. Health-related quality of life in family members of intensive care unit patients // *J Palliat Med*. 2010. Т. 13. № 9. С. 1131–1137.
23. Mogensen J., Wulf-Andersen C. Home and family in cognitive rehabilitation after brain injury: Implementation of social reserves. // *NeuroRehabilitation*. 2017. Т. 41. № 2. С. 513–518.
24. Mogensen J. Reorganization of Elementary Functions (REF) after brain injury and in the intact brain: A novel understanding of neurocognitive organization and reorganization. In: Costa, J., Villalba, E., Eds. *Horizons in Neuroscience Research*. Vol. 15.

- New York: Nova Science Publishers, Inc., 2014. C. 99–140.
25. Norman BC, Jackson JC, Graves JA, et al. Employment outcomes after critical illness: an analysis of the bringing to light the risk factors and incidence of Impact of Patient and Family Involvement 239 neuropsychological dysfunction in ICU survivors cohort // *Crit Care Med.* 2016. T. 44. № 11. C. 2003–2009.
 26. Omar S.A., Zulkefly N.S., Mukhtar F. The Effectiveness of Brain Injury Family Intervention in Improving the Psychological Well-Being of Caregivers of Patients With Traumatic Brain Injury: Protocol for a Randomized Controlled Trial // *JMIR Res Protoc.* 2024. T. 13: C. e53692.
 27. Peng Y., Wang J., Sun G., Liu S. Family Hardiness in Patients with Heart Failure: Exploring Protective Factors and Identifying the Mediator // *Psychol Res Behav Manag.* 2021. T. 14. C. 355–364.
 28. Pierini D, Hoerold D. Back home after an acquired brain injury: building a “low-cost” team to provide theory-driven cognitive rehabilitation after routine interventions // *NeuroRehabilitation.* 2014. T. 34. № 1. C. 65–80.
 29. Portillo M.C., Cowley S. Social rehabilitation in long-term conditions: learning about the process // *J Adv Nurs.* 2011. T. 67. № 6. C. 1329–1340.
 30. Qadeer A., Khalid U., Amin M., Murtaza S., Khal-iq M.F., Shoab M. Caregiver’s burden of the patients with traumatic brain injury // *Cureus.* 2017. T. 9. № 8. C.e1590.
 31. Rohde D., Gaynor E., Large M., Mellon L., Hall P., Brewer L., Bennett K., Williams D., Dolan E., Callaly E., Hickey A. The Impact of Cognitive Impairment on Poststroke Outcomes: A 5-Year Follow-Up // *J Geriatr Psychiatry Neurol.* 2019. T. 32. № 5. C. 275–281.
 32. Scheibel R.S., Newsome M.R., Troyanskaya M., Steinberg J.L., Goldstein F.C., Mao H., Levin H.S. Effects of severity of traumatic brain injury and brain reserve on cognitive-control related brain activation // *Journal of Neurotrauma.* 2009. T. 26. C. 1447–1461.
 33. Schweizer T.A., Ware J., Fischer C.E., Craik F.I.M., Bialystok E. Bilingualism as a contributor to cognitive reserve: Evidence from brain atrophy in Alzheimer’s disease // *Cortex.* 2012. T. 48. C. 991–996.
 34. Smith M., Vaughan F., Cox L., McConville H., Roberts M., Stoddart S., Lew A. The impact of community rehabilitation for acquired brain injury on carer burden // *Journal of Head Trauma Rehabilitation.* 2006. T. 21. C. 76–81.
 35. Van Pelt D.C., Milbrandt E.B., Qin L., et al. Informal caregiver burden among survivors of prolonged mechanical ventilation // *Am J Respir Crit Care Med* 2007. T. 175. № 2. C. 16–173.
 36. Van Pelt D.C., Schulz R., Chelluri L., et al. Patient-specific, time-varying predictors of post-ICU informal caregiver burden: the caregiver outcomes after ICU discharge project // *Chest.* 2010. T. 137. № 1. C. 88–94.

THE INFLUENCE OF WORLDVIEW ASPECTS OF THE IMMEDIATE ENVIRONMENT OF PATIENTS WITH COGNITIVE IMPAIRMENT ON THEIR REHABILITATION¹

Suvorov V.V., Kiselev A.R.

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine

Rehabilitation of patients with cognitive impairments involves not only the participation of health workers and special medical methods, but also interaction with their immediate environment, the persons directly caring for them. Researchers note the importance of the patient’s stay at home for a faster restoration of previous cognitive abilities. At the same time, the worldview aspects of persons caring for patients with cognitive impairments carry risks that can manifest themselves in their negative impact on the recovery process of patients. Often, the environment does not meet the required level of knowledge and competence, responsibility, trust and commitment to treatment and rehabilitation methods and techniques. Not always can caregivers remain resistant to the development of stress or other mental disorders, which in turn can affect the quality of patient care. The solution to this problem can be both the development of special services that provide information and psychological support to people caring for their loved ones with cognitive impairments, and the development and implementation of modern digital devices and programs that allow compensating for insufficient or incorrect interaction of patients with their immediate environment.

Keywords: rehabilitation of cognitive impairments, worldview, patient care, sociocultural health code.

References

1. Drapkina O.M., Suvorov V.V., Kiselev A.R. Sociocultural code of the health sphere: typology, variability, possibility of impact // *Health care of the Russian Federation.* 2024. V. 68. № 4. PP. 308–314.
2. Drapkina O.M., Suvorov V.V., Umetov M.A., Suslov I.V., Kiselev A.R. Sociocultural health code as a methodological approach to social studies in the field of healthcare // *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2023. V. 93. № 1. PP. 50–57.
3. Nuvakhova M.B., Kuzuykova A.A. Aspects of post-stroke rehabilitation of patients with cognitive impairment // *Issues of balneology, physiotherapy and therapeutic physical culture.* 2021. V. 98. № 3–2. PP. 141–142.
4. Suvorov V.V., Kiselev A.R. The impact of sociocultural context on the rehabilitation of cognitive impairments // *Sociology.* 2024. № 4. PP. 125–135.
5. Suvorov V.V., Kiselev A.R. Social aspects of rehabilitation of cognitive impairments in people of working age // *Social and humanitarian knowledge.* 2023. № 10. PP. 14–18.
6. Adams D., Dahdah M. Coping and adaptive strategies of traumatic brain injury survivors and primary caregivers // *NeuroRehabilitation.* 2016. V. 39. № 2. PP. 223–237.
7. Ahlberg M., Persson C., Berterö C., Agren S. Exploring family functioning and – hardiness in families’ experiencing adult intensive care – A cross-sectional study // *PLoS One.* 2023. V. 18. № 7. PP. 028–8149.
8. Anderson W.G., Arnold R.M., Angus D.C., et al. Posttraumatic stress and complicated grief in family members of patients in the intensive care unit // *J Gen Intern Med.* 2008. V. 23. № 11. PP. 1871–1876.
9. Andonegui G., Zelinski E.L., Schubert C.L., et al. Targeting inflammatory monocytes in sepsis-associated encephalopathy

¹ The work was carried out within the framework of the scientific project “Development of a hardware and software complex for the rehabilitation of patients with cognitive and motor impairments of various origins based on multimodal biofeedback”, carried out at the Federal State Budgetary Institution “NMITs TPM” of the Ministry of Health of the Russian Federation in accordance with the state assignment of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 123020600127–4 (2023–2025).

- and long-term cognitive impairment // *JCI Insight*. 2018. V. 3. № 9.
10. Bakas T., Kroenke K., Plue L.D., Perkins S.M., Williams L.S. Outcomes among family caregivers of aphasic versus nonaphasic stroke survivors // *Rehabil Nurs*. 2006. V. 31. № 1. PP. 33–42.
 11. Davidson J.E., Jones C., Bienvenu O.J. Family response to critical illness: postintensive care syndrome-family // *Crit Care Med*. 2012. V. 40. № 2. PP. 618–624.
 12. Doser K., Norup A. Family needs in the chronic phase after severe brain injury in Denmark // *Brain Inj*. 2014. V. 28. № 10. PP. 1230–1237.
 13. Elliott C.S., Kajankova M., Murray N., Lu W., Kaplan E., Dijkers M.P. Empirically-supported programs for caregivers of adults with traumatic brain injury: a systematic review // *Arch Phys Med Rehab*. 2015. V. 96. № 10. PP.: e117.
 14. Erb C., Siegel M. Caring for the ICU survivor: the family caregiver burden // Stevens R., Hart N., Herridge M., eds. *Textbook of post-ICU medicine: the legacy of critical care*. Oxford (England): Oxford University Press. 2014. PP. 108–122.
 15. Foster M., Chaboyer W. Family carers of ICU survivors: a survey of the burden they experience // *Scand J Caring Sci*. 2003. V. 17. № 3. PP. 205–214.
 16. Grant C.J., Doig L.F., Everson J., Foster N., Doig C.J. Impact of Patient and Family Involvement in Long-Term Outcomes // *Crit Care Nurs Clin North Am*. 2020. V. 32. № 2. PP. 227–242.
 17. Jenkin T., Anderson V.A., D'Cruz K., Scheinberg A., Knight S. Family-centred service in paediatric acquired brain injury rehabilitation: Bridging the gaps. // *Front Rehabil Sci*. 2022. V. 3. PP. 108–5967.
 18. Kamdar B.B., Huang M., Dinglas V.D., et al. Joblessness and lost earnings after acute respiratory distress syndrome in a 1-year national multicenter study // *Am J Respir Crit Care Med*. 2017. V. 196. № 8. PP. 1012–1020.
 19. Khorev V., Kurkin S., Badarin A., Antipov V., Pitsik E., Andreev A., Grubov V., Drapkina O., Kiselev A., Hramov A. Review on the use of brain computer interface rehabilitation methods for treating mental and neurological conditions // *Journal of Integrative Neuroscience*. 2024. V. 23. № 7. PP. 125.
 20. Kowlakowsky-Hayner K.A. Removing barriers to rehabilitation: theory-based family intervention in community settings after brain injury // *NeuroRehabilitation*. 2012. V. 31. № 1. PP. 75–83.
 21. Kreuzer J.S., Marwitz J.H., Godwin E.E., Arango-Lasprilla J.C. Practical approaches to effective family intervention after brain injury // *J Head Trauma Rehabil*. 2010. V. 25. № 2. V. 113–120.
 22. Lemiale V., Kentish-Barnes N., Chaize M., et al. Health-related quality of life in family members of intensive care unit patients // *J Palliat Med*. 2010. V. 13. № 9. PP. 1131–1137.
 23. Mogensen J., Wulf-Andersen C. Home and family in cognitive rehabilitation after brain injury: Implementation of social reserves. // *NeuroRehabilitation*. 2017. V. 41. № 2. PP. 513–518.
 24. Mogensen J. Reorganization of Elementary Functions (REF) after brain injury and in the intact brain: A novel understanding of neurocognitive organization and reorganization. In: Costa, J., Villalba, E., Eds. *Horizons in Neuroscience Research*. Vol. 15. New York: Nova Science Publishers, Inc., 2014. PP. 99–140.
 25. Norman BC, Jackson JC, Graves JA, et al. Employment outcomes after critical illness: an analysis of the bringing to light the risk factors and incidence of Impact of Patient and Family Involvement 239 neuropsychological dysfunction in ICU survivors cohort // *Crit Care Med*. 2016. V. 44. № 11. PP. 2003–2009.
 26. Omar S.A., Zulkefly N.S., Mukhtar F. The Effectiveness of Brain Injury Family Intervention in Improving the Psychological Well-Being of Caregivers of Patients With Traumatic Brain Injury: Protocol for a Randomized Controlled Trial // *JMIR Res Protoc*. 2024. V. 13: PP. e53692.
 27. Peng Y., Wang J., Sun G., Liu S. Family Hardiness in Patients with Heart Failure: Exploring Protective Factors and Identifying the Mediator // *Psychol Res Behav Manag*. 2021. V. 14. PP. 355–364.
 28. Pierini D, Hoerold D. Back home after an acquired brain injury: building a “low-cost” team to provide theory-driven cognitive rehabilitation after routine interventions // *NeuroRehabilitation*. 2014. V. 34. № 1. PP. 65–80.
 29. Portillo M.C., Cowley S. Social rehabilitation in long-term conditions: learning about the process // *J Adv Nurs*. 2011. V. 67. № 6. PP. 1329–1340.
 30. Qadeer A., Khalid U., Amin M., Murtaza S., Khaliq M.F., Shoaib M. Caregiver's burden of the patients with traumatic brain injury // *Cureus*. 2017. V. 9. № 8. PP.e1590.
 31. Rohde D., Gaynor E., Large M., Mellon L., Hall P., Brewer L., Bennett K., Williams D., Dolan E., Callaly E., Hickey A. The Impact of Cognitive Impairment on Poststroke Outcomes: A 5-Year Follow-Up // *J Geriatr Psychiatry Neurol*. 2019. V. 32. № 5. PP. 275–281.
 32. Scheibel R.S., Newsome M.R., Troyanskaya M., Steinberg J.L., Goldstein F.C., Mao H., Levin H.S. Effects of severity of traumatic brain injury and brain reserve on cognitive-control related brain activation // *Journal of Neurotrauma*. 2009. V. 26. PP. 1447–1461.
 33. Schweizer T.A., Ware J., Fischer C.E., Craik F.I.M., Bialystok E. Bilingualism as a contributor to cognitive reserve: Evidence from brain atrophy in Alzheimer's disease // *Cortex*. 2012. V. 48. PP. 991–996.
 34. Smith M., Vaughan F., Cox L., McConville H., Roberts M., Stoddart S., Lew A. The impact of community rehabilitation for acquired brain injury on carer burden // *Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2006. V. 21. PP. 76–81.
 35. Van Pelt D.C., Milbrandt E.B., Qin L., et al. Informal caregiver burden among survivors of prolonged mechanical ventilation // *Am J Respir Crit Care Med* 2007. V. 175. № 2. PP. 16–173.
 36. Van Pelt D.C., Schulz R., Chelluri L., et al. Patient-specific, time-varying predictors of post-ICU informal caregiver burden: the caregiver outcomes after ICU discharge project // *Chest*. 2010. V. 137. № 1. PP. 88–94.

Исследование влияния семейного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае и России

Ян Цзинцзин,

независимый исследователь
E-mail: 1113148671@qq.com

В статье рассматривается влияние семейного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае и России, опираясь на сравнительный анализ двух культур. Исследование охватывает ключевые аспекты семейного воспитания, включая авторитарные, демократические и либеральные модели, и их влияние на психологическое состояние студентов, таких как уровень тревожности, стресс и психологическая адаптация. Внимание также уделяется социально-экономическому положению семьи и его воздействию на психическое здоровье студентов. В исследовании выявляются как универсальные, так и культурно-специфические факторы, определяющие влияние семейной среды на психическую устойчивость молодежи. Полученные данные подчеркивают важность эмоциональной поддержки и открытого общения в семье, а также необходимость разработки программ психологической помощи студентам с учетом культурных и социальных различий.

Ключевые слова: семейное воспитание, психическое здоровье, студенты, Китай, Россия, уровень стресса, социально-экономическое положение, авторитарное воспитание, демократическое воспитание, психологическая адаптация, кросс-культурный анализ.

Введение

Проблема психического здоровья студентов занимает центральное место в современных исследованиях в области психологии и педагогики. Студенческий возраст – это критический период становления личности, характеризующийся значительными эмоциональными и психическими нагрузками, вызванными не только академическими требованиями, но и социальными изменениями, которые студент переживает в процессе взросления. Одним из ключевых факторов, влияющих на психическое состояние студентов, является семейное воспитание, которое закладывает основы психологической устойчивости, формирует стратегии преодоления стресса и способствует развитию навыков социального взаимодействия. Семья, как основная ячейка общества, оказывает значительное влияние на формирование личности и психологического благополучия молодого человека. Особенности семейного воспитания в разных культурах могут существенно отличаться, что делает кросс-культурное исследование психического здоровья особенно актуальным¹.

В этом контексте важно изучить, как именно особенности семейного воспитания в двух разных культурах – российской и китайской – могут влиять на психическое здоровье студентов. Оба общества имеют свои уникальные социальные, экономические и культурные предпосылки, которые формируют подходы к воспитанию детей и молодежи. В Китае семейные традиции во многом обусловлены конфуцианскими ценностями, акцентирующими уважение к старшим. А также высокую степень ответственности перед семьей. В России, в свою очередь, существует сильная традиция коллективного воспитания и тесных внутрисемейных связей, однако современные социальные изменения приносят элементы индивидуализма и свободы в воспитательный процесс². Эти различия создают основу для исследования того, как культурные особенности семейного воспитания влияют на психологическое состояние студентов в двух странах, и позволяют сделать выводы о том, каким образом семейное окружение может способ-

¹ Нартова-Бочавер, С.К. Психическое здоровье студентов в современном обществе: кросс-культурный анализ // Вопросы психологии. – 2020. – № 6. – С. 34–45.

² Мещеряков, Б.Г. Семейные ценности и психическое здоровье подростков и студентов // Вестник психологии и педагогики. – 2019. – № 3. – С. 58–70.

ствовать либо препятствовать поддержанию психического здоровья.

Проблематика данного исследования заключается в необходимости глубокого анализа взаимосвязи между семейным воспитанием и психическим здоровьем студентов в России и Китае. Исследования, проведенные ранее, свидетельствуют о том, что семейные факторы, такие как эмоциональная поддержка, родительские ожидания и стиль воспитания, оказывают прямое влияние на уровень тревожности, депрессии и психосоциального благополучия студентов¹. Однако большинство работ в этой области сосредоточено на изучении данных факторов в пределах одной культуры, что ограничивает понимание кросс-культурных особенностей и специфики их влияния. Сравнительное исследование семейного воспитания в России и Китае позволит выявить различия и общие черты, которые могут играть роль в поддержании психического здоровья студентов, а также определить ключевые факторы, способствующие позитивному или негативному развитию.

Теоретические аспекты психического здоровья и его зависимости от семейных факторов

Психическое здоровье студентов является сложным и многослойным феноменом, который зависит от множества факторов, включая генетическую предрасположенность, личностные характеристики, социальное окружение и, в значительной степени, семейное воспитание. В теории психического здоровья семейные факторы занимают одно из центральных мест, так как семья является первым и наиболее важным институтом социализации. Взаимодействие с родителями, их стиль воспитания, уровень эмоциональной поддержки и ожиданий играют решающую роль в формировании устойчивости к стрессу и способности к саморегуляции у студентов². Исследования показывают, что семьи, характеризующиеся высоким уровнем поддержки и эмоциональной вовлеченности, способствуют развитию позитивных моделей поведения, снижают риск депрессии и тревожности и усиливают уверенность в себе у молодежи³. Наоборот, конфликтные и дисфункциональные семейные структуры могут привести к повышенному уровню стресса и развитию психических расстройств.

Семейные факторы оказывают значительное влияние на психическую адаптацию студентов к новым условиям, особенно в начале учебного процесса, когда молодой человек сталкивается с необходимостью самостоятельно принимать

важные решения, распределять время и справляться с академическими нагрузками. Исследования Байметова (2021) показывают, что студенты, выросшие в поддерживающих семьях с высоким уровнем эмоциональной вовлеченности, легче адаптируются к университетской жизни, проявляют большую устойчивость к стрессу и более успешны в социальном взаимодействии⁴. Кроме того, стиль воспитания родителей, включая авторитарный, либеральный и демократический подходы, оказывает непосредственное влияние на формирование личностных характеристик студентов, их способность к саморегуляции и решению проблемных ситуаций. Наиболее благоприятным для психического здоровья студентов считается демократический стиль воспитания, который сочетает высокую степень родительской поддержки с разумными ограничениями и требованиями. Таким образом, семейные факторы представляют собой важный детерминант психического здоровья студентов и играют ключевую роль в их адаптации к взрослой жизни.

Особенности семейного воспитания в китайской и российской культурах

Семейное воспитание в разных культурах варьируется в зависимости от исторических, культурных и социально-экономических условий, что делает кросс-культурное исследование психического здоровья студентов особенно важным. Китайская и российская модели воспитания демонстрируют ряд значительных различий, обусловленных традиционными ценностями и социальными нормами. В китайской культуре семейное воспитание во многом определяется конфуцианскими традициями, где акцент делается на коллективизм, иерархию в отношениях между старшими и младшими, а также на почтение к старшим и семейную лояльность. Родители в Китае стремятся контролировать важные аспекты жизни детей, начиная от учебы до выбора будущей профессии, что оказывает как положительное, так и негативное влияние на психическое здоровье студентов. Согласно исследованию Хуан Вэй (2018), строгие воспитательные нормы могут способствовать развитию высокого уровня ответственности и дисциплины, но также могут создавать повышенные уровни тревожности и стресса у студентов, которые ощущают чрезмерное давление со стороны семьи⁵.

В российской культуре семейное воспитание традиционно акцентирует внимание на эмоциональной поддержке и тесных связях внутри се-

¹ Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2007. – 487 с.

² Гребенников, Л.Р. Семья и психическое здоровье подростков и студентов. – М.: Педагогика, 2006. – 392 с.

³ Тихомиров, О.К. Модели семейного воспитания и их влияние на личностное развитие студентов // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 2. – С. 40–52.

⁴ Байметов, С.С. Влияние семейного воспитания на психологическую адаптацию студентов // Психология и педагогика в современном обществе. – 2021. – № 5. – С. 27–33.

⁵ Хуан Вэй (黄伟). Конфуцианские традиции и воспитание в семье: Влияние на психологическое развитие китайских студентов // Культурология и психология (文化心理学报). – 2018. – Т. 34, № 1. – С. 23–35.

ми. Однако в последние десятилетия под влиянием глобализации и социально-экономических изменений российские семьи начинают все больше привносить элементы индивидуализма в воспитание детей. Как показывает исследование Куликовой (2019), социально-экономические условия семьи оказывают значительное влияние на психическое здоровье студентов в России: семьи с высоким уровнем дохода и образовательной подготовки родителей чаще предоставляют детям больше автономии и эмоциональной поддержки, что способствует их психологическому благополучию¹. В то же время студенты из семей с низким уровнем дохода и меньшим уровнем родительского внимания чаще сталкиваются с трудностями адаптации к учебе и повышенным уровнем стресса. Важную роль также играет фактор межпоколенческих различий: родители, воспитывавшиеся в условиях советской системы коллективизма, часто продолжают воспитывать детей в духе тесной семейной поддержки, что в определенных случаях может приводить к конфликтам на фоне растущего индивидуализма молодежи.

Китайские студенты, согласно исследованиям Сунь Юйцзюня (2020), часто сталкиваются с психологическим напряжением из-за чрезмерных родительских ожиданий и необходимости соответствовать высоким стандартам, что способствует повышению уровня тревожности и снижению психологической устойчивости². В то же время в российских семьях большее внимание уделяется эмоциональной поддержке и самостоятельности, что позволяет студентам легче адаптироваться к стрессовым ситуациям. В целом, исследование семейного воспитания в контексте этих двух культур позволяет выявить значительные различия, которые оказывают влияние на психическое здоровье студентов, и делает очевидной необходимость учитывать культурные особенности в подходах к поддержке молодежи.

Методология исследования

В рамках данного исследования выборка участников составила студентов в возрасте от 18 до 25 лет, которые обучаются в высших учебных заведениях России и Китая. Этот возрастной диапазон был выбран с учетом того, что именно в период студенчества происходят важные изменения в психоэмоциональном состоянии молодежи, а также формируются ключевые навыки саморегуляции и устойчивости к стрессу. В исследовании участвовало 300 человек, по 150 студентов из каждой страны. Студенты были отобраны на основе случайной вы-

борки, что позволило избежать предвзятости в результатах. Важными критериями для участия в исследовании были наличие постоянного проживания в одной из стран на протяжении последних пяти лет, а также добровольное согласие на участие³. Участники исследования также не должны были иметь диагностированных психических заболеваний, что могло бы исказить результаты.

Методология исследования включала использование нескольких методов сбора данных для получения наиболее полной картины влияния семейного воспитания на психическое здоровье студентов. Основным методом было анкетирование, которое позволило собрать данные о типах семейного воспитания, уровнях эмоциональной поддержки и контроле со стороны родителей. Анкеты содержали как закрытые, так и открытые вопросы, что обеспечивало как количественный, так и качественный анализ данных. Помимо анкетирования, для более глубокого понимания были проведены полуструктурированные интервью с некоторыми студентами, которые позволили раскрыть субъективные аспекты восприятия семейного воспитания и его влияния на психоэмоциональное состояние. Психологические тесты, такие как шкала депрессии Бека и опросник тревожности Спилбергера, были использованы для оценки уровня психических состояний, таких как тревожность и депрессия⁴. Эти инструменты доказали свою надежность и валидность в исследованиях психического здоровья студентов.

Анализ данных осуществлялся с использованием методов как количественного, так и качественного анализа. Для количественных данных использовались методы описательной статистики, корреляционного анализа и регрессионного моделирования. Это позволило установить взаимосвязь между типами семейного воспитания и уровнем психического здоровья, а также выявить наиболее значимые предикторы психологической устойчивости студентов. Качественные данные, полученные в ходе интервью, были проанализированы методом тематического анализа, что позволило выявить ключевые темы, связанные с восприятием семейного воспитания в разных культурах и его влиянием на психическое состояние молодежи⁵. Сравнительный подход оказался необходимым для выявления различий между российской и китайской выборками, что дало возможность оценить культурные особенности воспитания и их связь с уровнем стресса и эмоциональной стабильности.

³ Линь Фань (林凡). Стиль семейного воспитания и его связь с уровнем стресса у студентов // Журнал педагогической психологии (教育心理学报). – 2019. – Т. 36, № 4. – С. 41–50.

⁴ Чэнь Сяомэй (陈晓梅). Влияние авторитарного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае // Психологические исследования (心理研究). – 2020. – Т. 45, № 5. – С. 30–42.

⁵ Зюзина, Т.М. Особенности семейного воспитания в России и его влияние на психическое здоровье молодежи // Педагогика и психология образования. – 2020. – № 4. – С. 56–67.

¹ Куликова, М.А. Влияние социально-экономических условий семьи на психическое здоровье студентов // Социология и психология образования. – 2019. – № 2. – С. 15–28.

² Сунь Юйцзюнь (孙玉君). Исследование роли семейного воспитания в формировании психологической устойчивости китайских студентов // Китайская психология (中国心理学). – 2020. – Т. 38, № 3. – С. 19–28.

Использование сравнительного подхода в данном исследовании является обоснованным и необходимым, так как он позволяет выявить особенности и различия в подходах к семейному воспитанию в России и Китае, а также их влияние на психическое здоровье студентов. Оба общества обладают уникальными культурными и историческими контекстами, которые формируют различные модели семейного взаимодействия. Сравнительный анализ позволяет глубже понять, как именно различные культурные установки и традиции могут способствовать или, наоборот, препятствовать психическому благополучию молодежи. К примеру, в китайской культуре доминирует авторитарный стиль воспитания, который, по данным Чэнь Сяомэй (2020), связан с высоким уровнем тревожности у студентов, особенно в тех случаях, когда родители оказывают чрезмерное давление в вопросах образования и карьеры¹. В России, напротив, воспитание чаще основывается на принципах эмоциональной поддержки, хотя социально-экономические факторы также играют важную роль в формировании психоэмоционального состояния студентов.

Сравнительный анализ данных двух стран позволяет не только выявить культурные различия, но и подчеркнуть универсальные факторы, которые оказывают влияние на психическое здоровье студентов независимо от их культурной принадлежности. Например, результаты анализа показывают, что в обеих странах семейные конфликты и недостаток эмоциональной поддержки негативно сказываются на уровне стресса и депрессии у студентов, что подтверждают исследования Васильевой (2019)². Одновременно, наличие тесных семейных связей и активное участие родителей в жизни студентов способствует повышению их психологической устойчивости. Таким образом, сравнительный подход не только позволяет лучше понять влияние культурных различий, но и предоставляет возможность разрабатывать универсальные рекомендации для поддержки психического здоровья студентов.

Результаты исследования

В ходе сравнительного анализа влияния семейного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае и России было выявлено несколько значительных различий и сходств, которые подтверждают важную роль культурных и социально-экономических факторов. Прежде всего, различия в стилях семейного воспитания оказали существенное влияние на эмоциональное состояние студен-

тов. В Китае преобладающим является авторитарный стиль воспитания, который характеризуется высоким уровнем родительского контроля и ожиданий. Этот стиль воспитания часто вызывает у студентов повышенную тревожность и стресс, что подтверждается исследованиями Чэнь Сяомэй. Студенты, воспитывавшиеся в семьях с авторитарным подходом, проявляли склонность к депрессивным состояниям и сниженной эмоциональной устойчивости.

В России, напротив, воспитание часто характеризуется большим уровнем эмоциональной поддержки и меньшим контролем. Семьи в России, как правило, уделяют больше внимания развитию независимости у детей, что способствует более высокому уровню психологической адаптации студентов. Тем не менее, в обеих странах наблюдалась важная роль семейных конфликтов: студенты, сталкивающиеся с регулярными конфликтами в семье, испытывали повышенные уровни тревожности и стресса, независимо от культурной принадлежности. Таким образом, конфликты в семье играют негативную роль в формировании психического здоровья студентов как в Китае, так и в России, что подтверждается и другими исследованиями.

Выявленные закономерности и различия

Результаты исследования показали, что влияние семейного воспитания на психическое здоровье студентов тесно связано с культурными особенностями. В Китае основным фактором стресса является давление со стороны родителей в вопросах образования и карьеры, что подтверждают исследования Хуан Вэя, который отмечает сильное влияние конфуцианских традиций. Родительские ожидания в китайских семьях часто сопровождаются жестким контролем и высоким уровнем дисциплины, что негативно сказывается на эмоциональном благополучии студентов.

В России же влияние семейного воспитания на психическое здоровье студентов выражено более мягко. Родители, как правило, предоставляют детям больше свободы в принятии решений и поддерживают эмоционально, что способствует развитию психологической устойчивости и способности справляться с жизненными трудностями. Однако важно отметить, что социально-экономическое положение семьи играет ключевую роль в обеих странах. Студенты из семей с низким уровнем дохода часто испытывают дополнительные стрессы, связанные с необходимостью зарабатывать на жизнь или помогать семье, что отрицательно сказывается на их психическом состоянии.

Анализ факторов, влияющих на психическое здоровье

Важным выводом исследования стало выявление факторов, которые способствуют позитивно-

¹ Чэнь Сяомэй (陈晓梅). Влияние авторитарного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае // Психологические исследования (心理研究). – 2020. – Т. 45, № 5. – С. 30–42.

² Васильева, М.В. Влияние семейных конфликтов на психическое состояние студентов в России // Российский журнал психологии и образования. – 2019. – № 7. – С. 78–89.

му или негативному психическому здоровью студентов в зависимости от особенностей семейного воспитания. В Китае положительное влияние на психическое здоровье студентов оказывают такие аспекты семейного воспитания, как наличие тесных семейных связей, поддержка со стороны родителей и наличие равновесия между контролем и эмоциональной поддержкой. Эти факторы помогают студентам справляться с высокими учебными нагрузками и адаптироваться к требовательным условиям обучения. В России ключевыми факторами, способствующими поддержке психического здоровья, являются эмоциональная поддержка родителей и их активное участие в жизни студентов. Особенно важным фактором является открытое общение и поддержка в принятии самостоятельных решений.

Однако среди негативных факторов в обеих странах можно выделить семейные конфликты и отсутствие эмоциональной поддержки, что ведет к развитию тревожных и депрессивных состояний у студентов. Кроме того, авторитарный стиль воспитания, характерный для китайских семей, часто сопровождается чувством подавленности у студентов, что в долгосрочной перспективе может привести к эмоциональному выгоранию. В России же негативным фактором является не столько стиль воспитания, сколько социально-экономические проблемы, такие как финансовые трудности в семье, что подтверждают исследования Куликовой.

Влияние социально-экономического положения семьи

Социально-экономическое положение семьи оказывает значительное влияние на психическое здоровье студентов как в России, так и в Китае. В обеих странах студенты из семей с низким уровнем дохода сталкиваются с дополнительными источниками стресса, такими как необходимость работы во время учебы, что отрицательно сказывается на их психическом здоровье. В России социально-экономическое неравенство выражено сильнее, что создает дополнительные барьеры для студентов из неблагополучных семей, в том числе ограниченный доступ к качественным образовательным ресурсам и психологической поддержке.

В Китае, несмотря на улучшение социально-экономического положения страны в последние десятилетия, студенты из семей с низким уровнем дохода также сталкиваются с трудностями в области психического здоровья, связанными с высоким давлением со стороны семьи и общества по поводу успешности в учебе и карьере¹. Многие из этих студентов испытывают чувство неполноценности и тревогу из-за необходимости соответствовать

высоким ожиданиям. Исследования также показали, что студенты из семей с высоким доходом, как в Китае, так и в России, имеют больше ресурсов для поддержания своего психического здоровья, включая доступ к психологической помощи и возможностям для развития².

Таким образом, социально-экономическое положение семьи является важным фактором, определяющим уровень психического здоровья студентов. Это подтверждает необходимость разработки мер поддержки для студентов из семей с низким уровнем дохода, которые сталкиваются с большими рисками развития психоэмоциональных проблем.

Заключение

Исследование влияния семейного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае и России позволяет сделать важные выводы относительно различий и сходств между этими двумя странами в аспекте психологической адаптации молодежи. На основании полученных данных можно утверждать, что характер семейного воспитания оказывает значительное влияние на уровень стресса и психическое состояние студентов. В Китае преобладает авторитарная модель воспитания, которая ассоциируется с более высоким уровнем тревожности и стресса среди студентов, в то время как в России более распространены демократические и либеральные подходы, которые способствуют более низкому уровню стресса и лучшей психологической адаптации.

Одним из ключевых факторов, влияющих на психическое здоровье студентов, является социально-экономическое положение семьи. В обеих странах студенты из семей с низким доходом подвержены более высокому уровню стресса и тревожности, что подтверждает значимость экономических факторов в формировании психического здоровья молодежи. В то же время семейные конфликты также оказывают сильное негативное влияние на психическое состояние студентов, как в России, так и в Китае.

Закономерности, выявленные в ходе исследования, показывают, что культурные особенности воспитания, такие как конфуцианские традиции в Китае или более индивидуалистический подход в России, существенно влияют на формирование психической устойчивости студентов. Однако универсальными факторами, влияющими на психическое здоровье, остаются эмоциональная поддержка, открытое общение в семье и экономическая стабильность.

Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшего изучения межкультурных различий в семейном воспитании и их влияния

¹ Чжан Лэй (张磊). Семейные ценности в Китае и их влияние на психическое здоровье молодежи // Журнал психологии развития (发展心理学报). – 2019. – Т. 37, № 2. – С. 54–65.

² Ли Хуэй (李慧). Психическое здоровье студентов и его зависимость от структуры семьи // Психология и социология образования (教育心理学报). – 2021. – Т. 39, № 3. – С. 12–22.

на психическое здоровье молодежи. Это поможет разработать более эффективные программы психологической поддержки для студентов, ориентированные на их культурные и социальные особенности, а также улучшить взаимодействие между семьями и образовательными учреждениями в вопросах психологического благополучия студентов.

Литература

1. Байметов, С.С. Влияние семейного воспитания на психологическую адаптацию студентов // Психология и педагогика в современном обществе. – 2021. – № 5. – С. 27–33.
2. Васильева, М.В. Влияние семейных конфликтов на психическое состояние студентов в России // Российский журнал психологии и образования. – 2019. – № 7. – С. 78–89.
3. Гребенников, Л.Р. Семья и психическое здоровье подростков и студентов. – М.: Педагогика, 2006. – 392 с.
4. Зюзина, Т.М. Особенности семейного воспитания в России и его влияние на психическое здоровье молодежи // Педагогика и психология образования. – 2020. – № 4. – С. 56–67.
5. Куликова, М.А. Влияние социально-экономических условий семьи на психическое здоровье студентов // Социология и психология образования. – 2019. – № 2. – С. 15–28.
6. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2007. – 487 с.
7. Ли Хуэй (李慧). Психическое здоровье студентов и его зависимость от структуры семьи // Психология и социология образования (教育心理学报). – 2021. – Т. 39, № 3. – С. 12–22.
8. Линь Фань (林凡). Стиль семейного воспитания и его связь с уровнем стресса у студентов // Журнал педагогической психологии (教育心理学报). – 2019. – Т. 36, № 4. – С. 41–50.
9. Мещеряков, Б.Г. Семейные ценности и психическое здоровье подростков и студентов // Вестник психологии и педагогики. – 2019. – № 3. – С. 58–70.
10. Нартова-Бочавер, С.К. Психическое здоровье студентов в современном обществе: кросс-культурный анализ // Вопросы психологии. – 2020. – № 6. – С. 34–45.
11. Сунь Юйцзюнь (孙玉君). Исследование роли семейного воспитания в формировании психологической устойчивости китайских студентов // Китайская психология (中国心理学). – 2020. – Т. 38, № 3. – С. 19–28.
12. Тихомиров, О.К. Модели семейного воспитания и их влияние на личностное развитие студентов // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 2. – С. 40–52.
13. Хуан Вэй (黄伟). Конфуцианские традиции и воспитание в семье: Влияние на психологическое развитие китайских студентов // Культур-

рология и психология (文化心理学报). – 2018. – Т. 34, № 1. – С. 23–35.

14. Чжан Лэй (张磊). Семейные ценности в Китае и их влияние на психическое здоровье молодежи // Журнал психологии развития (发展心理学报). – 2019. – Т. 37, № 2. – С. 54–65.
15. Чэнь Сяомэй (陈晓梅). Влияние авторитарного воспитания на психическое здоровье студентов в Китае // Психологические исследования (心理研究). – 2020. – Т. 45, № 5. – С. 30–42.

A STUDY ON THE IMPACT OF FAMILY UPBRINGING ON THE MENTAL HEALTH OF UNIVERSITY STUDENTS IN CHINA AND RUSSIA

Yan Jingjing

The article examines the impact of family upbringing on the mental health of students in China and Russia, based on a comparative analysis of the two cultures. The study covers key aspects of family upbringing, including authoritarian, democratic, and liberal models, and their influence on students' psychological well-being, such as levels of anxiety, stress, and psychological adaptation. Special attention is given to the socio-economic status of the family and its effect on students' mental health. The research identifies both universal and culturally specific factors that determine the influence of the family environment on the psychological resilience of young people. The findings highlight the importance of emotional support and open communication within the family, as well as the need to develop psychological assistance programs for students that take into account cultural and social differences.

Keywords: family upbringing, mental health, students, China, Russia, stress level, socio-economic status, authoritarian upbringing, democratic upbringing, psychological adaptation, cross-cultural analysis.

References

1. Baymetov, S.S. The influence of family education on the psychological adaptation of students // Psychology and pedagogy in modern society. – 2021. – No. 5. – P. 27–33.
2. Vasilyeva, M.V. The influence of family conflicts on the mental state of students in Russia // Russian Journal of Psychology and Education. – 2019. – No. 7. – P. 78–89.
3. Grebennikov, L.R. Family and mental health of adolescents and students. – M.: Pedagogy, 2006. – 392 p.
4. Zyuzina, T.M. Features of family education in Russia and its influence on the mental health of young people // Pedagogy and psychology of education. – 2020. – No. 4. – P. 56–67.
5. Kulikova, M.A. The influence of socio-economic conditions of the family on the mental health of students // Sociology and psychology of education. – 2019. – No. 2. – P. 15–28.
6. Leontiev, D.A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. – M.: Smysl, 2007. – 487 p.
7. Li Hui (李慧). Students' mental health and its dependence on family structure // Psychology and sociology of education (教育心理学报). – 2021. – Vol. 39, No. 3. – P. 12–22.
8. Lin Fan (林凡). Family Parenting Style and Its Relationship with Stress Level in Students // Journal of Educational Psychology (教育心理学报). – 2019. – Vol. 36, No. 4. – P. 41–50.
9. Meshcheryakov, B.G. Family Values and Mental Health of Adolescents and Students // Bulletin of Psychology and Pedagogy. – 2019. – No. 3. – P. 58–70.
10. Nartova-Bochaver, S.K. Mental Health of Students in Modern Society: Cross-Cultural Analysis // Questions of Psychology. – 2020. – No. 6. – P. 34–45.
11. Sun Yujun (孙玉君). A Study on the Role of Family Education in the Formation of Psychological Resilience of Chinese Students // Chinese Psychology (中国心理学). – 2020. – Vol. 38, No. 3. – P. 19–28.

12. Tikhomirov, O.K. Models of Family Education and Their Impact on the Personal Development of Students // Psychological Journal. – 2018. – Vol. 39, No. 2. – P. 40–52.
13. Huang Wei (黄伟). Confucian Traditions and Family Education: Impact on the Psychological Development of Chinese Students // Cultural Studies and Psychology (文化心理学报). – 2018. – Vol. 34, No. 1. – P. 23–35.
14. Zhang Lei (张磊). Family Values in China and Their Impact on Youth Mental Health // Journal of Developmental Psychology (发展心理学报). – 2019. – Vol. 37, No. 2. – P. 54–65.
15. Chen Xiaomei (陈晓梅). The Impact of Authoritarian Parenting on Students' Mental Health in China // Psychological Research (心理研究). – 2020. – Vol. 45, No. 5. – P. 30–42.